

Татьяна
Светлова

**Моя
Моего
Двойника**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Annotation

Париж... Ничто не предвещает беды. Но если ты всего-навсего подруга политика – ты уже в опасности. Ты видишь свое лицо в толпе. Кто эта девушка? Твой двойник или сестра-близнец? И кто стоит за взрывом автомобиля и убийством приемной матери? Может быть – одна влиятельная дама, некогда родившая девочек-двойняшек? Или ее бывший любовник, генерал КГБ, заметающий следы? Ольге жизненно необходимо найти ответы на эти вопросы, узнать истину...

Татьяна Гармаш-Роффе

Тайна моего двойника

ЧАСТЬ I

МОСКВА – ПАРИЖ

Глава 1

ПОЧТИ КАК У ТОЛСТОГО: ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ. НО ОЧЕНЬ КОРОТКО

В детстве я жутко комплексовала перед мерцающими женскими портретами в Третьяковке. Тонкие, нежно светящиеся овалы лиц, округлые покаты плеч, подернутые великолепными кружевами, не оставляли мне надежды. У меня отовсюду торчат косточки, а локти и колени такие острые, что об них можно уколоться. Моя мама, полненькая хлопотунья (в кого это я уродилась такая шкетка!), с сожалением в голосе говорила: худышка ты моя, личико-то у тебя еще ничего, а вот тельце – как у муравья! Бабушка, еще более кругленькая хохлушка, к которой я ездила в деревню под Полтавой, каждое лето горестно качала головой и называла меня «худорба», стараясь впихнуть в меня побольше сметаны и вареников. Папа не говорил ничего: они развелись с мамой, когда я была маленькая, и поскольку он был человеком сильно пьющим, то не интересовался ничем, кроме водки.

Но мне подвезло: подросла мода на худых, и ближе к концу школы я стала самой модной девочкой не только в классе. Не только потому, что я была худая. Я была высокая. И льняные – некрашенные, заметьте! – волосы спадали по моим худым плечам пышной гривой. Да и глаза у меня ничего... Голубые. Ресницы-то белые, брови тоже, и до старших классов я была бесцветна, как моль. Но потом освоила технику макияжа и...

Грудь уже круглилась под моей белой кружевной кофточкой, которую я нахально выдавала за «пионерскую». А короткая юбка открывала мои стройные и слегка синие ноги – кожа у меня белая и тонкая, вены просвечивают. Но летом – под загаром не заметно, а зимой – под чулками не видно. Кажется, это был последний год пионерских форм и пионерии вообще.

Примерно в том же возрасте, когда определилась моя внешность, определился и мой характер. Тоже не сразу и тоже неожиданно. А все дело в том, что мама сумела меня пристроить в английскую спецшколу. Уж не знаю, в чьи задницы маме пришлось делать уколы (она у меня медсестра), чтобы меня туда взяли... И я оказалась в революционной ситуации: бледная и худая пролетарка против буржуазии. Это были детки завмаг и завсклад, как говорил Райкин, – они переняли у своих родителей высокомерные замашки и фальшивые вежливые лица, они знали, как жить и как себя держать, какой надо вилок-ложкой-ножкой; они судили, по-старушечьи поджав губы: это вульгарно, это неприлично, – и косились трусливыми глазами на меня.

Трусливыми, потому что знали, что я могу и треснуть. Я была проста, как Ленин, который был прост, как правда.

Постепенно я все же научилась не обращать на них внимания, я научилась защищаться, я научилась не изменять себе и не терять достоинства в любых ситуациях. Было невероятно трудно всему этому научиться, но я, как птица Говорун в мультяшке, отличаюсь умом и сообразительностью. И потому однажды маленький гадкий и очень закомплексованный утенок превратился в лебедя, в королеву.

Со мной стали считаться, передо мной стали заискивать те самые девицы, которые раньше обливали меня презрением. Меня стали осыпать комплиментами – и какая я красивая, и какая прямая, и положиться на меня можно, и дружить со мной очень хочется...

Но теперь я не желала с ними дружить.

С парнями тоже – какая уж тут дружба, если ты являешься предметом восхищения и влюбленности почти всех пацанов от младших до старших классов! Причем без малейшей взаимности с моей стороны.

Мужчины вообще ко мне липли. В школе, во дворе, на улице, в транспорте. Передо мной тормозили машины, распахивались двери, и оттуда высовывались самодовольные морды «новых русских». Глядя на них, я клялась, что ничего общего со мной эти мужики иметь не будут!

И напрасно.

Дело было зимой. Я тогда училась в последнем классе, в одиннадцатом. Народ собирался на тусовку на старый Новый год, 1991-й, у одного из наших парней – богатенького сынка богатеньких родителей. Родителей дома не было – они ушли куда-то справлять, а нам предоставили свою квартиру.

Все было чудесно, мы ели, пили, танцевали, смеялись и целовались с парнями. Мне ужасно нравилось, что за мной ухаживают, что в меня влюблены, но мне никто не был интересен. Я не торопилась расставаться ни со своей невинностью, ни со своей свободой. У меня было все, что нужно для утешения моего девического самолюбия, кроме хорошей шубы – я донашивала старую цигейковую, маловатую и потертую, – и карманных денег. А красивые шмотки были – мне мама шила. Фирменно!

Из-за денег и из-за шубы я комплексовала. Немного. Самую малость.

В тот вечер я напилась. Нечаянно. Вдруг оказалось, что у меня кружится голова и меня начало пренеприятнейшим образом подташнивать. В темной комнате мотались разноцветные вспышки цветомузыки, я висела на шее у Вадика, хозяина квартиры, танцуя с ним медленный танец, и он прижимался ко мне, целуя за ухо, и я не сопротивлялась, потому что была самым искренним образом озабочена – мне становилось все хуже и хуже, и я боялась пошевелиться, пытаюсь сообразить, что можно предпринять в подобной ситуации. Потому я не сразу поняла, что в комнате произошло какое-то замешательство.

Все притихли и музыку приглушили.

Я оглянулась. В дверях комнаты, в ярком свете, падавшем из прихожей, стоял мужчина лет двадцати шести в дубленке нараспашку. И смотрел на Вадика и на меня.

– Дядя, – оторвав свою щеку от меня, сказал Вадик пьяно, – что ты здесь делаешь?

«Дядя» гаркнул весело:

– Здравствуйте, детишки! – и направился к нам, протянул мне руку: – Игорь. Дядя Вадика.

– Ольга, – сказала я кокетливо и вдруг поняла, что, хотя я уже не танцую, а стою на месте, комната продолжает кружиться. И еще я поняла: меня уже не подташнивает, а тошнит. – Пора расходиться, – сказала я сдавленно, – до свидания, мальчики, до свидания, девочки, до свидания, дядя!

И я кинулась к дверям квартиры – не хватало еще, чтобы меня вытошнило прямо на глазах у этого дяди!

Я ринулась вниз, по лестнице, из подъезда, в снег. За моей спиной неслись крики Вадима: «Постой! Ничего не кончилось! Ты не поняла! Дядя просто так зашел!» Это он, к счастью, ничего не понял, этот Вадим. Я содрогалась от рвоты.

Когда болезненные рывки внутри меня прекратились, я замела ногой снег на отвратительное розовое пятно – хорошо, что Вадиковы соседушки уже спят и никто, похоже, меня не видит! – и тут в поле моего зрения, на фоне белого снега, появилась рука в рыжем дубленочном рукаве и протянула мне чистый платок.

Я повернулась. «Дядя Игорь» стоял у меня за спиной, без улыбки и без заигрывания, и смотрел на меня.

– Все в порядке? – спросил он спокойно.

Я кивнула.

– Тебе надо что-нибудь выпить, чтобы убрать неприятный вкус во рту, – сказал он. – Садись. – И открыл дверцу машины, которая стояла у подъезда.

Меня бил озноб. Я хотела спросить, куда он собирается меня везти, но у меня не было сил. Он был не посторонний человек, все-таки дядя Вадима, и я доверилась его опеке. Не домой же мне было, в самом деле, идти на глаза к маме. Она потом полночи будет валокордин пить.

А приехали мы в ресторан. В такой ресторан, который я только в кино видела. Я даже не знала, что в Москве такие существуют.

Сначала подлетел гардеробщик и снял с меня мою старую позорную шубу – будто дорогой подарок развернул, бережно и осторожно. Потом подошел другой человек, в бабочке, сказал «добро пожаловать» и повел нас наверх, по лестнице, устланной ковром. Сверху доносилась музыка и вкусные запахи.

Зал был полон цветов в вазах. Играл оркестр. На площадке топтался разодетый танцующий народ.

Человек в бабочке провел нас за столик, кивнул, и его сменил усердный официант. Только теперь до меня дошло, что Игоря здесь, похоже, знают: здороваются с почтением, которое не афишируется, но чувствуется.

Игорь заказал себе какую-то еду, а мне... чаю с лимоном. Но мне ничего другого и не хотелось в тот момент, он угадал.

Я выпила два стакана, приходя в себя и рассеянно глядя на танцующих. Игорь изредка говорил что-то ненавязчивое. Он объяснил, что зашел к Вадику просто так, потому что был рядом, через два дома, у каких-то знакомых, и решил заглянуть к старшему брату, коим ему приходится отец Вадима. Еще он сказал, что пить вредно, вернее, пить как раз не вредно, но напиваться вредно. Потом стал объяснять, в какой момент нужно остановиться, чтобы не получилось слишком поздно. Потом спрашивал про школу, про то, что я собираюсь после школы делать (Что? Я сама не знала...), говорил про иностранные языки, про новое поколение, про рыночную экономику... Я смотрела на него и думала о том, что он относится к тому редкому типу блондинов, у которых волосы вьются мелко и густо, как у негра, отчего его русый и курчавый ежик стойко торчал без всяких лаков, придавая лицу голливудский аллюр. Серые глаза смотрели мягко, улыбка лучилась обаянием, и от ямочки на подбородке веяло добродушием... Симпатичный мужик, одним словом...

Я засыпала. Тепло от горячего чая разлилось по телу, озноб исчез, боль от спазмов прошла,

нервничать я тоже перестала, ну и глаза стали закрываться.

Игорь отвез меня домой и попрощался перед моим подъездом. Он ни на что не намекал, не просил ни свиданий, ни номера телефона, наоборот – он меня поблагодарил за вечер, как будто я его осчастливила тем, что меня стошнило на его глазах... Чудной!

А потом...

Примерно через неделю он появился на дороге от школы к дому. Он топтался на снегу, поджидая меня, и я узнала его издали, его дубленку, его волнистый русский ежик и его машину, припаркованную невдалеке. Это были белые «Жигули» какой-то последней модели, я в них не разбираюсь.

Он мне улыбнулся и шагнул навстречу.

– Как ты? – спросил он.

– Хорошо, спасибо. – Я скромно опустила глазки и слегка покраснела.

– Чувствуешь себя нормально?

– Нормально, – и иду себе, не сбавляя шага. Он за мной.

– Я, – говорит, – не хочу, чтобы ты обо мне плохо думала...

– С чего это мне... – вскинула я глаза.

Это уж скорее я должна была не хотеть, чтобы он обо мне плохо думал.

– погоди, не перебивай! ...плохо думала, но я принес тебе маленький подарок, он ждет тебя дома. Я твоей маме отдал.

– Подарок? Маме? И что она сказала?!

– Не волнуйся, я представился как посыльный.

Я с сомнением окинула его взглядом. Посыльный. В дубленке, без шапки (из машины-то можно себе позволить пройти десять метров по морозу!), с запахом дорогого одеколона и холеной бритой мордой, красивый молодой мужик... Бедная мама! Сколько валокордина она уже проглотила?

– Посыльный – от кого?

– Я сказал: велено доставить по вашему адресу для Ольги Самариной.

– Глупость. Моя мама к таким вещам не привыкла, ее инфаркт может хватить. И с какой это стати мне подарки? От вас?

– Видишь ли, Оля... – Он слегка сконфузился. – Я такой человек... Импульсивный, что ли... Ты – красивая девочка, мне попалась красивая вещица, как раз для тебя... Я не устоял. Ты не должна думать ничего плохого, из этого ровно ничего не следует. Этим я себе доставил удовольствие и прошу тебя – очень прошу – не отказываться... Мне это ничего не стоит и тебя, повторяю, ни к чему не обязывает... Ладно?

– Посмотрим, – сухо ответила я. – А адрес мой у вас откуда? Вадька снабдил?

Я была не на шутку сурова. Я очень старалась не показать, что мне понравилось, что мне дарят подарок.

Мы были возле моего подъезда. Он протянул руку, даже целоваться не полез.

Мама сидела в большой комнате и созерцала здоровый пакет в подарочной бумаге. Такую бумагу я видела впервые в жизни: она была красная, на ней были вытиснены золотые колокольчики и свечи с

золотыми огоньками. Мама сидела, уставившись на этот пакет, не смея, видимо, к нему прикоснуться.

– Аленка! – сказала она испуганно, будто внутри могла быть спрятана бомба. – Что это?

– Не знаю, – сказала я. – Один придурок прислал мне подарок.

– И что в нем? – с еще большим испугом спросила мама.

– Давай посмотрим, – предложила я.

Я долго, бережно разворачивала нарядную обертку, стараясь не порвать. Под ней была мягкая светлая бумага. Развернули и эту, уже не церемонясь.

И ахнули, и упали на стулья по обе стороны стола.

На столе легкой пушистой горкой лежала шуба из голубых песцов.

Чувствовать себя женщиной, которой дарят роскошные подарки, было приятно. Но... разумеется, мне следовало бы ее вернуть – больно уж дорога для ничего не значащего подарка. Я ждала Игоря с нетерпением, прикидывая, когда он объявится в следующий раз. Я придумала легкий, небрежный жест, с которым я отдам ему пакет с шубой, и суховатую, но и без лишнего, лицемерного нажима интонацию, с которой я скажу: я очень тронута, но это ни к чему.

Однако он не приходил. Я, конечно, ему поверила, когда он сказал, что меня это ни к чему не обязывает. Он не стал бы требовать «платы» натурой, он же не смуглый дядька с рынка. Но чтобы он совсем, ну совершенно ни на что не рассчитывал? Абсолютно не интересовался мной? В это я поверить не могла. Придет. Пусть через месяц, но придет.

Прошел и месяц, за ним потянулся другой.

Игоря я не искала, но и шубу не носила. Не знала, что делать. В конце февраля шарахнули такие морозы, что я решилась и надела шубку. Только один раз, она все равно была как новая, мне бы это не помешало ее вернуть...

Но Игорь не появлялся. Он не звонил, не стерег меня после школы.

Он пропал.

Через год, когда он появился снова на горизонте, было уже как-то нелепо отказываться. Я сказала ему: спасибо. За шубу, я имею в виду...

Он появился так, будто мы расстались только вчера. С какой-то непонятной уверенностью, что за этот год у меня не случился роман с кем-нибудь другим, словно я обещала ему ждать и вне всякого сомнения сдержала обещание. Появился снова под Новый год и пригласил на дискотеку. В новогоднюю ночь я идти отказалась – а с кем же будет встречать 1992 год мама? Зато на следующий день согласилась.

Он ухаживал красиво. Ненавязчиво, всегда оставляя какое-то неудовлетворенное желание побыть в его обществе еще.

Он был прав, меня только так и можно было взять.

Собственно говоря, когда мы с Игорем уже сблизились, я поняла, что основным его достоинством было знание психологии – он точно чувствовал самых разных людей и умел найти ключ к самым разным характерам. Видимо, имен – но благодаря этому качеству он так быстро сделал свою карьеру...

Не знаю, чем он занимался. В нем нуждались все – политики, банкиры, ученые. Его просили о каких-то услугах и коммунисты, и демократы, и старые чины, и новоиспеченные – люди самые разношерстные,

но видные. Он был вежлив и обаятелен со всеми, сдержан, не фамильярен, но очень мил. Меня эта его способность восхищала и завораживала. В нем был класс, и я влюбилась. Нравилось в нем решительно все: и его нужность всем, и его легкое обаяние, и умение сделать вашу жизнь красивой, и серьезность его загадочных дел. Мне нравилось, что он взрослый мужчина, а не мальчишка. Может, это шло от моей безотцовщины? Не знаю... Кому интересно, может почитать вместо моего романа труды доктора Фрейда.

К тому же в постели... Как бы выразиться по деликатнее... У Игоря и в этом деле был класс. Я не сумею объяснить, откуда я это знаю, опыта у меня не было. Отдаваясь ему, я была девственницей и только несколько раз целовалась с разными парнями... От них, от мальчишек, исходил детский запах. Их гладкие, юные, безволосые тела, нежная молодая кожа, неуклюже, отдельными волосками прорастающие бородки, их торопливые, нервные жесты, желание показать и доказать свою умелость вызывали во мне что-то сродни отвращению – мне начинало казаться, что мне самой этак лет тридцать, и я, старая развратница, соблазняю малолеток, пахнущих молоком.

Игорь же умел *все*, но не торопился демонстрировать свою просвещенность. Он терпеливо, нежно, шаг за шагом вел меня к тому, чтобы я сама открыла себя, свои желания, свое тело. И каждый новый день, каждая новая ночь были для меня открытием...

Короче, я в него влюбилась, и это обстоятельство перевернуло мою жизнь. Хотя нечего было и переворачивать. В институт – поступала я, как все придурки, на экономический – я провалилась. Записалась на подготовительные курсы, но мне было чудовищно скучно всем этим заниматься. Будущего своего я не видела, экономика мне представлялась делом исключительно тоскливым, но я знала, что надо получить образование и зарабатывать деньги...

Игорь вклинился в мои смутные и скучные планы предложением переехать к нему.

– Если хочешь, можем пожениться, – добавил он.

Он сказал это примерно таким голосом, которым предлагают сходить в кино. Если хочется. А можно и не ходить, если не хочется.

Я понимаю, он предложил как порядочный человек – на тот случай, если я девушка со старомодными взглядами. И женился бы, я думаю, если бы я сказала «хочу». Но я сказала:

– Не хочу. Давай сначала поживем вместе.

Я полагала, что следовало сначала присмотреться ко взрослой жизни, прежде чем брать на себя взрослые обязательства.

У него была однокомнатная, но большая и красиво обставленная квартира в «сталинском» доме недалеко от метро «Динамо», с кучей разных занятых и полезных штучек, приспособлений и механизмов. Стиральная машина меня потрясла: она все делала сама! Была у Игоря и посудомойка, и микроволновка, и прочая хитроумная техника, так что мои обязанности домашней хозяйки оказались совершенно необременительны, разве что пришлось поднапрячь мозги, чтобы научиться со всем этим арсеналом управляться. И к тому же Игорь покупал в недавно появившихся магазинах всякие импортные упаковки с готовыми и полуготовыми продуктами. Думаю, вы поймете мое потрясение и восторг.

Насчет моей учебы Игорь рассудил так: пока что нечего мучиться дурью и забивать себе голову тем, что неинтересно. Поживи, сказал он, со мной, пообщайся с разными людьми, реши, что тебе нравится, и тогда я тебя определю туда, где ты захочешь учиться.

Он так и сказал – «определю».

Подготовительные курсы я с радостью бросила, но зато записалась на компьютерные – по настоянию Игоря. После чего я предалась радостям своей новой жизни – комфортной и красивой жизни с любимым

человеком.

Мечта! Не правда ли?

К концу первого года нашей совместной мечты я продолжала быть неучем, не замужем и без всяких планов и идей насчет будущего. Меня устраивала та жизнь, которую я вела.

К концу второго года мое образование было ровно на том же месте, как и мой семейный статус. Все было по-прежнему, разве что только поведение Игоря немного изменилось... Он стал рассеянно-внимателен. То есть именно так: внимательный, но как-то рассеянно, мимоходом. Мимоходом – это значит, когда он ходил мимо меня. Но мимо меня он ходил редко, он все больше пробегал мимо кучи других, неведомых мне людей и дел. Я не особенно удивилась, я про такое слышала. Я поняла: мужчина – человек деловой. Он существует только тогда и потому, что у него есть Дело. Дело, которое он любит и за которое ему хорошо платят. Без такого Дела он ничто, просто существо, лишённое структуры и половых признаков, закомплексованное и агрессивное нечто. Дело для него – как дополнительный орган, который завершает его человеческо-половое формирование. И тогда... О, тогда-то в нем и появляется эта спокойная уверенность в себе, сила, снисходительность к слабым, благородное рыцарство. Все то, что так привлекает женское сердце.

Но все эти замечательные качества проявляются во всем своем блеске только до поры до времени. А именно до той поры, пока он не завоевал вас. Когда мужчине нужно завоевать женщину – это для него Дело. И на это Дело, на его успешное осуществление, он бросает все свои силы. Он не жалеет времени, он претя на другой конец города, чтобы на морозе подстеречь вас, он ждет вас, не считая минут, и делает подарки, не считая денег.

Но когда он вас завоевал – ситуация меняется. Вы уже больше не важное Дело, вы уже *законченное*, сделанное дело. Теперь у него нет времени на вас; теперь, если вы опаздываете, он начинает шипеть, что из-за этого срываются его другие, неотложные и важные Дела, теперь он взвешивает, стоит ли потратить некую сумму на ваши прихоти или лучше ее вложить в сегодняшние Дела.

Это вовсе не означает, что мы с Игорем перестали любить друг друга. Нет! Просто у нас, как я поняла, началась семейная жизнь.

Я смирилась, хотя мне стало немного скучно. Но Игорь молодец, он, как я вам уже сказала, тонко чувствовал ситуацию и старался вовремя предотвратить нежелательные для него явления. Он меня развлекал, мы часто выходили с ним на разные банкеты и приемы, в театры и на роскошные дачи к каким-то людям (тоже театр, я вам скажу!). Ему нравились мои колкие замечания, которые в качестве комментариев к увиденному я отпускала уже дома, наедине с ним – он меня выучил дипломатичности, и от нашей с Лениным простоты не осталось и следа.

И все же я скучала. Легонько, но скучала. Казалось бы, все есть: любовь – взаимная, красивая, освобожденная от тягостей быта, любовь, которую Игорь умело и незаметно поддерживал, разогревал, разнообразил выдумками в постели и в нашем совместном времяпровождении; были и деньги, и связанные с ними чудесные удовольствия: платья с аксессуарами для женской красоты, и выходы светские, на коих все это демонстрировалось, вызывая лютую зависть и теща мое женское тщеславие; и дом был уютный и комфортный, и взаимопонимание полное... Мы никогда не ссорились. Ну, почти никогда... Если ему что-либо не нравилось, он мне об этом мягко говорил. Обычно это касалось моей «шлифовки», как он выражался, сравнивая меня с неограниченным алмазом, который попал в руки к ювелиру; под ювелиром подразумевался, естественно, он сам. Бывало, что я с ним не соглашалась, и тогда он серьезно вникал в мои аргументы. Мне нравилось в нем отсутствие желания переспорить, оказаться во что бы то ни стало правым – если он и лидерствовал в нашем союзе, то делал это незаметно и тактично. Никогда предметом

раздоров не становилась пережаренная яичница или не оплаченный по рассеянности счет – до подобных мелочей Игорь не опускался, и я радовалась, зная от моих многострадальных подружек, что не так уж часто попадаются такие мужчины, как Игорь...

Короче, Игорь был идеальным мужчиной, мне страшно повезло, я была убеждена, что именно его я прождала всю свою юность, для него хранила свою душевную неприкосновенность и свою девственность и была вознаграждена: он дал мне все то, что мне виделось в моих смутных девичьих мечтах.

Я почти было решила выйти замуж за Игоря... Но ведь замужество означало бы, что эта жизнь продолжается, именно эта жизнь – которую я уже знала наизусть и которая мне... не то чтобы приелась, но как-то исчерпала свои возможности. Душа просила чего-то большего...

Неизвестно чего, разумеется. Кто может сказать, чего ему хочется? Все так понятно, когда люди приперты жизненными обстоятельствами и у них есть *необходимость* бороться – с болезнями, бедностью, когда они бьются за свое место под солнцем или в сердце другого человека... Это не легкая жизнь, но простая и ясная: цель конкретна, а обдумывание способов ее достижения заполняет все время и все умственное пространство. Заполняет жизнь, одним словом.

А вот когда не надо ничего добиваться? Когда уже все есть? И при этом чего-то не хватает?

Может, его, этого «чего-то», просто вообще не существует в природе?..

Отчего же мне казалось, что счастье все еще впереди? Разве все то, что у меня уже было, не было счастьем? Может быть, все дело в том, что Игорь мне слишком легко, без борьбы достался? Или это фокусы человеческой неблагодарной природы, выраженной поговоркой «что имеем, не храним, потерявши – плачем»?

...Должно быть, Игорь, как всегда, что-то учуял. И взял меня в Париж, куда собирался ехать по каким-то важным делам.

Он сказал, что было бы весьма разумно мой английский дополнить еще и французским, и притащил мне перед самым отъездом интенсивный курс французского языка.

Глава 2

ОТРАЖЕНИЕ ПОКИДАЕТ ЗЕРКАЛА

Кончался август 1995 года. Париж встретил нас жаркой ленивой негой отпускного периода. Было удивительно из московских августовских дождей и наступающих холодов, агонии нашего русского лета, попасть в солнечную, по-весеннему сочную зелень и цветы, в веселую пестроту витрин, магазинов и кафе, в толчею туристов на Елисейских Полях, залитых ярким летним солнцем. Город этот мне понравился сразу, и я с удовольствием бродила по нему, пока Игорь мотался по каким-то делам.

Вечерами мы гуляли или катались по Парижу на машине, которую Игорь взял в аренду, ходили ужинать на Елисейские Поля и на Итальянский Бульвар, частенько с какими-то людьми, причем русскими, из того самого разряда, с которым я клялась никогда не иметь дела... Удивительно, до чего они похожи друг на друга, у них даже затылки одинаковые: жирные и коротко стриженные, они одинаково тупо щетинились каким-то неуместно-мальчишеским, коротким ежиком...

Иногда мы ужинали с Игорем вдвоем – это было лучше всего. Вечерний воздух был тепл и влажен, народ толпами ходил по улицам, гоняли на роликах мальчишки, кафе и ресторанчики обдавали запахами снеди, за столиками, прямо на тротуарах, рассиживался праздный люд, глаза по сторонам, и черные официанты в длинных белых фартуках увертливо сновали между клиентами и прохожими. Мне было хорошо и как-то радостно в Париже. Внутри меня будто все улеглось, замерло, затихло...

Ну да, вы правильно поняли – как природа перед грозой.

В один из последних дней нашего десятидневного пребывания в Париже я, как уже повелось, слонялась днем по каким-то улицам... Я шла и глазела на витрины, а оттуда, вспыхивая время от времени в светлых глубинах зеркал, глазело на меня мое отражение, и мне оно очень нравилось: каждый раз, когда я на него взглядывала, оно мне улыбалось!

Так мы и шли, довольные друг другом.

Но потом произошло нечто странное. Мое отражение оказалось не справа от меня, а слева, на противоположной стороне улицы! И шло оно мне навстречу! Размахивая руками, как и я, но как-то уж очень независимо...

Оно шло само по себе!..

Только спустя несколько мгновений я сообразила, что и одето мое отражение не так, как я.

И совсем уж потом я вдруг поняла, что *это была не я*.

То есть это была я. Просто я шла отдельно от себя, не в витринах, а по тротуару напротив, шла с таким же лицом и с такими же волосами, только причесанными по-другому и одетая по-другому...

Меня было две, и я шла одновременно по разным сторонам улицы!

В общем, не так уж мало времени мне понадобилось, чтобы понять: по улице идет мой двойник. Точная копия!

Я смотрела, как замороженная. Не так уж часто удается увидеть со стороны, как ты выглядишь, как ты ходишь, как держишь голову, как откидываешь волосы... Это было очень необычно, но я себе понравилась. По-моему, я эффектная.

Когда я сообразила, что иду за своим отражением неизвестно куда и, в общем-то, неизвестно зачем,

мы были уже на перекрестке. Моя копия повернула за угол. Поразмыслив немного, я решила следовать за ней. Но нас разделял перекресток, красный свет на переходе... Дождавшись зеленого, я прибавила шагу и направилась в тот же переулок.

Поздно. Ее нигде не было. Я медленно прошла по улице, заглядывая сквозь прозрачные витрины в офисы и магазины...

Я ее не нашла.

Кто она? – гадала я, вернувшись в гостиницу. Откуда такое сходство? Мой двойник, похожий на меня как две капли воды? Или?..

У меня оставалось еще два дня в Париже, и меня тянуло вернуться на эту улочку, найти ее, увидеть ее (себя?) еще раз, спросить, что она думает о нашем необычайном сходстве... Но я так и не решилась. Из-за французского. Я была нема, безъязычна, и смысла в нашей встрече не было никакого.

Игорю я ничего не сказала. Мне почему-то казалось, что фраза типа: «знаешь, я видела сегодня девушку, похожую на меня» выглядит смешно и бессмысленно. Ну и что? – скажет Игорь. Ничего... Игорю я сказала другое. Что если где и изучать французский язык по-настоящему, то это в Париже. И что в Сорбонне есть специальный курс для иностранцев – это я узнала от одного русского паренька, с которым разговорилась в магазине. Правда, курс этот рассчитан на несколько месяцев, в течение которых нужно в Париже жить...

Игорь удивился. Пожал плечами. Подумал. И наконец сказал:

– Возьми все необходимые анкеты. А там посмотрим.

Это означало согласие.

Месяц в Москве, готовя свои документы для Сорбонны, я провела как в бреду. И постоянным сюжетом этого бреда была девушка, похожая на меня. Она мне снилась, я думала о ней повсюду, мысль о ней накрывала меня волной нервной судороги и жара. Я не понимала, что со мной происходит...

Не выдержав, я сказала как-то Игорю. Легко так, вроде невзначай, за завтраком:

– Представляешь, я видела в Париже девушку, похожую на меня как две капли воды! Я обалдела, когда ее увидела! До того похожа...

– Бывает, – ответил Игорь, допивая свой кофе уже стоя. – Я тебе позвоню часа в три.

Ну правильно. А на что я рассчитывала?

Тогда я и пристала к маме. Мама недоуменно пожимала плечами и заверяла, что никакой сестры-близняшки у меня нет и никогда не было. Что я родилась одна-единственная – ее дочка, ее дочурка, ее ребенок... Она почему-то расплакалась, потом пошла пить валокордин.

Конечно, мама могла так рассентиментальничаться из-за воспоминаний о маленьком пушистом бэбике, которым я была когда-то, когда умещалась в маминых руках, а теперь вымахала в здоровую дылду и к тому же переехала к Игорю, и мама скучает в одиночестве, ведь у нее никого, кроме меня, нет... Ну и так далее. Но что-то было все же подозрительное в ее валокордине...

Я сказала: «Мам, ну пожалуйста, скажи правду... Ты что-то недоговариваешь... Я ведь чувствую».

Мама покачала головой, глядя на меня укоризненно.

– Знаешь, почему мы развелись с твоим отцом? – заговорила она наконец. – Не только потому, что он пил. Но еще и потому, что он меня довел своей ревностью. Ты ведь на него не похожа... Совсем не похожа.

Ни чуточки.

Я молчала, не зная, что последует – или не последует? – за этим вступлением. Но мама замолчала. Наконец я отважилась:

– Скажи... отец действительно... мой?.. Или?..

Мама подняла на меня удивленные глаза и, заливаясь краской, как первоклассница, сказала твердо:

– Я твоему отцу не изменяла.

– Извини, мам, не думай, я просто спрашиваю, чтобы понять... Всяко бывает в жизни, – рассудила я философски.

Мама, кажется, удивилась еще больше моей мудрости. Потом улыбнулась и покачала головой:

– Но ты ведь и на меня не похожа. Никогда в твоём лице не промелькнуло сходства с кем-то из нас или хотя бы с дедушками-бабушками... Я наблюдала как медсестра целые семьи и знаю: родился младенец – ни на кого не похож, в год становится похож на папу, к десяти вдруг мама проявляется, к двадцати какая-нибудь бабушка или тетя... Или наоборот. Но ты – никогда, ни на кого. Понимаешь?

– Конечно. Но только что, по-твоему, следует из факта, что я ни на кого не похожа?

– Я иногда думаю, что тебя перепутали в роддоме, – вздохнула мама. – Я надеюсь, что ты не станешь из-за этого думать, что я тебя люблю меньше, чем могла бы любить родную дочь? – торопливо добавила она.

– Ты чего? С какой стати мне так думать? – Я искренне удивилась ходу ее мысли.

– Ты не знаешь, что бывает с детьми, которые узнают, что их усыновили... – снова вздохнула мама. – Случается даже, что они сбегают из дома. В других странах уже давно поняли, какой это шок, и с детства приучают ребенка к мысли, что у него приемные родители...

Ага, подумала я, в таком случае моя копия должна знать, что она приемная дочь...

И удивилась сама себе: я эту девушку уже зачислила в свои сестры! А ведь, строго говоря, я ее видела только несколько мгновений, да еще издалека!

– А у нас до сих пор хранят в тайне, – продолжала мама, – а потом – нате вам, приехали, от тебя родная мать отказалась, а мы тебя усыновили... Какая травма для юношеской психики!

– Ну я же не идиотка, – заверила я маму. – И психика у меня уже давно не юношеская. Так ты меня удочерила?

– Что ты! Нет, конечно. Я всегда думала, что ты моя дочь! Только иногда, глядя на тебя, начинала сомневаться, не перепутали ли тебя в роддоме.

– Я в каком роддоме родилась, между прочим?

– Имени Индиры Ганди.[\[1\]](#)

– Может, там можно посмотреть в старые архивы? Кто еще в тот же день родился, сравнить?

– Не хочу, – отрезала мама. – Ты моя дочь, и если тебя и перепутали, то значит, кто-то растит моего ребенка и любит его, как родного, ни о чем не догадываясь. Мне не нужен никакой другой ребенок, кроме тебя! И я не буду никого искать и разрушать чужое семейное счастье!

Моя милая мама, почему она так уверена, что у кого-то непременно должно быть счастье? Что кто-то так же любит чужого ребенка (считая его своим), как она меня?

Некоторое время мы молчали, созерцая друг друга в наступающих сумерках.

– У тебя зрачки расширяются, когда ты так смотришь, аж глаза черными делаются. – Мама передернула плечами, и я только сейчас сообразила, что, задумавшись, уставилась на нее, не мигая. – Тебе не нужно ли об очках подумать?

– Мам, нас не могли в роддоме перепутать. Если нас было две... Двойняшек не путают. А если бы и перепутали, тогда у тебя были бы чужие двойняшки вместо твоих, но сразу две штуки, а не одна из них. Понимаешь?

– Тем лучше, – пожала плечами мама. – Значит, эта девочка просто на тебя похожа.

Отчего-то день отъезда, который я так ждала и так торопила, мне оказался не в радость.

На сердце была какая-то тяжесть, словно дурное предчувствие. Я долго мучилась, пытаюсь понять, откуда оно исходит, но так и не сумела. И только в аэропорту, проходя таможенную зону, я поняла, в чем дело. Оглянувшись, чтобы еще раз помахать Игорю, я увидела написанное у него на лице *облегчение*.

Игорь был рад избавиться от меня!

Шевельнулась обида. И даже смутная ревность. В последние дни он очень много работал, приходил поздно, уставал, голова его была занята какими-то делами, и он едва замечал меня, не слышал, когда я с ним заговаривала... Единственное, что живо интересовало его, – это мой отъезд. Он мне помогал во всем, даже в складывании чемодана, словно ему не терпелось остаться одному, чтобы я перестала путаться под ногами, заговаривать с ним, когда он сосредоточен, спрашивать, когда придет с работы...

Кажется, я проиграла битву. Между мной и Делами Игорь выбрал не меня.

Промелькнула мысль: я покидаю свое место – в доме Игоря, в жизни Игоря, – и я больше никогда не займу его снова.

Я тогда еще не могла представить, как я была права.

Я тогда еще не могла представить, что происходило в душе Игоря...

* * *

Олин отъезд во Францию оказался Игорю очень кстати. Когда Оля ему выдала идею насчет Сорбонны, он даже не мог вообразить, как это будет кстати! Он согласился разлучиться с ней на несколько месяцев, потому что почувствовал: девочка начинает томиться. Ей нужна смена обстановки. Ведь для любви разлука – словно освежающий душ. Правда, если это разлука короткая.

Но теперь все сложилось как нельзя удачно. Вот уж несколько дней, как на него свалилось новое дело, и оно только начинало раскручиваться, по нему предстояло множество хлопот и разъездов, телефонных переговоров и встреч. Дело это не имело никакого отношения к его работе для партии Василия Константиновича, но Игорь взялся за него неспроста: в этом деле он мог показать себя с новой стороны. Свои таланты имиджмейкера и специалиста по связям с общественностью, свою способность убеждать и добиваться он уже давно доказал. Теперь у него была возможность показать себя не просто краснобаем и теоретиком, но аналитиком-практиком, детективом, способным размотать с крошечной зацепки всю цепочку.

Оле же лучше на всякий случай быть подальше на это время. С ее наивной прямолинейностью в сочетании с острой наблюдательностью она наверняка начала бы задавать вопросы. Он, конечно, многому ее научил, она стала куда сдержаннее и дипломатичнее, но эти ее новые качества распространялись только на внешнее общение, на посторонних людей. С Игорем она была по-прежнему откровенна и

открыта, по-прежнему прямолинейна...

Вот и хорошо: пусть пока поживет за границей, развлечется. Франция научит ее сдержанности, поможет Игорю в его воспитательных заботах. Когда Оля увидит, что ее непомерная открытость и непосредственность выглядят в глазах иностранцев невоспитанностью, неумением себя вести с достоинством, – она быстро сделает выводы. Оля девочка способная, а жизнь – учитель талантливый и учит куда быстрее и прочнее, чем любые разговоры на ту же тему...

Так что все действительно складывалось к лучшему.

Глава 3

В ПОИСКАХ ОТРАЖЕНИЯ

Я приехала в Париж в конце сентября, лил дождь. Довольно противный, мелкий осенний дождь. Меня встречал человек, с которым Игорь договорился, Владимир Петрович, – то ли из торгпредства, то ли из консульства, какой-то знакомый каких-то знакомых. Он отвез меня на квартиру, которую снял по просьбе Игоря, объяснил, как чего, и обещал заехать назавтра, чтобы отвезти в Сорбонну, где нужно было оформить мое поступление на курс, и в префектуру за студенческой визой.

Он ушел. Я осмотрелась. Квартирка была крохотулечная, таких маленьких у нас в России просто не бывает. Кухня отделена полустенком – не кухня, а кухонный закуток: плита на две конфорки, маленький холодильник, мойка и пара шкафчиков. Стола там не было, да он бы и не поместился на этом пятачке, где можно было, не сходя с места, достать до всего. В комнате же стол был и еще были раскладной диван, двустворчатый шкаф и этажерка с пятью книжками, какими-то вазочками и камешками, сухими цветочками и дешевой аудиотехникой. Крошечный телевизор стоял на тумбочке у дивана. И еще был совместный санузел и вешалка в... чуть не сказала – прихожей. Не было там прихожей. Входная дверь открывалась прямо в комнату, и возле нее была вешалка. Вот и все. Это называется «студио». Тут предстояло мне жить несколько месяцев.

Одиночество сразу же сомкнулось вокруг меня, как темная вода, лишь только мою квартиру покинул услужливый и малоразговорчивый Владимир Петрович. Оно словно материализовалось из плохо освещенных углов и сгустилось, удушливо и плотно, заполнив собой пространство моего маленького жилища. И я не знала, что с ним делать. Слишком уж оно было непривычным.

Я человек очень беспечный, отношусь ко всему легко, мне все всегда нормально и все сойдет: погода никогда не омрачает моего настроения, отсутствие денег не портит мне жизнь, неприятности меня не удручают (хотя серьезных неприятностей у меня никогда не было), проявления несовершенства человеческой природы в виде всплесков эгоизма, зависти или жмотничества меня не раздражают – во всяком случае, до определенной поры, пока их не слишком много... Короче, у меня легкий характер. Потому-то мои подружки, чуть что, спешают ко мне – плакаться в жилетку. У меня ведь все всегда хорошо, и к тому же я, отличаясь умом и сообразительностью, всегда готова дать дельный совет, а мое терпение и участие просто безграничны.

Но у меня так и не появилось подруг для себя. Таких, чтобы я могла рассказать все-все и попросить совета. Впрочем, может, это оттого, что в советах я не нуждалась и необходимости плакаться в жилетку не испытывала. Я забыла вам сказать, что я еще и очень самоуверенная. То есть – уверенная в себе особа. Из чего следует, что я не слишком в них и нуждалась, в подругах. Но зато я всю жизнь жила с мамой, моей лучшей и любимой собеседницей и советчицей, а потом сразу из теплого маминого дома попала к Игорю, который мне заменял всех.

Поэтому я никогда не чувствовала себя одинокой. Я просто не знала, что это такое. И даже не могла предвидеть, что способна испытывать это отвратительно-тоскливое чувство, эту звериную тоску, которая гонит на улицу, подальше от замкнутых чужих стен, куда угодно, в любое пространство, где есть люди.

Я подошла к окну. Густой синий вечер уже опустился на Париж, его фонари отражались в мокрой черноте тротуаров, через неровную завесу дождя дрожал золотой силуэт Эйфелевой башни, стайей летучих мышей распростились над головами прохожих ребристо-когтистые зонты, втекавшие в зазывно

разверстые, светлые утробы ресторанов и магазинов...

Я, разумеется, никуда не пошла. Было бы безумием отправиться одной, не зная ни города, ни языка, на вечернюю прогулку. Поэтому, как благоразумная девочка, я позвонила Игорю, отчиталась об успешном прибытии, разложила в шкафу свои вещи и, приняв ванну, отправилась спать.

В Москве я думала, что в первый же свободный день отправлюсь на ту улочку, где исчез мой двойник.

Однако на исходе первой недели, которую я потратила на всякие необходимые бумажки, я поняла, что пока еще не готова к приключениям. Все в этом городе было чужим, все пугало. Хотя при поступлении в Сорбонну мой уровень французского оценили как начальный (а не нулевой, спасибо «интенсивному курсу» и моим способностям к языкам!), мне было очень страшно заговаривать на улице, даже просто для того, чтобы спросить дорогу. Когда мы были здесь с Игорем, я чувствовала себя туристкой со всеми причитающимися туристу правами и изначально прощенными слабостями в виде незнания языка или неумения ориентироваться в городе. Теперь же я оказалась жительницей Парижа, пусть временной, но жительницей. Каким-то неведомым образом этот факт накладывал на меня ответственность, требовал соответствия городу и стране, – а я им отчаянно не соответствовала. Мне не хотелось выходить на улицу, страшно было войти в метро, стыдно путаться в незнакомых деньгах, и даже при слове «бонжур» я почему-то заливалась краской. Прошло больше месяца, прежде чем я отважилась отправиться на поиски моего таинственного двойника.

Не могу сказать, что я расхрабрилась за это время окончательно, но все-таки не зря я училась в Сорбонне. Не только уроки языка, но и необходимость говорить по-французски с остальными студентами – там ведь все были, как и я, иностранцами! – сильно помогли мне. Чувство страха и чудовищного зажима прошло, в метро я уже ориентировалась прилично, была в состоянии объяснить в магазине и без особых затруднений отсчитать нужную сумму. Правда, я предпочитала расплачиваться кредитной карточкой, которую мне дал Игорь и на которую регулярно поступали от него деньги – ни считать, ни переговариваться с продавцом не надо...

Сначала я хотела доверить свой секрет Джонатану. Это англичанин, который, как и я, приехал в Сорбонну изучать французский язык. Только с той разницей, что он уже закончил высшую школу управления у себя в Англии, и теперь ему для счастья понадобился французский язык. Вообще они меня поражают, эти иностранцы: едва ли не половина студентов на моем курсе приехали учить французский за бешеные деньги просто так, на всякий случай. Для собственного удовольствия.

Джонатан – мой приятель. Мы с ним подружились. Я сразу заметила этого парня: высокий, плечи широкие, узкие бедра – он был замечен издали. При ближайшем рассмотрении к его классически-безупречному сложению добавилась необычность лица: очень белая кожа с не исчезающим никогда тонким румянцем на скулах; прямые темные волосы, элегантно подстриженные; светлые прозрачные глаза, резко подчеркнутые черными ресницами, будто накрашенными; прямой нос, разлетевшийся книзу энергичным вырезом ноздрей... Акварельная тонкость его черт была неожиданной и удивительной в тяжелом контуре лица, волевого и достаточно непроницаемого, высокий лоб свидетельствовал об эмоциональности и развитом воображении... Впрочем, Джонатан, при своем сдержанном характере, никогда не демонстрировал ни того, ни другого. Невозмутимый и холодный, он прозрачно смотрел сквозь меня, когда я впервые заговорила с ним по какому-то учебному поводу. Я даже, помнится, подумала: «голубой», должно быть. Такие красивые мальчики с породистыми утонченными лицами часто бывают гомосексуалистами...

Но потом я стала чувствовать его беглые, едва касающиеся меня взгляды, которые вроде бы не выражали ничего, но сопровождали меня повсюду.

Я сделала вид, что не замечаю. Понемножку мы стали общаться и даже подружились, если это слово можно приложить к отношениям такого рода. Я ему нравлюсь, я это чувствую, но он мне об этом ничего не говорит и никаких попыток сблизиться со мной не делает. Ну и ладно, так проще. У нас славные дружеские отношения, и меня это очень устраивает. Несмотря на его сдержанность, мне с ним легко. Он умеет слушать, и наше общение заключается в том, что я щебечу на своем посредственном (как вдруг оказалось) английском, а он кивает, подтверждая, что понимает и вроде бы даже разделяет мои мысли, если таковые вдруг проскакивают, а также изредка поправляет мои ошибки в английском – по моей настойчивой просьбе.

В общем, кажется, у меня впервые в моей жизни появился просто приятель мужского полу.

Я раздумывала, не сказать ли ему об этой странной встрече с девушкой, похожей на меня, и не взять ли его с собой на поиски. Но по какому-то, не совсем ясному мне самой, поводу я решила, что это дело мое личное и почти интимное. И посторонним тут не место.

К этой акции я подготовилась основательно. Все продумав и взвесив, я решила, что самым разумным будет не привлекать к себе внимания. Если я ее увижу, то она, возможно, не обратит на меня внимания, что мне позволит немножко последить за ней... Понять, что она делает на этой улице, сосредоточиться и решить, как мне действовать.

Найдя одежду попроще и побесцветнее – старенькие джинсы и серый свитерок, я собрала волосы в конский хвост, а затем, по зрелом размышлении, прихватила их в пучок, обернув черной бархатной «шущу», и решила обойтись без макияжа (помните? – когда не крашусь, я моль бесцветная).

Но я просчиталась. Я не учла, что француженки очень мало красятся и одеваются черно-серо, во что-то висящее и бесформенное. Мужчины-французы привыкли вглядываться в лица, их наметанный глаз быстро выхватывает из бесцветных «молей» хорошеньких девушек. А с моим-то ростом среди мелких француженок...

Но, однако, все обошлось – одетая, как рядовая французская девица, я, по крайней мере, не бросалась в глаза за три километра. И на протяжении всего пути никто не попытался со мной познакомиться. Французы вообще-то довольно сдержанны, они внаглую никогда не рассматривают женщин на улице и никогда не знакомятся нахрапом, а так, вроде случайно пытаются обменяться с вами репликами. И если вы ответите, то завязывается легкий разговор, потом возникает чашечка кофе – в кафе, разумеется, потому что тут никто в первый день не попытается затащить вас к себе! – ну а дальше как получится... Так вот, никто не попытался со мной познакомиться в этот «ненакрашенный» день. Я даже слегка обеспокоилась и некоторое время, плутая по бесконечным переходам метро, размышляла о «психологических особенностях восприятия женского макияжа мужчинами».

У меня подгибались колени, когда я повернула в заветный переулок – словно за углом меня уже ожидало мое отражение. Ничего подобного, разумеется, не произошло. Я прошлась, вглядываясь в прохожих, стеклянные витрины, но ничего интересного не заметила. Я растерялась. А на что я, собственно, рассчитывала?

Но я знала: эта девушка скрылась в одном из зданий, выходящих в переулок. Просто потому, что покинуть его она бы не успела за те несколько коротких минут, в которые я ее догнала. Значит, у меня есть шанс ее найти.

Растерянно постояв какое-то время посреди тротуара, я посторонилась, пропуская двух прохожих, и это позволило мне слегка прийти в себя. На улице стало неожиданно многолюдно. Из соседних дверей появилось еще трое, из дверей напротив – двое, чуть дальше снова открылись двери, выпустив на прохладный воздух группу людей. Я взглянула на часы: ясно, наступил обеденный перерыв. Народ

вываливается наружу и направляется в ближайшие кафе, чтобы перекусить... Может быть, сейчас и моя копия появится? Если она работает на этой улице, она непременно пойдет обедать! Конечно, она могла, не выходя из конторы, съесть свой бутерброд, взяв стаканчик в кофейном автомате... Конечно, могло быть и так, что она на этой улице оказалась случайно... Тогда мне ее не подстеречь. Или она живет здесь... И обедает дома... И все же у меня был шанс! Следовало его использовать.

Я крутилась направо и налево, мешая прохожим – некоторые взглядывали на меня с любопытством. Мне понадобилось не больше двух минут, чтобы понять, что я действую неправильно. В этой разом образовавшейся толчее я ее наверняка упущу, не говоря уж о том, что она уже могла зайти в какое-нибудь кафе до моего прихода, и было бы куда разумнее заглянуть в эти кафе.

Проследив глазами направление движения оголодавшего служивого народа, я обозначила для себя три основных пицеточки; я решила начать с кафе, выходящих в переулок.

Первое было набито битком. «Сожалею, мадемуазель, – расторопный черноглазый официант глянул на меня доброжелательно, – но мест нет». Я кивнула, мол, понятное дело, и, обежав глазами маленький зальчик, убедилась, что никого похожего на меня здесь нет.

Следующее кафе было не просто набито битком, но еще и очередь стояла из четырех человек. Пристроившись в хвост, я рассмотрела сидящих в зале – опять мимо. Возле стойки бара был арочный вход в соседний зал, который не просматривался с моей наблюдательной позиции. Помявшись, я набралась наглости и, обойдя очередь, направилась напрямиком в соседний зал. Официант в белом фартуке увернулся от меня с подносом грязной посуды и сказал: «Туалет направо и вниз, мадемуазель». – «Мерси», – улыбнулась я ему и повернулась к выходу. Второй зал меня ничем не заинтересовал.

Третья кафешка была поскромнее и попроще. В ней было несколько свободных мест, но и здесь не было моего двойника. Я снова оказалась на улице.

В раздумье я пустилась вниз по переулку, вышла на широкую авеню и повернула наугад налево. Кафе и ресторанчики гирляндой разноцветных навесов тянулись вдоль проспекта, – чтобы обойти их все, обеденного перерыва не хватит! Однако выбора у меня не было, и, утешив себя тем, что я могу вернуться сюда в другой день, я начала обходить кафе по левую сторону авеню.

Когда кафе стали пустеть, я поняла, что обеденное время заканчивается. Смысла в моих дальнейших поисках не было. И все же я решила вернуться в переулок в надежде, что, может, мне повезет и я застану ее входящей в какой-то подъезд... Я двинулась в обратном направлении. «Salut, – прокричал кому-то за моей спиной веселый голос. – Ça va? – Меня догоняли шаги, и через секунду какой-то молодой человек показался у моего левого плеча. – Qu'est que tu as? – спросил он ошарашенно, заглянув в мое лицо. – Tu as drôle de tête... Oh, excusez-moi, je me suis trompé...»^[2] И он умчался вперед, весьма смущенный.

Теперь, по крайней мере, я была уверена, что найду ее на этой улице. Рано или поздно.

Две недели настраивала я себя на дальнейшие поиски. Одиночество, которое с первого же вечера отравляло мне жизнь, постоянно подбивая отправиться вечером погулять по оживленным улицам, сменилось взбудораженной бессонницей. Я представляла себе, что ей скажу, как скажу... Ничего толком не получалось: слова были идиотскими, бессмысленными. «Привет, ты заметила, как мы с тобой похожи?» Ха-ха, какая непринужденность! «Ой, кажется, у нас что-то общее во внешности». Фальшиво и противно. «Слушай, никак не могу понять, это ты мой двойник или я – твой?» Сдохнуть можно...

По правде говоря, мне не хотелось снова идти на эту улицу, где я могла встретить не только ее отражение, но и людей, которые ее знают. Как себя вести, как реагировать на приветствия, обращенные не ко мне? «Вы обознались, месье». «Вы меня принимаете за кого-то другого, мадемуазель». Или: «Привет, а

ты как поживаешь?»

Наконец мне осточертело об этом думать, и я решила положиться на судьбу и природную сообразительность.

Едва я свернула в переулок, вертя по сторонам головой в ожидании выхода служащих, охваченных жадной подкрепиться, как какой-то парень окликнул меня – ошибки не было, он смотрел мне прямо в глаза: «Хай, Шерил!»

– Хай, – ответила я растерянно.

– How are you?

– Fine, thank you... – И только тут до меня дошло, что мы говорим по-английски, а не по-французски!

Боясь продолжения разговора, я юркнула в ближайшее кафе. Парень удивленно посмотрел мне вслед.

Кафе еще не успело наполниться, и свободные столики были. Я заказала кофе. Я уже не хотела вылавливать в голодном потоке моего двойника – у меня тряслись поджилки. Кроме того, мне надо было переварить услышанное.

Итак, мое отражение зовут Шерил, в этом нет никаких сомнений. С кем еще он мог меня перепутать? Значит, Шерил. Далее, она англичанка. Или американка. Иначе почему бы он заговорил со мной по-английски? Хотя тот, первый парень говорил по-французски... Она должна говорить по-французски, раз она здесь работает! Это естественно...

Подоспел мой кофе с одним, как у них тут принято, кусочком сахара. Я затребовала еще один – люблю сладкий кофе.

Американка. Я в этом уверена. Англичане не говорят «Hi». Со мной в Сорбонне учатся и англичане, и американцы, так что я слегка поднаторела в языках... Что же у нас получается? Американка по имени Шерил, которая по неизвестным мне причинам живет и работает во Франции. Впрочем, американцев, как и всех прочих, в Париже навалом. И работает она на этой улице... Только где же она сама?

Кафе стало заполняться народом – начался массовый исход служащих окрестных контор. Размешав второй сахар, я выпила кофе залпом и стала немножко успокаиваться. Для полной безмятежности нужно было выкурить сигарету.

Достала, прикурила и, оторвав взгляд от пламени зажигалки, увидела через стекло Шерил.

Размашистым шагом она направлялась в мое кафе.

На пороге она остановилась и окинула взглядом помещение. Увидев меня, кивнула, словно у нас с ней была условленная встреча, и прямым ходом двинулась к моему столику.

Подошла.

Села напротив.

Несколько мгновений смотрела на меня молча, во все глаза, как и я на нее. Потом сказала:

– Я думала, что Ги сошел с ума. Но он оказался прав. Ты [\[3\]](#) действительно похожа на меня как две капли воды.

Она говорила по-французски с английским акцентом. Я за себя порадовалась.

– Ты говоришь по-французски? – осведомилась вдруг Шерил, видя, что я молчу.

– Да... – выдавила я из себя, – и по-английски тоже... Только говори помедленнее.

– Помедленнее на каком? На французском или английском?

– На обоих, – мне удалось наконец слегка улыбнуться.

Шерил внимательно глянула на меня и, кажется, поняла, что я пребываю в полном смятении.

– Представляешь, я выхожу из своей конторы, – заговорила она через минуту, тщательно выговаривая французские слова, – а Ги мне говорит: «Ты что, раздумала обедать? Ты сегодня странная какая-то...» Я ему отвечаю: «Это ты странный, я только еще иду обедать и вовсе не раздумала! Я умираю с голоду!» Он как-то дико на меня посмотрел и сказал: «Шерил, ты только что, две минуты назад, вошла на моих глазах в кафе «Птичка на ветке» и села за столик». – «Да нет, – отвечаю я, – у тебя что-то с головой, мой друг! Я в данный момент нахожусь у дверей моего офиса, из которого я вышла минуту назад!» – «Тогда пойд и посмотри, что там за птичка сидит на ветке. Или я сошел с ума».

Она посмотрела на меня и улыбнулась:

– Вот я и пришла.

Я помотала головой и выдавила из себя наконец:

– Ги – это такой смуглый брюнет с длинными волосами?

– Верно. Ты его заметила?

– Он заговорил со мной... Я сюда пришла... Специально. Чтобы тебя найти.

– Меня найти? – опешила Шерил. – Ты меня знаешь?

– Я тебя видела раньше, на улице, случайно. И я хотела тебя найти, потому что такого сходства не бывает.

– Как это – не бывает? Бывает. И мы с тобой тому доказательство. Ты знаешь, у всех известных людей имеются двойники, да еще и по несколько. Ты никогда не видела конкурсов двойников?

– Нет, – сказала я, – не видела. Пойдем в туалет.

Шерил жутко удивилась, но, посмотрев на меня, спорить не стала. Мы с ней спустились по винтовой лесенке – причем она шла позади меня и, как мне показалось, с некоторой опаской – и вошли в дамскую комнату.

– Смотри, – я ее подтолкнула к зеркалу.

Если не считать того, что я была бледна как полотно, наши лица были похожи. Только с той разницей, что мои волосы были забраны в пучок при помощи бархатной «шу-шу», а у нее распущены. У нас даже длина волос была почти одинаковая, что естественно: такие волосы, как у нас, – светлые и кудрявые, мечта каждой женщины – не стригут...

Я стянула свою «шу-шу» – и льняная воздушная волна опустилась на мои плечи.

Наши лица были не просто похожи.

Они были *идентичны*.

Наши взгляды перекрестились в зеркале.

– Ты хочешь сказать... – начала Шерил и замолчала.

– А ты можешь сказать что-нибудь другое?

– Но этого не может быть... Ты вообще кто? Ты говоришь с акцентом, ты не француженка? И не англичанка – «помедленнее на обоих языках».

Ну что ж, если она – мой близнец, то она тоже отличается умом и сообразительностью. Это нормально. Гены, знаете ли.

– Я русская.

Мы все еще разговаривали через зеркало, изучая друг друга.

– Русская? – Шерил ахнула, и ее брови взметнулись вверх. Одна немного выше другой. Точно так же, как у меня, когда я удивляюсь.

– Из России?

– Из Москвы. Я здесь на курсах Сивилизасьон Франсез в Сорбонне. А ты – американка?

– А что, – растерялась Шерил, – заметно разве?

– Нет, легкий акцент есть, но я догадалась потому, что твой Ги заговорил со мной по-английски. И к тому же сказал «Hi».

Шерил покачала головой. «Потрясающе», – пробормотала она. Не знаю, что ее потрясло – факт нашей необычайной схожести или моей сообразительности. Дабы окончательно убедить ее в последнем, я добавила:

– И тебя зовут Шерил.

Она снова вскинула брови, потом рассмеялась:

– Снова Ги! А тебя-то как зовут?

– Оля. Ольга Самарина.

– Ничего общего. – Шерил сделала рожицу, сдвинув рот в одну сторону, что должно было означать, что я попала впросак. – Я Шерил Диксон.

В ответ я ей скорчила точно такую же рожицу. Шерил молча уставилась на меня, даже не улыбнувшись.

– Ты думаешь, тут какая-то тайна? – спросила она задумчиво.

– Я не знаю, что и думать. Но ты же видишь нас обеих в зеркале. Задумаешься поневоле.

– У тебя родители – родные?

– Да. Роднее некуда. А у тебя?

– Меня удочерили.

Вот! Ты была права, мамочка!

– Погоди-погоди, удочерили? Тут и надо искать разгадку!

– Но мои родные родители погибли в авиакатастрофе. И они были американцами, уроженцами Бостона. С тех пор меня удочерила папина сестра, моя тетя...

Мы снова уставились друг на друга.

– Я есть хочу, – сказала Шерил. – Пойдем в зал.

Когда мы вернулись, в зале был Ги. Судя по тому, как он крутил головой, он нас искал. Или Шерил он искал. Единую в двух лицах.

Увидев нас, он как-то криво улыбнулся и слегка побледнел. Стараясь не потерять непринужденность,

он сказал:

– Девочки, рад убедиться, что я в здравом уме. Как это у вас получилось?

– Садись, Ги. – Шерил указала ему на третий стул у нашего столика. – Ты ведь еще не обедал? Мы тоже.

Ги не то чтобы сел, скорее опустился на стул, пожирая нас глазами.

– Вы мне объясните, что произошло? Одна из вас раздвоилась? Вас сделали по одному клише? Клонировали? Вы однайцовые близнецы?

– А что ты думаешь об этом, Ги? Что бы сказал ты? – спросила его Шерил.

– Не задавайте мне головоломку. Признавайтесь лучше сами, что вы натворили.

– Мы сами не знаем. Мы впервые встретились.

– Ме-е-ерд[4], – протянул Ги, – не может этого быть!

– Причем я, как ты знаешь, американка, а она – русская.

– Русская? Невероятно!

Ги раскачивался на стуле с потрясенным видом.

– Бывают, по-твоему, такие стопроцентные двойники?

– У тебя есть тушь? – деловито обратился он ко мне. – Накрась глаза.

Я вытащила зеркальце и стала быстро чернить ресницы. Ги внимательно следил за мной.

– Теперь придвиньте стулья друг к другу, чтобы я мог вас видеть рядом, – скомандовал он.

Мы послушно загремели стульями.

Многие в кафе уже давно поглядывали на наш столик, а теперь на нас уставились просто все. Ги покачался на стуле еще.

– Нет, девочки, – наконец он оставил свой стул в покое и, поставив локти на стол, придвинулся к нам близко. – Нет, мои дорогие. Вы – близняшки. В этом нет никаких сомнений.

Обеденное время кончилось. Мы обменялись телефонами и условились созвониться ближе к концу недели. Шерил вернулась к себе на работу – в контору американского банка, а я, совершенно обалдев и чувствуя себя невероятно усталой, поползла домой, где немедленно забралась в постель и, завернувшись по уши в одеяло, уснула.

Уже давно стемнело, и в мою квартирку вполз мрак и осел в углах. Я открыла глаза.

Было одиноко. Было пусто. Не хватало Шерил.

Она не звонила.

Правильно, мы же условились к концу недели.

Моя квартира и моя жизнь сделались пустыми. Шерил – или наше загадочное и невероятное сходство? – влекла меня к себе. В первую же встречу она сделалась основным содержанием моих мыслей, во вторую – основным содержанием моей жизни. Слишком быстро и слишком сильно.

Я испугалась.

Я тоже не стала звонить.

Мы с Джонатаном оставили подносы тарелками с разными блюдами и, выбрав столик у стенки, уселись перекусить. Студенческая столовая была полна народу, и в зале стоял многоязычный гул. Мимо прошмыгнули мелкие, как дети, вьетнамцы, сзади нас разливался итальянский, рядом две длинноногие белесые голландки кокетничали с коренастым американцем в кепи задом наперед на плохом французском – в Сорбонне французский был средством международного общения. Мы с Джонатаном говорили по-английски – я решила, что мне надо тренироваться, ведь Шерил американка...

– Ты какой-то киносценарий сочинила, – сказал Джонатан, когда я закончила рассказывать историю встречи с моим двойником. – Это слишком неправдоподобно!

– Ты бы нас видел рядом! – Я налила себе пива в стакан. Джонатан всегда пил только воду.

– Хорошо. Скажи тогда, как такое может быть? Как твоя сестра-близняшка могла затеряться на другом конце земного шара?

– В том-то все и дело...

– У тебя мать родная?

– Да... Но у нее – приемная!

– И что, по-твоему, твоя мать подарила второго ребенка какой-то американке? Или продала за твердую валюту?

Я представила свою маму в роли сначала щедрой благотворительницы, дарящей своих детей иностранцам, затем в роли торговца своими детьми и поняла, что в моей голове поселился бред.

– Ты прав, – вынужденно признала я. – А отчего тогда мы так похожи?

– Игра природы, – ответил Джонатан.

Я задумалась. Джонатан тоже.

– Тебе одиноко, – сказал он вдруг задушевно, касаясь моей руки. Такой смелый жест он позволил себе впервые со времени нашего знакомства. – Ты у мамы одна, и отца у тебя нет. Так часто бывает в неполных семьях – чувство одиночества. И тебе очень хочется верить, что ты нашла свою сестру. Это твоя подсознательная мечта. И я тебя понимаю.

В его взгляде читалась мужественная готовность дать мне понять, что я ему нравлюсь.

– Но только не стоит принимать желаемое за действительное, – добавил он мягко.

Я выдернула свою руку из-под его руки.

– Тебе же потом будет больно, – заторопился Джонатан, – когда ты поймешь, что это хоть и редкое, но всего-навсего сходство. И что каждая из вас живет своей жизнью, в своей стране...

Я чуть не плакала. Если он в чем и был прав – так это в том, что мне изо всех сил хотелось верить, что Шерил – моя сестра.

– Извини, что я тебе даю советы (конечно, советы тут давать неприлично, вмешательство в частную жизнь, понимаете ли)... Постарайся отнестись к ней как к просто симпатичной девушке, которая могла бы – в лучшем случае – стать твоей подругой... Извини, – добавил он еще разок для верности, на случай, если я еще не приняла к сведению десять предыдущих извинений, – я просто не хочу, чтобы ты страдала от разочарований.

– Спасибо, Джонатан. Ты очень милый. Мне пора.

Я повернулась и пошла по гулким мраморным коридорам Сорбонны к тяжелым старинным дверям

выхода. По-моему, Джонатан смотрел мне в спину.

Может быть, он был и прав, но он опоздал. Шерил уже вошла в мою жизнь. И мне было уже больно ее вычеркнуть.

Наступили выходные. Я мучилась и не знала, что делать. Мне страшно хотелось быть рядом с Шерил, ей звонить, с ней говорить. Но меня удерживало несколько трезвых соображений. Во-первых, Джонатан был прав и его слова осели в моем сознании. Во-вторых, я боялась быть навязчивой. С ними, западными людьми, всегда приходится быть начеку. Они церемонны в форме и сдержанны в содержании. Получается вежливо и обтекаемо. Никогда не скажут: мне это не нравится, а что-то вроде «это славно». Считайте, что не понравилось. Потому что, если понравилось, тогда скажут: «это очень славно». Очень – значит ничего, сносно. Дипломатический тренинг, которым я обязана Игорю, мне сильно помог – если бы я сохранила свою ленинскую простоту, то вообще не сумела бы не то что общаться с ними, но даже и догадаться, в чем тут фокус. Мы в России куда более откровенны и открыты и, в целом, если на обратное нет особых причин, говорим то, что думаем. Западные же люди принципиально говорят именно не то, что думают, и им нужны особые причины, чтобы сказать правду... Занятно, да? Все это надо было сначала постичь, потом как-то научиться их понимать и с ними говорить на том же языке... Впрочем, последнее мне слабо удавалось. У них-то эти китайские церемонии в крови, они интуитивно знают, как надо и как не надо. Мне же приходилось обдумывать каждый свой жест, и, лишенный помощи чувств и интуиции, мой интеллект кряхтел от натуги, прежде чем принять решение.

Он прокряхтел весь уик-энд. Я так и не позвонила ей. «Созвониться» – это ведь неизвестно, кто должен звонить. Кто-то должен был сделать первым этот шаг. Я оставила это право Шерил.

Телефон молчал. Если не считать обычного звонка от Игоря.

Я мучилась и ждала.

Может быть, Шерил тоже не знала, кто должен звонить первый? И тоже решила предоставить это право мне? Может, все-таки позвонить?..

Я позвонила Джонатану.

Джонатан явно обрадовался, словно он, как и я, сидел у телефона и ждал звонка. Но только моего звонка. Я ему нравлюсь, это понятно, но он мне никогда не звонит. Русский парень уже бы оборвал телефон, уже бы предложил тысячу вариантов. Но не Джонатан, с его манерами западного человека вообще и аристократа в частности. А если он не проявляет инициативу, на что он тогда может рассчитывать? Не потому, конечно, что я хочу, чтобы он эту инициативу проявил, а просто интересно, как в его голове это происходит...

Хотя все может быть куда проще: ведь я сказала ему, что замужем. Я с самого начала не знала, что у них тут принято жить вместе неженатыми и даже для таких пар есть специальный раздел в своде законов для семьи и брака – то есть сожитительство признано обществом и является одним из его институтов. А мне тогда было неловко сказать, что я «сожительствую» с Игорем... Теперь уже поздно объяснять. Впрочем, и незачем: никаких видов на Джонатана у меня нет.

Позвонила я ему, потому что начала сходить с ума от острого чувства одиночества и неполноценности моей жизни.

– Хочешь, пойдем в кино? – предложил Джонатан. – Если ты не занята.

– Давай, – обрадовалась я. Не сидеть же мне допоздна одной, поглядывая на телефон!

Джонатан тоже обрадовался и стал договариваться о фильме и месте встречи.

Мы условились на полвосьмого. Было шесть. Я пошла краситься и одеваться.

Шерил позвонила, когда я закончила макияж.

– Оля, знаешь что? – и замолчала.

Я подождала и, поняв, что молчание затягивается, напомнила ей:

– Я тебя слушаю, Шерил...

– Мне кажется, что можно было бы предположить, что мы действительно близняшки, – тихо сказала мне она. (Не удивляйтесь этой витиеватой манере изъясняться. Как я вам уже говорила, высказать прямо и открыто свои чувства или мысли считается у этих людей почему-то неприличным.)

– Почему? – опешила я. Не от предположения Шерил, а от самого факта, что она отважилась мне об этом сообщить.

– Потому что мне тебя страшно не хватает.

Я обалдела еще больше.

– Приезжай, – сказала ей я. – У тебя есть машина? Тогда записывай адрес.

Мне было ужасно неудобно перед Джонатаном. Я извиняющимся голосом, со всей посильной нежностью ворковала в телефон, что в другой раз уж непременно...

– Не беспокойся, – сказал он. – Желаю вам хорошо провести вечер.

Все-таки в умении не показывать свои чувства есть свои положительные стороны.

– Я вот подумал... – сказал вдруг Джонатан, когда я уже собиралась положить трубку. – Спроси-ка у нее, где она родилась. На всякий случай.

Я кинулась приводить свою квартиру в порядок. Опыт моей семейной жизни в Москве, устроенной Игорем на западный манер, мне очень пригодился. Я быстро придумала небольшой ужин, накрыла красиво на стол, поставила свечи... и поймала себя на мысли о том, что жду Шерил, как на любовное свидание.

И даже с еще большим нетерпением.

В дрожащем пламени свечи ее лицо, такое знакомое и родное, такое мое собственное лицо, казалось невероятно тонким и красивым. Нежный овал лица, орумяненный отблеском свечи, синие глаза, таинственно мерцающие из тени, тонкий нос, изящный рот... Не очень большой, не такой, знаете, на который хочется труссы натянуть, а просто легко очерченный и выразительный рот. Я любовалась ею, почти не слушая и не слыша ее слов. В какой-то момент мне стало казаться, что я схожу с ума, что влюбилась в самое себя и не могу оторвать глаз от собственного изображения. Я никак не могла разделить «я» и «она», у меня голова шла кругом... Я вспомнила рассказ мамы, как однажды, придя на уколы в одну квартиру, она попросила трехлетних мальчишек-близнецов не шуметь, поскольку их старшая сестра заболела. На что один из них, подняв ясные голубые глазенки, сказал удивленно: «Как же я могу шуметь? Ведь я же играю один!» Вот примерно то же самое испытывала я.

Я спохватилась, когда услышала конец предложения: «...и из-за этого я крайне мало знаю о своих родителях...»

«Эй, – сказала я себе, – ну-ка возьми себя в руки! Иначе ты все прослушаешь! Все то, что ты так хотела узнать!»

– Шерил, – сказала я с извиняющимся смешком, – я до такой степени шокирована нашим сходством,

что все мои усилия сводятся к тому, чтобы немножко привыкнуть к этому факту... Не могла бы ты повторить последнюю фразу?

В ответ Шерил мне улыбнулась и сказала: «Я тебя понимаю, я чувствую то же самое», – и глаза ее засияли. Боже мой, Боже мой, я и не знала, как я хороша! И это вот так смотрят на меня мужчины и думают: «Как же она красива, эта Оля!» Ах, теперь я их понимаю...

Стоп. Хватит. Приготовь свои уши и слушай. Шерил, кстати, если и «чувствует то же самое», то владеет собой в совершенстве. А ты тут пребываешь в обмороке от восторга по поводу самой себя.

– Моя приемная мать, – внятно сказала Шерил и посмотрела на меня, словно проверяя, слушаю ли я ее на этот раз, – очень ревнива. Она не любит, когда я задаю ей вопросы о своем детстве. Она на них никогда не отвечает, но, напротив, осыпает меня градом упреков за то, что я ее не люблю и не благодарна ей, а ведь она меня воспитала... И из-за этого я крайне мало знаю о своих родителях.

– А приемный отец?

Шерил легонько усмехнулась, и у меня появилось подозрение, что я и на эту тему что-то прослушала. Но она меня не упрекнула, а просто ответила:

– Мой приемный отец разошелся с Кати – так зовут мою приемную мать, – когда я была еще совсем маленькая. Я вполне представляю себе, что ему было трудно с ней жить – у Кати характер нелегкий... Он уехал в Калифорнию, у него другая семья, и я его с тех пор не видела.

– Может быть, Кати что-то скрывает? И поэтому так не любит твои вопросы?

– Мне эта мысль никогда не приходила в голову. Я всегда объясняла это ревностью. И потом, что она может скрывать? Она моя тетька, сестра моего папы, она взяла меня на воспитание после смерти моих родителей... Если бы и мои родители меня удочерили, мне бы об этом сказали – у нас принято с детства приучать ребенка к этой мысли... И потом, в моей метрике написано, кто мои родители.

– А они, кстати, у тебя кем были?

– Мама не работала, а отец... Он работал в дипломатических сферах.

– А тетька твоя?

– Она служит в одной фирме по торговле недвижимостью.

– У нее своих детей никогда не было?

– Не получилось.

Тут я вспомнила наставления Джонатана.

– А ты родилась в Бостоне?

– Нет. В Париже.

– Вот как? – воскликнула я с напором. У меня появилось ощущение, что я нащупала какую-то ниточку.

Шерил мгновенно почувствовала это и ответила, словно сожалея, что она меня разочаровывает:

– Мама была в Париже в гостях у своей кузины, и у нее начались преждевременные роды...

Конечно, мы близняшки. Ведь она читает мои мысли. И неважно, где она родилась, где я родилась. Я знаю это нутром, всем своим организмом, всеми клеточками моего существа. Мы – сестры.

Шерил заночевала у меня, а утром меня разбудил звонок Игоря.

– Сережа будет в Париже, – сказал Игорь. – Должен прилететь в следующее воскресенье, на один день.

Сережа вращался в тех же кругах, что и мой Игорек, – политики, банкиры, знаменитости. Кажется, он выполнял какие-то поручения Игоря, хотя я никогда не могла понять, где работает сам Игорь и существует ли какой-то официальный штат людей, к которому бы он относился или которым бы он руководил. «Я помогаю людям решать их проблемы, – объяснял мне Игорь, – и у меня всегда есть работа, потому что у людей всегда есть проблемы; но у меня нет службы». А Сережа, стало быть, помогал Игорю помогать людям решать их проблемы?

Это был лощеный, довольно миловидный мальчик, на два года старше меня, который не сводил с меня глаз, когда мы встречались, и на его самолюбивом лице было написано: я ничем не хуже, чем твой Игорь, так что тебе стоит подумать... Честно сказать, хотя я девица довольно-таки и тщеславная и внимание к моей особе со стороны мужского полу люблю, но Сережа меня раздражал своим претенциозным стилем, своими амбициями, своей явно завышенной самооценкой...

Кроме того, в нем была какая-то странная двойственность. Да, он был миловиден, русоволосый и сероглазый, худой, немножко нескладный, с большими, по-крестьянски, руками и ногами – такими большими, что башмаки его казались нарочито клоунскими. Самое первое впечатление – первый парень на деревне, не хватало только гармонь в руки и кепку заломить набекрень. Казалось бы, смешной провинциал, изо всех сил старающийся освоить столичный лоск и образ жизни... Но на самом деле в нем вовсе не было этой сельской простоты, которую как бы обещал его деревенский облик: настороженный и самолюбивый взгляд, о котором говорят «себе на уме», быстрая и хваткая реакция, с которой он мгновенно улавливал суть слов и поручений, быстро развеивали это ошибочное впечатление... Приглядевшись, я вдруг начала замечать в его лице нелепое сочетание миловидности и почти уродства, будто бы, как в детских сказках, у его колыбели стояли две феи, добрая и злая, и первая старалась как-то компенсировать злобные проделки второй. Так, его слабый, острый, немужской подбородок украшала весьма симпатичная ямочка, астенически-впалым скулам придавал мужественный характер нос, слегка приплюснутый в переносице, как у боксеров, от торчащего кадыка отвлекали мягкие длинные волосы «а-ля Есенин». Короче, он был несимпатичен, недостаточно умен и еще слишком юн, на мой вкус, не говоря уж о том, что у меня был Игорь и мне никто другой не был нужен.

– Я тебе перешлю с ним маленький подарок, – добавил Игорь.

Я поняла, конечно, что речь идет о наличных деньгах, – мы с ним еще в Москве договорились, что счет счетом, но иногда какие-то суммы он будет мне передавать с оказией.

– Сережа тебе позвонит, когда приедет, я дам ему твой телефон. Посоветуй ему, что посмотреть в Париже, ты ведь у меня теперь парижский старожил... Тебе не нужно чего еще?

– Черного хлеба, соленых огурцов и квашеной капусты. Только выбери на рынке сам!

– Ну, насчет капусты я не уверен – как он, по-твоему, потащит ее?

– Хоть немножечко! – жалобно сказала я.

– Ладно. – Я слышала, как он улыбается на том конце провода. – Как, кстати, дела с французским?

– Страшный прогресс. Вернусь – пойду к тебе на службу. Нельзя же дать пропасть таким знаниям. Возьмешь в переводчики?

– Непременно. Переведем на французский программу Василия Константиновича и пошлем в подарок Ле Пену.^[5]

– Вот, а ты говорил, что он не националист!

Игорь засмеялся.

– Я пошутил, Олюнчик. Как ты вообще, не скучаешь?

– Только по тебе.

Он снова улыбнулся.

– А вообще – нет? Как проводишь свободное время?

– Игорь, – решила я, сама не зная, почему мне так трудно заговорить об этом, – я ее нашла!

– Кого?

– Ту девушку, помнишь, я тебе рассказывала, похожую на меня?

– Поздравляю.

– Я тебе пришлю фотографию, посмотришь!

– Ладно-ладно, присылай. И письмо напиши, поподробней. Мне все про тебя интересно. Не забудь, Сережа пробудет только один день в Париже, приготовь все заранее! Но у тебя до его приезда есть неделя, так что успеешь написать десять страниц.

– У меня рука отсохнет.

– Я тебе компьютер портативный куплю, хочешь?

– Хочу. Чтобы тебе письма писать.

– Так ты меня еще не разлюбила?

– А ты?

– Разлюбил, конечно.

– Я так и знала – с глаз долой – из сердца вон.

– Я тебя целую, маленькая.

– Я тебя тоже, Игореша.

– Ты в каком роддоме родилась? – вдруг спросил он.

– Имени Индиры Ганди... – Я страшно удивилась этому вопросу. – А что?

– Да нет, я так. Целую, котенок. Звякну через пару дней. – Игорь мне обычно звонит два раза в неделю. – Скажешь, понравилась ли квашеная капуста.

* * *

«Какие глупости мне лезут в голову, даже смешно!» – думал Игорь, кладя трубку. Конечно, Оля тут ни при чем. Иначе и быть не может. Просто он по ней соскучился – потому и волнуется. В разлуке всегда так бывает: всякие нелепые страхи лезут в голову. Да, соскучился!.. Дом пуст без Оли. Им хорошо живется вместе, дружно и легко. Они никогда не ссорятся. Ну разве только чуть-чуть, изредка...

Он улыбнулся, вспомнив запальчивую Олину фразу, только что сказанную по телефону – «...а ты говорил, что он не националист!» – в ней как раз прозвучали отголоски недавней маленькой ссоры.

...Они вернулись с дачи Василия Константиновича, где обсуждались очередные мероприятия его предвыборной кампании. Оля, казалось бы, вовсе и не слушала их разговоры, болтая с Андрюшей,

специалистом по экономическим вопросам, который, впрочем, сам нить разговора не упускал и даже, не переставая смеяться Олю, ухитрялся подавать реплики и идеи.

Оказалось, однако, что и Оля прислушивалась. Иначе почему бы она, уже дома, выйдя из ванной, вдруг спросила:

– Он националист?

– Кто? – невинно поинтересовался Игорь, прекрасно понимая, о ком идет речь.

– Василий Константинович.

– Малыш, между патриотами и националистами есть большая разница...

Оля перебила:

– Именно поэтому я и спрашиваю. Патриотическое общество – ладно, куда ни шло, слегка впадает в крайности, но не без пользы для исправления национального самосознания. Но...

Игорь посмотрел на нее удивленно:

– Я не знал, что ты владеешь подобными понятиями.

– Ну вот теперь знаешь, – усмехнулась Оля довольно. – Но национализм! Мне показалось в одном вашем разговоре, что он антисемит...

Василий Константинович был не просто антисемитом. Он был воинствующим антисемитом и еще много «анти»-кем. Список был длинен, и Игорь частенько думал, что, дорвись Василий Константинович до власти, в стране могут начаться погромы. Причем громить будут не только инородцев, но и инакомыслящих...

Но до власти он не дорвется, Игорь ему не позволит. До Думы – да, а дальше – нет. А без помощи Игоря – Василий Константинович никто. Ни деньги, ни дружбанство с сильными мира сего не помогут ему добиться успеха без главной составляющей политического успеха: без электората, без голосов избирателей. А голоса – это Игорь. Только он умел объяснить, привлечь, завуалировать одно и сделать нажим на другое так, что люди начинали видеть именно в этой политической фигуре залог спасения страны, руку, способную навести порядок, сохранив при этом демократию и даже ускорив ее продвижение, особенно в экономической области. Область сия трогала души избирателей больше всего: обещанный кусок хлеба с маслом, к которому непременно должен был, рукою их политического избранника, приложиться еще кусок колбасы, и смутно намекалась в дополнение и икра – эта перспектива была самой заманчивой и для Василия Константиновича – беспроигрышной.

– Ну, не более, чем все, – ответил Игорь. – Обычный бытовой антисемитизм.

– Терпеть не могу это «все»! Меня «все» не интересуют! Если эти «все» водку пьют не просыхая и воруют, то это не значит, что так и надо делать! И что мы должны с такими людьми общаться!

– Пионерка ты моя!

– Игорь, это неинтеллигентно – быть антисемитом, это не...

Оля аж задохнулась от негодования.

Игорь усмехнулся. Скажи Васе, что он неинтеллигентный человек, – вот уж он посмеется! Такие категории в его обиходе не существуют. Для Василия Константиновича мир устроен четко и просто: есть цель, есть дело, и хорош тот, кто умеет идти к цели и делать дело. Все остальное чушь, розовая вода, выдумки писателей, которые годятся только на то, чтобы держать народ, в зависимости от социальной прослойки, в узде совестливости, или представлений о порядочности, или

интеллигентности... А нынче Васе весьма на руку, что религия возвращается: инструмент получше и посильнее, чтобы тот же народ держать в рамках. И Вася уже им пользуется вовсю: в церковь ходит сам и всех «своих» заставляет – чтобы народ видел; разглагольствует о религии и богобоязненной народной душе, о традициях и национальных корнях...

Игорь в церковь не ходит – он вообще среди всех них на особом положении, совершенно независимом: мыслительный центр, интеллектуальное достояние партии; но эти тексты про русскую душу ему Игорь пишет. Что ж, каждому свое. Игорь на чужое поле не суется, чужими проблемами порядочности не занимается. Каждый решает их для себя, самостоятельно, и если уж что неинтеллигентно – так это соваться со своими нравоучениями и тем более осуждениями, пусть даже и не высказанными. Какое ему дело? Он не судья. Даже Господь Бог сказал: не судите, да не судимы будете. Что-что, а уж Библию он изучил – один из самых первых его рабочих инструментов, которым он широко пользуется. В Библии есть всё на все случаи жизни, и Игорь всегда найдет подходящую для их с Васей случая цитату. А им подходит все, что касается любви, смирения, самоотречения и веры. Ну а то, что в Библии им не подходит, – так упоминать не обязательно! В своих речах для Васи он не станет цитировать: «не сотвори себе кумира...»

Религиозный уклон в сочетании с идеей порядка и мгновенного восстановления экономики действовали безотказно. Избиратели присоединялись пачками. Намек на предстоящую чистку страны от инородцев и иностранцев Вася подпускал в свои речи сам, по своей инициативе. На самом деле Вася лично не имел ничего против ни евреев, ни прочих инородцев, охотно пользовался их услугами и помощью и если и избегал открытого общения с ними, то только ради соответствия провозглашаемых идей образу своей жизни. Однако эта антипропаганда была мощным оружием для сплочения своих политических поклонников, превращения их в агрессивную стаю: как в мире уголовном, так и в прочих, вполне цивилизованных мирах дружить надо непременно против кого-то. Только таким образом, чувствуя враждебность (пусть и внушенную, какая разница!) по отношению к себе со стороны всяких инородцев и инакомыслящих, политические сторонники превращаются в единомышленников, группа симпатизирующих и разделяющих убеждения – превращается в партию.

Но этого Оле не объяснишь. Мала и наивна. Милая, славная девочка, умничка, хороший, чистый человек, красулечка, сладкий домашний котеночек – она не просто не зрелая, она никогда и не дозреет до понимания этих вещей. Вот стоит, ждет ответа, синие глазки округлились, пухлые губки поджалась – ох какая суровая!

– Я и не знал, что ты себя причисляешь к интеллигенции, – насмешливо сказал Игорь.

Он нарочно так грубо ответил ей. Оля действительно не принадлежала к этой среде, если говорить о среде, и слава Богу, надо сказать, – Игорь среду эту не то чтобы не любил, но смотрел на нее с большой иронией, отчетливо видя за страстью к красивым и интеллектуальным рассуждениям все те же человеческие слабости, те же низменные движения души, которые ничуть не исправились от приобщения к большой культуре... Эти небрежно бросаемые в разговорах интеллектуальные понятия служили им чем-то вроде лейбла на джинсах, марки, по которым они узнавали друг друга, опознавали принадлежность к клану избранных, которым эти марки доступны. Но, как известно, ни одна еще фирменная вещь не исправила природных недостатков фигуры, не прибавила красоты лицу...

Однако Оля не знала эту среду, опыта у нее было маловато, чтобы все это понимать, встречи с людьми творческими вызывали в ней восхищение, и для нее слово «интеллигентный» было несомненным комплиментом. И Игорь знал, что обидит ее своей репликой. Но это ерунда, комариный укус – ему просто надо уйти от темы.

Оля не замедлила обидеться.

– По-твоему, интеллигентность раздается, как посты, по благу? – взвилась она. – На должность интеллигента назначаются, что ли? Это, если тебе подобная мысль не приходила в голову, – внутри тебя, это твоя личная культура, которая всегда с тобой, а уж где ты ее принял, где ты сумел ее вобрать – не имеет никакого значения! Все, чему меня научила моя мама и моя учительница литературы, все, что дали мне книги, – это та самая культура, которая выражается не в умении красиво рассуждать на интеллектуальные темы, – тут я с тобой тягаться не стану, – а во взгляде на вещи!

– Уф-уф, ну ты меня просто положила на лопатки! Я и не знал, что ты у меня такой философ...

– Так вот, – продолжала она, разгорячившись, – это не умно, не справедливо, не интеллигентно и не культурно – быть анти-кто-угодно. А еще хуже – делать свое «анти» смыслом своей политики и вбивать эту гадость в голову «всех», у которых свои мозги никогда не работали и уже не будут.

Игорь улыбнулся.

– Ты такая хорошенькая становишься, когда злишься! Разрумянилась вся, глаза блестят...

– А так я что – не хорошенькая?

Игорь притянул Олю к себе. Отодвинув губы от поцелуя, она сказала:

– Ты не ответил на мой вопрос. Его партия – националистическая?

– Нет, малыш, успокойся. Он умеренный патриот, без всяких крайностей.

Игорь сумел ее обмануть тогда, но ее наблюдательность его обеспокоила. Оля стала замечать куда больше, чем поначалу, она стала размышлять и анализировать, и потому это было совершенно разумно и правильно – отправить ее поучиться в Сорбонну. Ничего, что они скучают в разлуке, это полезно.

Когда она вернется, вся эта эпопея будет закончена. К тому же и выборы пройдут. Он уже выполнит свои обязательства по их подготовке перед Васей и скорее всего тогда же и уйдет от него окончательно. На услуги Игоря спрос большой, а за время, которое он работает на Васю, многие сумели оценить его таланты и результаты его труда, включая Васиных противников. Так что Игоря с руками оторвут.

Да, так он сделает.

В конце концов, доля правоты в Олиных словах есть.

* * *

В последующую неделю мы с Шерил встречались практически ежедневно – мы с ней ходили в кино, обедали в ресторанчиках или у меня дома. К себе домой она меня почему-то не приглашала. Наши встречи были похожи на свидания, а мы – на влюбленных. Я во всяком случае...

Шерил, по правде говоря, особенно сильных эмоций не высказывала – это было за пределами ее возможностей. При всей нашей схожести Шерил была совсем иной. Она больше смотрела и слушала, чем говорила. Она была тиха, вежлива, слова «спасибо-пожалуйста, если тебя не затруднит, извини, я хотела бы тебя попросить» и так далее, в том же духе, пересыпали ее речь и занимали в ней наибольшую часть, основное же содержание выражалось на редкость сдержанно и кратко. Прежде чем что-либо сказать, она вскидывала на меня глаза, словно проверяя, можно ли мне доверить такой секрет, даже если это касалось всего-навсего предложения выпить чашечку кофе. Моя манера, прямая и открытая, что нормально для русских, была ей непривычна и смущала ее. Она иногда стеснялась говорить со мной, краснела и искала

подолгу слова...

Короче, она была западным человеком. И вела себя так, как ведут западные люди, по принципу: у меня своя жизнь, у вас своя, я к вам не лезу в душу, вы ко мне тоже; у вас все прекрасно, я уверена в этом, – и у меня тоже; и даже если это вовсе не так, никто никому навязываться не будет, все будут улыбаться и жить каждый сам по себе, со своими проблемами и печалью... На вопрос: как дела? – ответ всегда: отлично! Не потому, что отлично на самом деле, а потому, что ничего другого вам знать не положено... Если ты попробуешь рассказать кому-нибудь о своих проблемах, тебя выслушают. Посочувствуют и, может быть, даже помогут. Но только это не станет дружбой и даже простым началом ее. Откровенность людей не сближает, они просто сошлись на некоей территории – нейтральной территории, постояли на ней, потоптались, обменялись мнениями и даже услугами и снова разошлись – каждый умотал за свою ограду, из-за которой назавтра же ты можешь рассчитывать только на приветливое и безразличное «здравствуйте, как дела?». И снова скажешь: отлично...

Я боролась изо всех сил с этим западным менталитетом, я лезла в душу всеми своими четырьмя лапами, я задавала бестактные вопросы, я постоянно смущала Шерил.

Ничего, сказала я себе, пусть переучивается, это полезно. Будет как все нормальные люди.

Сказать-то я себе сказала, но разность наших стилей поведения меня тоже сковывала. Мне больше всего хотелось говорить с ней о загадке нашей схожести, о нашем возможном родстве, о всем том, в чем мне виделась тайна и к чему меня тянуло невероятно: уж так я устроена, люблю все таинственное. Тем более когда это таинственное избрало меня своим главным действующим лицом... Я себя чувствовала подлежащим большого сложного предложения, остальные члены которого были зашифрованы... Мне было совершенно необходимо найти ключ и расшифровать их.

Однако Шерил как бы избегала разговоров на эту тему, отвечала односложно и сама инициативу не проявляла. Казалось, она приняла наше сходство как данность; приняла, хоть и осторожно, нашу дружбу и никаких вопросов ни себе, ни мне задавать не собирается.

Я решила не давить на пугливую Шерил – я и так ее шокировала своими прямыми высказываниями по всем поводам – и подождать. Чего – я не знала. Лучших времен, наверное. Времен, когда она ко мне привыкнет.

В ожидании приезда Сережи я написала Игорю большущее нежное письмо и затащила Шерил к фотографу. Мы сделали несколько больших портретных снимков, а постановка мизансцен была моя: с подобранными волосами и с волосами распущенными, щекой к щеке и просто рядом в обнимку, и в профиль, почти нос к носу... Сначала Шерил смущало это позирование, но потом, когда я чуть не свалилась с высокого табурета, мы стали смеяться и в конце концов расхохотались так, что даже фотограф не выдержал и прыснул, хотя уже никто не знал, отчего это мы все смеемся...

Наши фотографии меня потрясли.

Я не знала, кто из нас – я.

Шерил сидела рядом со мной на моем диванчике, глядя на снимок. Я посмотрела на нее. Ее лицо застыло в напряжении.

– Что скажешь? – спросила я ее сдержанно.

Она в ответ вымученно улыбнулась.

– Ты не веришь, до сих пор не веришь, что мы с тобой сестры? – спросила я в лоб.

– Трудно не поверить, глядя на наше фото... – тихо произнесла она.

– Я понимаю, что ты сомневаешься. Мы с тобой такие разные... Хотя ведь мы чувствуем друг друга очень хорошо, несмотря на всю разницу... Ты сама мне сказала однажды – помнишь? – что тебе меня не хватает. И мне тебя не хватает, Шерил. Именно поэтому я думаю, что мы сестры, не только из-за нашей внешней похожести... А разница между нами – это из-за того, что ты – американка, а я – русская. Разное воспитание, разная культура, разный менталитет...

Я замолчала. Что я могла еще добавить?

Шерил тоже молчала, уставившись в нашу фотографию. Только мое плечо ощутило легкую дрожь ее плеча.

– Моя приемная мать была против моего отъезда в Европу, – заговорила она наконец. – И когда она поняла, что не сможет воспрепятствовать моему отъезду, она сказала: «Я с самого начала знала, что ты никогда не станешь настоящей американкой...»

Я подождала продолжения, но его не последовало. Тогда я спросила осторожно:

– И какой вывод ты делаешь из этого?

– Никакого.

Шерил сцепила руки, чтобы я не заметила, как они дрожат.

– Просто ты заговорила о разнице менталитетов... Не такие уж мы разные, – добавила она.

Конечно, не такие уж мы разные. Только я не об этом спрашивала. Я хотела понять, почему Кати произнесла эту странную фразу... Но давить на Шерил мне не хотелось. Она и так уже вся тряслась...

Лично я нормальна до невозможности, у меня здоровые нервы, и хотя я человек эмоциональный и даже в чем-то сентиментальный, я все-таки голову не теряю и подхожу ко всему трезво. Конечно, вы можете сказать, что меня жизнь не потрепала, потому я и нормальна. И ошибетесь, потому что вы еще не дочитали и не знаете, как меня потрепала жизнь. Я бы даже сказала – поколотила. И едва не убила...

И все равно – я нормальна. У меня не бывает депрессий, то есть бывают, но я умею управлять собой. Собственно, для меня нормальность и состоит в умении собой владеть и не давать разгуляться своей психике, вытеснив с жилплощади ее сожителя – разум. Люди, не владеющие собой, у меня вызывают недоумение. Я нахожу их либо больными, либо распущенными. Первое вызывает у меня жалость, второе – презрение, и во всех случаях они мне мало симпатичны.

Но, глядя на Шерил, на то, как затряслись ее руки и задрожали ноги – да-да, прямо так и задрожали, аж коленки задергались, – я почувствовала умильную нежность.

«Вот, – подумала я, – что значит любить...»

Мне ее стало жутко жалко. Я погладила ее легонько по голове.

– Не нервничай так, Шерил, – прошептала я. – В конце концов, ведь это не плохо, что мы встретились? Что мы нашлись?..

Она повернула свое лицо ко мне, и мы уперлись лоб в лоб. Мне показалось, что у нее на глазах стоят слезы. Я вдруг почувствовала, как она одинока. Раньше я об этом как-то не задумывалась, а тут, представив эту злобную Кати, с которой даже поговорить по-человечески невозможно, и бедную Шерил, которая уезжает в Европу одна, без поддержки, против воли мачехи, я поняла всю глубину ее одиночества, но еще и мужества: решиться построить свою жизнь самостоятельно! Она уже три года во Франции, нашла работу, живет на свою скудную зарплату. На какое-то время я даже устыдилась своей обеспеченности. Я жила на

деньги Игоря и, хотя я не транжирка, не отказывала себе в том, чего мне хотелось. Мне не нужно было зарабатывать себе на жизнь, думать о будущем, бояться безработицы. Не то, что ей...

Мы все еще сидели, упершись друг в друга лбами. Наверное, со стороны это было смешно, но на нас некому было смотреть, мы сидели в сумерках моей комнаты на моем диване и смотрели друг на друга, не видя, потому что лица наши двоились и расплывались в расфокусированных взглядах, наши кудрявые волосы мешались, как и тепло наших тел, и мы обе боялись пошевелиться, чтобы не нарушить эту молчаливую и символическую позу нашего братания... А можно ли сказать «братание» про сестер?

И еще, чувствуя, что Шерил плачет, я подумала, что моя к ней любовь стала неожиданно принимать какой-то материнский оттенок: защитить, помочь, оберечь. Наверное, я из сестер старшая. Которая минут на пять раньше родилась. Знаете? Ведь у двойняшек всегда видно, кто старше на несколько минут, потому что у него поведение *старшего*. Так вот это, наверное, я.

Я потянулась и провела пальцем по ее щеке. Она была мокрая.

– Оля... – прошептала Шерил.

Я ее обняла. Она схватилась за меня руками, как ребенок.

– Не плачь, – сказала я. – Ведь все же хорошо теперь, правда?

Я точно не знала, что именно теперь хорошо, но мы нашли друг друга... А остальное приложится, просто обязательно приложится. Мы разгадаем секрет нашего рождения и устроим нашу жизнь так, чтобы быть рядом.

– А теперь нам пора спать, – скомандовала я.

Ведь я же была старшая.

В воскресенье мы решили пригласить наших «мальчиков» – то есть Джонатана и Ги. Строго говоря, Ги не был «мальчиком» Шерил, как и Джонатан – моим. Они были, скорее, нашими поклонниками, чем мы с Шерил пользовались, обратив мужской интерес в дружбу. И меня уже не удивляло, что мы с Шерил повели себя в схожих ситуациях одинаково.

С утра я помчалась встречаться с Сергеем. Мы условились на Елисейских Полях – он плохо знал Париж, и ему было так проще найти место нашей встречи. Я заметила его издали: высокий блондин в кожаном пальто, из-под которого видны были непомерно большие ботинки – таких не много на парижских улицах, ни блондинов, ни кожаных пальто, ни таких огромных ног. Передав мне пакет от Игоря, он задержал мою руку в своей.

– Что делаешь сегодня вечером? – Он зазывно посмотрел мне в глаза.

– Домашнее задание. А ты разве не улетаешь вечером?

– Нет, планы изменились, я задержусь на несколько дней. Так что вечер у меня свободен... Ты могла бы мне Париж показать...

– А в этой сумке что, компьютер?

– Какой такой компьютер?

– Портативный.

– Нет, Игорь мне компьютер не поручал... В сумке капуста и огурцы.

– Ну, давай тогда капусту с огурцами. В отсутствие интеллектуальной пищи будем употреблять земную. Я пошла, спасибо, Сережа.

– Погоди, уже? Ты торопишься? Может, в кафе сходим?

– Боюсь, что капуста прокиснет, – крикнула я уже на ходу.

– Но ведь... – донеслось до меня, но я не обернулась. Он, должно быть, хотел сказать, что на улице легкий морозец и ничего испортиться не может, но, видимо, вовремя сообразил, что это была шутка с моей стороны. Не слишком вежливая, впрочем. Ничего, перебьется. Нечего было подъезжать ко мне.

Я приготовила «русский ужин» с огурчиками и квашеной капустой. Шерил попробовала русские соленья еще до прихода наших гостей и сказала, что все это очень славно. Мне показалось, что в ее голосе прозвучало легкое сомнение, но пытаться я ее не стала: все равно ведь правду не скажет. Так она понимает вежливость, что ты будешь делать.

На плите уже дымилась горячая картошка, запеченный румяный кусок мяса с чесноком был еще в духовке, но аппетитный запах уже витал по всей моей крошечной квартире.

Ги первым делом повел носом и сообщил, что он готов пожертвовать полагающимся до еды аперитивом и последовать к столу незамедлительно.

Джонатан, войдя, остолбенел от удивления, когда увидел наше сходство, но от комментариев удержался, лишь только поздоровался. Когда он взял за плечи Шерил, чтобы расцеловаться, как тут принято, четыре раза, он так внимательно вглядывался в ее лицо, что бедная Шерил смутилась и посмотрела на меня немного вопросительно. Я поняла почему: это я предложила причесаться одинаково: мне хотелось произвести впечатление на недоверчивого Джонатана. Одеться одинаково я предложить не посмела, для Шерил это было бы чересчур. Но причесались мы с ней – загляденье: мы подобрали одинаковыми голубыми лентами наши льняные волосы вокруг головы, что придало нам вид кокетливых ангелочков. Кажется, Шерил этот стиль был несвойственен. И вот теперь она своим взглядом словно спрашивала, куда это может нас завести. Да никуда, Боже мой, чего она так всего боится! Мне этот стиль тоже несвойственен, но я могу менять стили хоть каждый день и в любом из них чувствовать себя уверенно и комфортно! Подумаешь, ничего в этом сложного нет.

У меня в комнате горели свечи, играла тихая джазовая музыка – я джаз люблю, к вашему сведению, – а мы с Шерил были чрезвычайно хороши. Натурально, весь вечер мужчины разглядывали нас с изумленным восхищением. И, разогретое этими взглядами, мое сознание опять поплыло. Я снова не отрывала от нее глаз, я смотрела на нее и любовалась ею до головокружения.

«Должно быть, – подумала я, – вот так любят мужчины.

Или лесбиянки.

А я кто?

Если принять за аксиому, что я не мужчина, то, за вычетом, остается лесбиянка.

Неужели?..»

Я обратила глаза в глубь моей души, как выражаются на Востоке, и пошарила в ее закоулках. Ничего связанного напрямую с сексом я там не нашарила. А как квалифицировать это чувство переполняющей нежности, это желание погладить, дотронуться, прижать к себе, все время чувствовать кожей ее близость, быть с ней рядом? Как любовь? Любовь вообще? Любовь сестринскую? А это любование и восхищение? Как самолюбование и самовосхищение? Нарциссизм?

Я не знала.

Я не знала, как это называется и что с этим делать.

Я решила названия не искать и ничего не делать. Чувство мое само разовьется и примет формы, в

которых я его узнаю и дам ему название. А уж какое название – там видно будет.

– По-моему, ты влюбилась в самое себя, – рассмеялся Ги, глядя пристально на меня. – Ты не отрываешь глаз от Шерил и, похоже, очень себе нравишься в ее лице.

– Ты даже не представляешь, как ты прав!

– Вы, конечно, необыкновенно похожи... – признал Джонатан.

– Вот видишь, а ты мне не верил, – обрадовалась я.

– Ты никогда не была в агентстве двойников? – осадил меня Джонатан. – Как ты думаешь, стали бы звезды и президенты платить своим двойникам, если бы они не были похожи как две капли? Сходите, девочки, в одно из таких агентств и сами убедитесь. Там у них есть фотографии, можно посмотреть.

– Ты преувеличиваешь, Джонатан, – вступился за меня Ги. – Конечно, двойник леди Ди^[6] не отличишь от оригинала, но двойники появляются в очень тщательно сделанном макияже, а если бы ты увидел их без макияжа, то разница была бы весьма заметна. А эти девочки – идентичны!

– А ты откуда знаешь про двойников? – недоверчиво спросил Джонатан. – Где это тебе довелось их увидеть без макияжа?

– Ты небось все больше английское телевидение ловишь? – насмешливо сказал Ги. – Стоит иногда и французское смотреть. Тем более что ты приехал сюда французский изучать.

Джонатан покраснел.

– А... что было по французскому телевидению?

– Репортаж о двойниках знаменитых людей. Пару месяцев назад.

Шерил вежливо улыбалась, глядя на смущенного Джонатана.

– Это у вас всегда так происходит между французами и англичанами? – спросила я. – Я слышала, что у вас тут «добрососедские» отношения, вроде как у грузин с армянами. То есть я хочу сказать, – уточнила я, подумав, что о грузинах и армянах они вряд ли знают, – что вы друг друга недолюбливаете?

Это было, конечно, довольно прямолинейное высказывание, такие тут не приняты. Но я нарочно так сказала. Они меня достали своими супервежливостями, и мне хотелось их подразнить. Особенно Джонатана с Шерил. Ги был попроще – не столько потому, что он француз, сколько в силу принадлежности к другой социальной среде, явно более демократичной.

– Нет, что ты! – одновременно воскликнули наши мальчики.

– Мы совершенно нормально относимся друг к другу, – с достоинством сказал Джонатан.

– Только иногда подшучиваем... Беззлобно, – добавил Ги.

Мы с Шерил переглянулись и рассмеялись.

– Кстати, у нас тут четыре страны представлены, вы не заметили? – сказала я. – Давайте лучше выпьем за дружбу. Я без иронии, по-настоящему.

Остальные с энтузиазмом поддержали мой тост. Я заставила всех чокнуться на русский лад. Все поднялись и торжественно выпили. Ги плюхнулся на стул первым.

– Вы мне нравитесь, ребята, – сказал он.

Я подумала, что мне удалось разрядить обстановку.

– Мне тоже, – сообщила я и плюхнулась вслед за Ги на свой стул. Шерил и Джонатан аккуратно сели.

– Послушайте, а вам не приходила в голову такая простая мысль: сверить ваши даты рождения? – спросил Джонатан.

Мы все переглянулись.

– Семьдесят четвертый год... – начала я.

– Месяц май, – продолжила Шерил, кивком подтверждая названный мною год.

Мы замерли ненадолго и выпалили одновременно:

– Двенадцатое мая!

– Двадцать первое! – это произнесла Шерил.

– Теперь все ясно? – сказал скептически Джонатан.

– Ничего не ясно, – завопила я возмущенно. – Один и тот же год, один и тот же месяц и всего лишь девять дней разницы – что это, по-твоему, случайность?

– Вообще-то, если ты не в курсе, двойняшки рождаются в один и тот же час.

– Как вы не понимаете, если мы сестры – то здесь какая-то тайна, а если здесь какая-то тайна, то не удивительно, что наши даты расходятся! Это же элементарно! У кого-то был в этом интерес!

Ги положил мне руку на плечо.

– Успокойся, Оля, мы все тебе верим, – и он посмотрел многозначительно на Джонатана, словно призывая англичанина подыграть мне. Но Джонатан сделал вид, что не заметил его взгляда.

– У меня есть идея, – продолжал веселиться Ги. – Слушайте, девочки, а родимых пятен или родинок у вас нет на теле? Их можно было бы сверить. Мы с Джонатаном готовы предложить свои услуги в этом деле, а, Джонатан?

Джонатан хмуро поглядел на Ги и не ответил.

Кажется, с трудом налаженная дружба народов опять стала расползаться по швам.

– Экий ты приткий, – поспешила я исправить фривольный промах Ги. – Это право надо еще заслужить.

Шерил снова вежливо улыбнулась, и Джонатан глянул на меня одобрительно.

– Между прочим, – повернулся он к Шерил, – а ты-то что считаешь? Ты тоже думаешь, что вы сестры-близнецы?

Шерил пожала легонько плечами и сказала:

– Я ничего не считаю. Я не знаю. Но шансов на это, признаться, очень мало...

Значит, она не верит. И мне ее нечем убедить. У меня нет ничего, ни одного факта, ни малейшей зацепки. И с чего начать?

Я должна наконец рассказать все Игорю, решила я. Он посоветует, как взяться за поиски правды.

После приема Шерил заночевала у меня, а утром мы разошлись: она на работу, я в Сорбонну. Игорь должен был позвонить вечером, и я была рада, что на этот вечер у нас с Шерил не было запланировано встречи: при ней мне было бы неловко говорить с Игорем о ней же. Хоть она по-русски и не понимает, но свое-то имя она различит. Так что все складывалось наилучшим образом.

Я ждала его звонка с нетерпением и кинулась к телефону, как только он зазвонил.

– Игорек, ты помнишь, я тебе рассказывала, что...

– А «здравствуй, любимый» – уже не полагается?

– Нет, не полагается, потому что я должна тебе это срочно рассказать!

– Ты мою посылку получила?

– Получила, получила, послушай же меня...

– Капуста не испортилась?

– Не испортилась...

– Компьютер я не успел купить. Не хотелось брать что попало, а со временем у меня туговато... Кстати, Сережа задержится в Париже еще дней на пять, так что если ты еще не успела написать, то у тебя есть шанс исправиться...

– Нет, ну ты что, нарочно?

Игорь засмеялся.

– Ладно, что там у тебя стряслось?

– Понимаешь, мы с этой девушкой похожи как две капли воды! Это не может быть просто так, такое сходство. Тут какая-то тайна...

Игорь как-то затих на том конце провода, затем спросил осторожно:

– Она француженка?

– Нет, американка...

– Как американка?!

В голосе Игоря слышалось такое неподдельное изумление, что я рассмеялась.

– Ты что-нибудь имеешь против американцев, мой дорогой? Кажется, «холодная война» уже закончилась и общаться с американцами...

– Как ее зовут? – требовательно перебил меня Игорь.

– Ее зовут Шерил, Шерил Диксон... Игорек, я уверена, что она моя сестра!

– Что? Что ты говоришь? – закричал Игорь в трубку, прерывая мои излияния. – Ничего не слышу! Алло, алло, Оля! Ты меня слышишь? Что-то со связью!

– Игорь, Игорек, я тебя прекрасно слышу! Давай я тебе перезвоню!

– Нет, я тебе сам перезвоню, ты мне не звони, я сам, если не сегодня, то завтра, жди!

Тогда я еще не знала, что он меня прекрасно слышал. Я не поняла, что ему просто срочно понадобилось прекратить этот телефонный разговор со мной.

* * *

Игорь бросил трубку так, будто она должна была взорваться. Стремительно вскочил со стула, но, сделав один-единственный шаг, замер, отвердел столбом. Взгляд его бродил бессмысленно по комнате, мысли кишели спутанным клубком, налезали одна на другую, ничего не обдумывалось и не додумывалось, и только одно слово болезненно пульсировало в голове: Оля. Оля. Оля. Не может быть, чтобы я так вляпался!

Очнувшись через несколько долгих, как пропасть, минут, кинулся к ящику стола, достал пачку сигарет. Руки предательски дрожали – он ненавидел это отвратительное состояние, когда сдают

нервы, в общем-то, достаточно крепкие.

Вытянул сигарету, резко дернул клапан зажигалки и прикурил, едва не опалив ресницы. Игорь обычно не курил, но в двух случаях ему страшно хотелось затянуться: когда он нервничал и когда он пил. Пил он, впрочем, мало и редко, нарочно отстаивая репутацию трезвенника («Моя голова – это мой главный рабочий инструмент, – шутил он, – и его надо содержать в порядке...») – это позволяло ему уклониться от постоянных попок, которыми отмечалось каждое важное, менее важное и даже совсем неважное событие в кругу людей, с которыми он имел дела последнее время. Он предпочитал посмаковать рюмочку коньяку наедине с самим собой – своим любимым и наидостойнейшим собеседником.

Затянувшись, он снова сел на стул возле своего рабочего стола и достал факсы – переписку за последнюю неделю.

Игорь считал разумным вести дела при помощи факсов, а не телефонных звонков: во-первых, факс обязывал к корректности и секретной краткости изложения, тогда как телефон легко располагал к ненужным разговорам – а кто бы мог поручиться, что данная линия не прослушивается заинтересованными лицами? Во-вторых, в случае разногласий он мог всегда предъявить полученный текст – это был документ, а документ имеет способность служить доказательством, чего не скажешь об устном телефонном разговоре. Вот и сейчас они ему послужат: перечитать и восстановить ясность в голове.

«Наша подруга переехала в Европу три года назад. Уточнить местонахождение не удалось. Применять первый вариант?»

Игорь поморщился. «Первым вариантом» в их политической группе называлось давление, имеющее цель припугнуть и добыть информацию. Оно могло иметь разные формы: навести пистолет, к примеру, разумеется, без малейшего намерения убить, или пригрозить неприятностями с близкими – без намерения угрозу выполнить. Существовали и другие варианты действий, вплоть до номера шесть... Но все это было далеко от Игоря, он не имел к этому отношения и никакими вариантами не пользовался, руки и совесть не марал. При всей своей толерантности, Игорь имел определенные принципы, которых придерживался, хотя другим их не навязывал и следования своим принципам ни от кого не ждал. Принципов этих было немного, но одним из них был: никакого насилия.

Чтобы оберечь свои принципы от конфликтных разногласий с установками и действиями других людей, Игорь просто-напросто никогда не брался за сомнительные дела. И теперь он проклинал себя за свою неосмотрительность. И вот, пожалуйста: уже пошли разговоры о «первом варианте»! А там и до других недалеко! И как он только позволил втянуть себя в это дело...

К тому же – неужели не понятно? – с «вариантами» можно засветиться. Им только американской полиции не хватало!

«Без вариантов!» – гласил ответ Игоря. – Возвращайся, как условлено, с заездом в Париж. Задержись там на пару-тройку дней: выясни, существуют ли системы всеевропейской адресной информации. Со своей стороны, я подключу другие источники».

Зло швырнув листки в ящик, он долго и бездумно барабанил пальцами по столу. Парня надо срочно отзывать, это ясно. Но дальше-то что?

Игорь погасил третий окурок. Без паники, сказал он себе. Может, она просто однофамилица. Может, они не так уж и похожи.

Надо дождаться фотографий.

Без паники.

Игорь быстро набрал текст, который на этот раз был совсем лаконичным:

«Возвращайся немедленно».

Спустя пять минут факс ушел по назначению.

* * *

На следующий день Игорь позвонил мне, но связь снова была чудовищно плохая.

– Сережа уедет завтра, он не сможет задержаться, планы изменились... Ты письмо написала? Подробное? А фотографии сделала? Все уже у Сережи? Ты хорошо заклеила конверт? – прорывался голос Игоря через помехи, которые на этот раз я тоже слышала, словно он говорил со мной с Меркурия. – Соскучился! Мне не звони, не трать деньги! Я сам буду звонить! Целую!

Тут я подумала, впервые за все время нашей совместной жизни, что у Игоря, наверное, кто-то есть. Или завел за время моего отсутствия... Не звони ему! Почему, спрашивается? Дорого, конечно, это правда, и он не хочет, чтобы я свои деньги тратила... Или потому, что он не ночует дома? И как он тогда меня в Париж отпустил с облегчением!..

Нет, глупости. Отпустил он меня, чтобы я рассеялась – ведь Игорь моментально чувствует, когда тебе нужна разрядка или смена обстановки. И даже если с облегчением – понять можно, Игорю для работы нужна свободная голова, особенно сейчас, когда дело к выборам – Василий Константинович наверняка загрузил его по уши работой. Нет, если бы он действительно завел женщину – так чем ему плохо дома ночевать? Меня нет, квартира к его услугам – было бы желание.

Но вот именно в это я поверить не могу – чтобы у Игоря было желание мне изменять. Просто он заботится, чтобы я деньги не тратила. Вот и все.

Как ни убеждала я себя, что все нормально, а все-таки на душе у меня было беспокойно. В какой-то момент я даже подумала, не махнуть ли в Москву. В конце декабря должны были начаться рождественские каникулы, и я могла бы поехать и посмотреть...

На что? Приехать, как командированный муж из анекдота, и искать, кто спрятался в шкафу? Нет уж, увольте. Нет ничего унижительней подозрений.

Неправильно, есть: проверки.

Это без меня, пожалуйста. Я в такие игры не играю.

Что за глупости мне лезут в голову! Что, собственно, такого произошло? Игорь позаботился о моих расходах. Действительно, было бы смешно: он ищет okazji, чтобы прислать мне деньги в Париж, а я буду их просаживать на телефонные переговоры?

Все просто и логично.

Глава 4

В ПОИСКАХ НЕ ТОЛЬКО Я

Шерил была у меня, когда раздался этот странный звонок от Игоря.

– Ты получил мое письмо с фотографиями? – спросила я его, ожидая услышать изумленные восклицания.

– Получил. Оля, Оленька, слушай меня внимательно! – У Игоря был слегка истеричный голос, что было абсолютно ему несвойственно. – Ты должна, я повторяю: ты должна немедленно прекратить общаться с Шерил! Немедленно! Забудь ее раз и навсегда, не звони ей и не встречайся с ней, слышишь! Не перебивай, у меня мало времени! К тому же я тебя плохо слышу! И завтра же, – завтра, поняла? – ты найдешь себе другую квартиру и переедешь. Любую, сколько бы она ни стоила, но завтра же! Никому не говори ни слова о переезде, никому не оставляй адрес и постарайся сделать это самым незаметным образом! Не задавай мне вопросы, – завопил он на мои слабые попытки вставить слово «почему», – я тебя умоляю, я не могу тебе сейчас объяснить! Слушай и выполняй. И все. Ты меня поняла? Завтра же! И больше с ней не встречаться! Я позвоню тебе завтра в шесть, сюда. Будь у телефона, скажешь мне свой новый адрес. Мне не звони! Оля, прекрати мне задавать вопросы! Сделай все, как я сказал, и немедленно, поняла? Все, целую.

* * *

Повесив трубку, Игорь вышел из автомата на почтамте и огляделся по сторонам. Нет, за ним никто не следит, с какой стати за ним должен кто-то следить? Он просто тихо сходит с ума! Его никто ни в чем не подозревает.

Пока что.

Игорь паниковал. Хуже, он был охвачен ужасом, почти истерическим. Влетев домой, он устремился к письменному столу. Несколько фотографий, разложенных на столе, смотрели на него двумя прелестными мордашками: Оля и Шерил. И от этих двух пар веселых глаз, устремленных в объектив, у него сводило судорогой все члены.

Игорь схватил фотографии и понес на кухню. Там, вытерев насухо раковину, он стал сжигать их одну за одной, с болью глядя, как корчатся в огне девичьи лица. И только последнюю пожалел, сунул во внутренний карман пиджака. Размельчив пепел, он смыл его.

Вернувшись в комнату, он достал из бара коньяк и, стоя, залпом осушил рюмку, тут же наполнив следующую.

Присел, нервно и нетерпеливо, на краешек стула. Тербил свой густой русый ежик. Достал из заветной пачки сигареты, закурил. Отпил из второй рюмки.

«Что я должен сделать? Что я могу еще сделать?» – пытался сосредоточиться он. – Допустим, какое-то время я поморочу им голову, что я подключил к поиску другие каналы. На этом я сумею выиграть несколько дней. За это время Оля переедет. Но потом – что?

Нужно, чтобы они ни о чем не догадались. Чтобы они никогда не узнали, что Оля и Шерил похожи. Но как это сделать? Я могу, допустим, сказать, что по моим каналам установлено, что Шерил

погибла, что ее нет в живых... Нет, не выйдет, иначе ее мачеха сказала бы об этом, когда ее спрашивали о Шерил. Не может же такое быть, чтобы ее мачеха не была в курсе? Значит, не годится.

Вот что важно понять: прослушивается ли мой телефон? Как узнать? Нынче прослушать несложно: денежки телефонистке – и вот вам все записи. Пойти на наш телефонный узел... Никто же просто так не признается: да, мне заплатили, и я прослушиваю... Заплатить еще больше? Пожалуй. Если она один раз продалась, продается и второй.

А если это навеска на линии? Тогда я не узнаю. Тогда я никак не узнаю.

Господи, что же делать?

Если они прослушивают, тогда вообще все бессмысленно. Потому что они уже слышали про похожую на Олю девушку по имени Шерил Диксон.

Тогда вы пропали, девочки.

И я тоже».

Игорь допил бутылку до дна.

В этот вечер уже больше ничего не тревожило его сознание.

* * *

Я положила трубку с таким недоуменным видом, что Шерил не выдержала и спросила меня обеспокоенно:

– Что-то случилось?

– Не знаю... Я не понимаю... Но что-то случилось.

Я не знала, пересказывать ли ей наш с Игорем разговор. Или, точнее, монолог Игоря. Не встречаться с Шерил? Мой Бог, но почему?

Шерил все еще смотрела на меня вопросительно, не рискуя, в силу своей вежливости, лезть с вопросами.

Тайна, которая и без того оевала нашу схожесть, стала сгущаться вокруг нас мраком. К тому же из этого разговора следовала... да, следовала одна простая вещь: Шерил находилась в опасности. Не знаю, в какой, но в опасности. А то стал бы так беспокоиться Игорь: смени адрес, никому не говори... Я должна была ей об этом рассказать. Я просто не имела права скрыть от нее эту странную беседу.

Выслушав, Шерил задумалась. Лицо у нее было удивленным, но вроде бы спокойным. Я тоже начала успокаиваться.

– Я тебе не сказала... – заговорила она. – Ты меня извини, я должна была, наверное, сразу тебя поставить в известность. Дело в том, что у меня были неприятности с полицией.

Я в изумлении уставилась на нее.

– С полицией? – мне казалось, что я ослышалась.

– И не только с полицией... Я состою в экологическом обществе «Чистая планета». Вернее, я его ответственный секретарь. Это означает, что я одна из тех, кто принимает решения о видах и формах нашей деятельности... Мы ведем активную деятельность против различных загрязнителей среды. Их много, они разные, поэтому неприятностей у меня тоже много и мои неприятности тоже разные. Во время некоторых

манифестаций меня – вместе с некоторыми другими членами нашего общества – задерживала полиция. У них на меня есть досье, я знаю. Потом, некоторые предприниматели, директора фирм или групп имеют на меня по зубу каждый... По большому такому зубу, по клыкку, пожалуй... Несколько раз меня пытались подкупить. Несколько раз мне угрожали. Один раз в моей квартире все перевернули вверх дном, разбили мою аудиотехнику и раздавили все компакт-диски... Так что в некотором смысле тебе действительно опасно со мной общаться...

Я была потрясена этой новостью. Тихая, вежливая, застенчивая Шерил – и бурная активистка экологического общества! Я представила, как на каких-нибудь их собраниях Шерил выступает со своим тихим голосом и ангельским видом...

А что, почему бы и нет? Она каким-то странным образом вписывалась в эту роль.

– Не понимаю, – сказала я, – а мне-то это чем угрожает? Я же не занимаюсь экологической деятельностью! Или Игорь испугался, что ты меня втянешь?

Шерил молча смотрела на меня.

– Нет, дело явно не в этом, – поразмыслив, сообщила я. – Ладно бы только – «не общайся с Шерил!»! А тут ведь еще «немедленно переезжай!»! Почему, спрашивается? У меня, Шерил, пренеприятнейшее подозрение, что тебе угрожает какая-то опасность... Я бы даже сказала – серьезная. Игорь явно боится, чтобы я не попала с тобой в какую-нибудь историю... Подумай-ка, что бы это могло быть?

Шерил вздохнула.

– Я тебе еще не все рассказала... За мной следит французская ДСТ.

– Это еще что такое?

– Управление территориальной безопасности... Вроде вашего КГБ.

– Ого! Какая честь!

– Наша последняя акция, вернее, несколько последних акций были направлены против ядерных испытаний Франции... – извиняющимся голосом проговорила Шерил.

Тут я была совершенно сбита с толку. Если моему воображению еще как-то удалось вписать Шерил в роль докладчика на собрании о «видах и формах деятельности» их общества, то организация акций против решения самого президента Франции... Нет, мое воображение с этим не справлялось.

– И как это ты делаешь? Ты выходишь с плакатом на улицу? Ты бросаешь камни в окна Елисейского дворца?

– Ну, окна в президентском дворце мы не бьем... – усмехнулась Шерил, – но с плакатами – да, и еще мы пишем обращения, письма, листовки, призываем бойкотировать французские товары, и потом... Мы заблокировали несколько причалов в портах... Впрочем, тебе этого знать не надо. Тем более что твой дружок за тебя так боится. Честно говоря, я тоже немного беспокоилась из-за этого, особенно из-за последних событий с французской безопасностью... Поэтому я тебя не приглашала ко мне домой. Потому что за мной, как я тебе сказала, следят. Зачем им брать еще и тебя на заметку? У тебя из-за этого могут возникнуть неприятности с визой...

– А у тебя не могут возникнуть неприятности с визой?

– У меня – нет. Наша деятельность легальна. И я слишком на виду у международной общественности – ведь наше движение интернационально. Франция никогда не рискнет прослыть недемократичной страной. Кроме того, у меня французское гражданство – ведь я родилась в Париже... Но ты для них – никто. Ох, извини, я в том смысле, что...

– Не утруждай себя, моя дорогая, все понятно.

– Они тебя могут выслать по-тихому и даже не объяснят почему. И ты больше никогда не получишь разрешение на въезд в эту страну. Поэтому, я думаю, твой Игор...

Она так и произносит: Игор.

– ...за тебя волнуется. Только я вот чего не понимаю: откуда он это все может знать?

А ведь и правда, откуда?

Игорь, конечно, знаком с людьми власть имущими и, соответственно, хорошо осведомленными... В моей памяти побежали лица, встречи, звонки, обрывки разговоров...

Василий Константинович, высокий сидящий блондин, красивое русское лицо, напоминающее Ивана-царевича из старых детских фильмов, только более утонченное. Васильковые, холодно-игривые глаза необыкновенно хорошо сочетаются с именем Василий. Его военная статья выдавала в нем офицера, властная манера, с которой он даже молчал, – офицера с высоким званием. Но офицера чего? Армии? КГБ? Я не знала. Теперь он что-то делал в политике, возглавлял какую-то патриотическую партию – то ли монархическую, то ли националистическую... Нет, кажется, он был умеренным славянофилом и ратовал за особенный путь развития России... насколько я помню из объяснений Игоря. Но даже если он и был «умеренным», его убеждения мне казались чересчур агрессивными, и один раз мы даже поссорились с Игорем из-за него...

Николай Георгиевич, невысокий брюнет с седыми висками, глаза цвета военной формы, спортивное тело, приятная внешность. Вспомнилось, как он играл на пианино на даче, где принимал нас, крепкими тонкими пальцами перебирал клавиши и пел красивым тенором романсы... Он знал наизусть все, что касалось русской истории, причем в том объеме, который далеко выходил за пределы любых советских учебников. Кажется, у него была какая-то фирма. Его жена, Марина Анатольевна, – необычайно красивая брюнетка, ростом выше на голову своего мужа и великолепная хозяйка, в которой радушие сочеталось с какой-то надменной холодностью. Ее жгучие глаза и ярко-черные волосы заставляли думать о Кавказе, и, если бы не русское имя, я бы сказала: грузинка. Породистое удлиненное лицо смутно напоминало какие-то виденные где-то портреты царских родов... Николай Георгиевич был каким-то образом связан с делами Василия Константиновича, но я слабо представляла – каким.

Андрей Владимирович, или «просто Андрюша», как он представился мне, ласково взглянув на меня своими серыми глазами и удержав чуть дольше положенного мою руку у своих губ... Этот был помоложе, лет тридцати с небольшим, аналитик по экономическим вопросам, уж не знаю, при ком или при чем, но Игорю он помогал, что-то для него писал и рассчитывал. Крепенький такой, словно боровик, с круглой, коротко стриженной светлой головой, он вроде бы, как и я, никогда не слушал разговоры «взрослых» и вечно отвлекал и развлекал меня шутками и анекдотами на их скучных посиделках... Были в орбите и другие люди, хаживали известные актеры, журналисты, какие-то политики, какие-то банкиры. Но эти три фигуры мне сейчас показались наиболее весомыми в плане их деятельности и связей, хотя я ничего толком о них не знала – чем занимаются, какие посты занимают... Обидно, что я никогда не вслушивалась в их разговоры, скучая до одури и позволяя развлекать себя Андрюше или болтая с их женами. Впрочем, у Василия Константиновича жены не было, он овдовел лет пять тому назад, а Андрюшина жена крайне редко появлялась с ним – у них маленький ребенок...

Мог ли Игорь через этих людей быть связан с КГБ, то бишь ФСБ? Или с какими-то секретными службами, о существовании которых я даже не имею понятия, но которые, как раз напротив, имеют понятие о существовании Шерил?

Все возможно. От Игоря можно ждать чего угодно.

Я попыталась объяснить это Шерил. Она с понимающим видом кивала. Интересно, что она там поняла, если я сама ничего не понимаю?

– Я тебе советую завтра же пойти в агентство по недвижимости, – вместо ответа сказала она мне. – Квартир навалом, ты найдешь действительно за один день. Только тебе нужно будет взять справку в банке о твоей платежеспособности – без нее ты дело с места не сдвинешь...

Я посмотрела на нее внимательно. Действительно, мы сестры, иначе просто не может быть – я ведь читала ее мысли! И в своих мыслях она прощалась со мной.

– Ты, похоже, думаешь, что я собираюсь последовать заклинаниям Игоря и расстаться с тобой? Ты меня не знаешь, Шерил. Я и не подумаю этого делать. Я тебя люблю. И я хочу узнать, отчего мы с тобой так похожи. И поэтому я с тобой расставаться не собираюсь. А вот насчет переезда – я как раз подумаю. Лишиться визы мне не хочется. Ты говоришь, за тобой французская безопасность следит? А откуда ты знаешь, что это именно она, и откуда ты знаешь, что за тобой вообще кто-то следит?

– Я видела. Мне мои друзья сказали – кое-кто из них заметил. За мной следят два человека. Вернее, обычно один, но иногда его подменяет другой...

– А на них где написано, что они из безопасности?

– На заднице, – сказала вдруг Шерил и рассмеялась. – Это же очень просто: за мной начали следить почти сразу после наших первых акций.

– Одного не пойму: что им дает слежка за тобой? Они уже знают, где ты живешь и где ты работаешь. Чего им еще от тебя надо?

– Не знаю. У меня недавно начался пожар. Я его сама погасила, еще до приезда пожарных. Начался он очень странным образом, на кухне, ночью. Хорошо, я не спала – иначе... Даже не знаю, я могла сгореть в своей квартире. Вообще-то я думаю, что меня хотели припугнуть. Но иногда мне становится страшно при мысли, что меня хотели убить.

– Ничего себе! А полиция ничего не нашла? Поджог это был или что?

– Нет. Я осталась жива, и даже большого убытка не было, и полиция этим происшествием почти не заинтересовалась. Посмотрели и сказали, что электропроводка, видимо, была неисправна.

– По-твоему, этот пожар – дело их рук?

– Не исключено. В виде предупреждения.

– Может, это какой-нибудь фирмач, которого достали ваши вылазки? Ведь ему ставить какие-нибудь фильтры на трубы – денежки выбрасывать. На ветер, как он убежден. На свежий ветер, – блеснула я своим глубоким пониманием проблем. – А ему не хочется. И он пытается подойти к проблеме с другой стороны, а именно: убрать источник проблемы – то есть тебя!

– Что мне тебе сказать? Своей визитной карточки, к сожалению, мне поджигатель не оставил. Но с тех пор, как мы стали заниматься антиядерными акциями, мы практически больше не беспокоим фирмачей – времени не хватает.

– Послушай... По-моему, это тебе надо срочно переезжать и никому не давать свой новый адрес, – сказала я. – Я вот что думаю: давай снимем вместе квартиру! И переедем, и никому не скажем куда! А?

Шерил снова задумалась. Потом улыбнулась – улыбка у нее детская, такая невинная, просто прелесть! Интересно, у меня такая же? Я почему-то ухитряюсь ощущать себя рядом с ней старшей из сестер, взрослой и умной, а вот поди ж ты, она какой-то там международный секретарь международного движения, и ею интересуются такие важные организации, как полиция и госбезопасность! А мной интересуются только моя

мама и Игорь...

– Давай, – закончила размышлять Шерил. – И никому не скажем. Тогда ты сделаешь хотя бы наполовину то, что хотел твой Игор, и мы сможем быть все время вместе. Только у меня есть просьба – если это возможно, не кури, пожалуйста, в гостиной. Против кухни я бы не стала возражать, и потом, у тебя будет своя комната...

Я засмеялась ее практичному ходу мысли, но Шерил внезапно помрачнела:

– Только я вряд ли сумею избавиться от наблюдения. Они меня все равно выследят. И если мы с тобой будем жить вместе, тогда и тебя тоже. А именно этого твой Игор и боится. Я, если ты заметила, в те дни, когда мы с тобой встречаемся, ухожу с работы раньше. – И она многозначительно на меня посмотрела.

Я ответила ей непонимающим взглядом. При чем тут работа? Или я уже больше не отличаюсь «умом и сообразительностью»?

– Извини, я что-то не поняла, это ты к чему?..

– Они начинают следить за мной с шести тридцати, с конца рабочего дня. И я ухожу раньше в дни наших встреч, чтобы не привести их к тебе.

– Какая ты милая, Шерил... Я тронута твоей заботой, правда.

– Пустяки.

– А ты не можешь сменить работу?

– Э-э, ты даже не представляешь, как это сложно!

– А что же делать? Как уйти от слежки?

– Думать будем. Тут, – она постучала ноготком себе по лбу, – кое-что для этого имеется. И тут, – ноготок устался в направлении моего лба, – тоже. Особенно если нас покормить. Пошли чего-нибудь приготовим?

Мы с ней отправились на кухню и занялись приготовлением ужина. Я сделала омлет на сметане, как всю мою жизнь готовила мне мама, Шерил помыла и нарезала овощи, и мы уселись за стол.

– Потрясающий омлет, – сказала Шерил, – мне никогда не приходило в голову делать его на сметане. Это русский рецепт?

– Это мамин рецепт. Я не знаю, как готовят его другие.

– Надо его запатентовать. Такой омлет можно в ресторане подавать.

– Знаешь, что странно? – Мои мысли витали далеко от кулинарных проблем. – Что ты заметила слежку! Не знаю, какая во Франции разведка, но я привыкла думать, что во всех разведках мира работают тренированные кадры и уж что-что, а следить они умеют...

– А они и не слишком скрывают свою слежку. Я думаю, это нарочно. Чтобы я боялась что-то предпринять, чтобы знала, что я под контролем. Они и следят-то обычно после работы и сопровождают меня до дома. Потом торчат у моего дома часов до восьми-деяти и, когда им становится ясно, что я уже никуда не пойду, уходят. А если я иду на наши собрания, то тащатся за мной и ждут меня до конца. Мне даже стало нравиться, что они меня сопровождают: поздно вечером прогуливаться одной небезопасно...

«Конечно, – подумала я, – ведь вряд ли у нее, с ее банковской зарплатой, есть возможность ездить на такси, а машину не всегда возьмешь из-за сложностей с парковкой».

– А они, ты думаешь, заметили, что ты их заметила?

– Не знаю, – беспечно пожала плечами Шерил. – Во всяком случае, следить за мной они не перестали.

– Неужели от них никак невозможно избавиться? А если ночью переехать? Они ведь по ночам тебя оставляют в покое?

– Шутишь? Кто же это мебель по ночам таскает? Соседи немедленно полицию вызовут.

– Хорошо. Скажи-ка мне вот что: они за тобой ежедневно следят? И по выходным? Ты уверена, что в рабочее время слежки нет? Всегда ли сразу после работы?

– Ух, сколько ты мне вопросов накидала! В рабочее время я их никогда не видела, да и что выслеживать? А после... Я не всегда обращала внимание. А что?

– Мы могли бы устроить наш переезд в рабочее время, ты возьмешь отгул... Не исключено, что можно найти и другое «окно» в их слежке. В выходной, например.

– Я об этом не подумала... Я завтра постараюсь засечь по часам, когда они начинают и когда заканчивают. Давай спать, – без всякого перехода добавила она. – Уже поздно. Завтра пойдем с тобой в агентство по недвижимости.

– Надо хотя бы дня три понаблюдать, чтобы быть уверенными... – не успокаивалась я. – Шерил, у меня идея! Я буду следить за твоими наблюдателями! У меня как раз занятия к этому времени заканчиваются, я приеду на твою улицу и выслежу их!

– Тебя могут заметить. И даже принять за меня, как это уже было с Ги.

– Знаешь, что я сделаю? Я загримируюсь и куплю...

– Парик! – воскликнули мы одновременно.

– Только не черный...

– ...а светлый шатен! Потому что с нашей белой кожей черный будет смотреться...

– ...ненатурально!

Окончательно развеселившись, мы с Шерил отправились умываться.

Наутро в первом же агентстве мы с ней нашли квартирку в Латинском квартале. Две комнаты и общая гостиная, и к тому же нормальная кухня – это было потрясюще! Проблема была с обстановкой – квартиры, как правило, во Франции сдаются пустые, и народ въезжает в них со своим скарбом. У Шерил он имелся, но у меня не было ничего – мое маленькое студио было снято Игорем с мебелью, которую, естественно, я должна была оставить на месте. И у нее и у меня квартиры были оплачены до конца месяца, так что хлопоты по расторжению договоров пока не предвиделись. В принципе мне следовало найти Владимира Петровича и сообщить ему, что я съезжаю, но я это отложила на потом.

Счастливые, мы бродили с ней по мебельным магазинам в поисках хотя бы кровати для начала – мне же надо было на чем-то спать! Мы пообедали в ресторанчике, потом снова пошли в очередной магазин, потом опять сидели в кафе за чашечкой кофе...

Я все норовила заплатить за Шерил. А Шерил все норовила заплатить за меня. Наконец я не выдержала и, стесняясь собственной бестактности, сказала:

– Оставь эти счета, Шерил! Моя финансовая ситуация позволяет мне тратить деньги без особых затруднений... – кажется, я уже начала изъясняться в стиле самой Шерил.

– Моя финансовая ситуация, – улыбнулась она мне в ответ, – позволяет мне тоже тратить деньги без особых затруднений. Родители оставили мне довольно большое наследство.

Вот те на! А я-то думала: бедняжка, живет на скудную зарплату... Надо признать, что у нее совсем не было замашек, свойственных богатым людям.

Или, точнее, богатым русским людям...

Когда мы нашли наконец лохматый, жутко дорогой парик темно-русого цвета, было уже полшестого. У Шерил на шесть часов была запланирована какая-то важная встреча с оргкомитетом: в понедельник они проводили международную конференцию по проблемам экологии. Я тоже торопилась: Игорь обещал позвонить в шесть. Мы расстались с Шерил в метро, и каждая помчалась в своем направлении.

Я пыталась решить на ходу, говорить ли Игорю, что мы переезжаем вместе с Шерил. И решила, что нет. Игорь бы только стал вопить в телефон, снова ничего бы не объяснил – зачем, спрашивается, мне нужна лишняя нервозность? Подожду оказии и напишу ему. Объясню все про французскую госбезопасность, про деятельность Шерил и про то, что я ее люблю и уверена, что она – моя родная сестра. И что я не могу ее бросить. Он поймет. Правильно, в письме, потом. А пока нет никакого смысла упоминать про Шерил.

Игорь снова долго не мог прозвониться. Раньше его было так хорошо слышно, будто он звонил из соседнего подъезда...

– Откуда ты мне звонишь? – спросила я. – Связь как-то странно ухудшилась.

– С почтамта, по автомату... – Игорь явно растерялся. – Я как раз мимо пробежал...

Что происходит? Мне домой звонить нельзя, он мне звонит не из дома... У нас кто-то поселился?

Я вдруг снова представила, что Игорь мне изменяет. Нет, хуже, – что он собирается меня бросить.

– А в прошлый раз ты откуда мне звонил? – вкрадчиво спросила я.

– Из Казани. Я там был в командировке.

Врет. Понял, что я что-то учуяла, и врет.

– И в позапрошлый раз тоже?

– Что – тоже? – не понял Игорь.

– Также из Казани или тоже из автомата? Потому что связь была и тогда плохая.

Надо мне позвонить домой. Проверить, не снимет ли там кто-нибудь трубку и не ответит ли мне женский голос.

– Из дома я звонил, что ты ерунду говоришь! Связь же не всегда бывает хорошая!

Может быть. Может быть, он и прав. И все же я позвоню домой.

– Объясни мне, почему я должна переехать и не общаться с Шерил? – спросила я, хотя мне все было уже ясно и так.

– Это долго... Она... Тебе нельзя с ней общаться... это опасно... Я, знаешь, потом тебе лучше напишу, по телефону трудно объяснить...

Ладно. Я понимаю, мне самой по телефону трудно объяснить. К тому же мне не к спеху. Я знаю про нее, может быть, даже больше, чем ты, Игорек.

– Или при встрече. Даже было бы лучше... Может быть, мне удастся приехать на Рождество.

– Это было бы чудесно! – обрадовалась я. – Я соскучилась. А это точно?

– Нет. Я просто постараюсь.

– Если у тебя не получится, то, может, мне приехать в Москву?

Молчание. Мое сердце глухо стукнуло.

– А, Игорек?

– Я думаю, что у меня получится, – наконец сказал он. – Я тоже соскучился ужасно... – Голос его был нежным и фальшивым.

Я не умею думать на ходу. Я себя считаю умной, но, по правде говоря, я умная в спокойной обстановке. Мне нужно посоображать, чтобы принять правильное решение. Поэтому, когда у меня нет возможности посоображать, я стараюсь решения не принимать и лишних слов не говорить. Поэтому я просто сменила тему:

– Мне пришлось купить себе диван и еще придется какую-то мебель купить. В этой квартире ничего нет.

– Не страшно. Купи все, что нужно.

– Я выберу подешевле.

– Ты благоразумная девочка.

– Ведь это придется потом все здесь бросить. Не потащу же я мебель в Москву.

– Я и говорю, что ты благоразумная девочка. Когда ты переезжаешь?

– Через пару дней.

– Почему не сегодня? Я ведь тебе сказал – немедленно!

– Это невозможно, Игорь. Мне нужно сложить кучу вещей, докупить мебель – не могу же я жить в пустой квартире!

– А что значит «через два дня»?

– В понедельник, – сказала я твердо.

– Ладно, – сдался Игорь. – Никому ничего не говорила?

– Нет. Только как быть с Владимиром Петровичем? Ведь ему надо сказать, это он снимал квартиру.

– Не волнуйся, я сам с ним свяжусь. А этой Шерил ты как объяснила?

Хитрый. Пытается меня поймать. Я же никому ничего не должна была объяснять!

– Никак. Я ей ничего не сказала.

– Она не знает о твоём переезде?

Бог мой, врать-то тяжело!

– Нет.

Я напишу тебе, Игорек, уж ты извини, что я сейчас тебе лапшу на уши вешаю. Просто иначе мы с тобой потратим три миллиона на разговор и ни к чему не придем.

– Ты умница. Диктуй мне свой адрес и телефон.

Только тут я сообразила, что документы на квартиру остались у Шерил, – она их оформляла для меня, она ведь французским владеет в совершенстве, чего я о себе сказать никак не могу...

– Игорек, я тебе продиктую, как только перееду. Неохота сейчас идти их искать...

– Куда идти? – В голосе Игоря появилось напряжение.

– В сумку. Они в сумке лежат, сумка в прихожей, а я писать хочу, – соврала я. У меня и прихожей-то нет.

– Ладно, – усмехнулся Игорь. – Тогда я тебе завтра позвоню. Целую, маленькая, иди писать...

Домой я позвонила сразу же.

Там никто не ответил.

Тем лучше.

И все же...

Я решила позвонить маме.

Вообще-то я маме звонила достаточно регулярно, но обычно это были простые разговоры, ничего особенного: ты здорова? – а ты здорова?.. Но на этот раз, кроме маминого здоровья, меня интересовало еще кое-что.

– Мамульчик, а Игорь тебе позванивает?

– Позванивает, Аленушка, не беспокойся.

– А давно звонил последний раз?

– Да... – Мама явно растерялась. – Не помню я точно...

– Примерно, мамуля!

– С неделю, наверное... Он же человек занятой, Аленушка, куда ему чаще звонить!

Все ясно, мама думает, что я нападую на Игоря за невнимание к ней, и пытается его покрыть.

– Мама, скажи мне честно, – строго сказала я.

– Я честно, неделю назад!

– О чем вы говорили?

– Да как обычно, не пойму я, к чему ты клонишь. Про здоровье спрашивал, не надо ли чего, спрашивал...

– Тебе он не показался странным?

– С чего бы это?

– Игорь не говорил, что он ездил в Казань?

– Аленка, он не обсуждает со мной свои дела! Мы с ним говорим обычно про тебя... Как я поняла, ты эту мысль из головы не выкинула.

– Какую?

– Ну, что у тебя двойняшка есть.

Я так и увидела, как мама недоуменно пожала плечами.

– Это тебе Игорь рассказал?

– Что ты, Аленка, воду мутить, скажи мне? Игорь тоже разволновался, стал у меня выпрашивать, уверена ли я, что ты моя дочь, и в каком это роддоме ты родилась... Ерунда какая-то!

– Не расстраивайся, мамуля, что бы ни выяснилось, ты у меня всегда будешь единственная мама. И самая любимая.

– Ты что, Оля, это ты серьезно? – каким-то испуганным шепотом спросила меня мама. – Ты всерьез думаешь, что нашла свою сестру?

– Нет, мамульчик, я пошутила, – солгала я, чтобы ее успокоить. – Просто мы очень похожи. Так ты говоришь, что Игорь неделю назад звонил? – сменила я тему.

– Ну, дней десять назад...

– И ничего странного тебе не показалось в его словах или поведении?

– Аленка, не знаю я. Вроде бы все как обычно.

– Тем лучше, – сказала я. – Я переезжаю на новую квартиру через пару дней, дам тебе новый адрес и телефон. Ты здорова, мамочка?..

Три последующих дня были полностью посвящены моему переезду. Я моталась по магазинам, с трудом сопротивляясь нерациональному желанию закупить все на свете, все те штучки и цацки, которые попадались мне на пути в торговых галереях, – так было приятно, так радостно оформлять свой дом, свой первый дом, пусть и временный, который я устраивала сама и по своему вкусу! Я упаковывала сумки, ездила на новую квартиру встречать грузчиков, показывала, куда поставить мебель, следила за сборкой – да что рассказывать, каждый знает, что такое переезд. Но не каждый пережил эту радость и свободу, с которой ты, единственно ты сам решаешь, каким должен быть твой дом! До сих пор у меня был мамин дом, затем дом Игоря, уже давно им обжитый и обставленный в соответствии с его личным вкусом... Я ничего не имела против вкуса Игоря, но все-таки, когда все выбираешь сама, это совсем другое дело! И еще одна существенная деталь: у меня были деньги. Я, как было решено, старалась купить вещи недорогие и практичные, но на них тоже нужно было немало денег, и они у меня были – спасибо Игорю. Для меня это было огромное удовольствие, доселе не испытанное...

Только вот его звонок я, должно быть, проворонила в беготне.

«Шпионские страсти» были запланированы на вторник, когда я покончу с переездом, а пока что Шерил обещала мне обратить внимание, что творится за ее спиной.

За эти три дня я вообще забыла обо всем на свете, смакуя свое обустройство и желая удивить Шерил своим вкусом и умением создать уют. Гостиную я решила тоже обставить на свой риск, не спросив Шерил, – мне казалось, что она только будет рада, потому что у нее нет ни достаточного времени, ни, похоже, особого интереса, чтобы всем этим заниматься. Это должен был быть сюрприз для нее.

Поздно вечером в понедельник, когда я расставляла светильники и накрывала то так, то этак абажуры, чтобы создать наиболее мягкую и уютную атмосферу, Шерил позвонила мне уже на новую квартиру с отчетом.

Выяснилось, что ни в субботу, ни в воскресенье никто у нее на хвосте не висел. В понедельник же у них была важная и большая конференция, на которую съехалось немало разного экологического народа, и уследить за возможными «хвостами» было трудно – вокруг крутились журналисты и вспыхивали фотоаппараты.

– Вот и отлично. А я начну мое следствие завтра, – сообщила я, и холодок приключения побежал по моей спине.

– А вообще есть ли смысл продолжать? Ведь мы уже убедились, что в выходные можно переезжать. Так зачем тебе еще лишние хлопоты?

– Я поражаюсь твоей беспечности, Шерил, – сказала я строго: во мне, видимо, проснулась «старшая сестра». – Ты забыла, что у нас не решен вопрос с твоей работой? Они тебя выследят в первый же вечер!

– Но что же мы можем придумать?

– Чтобы думать, надо сначала знать. Вот я и хочу своими глазами увидеть, что представляет собой эта слежка и эти люди... К тому же я умираю от любопытства, – улыбнулась я, – ведь до сих пор я видела шпионов только в кино!

– Ну, как хочешь, – сдалась Шерил.

Правильно, со старшими не спорят!

Первое, о чем я подумала во вторник утром, проснувшись в своей новой, еще не обжитой квартире, – это о том, что я так и не дала Игорю свои новые координаты! Он почему-то мне не позвонил в выходные – или, скорее всего, я проворонила его звонок.

Несмотря на его заклинания не звонить к нам домой, я, стоя в ночной рубашке, набрала наш номер.

Никто не ответил. В Париже было семь утра – у меня по вторникам лекции рано начинаются, – в Москве соответственно – девять. В это время он обычно уже уходит из дома...

Вернувшись из Сорбонны в четыре, я снова кинулась к телефону. Набрала номер. С тем же результатом, что и утром. Конечно, он не обязан в шесть часов по московскому времени быть дома. Но... Мне это не понравилось, и я позвонила маме.

– Твой знакомый сегодня приходил, тебя искал. Николай, – сказала мама после всех приветственных восклицаний.

– Какой еще Николай?

– Коля Зайцев, ты с ним в школе училась.

– Что еще за цирк? Никакого Коли Зайцева я не помню... Зайцев, Зайцев... Какой из себя?

– Невысокий, коренастый, темноволосый, глаза карие... Внешность приятная.

– Может, из параллельного класса? Вроде там был какой-то Зайцев. И зачем он приходил?

– Он сказал – хотел с тобой пообщаться. Спрашивал, как тебя найти.

– Ума не приложу, зачем я ему могла понадобиться... Ничего не просил передать?

– Я ему предложила – если что срочное, то я могу передать, или пусть через мужа – я Игорька твоим мужем назвала, чтобы сразу ясность была, – передаст, поскольку ты регулярно звонишь из Парижа. Он твой телефон в Париже просил, я не дала. Он мне, знаешь, не понравился. Хоть я его и чаем угостила... Вежливый, почтительный паренек – а все равно Игорь твой лучше. Ну его, начнет к тебе приставать... Зачем тебе это нужно, правильно?

Ну да, мама моя бдит прочность нашего с Игорем союза. Ох, смешная!

– Я записала его номер телефона, – продолжала моя заботливая мама, – и предложила, что ты ему сама позвонишь, если ему так надо. Тебе продиктовать?

– А он просил?

– Да как-то так промямлил невнятно, что, мол, было бы хорошо, но не срочно.

– Ну и хрен с ним, раз не срочно. Подождет, пока я в Москву вернусь. Правильно сделала, что не дала мой телефон, – мне тут только еще не хватало бывших одноклассников.

– Вот и Игорь сказал – правильно. Он меня вообще отругал, что пускаю в дом незнакомых людей, да еще мужчину, да еще и чаем его пою. Игорь говорит, что это мог быть наводчик.

– Конечно, мамочка, Игорь стопроцентно прав! – испугалась я. – Ради Бога, никому никогда не открывай, я тебя заклинаю!

– Игорь должен подъехать сегодня ко мне, он хочет сменить замки на двери. И еще он сказал, что нужно ставить металлическую дверь с сейфовым замком. Он обещал заняться.

– Очень хорошо, пусть займется. Так Игорь тебе звонил? А я его дома не застала...

– Он ко мне, должно быть, едет.

– Тогда поцелуй его от меня.

– Перезвони попозже!

– Не могу... Я билеты в кино взяла, – соврала я, поглядывая на часы. Пора было выходить, чтобы вовремя приехать на наблюдательный пост. – Мамочка, запиши мой новый...

– А вот и он! – воскликнула мама. Я слышала, как мелодично пропел звонок в ее квартире. – Подожди у телефона.

Стукнула о стол трубка, и через несколько секунд до меня донеслись восклицания мамы и Игоря, а затем Игорь схватил трубку.

– Оля!

– Игореша, куда ты пропал? Я так и не дождалась твоего звонка в выходные, а сейчас я должна бежать, у меня билеты в кино. Запиши быстро мой...

– О-ля! – заорал он в трубку. – Я тебя не слышу! Алло, алло! Что-то с телефоном! Ты меня слышишь? Позже перезвони!

Я с недоумением слушала короткие гудки. Опять что-то с телефоном. На этот раз с маминим. Но с телефоном происходит что-то только тогда, когда по нему говорит Игорь. Как будто он не хочет говорить со мной...

Однако мне надо было уходить. Перезвонить я не смогу, но мама скажет ему, что у меня билеты в кино... Пусть звонит мне завтра.

Ах, черт, я же так и не оставила свой номер!

Ну ладно, сама позвоню.

* * *

Игоря насторожил этот визит «одноклассника», очень насторожил.

Конечно, Олю мог действительно разыскивать кто-нибудь из ее бывших поклонников, в этом ничего неестественного нет...

Мог быть и наводчик, как он сказал Олиной маме. В таком случае можно успокоиться: у нее взять нечего, ее квартирой вряд ли заинтересуются грабители...

Хотя, помилуйте, какой наводчик будет ходить по квартирам и представляться одноклассником? Нет, наводчик не таков. Это персонаж из ремонтной братии, из службы, которая приходит по вызовам...

Но тогда остается предположить самое худшее: интересовались Олей.

Ерунда! Зачем видеть все в черном свете? Они никак не могли догадаться, по крайней мере – так быстро догадаться, что Игорь темнит. А про Шерил им до сих пор ничего не известно... Нет, это наверняка кто-то из Олиных воздыхателей! Племянник Вадька рассказывал, что за ней бегали чуть ли не все мальчишки школы!

И все-таки Игорь незамедлительно выехал к Вере Андреевне.

Он застал ее на линии с Олей. Несмотря на все свои самоуговоры, ему стало не по себе. Он почти выхватил трубку у Веры Андреевны и, быстро распрощавшись с Олей, тут же снял трубку с рычага, раскрутил.

Как бы ему хотелось ошибаться!..

Но чудес не бывает: в трубке был «жучок».

Вера Андреевна поила «одноклассника» чаем: значит, он провернул эту нехитрую операцию в то время, когда она была на кухне.

Итак, все переговоры, ведущиеся и в доме, и по телефону, прослушиваются.

Кем? Связано ли это с поисками Шерил?

Я становлюсь идиотом. Я, как глупая птица, начинаю прятать голову под крыло. Конечно, связано.

Значит, меня уже подозревают.

«Зайцев» оставил свой номер телефона. Позвонить?

Нет смысла. Никакого там Зайцева нет, по этому номеру, а если даже и есть, то зачем выдавать свои подозрения? Нет, не нужно звонить.

Что теперь? Есть ли у меня еще в запасе ходы?

Первое: «жучок» оставляем на месте. Они не должны догадаться, что я сообразил.

Второе: предупредить Олину маму, чтобы не произносила неосторожных слов. Какое счастье, что Оля не успела продиктовать адрес!

Третье: предупредить Олю, что маме звонить опасно. Черт, как? Теперь у меня нет ни ее телефона, ни ее адреса! Ну, тогда... Тогда Вера Андреевна пусть позаботится, чтобы Оля не сказала лишнего по телефону.

Четвертое: мне немедленно исчезнуть. Куда и как – продумаю попозже, но исчезнуть.

Игорь осторожно закрутил трубку и положил ее на рычаг.

– Ну что там, с телефоном?

– Ничего, все в порядке. Должно быть, помехи на линиях.

– Вообще, ты знаешь, телефон последнее время работает из рук вон плохо. То не туда попадаю, то чужие разговоры слышу... Раньше такого не было.

Ах, как кстати эта реплика, которую слушают неведомые люди на том конце провода!

– У меня то же самое... Вы правы, раньше такого не было.

– Все-таки раньше было больше порядка, а, Игорек?

– Но меньше демократии.

– Это верно... Я понимаю, что демократия нужна. Но жить стало труднее нам, старикам. Ты-то молодой, тебе и карты в руки. Как дела идут?

– Отлично. Вера Андреевна, не сделаете мне чайку?

– Конечно, Игорек.

Мама ушла на кухню, где начала возиться с чайником, а Игорь быстро проверил все возможные закутки и закоулки, в которых могли прятаться микрофоны.

Больше ничего не было. Собственно, и не должно было быть: в первую очередь, если они действительно ищут Олю, их интересовал телефон. Кроме того, «бывший одноклассник» вряд ли располагал достаточным временем, чтобы понаставить микрофоны повсюду – чай не обед, готовить недолго.

И словно в подтверждение этих слов Вера Андреевна крикнула с кухни:

– Чай готов, Игореша!

Закрыв дверь на кухню поплотнее, Игорь присел за кухонный столик, накрытый нарядной клеенкой с охотничьим натюрмортом, которую он привез для Веры Андреевны из Австрии. Подождал, пока она села рядом.

– Вера Андреевна, – он взял ее за руку, – выслушайте меня внимательно и отвечайте очень, очень тихо, ладно? Ваш телефон прослушивается.

Кажется, она не поняла.

– В телефонной трубке, – Игорь не шептал, но говорил так тихо, что Вера Андреевна склонила к нему ухо, – есть микрофон. По нему могут слышать все разговоры, ведущиеся в комнате и по телефону.

Вера Андреевна кивнула спокойно.

– Я поняла, Игореша. И кому это понадобилось?

– Не знаю. Могу только сказать, что и мой телефон наверняка тоже прослушивается. Вы знаете, Вера Андреевна, что я занимаюсь политикой.

– Да я не очень-то знаю...

– Неважно. Я возвращаюсь в круг людей, которыми интересуются и власти, и ФСБ, и политические противники. Кто из них установил «жучка» у вас – я не знаю. Но вы должны понять, что все разговоры, которые вы ведете дома, должны быть продуманы.

– А не проще его вытащить?

– Не проще. Если они догадаются, что их раскрыли, они примут другие меры, и мы о них уже ничего не узнаем. А так – вы знаете, что есть микрофон, а они не знают, что вы знаете. Нужно только одно: никакой лишней информации по телефону. Ни со мной, ни с Олей, ни с вашими подругами, которые вздумают расспрашивать, «как поживают дети».

– Что ты называешь «лишней информацией»?

– Ну, во-первых, про сам факт микрофона в телефоне.

– Ну, это ты, Игореша, загнул. Я же не идиотка!

– Извините. Во-вторых, постарайтесь сделать так, чтобы Оля не диктовала вам свой адрес и телефон.

Вера Андреевна сделалась мгновенно бледной, лицо ее осунулось за какую-то долю секунды, глаза широко распахнулись.

– Оля в опасности?!

– Тш-ш! – Игорь приложил палец к губам. – Не повышайте, ради Бога, голос. К сожалению, все близкие тех людей, которые занимаются на сегодняшний день бизнесом или политикой, находятся в той или иной мере в опасности, – удрученно произнес он.

То, что он сказал сейчас, было чистой правдой. Но только далеко не всей. Так далеко, что эта правда становилась ложью. Но не рассказывать же матери, что ее дочь находится в реальной и смертельной опасности, и причем по его, Игоря, вине, по его глупости, по его бездарности, с которой он так чудовищно вляпался в это дело. Ведь с самого начала не понравилось ему это поручение, с самого начала что-то нервно сжималось в солнечном сплетении, – но он не отказался. Не отказался вовсе не из желания помочь – просто хотел блеснуть, цену себе набавить, уже и без того немалую...

Говно, дешевый пижон. Теперь вот либо Олю спасать, либо себя. Потому что себя можно спасти на самом деле только одним способом: продать Олю.

Ну нет, на это Игорь не пойдет. Он Олю любит, и он не трус! Хотя, признаться, и не смельчак... Но есть ведь еще ходы в запасе! Если Вера Андреевна поведет себя с умом, если Оля сделает в точности так, как он велел, – быстренько расстанется с Шерил и переедет, никому не дав нового адреса... собственно, она уже это сделала, раз хотела адрес продиктовать! – тем лучше; и если он сам исчезнет побыстрее... Тогда, может, и выкрутимся.

– Так что, – добавил он, – лучше принять меры предосторожности.

По-прежнему бледное лицо Веры Андреевны сделалось сосредоточенным.

– Может, ей лучше вернуться?

– Ни в коем случае! Чем Оля дальше, тем лучше.

– Хорошо. Скажи мне поподробней, что мне делать и чего не делать.

– Живите как обычно, не показывайте никому своего беспокойства. На любые вопросы, будь то по телефону или при встрече, будь то старые знакомые или вовсе незнакомые люди, как сегодняшний «одноклассник», – отвечайте, что меня давненько не видели и что я куда-то пропал; Олиного старого адреса никому не давайте и не упоминайте, что она переехала. Не рассказывайте про нее вообще ничего: как Оля? – Оля в порядке. Не упоминайте про ее рассказы о девушке, похожей на нее.

– Это как-то связано?..

– Нет, никак, – заторопился успокоить ее Игорь, – просто, чем меньше о ней будут знать, тем лучше. Вы должны создать впечатление, что Оля звонит вам редко и подробностей не рассказывает – следовательно, вы ничего и не знаете... Понимаете?

– Понимаю, Игореша. Но ведь мой телефон, ты говоришь, прослушивается? Тогда эти люди, которые могут ею интересоваться, будут знать все: и как часто Оля звонит, и про что она рассказывает... – тихо проговорила Вера Андреевна.

– Правильно. Поэтому, когда Оля позвонит, постарайтесь ей вопросов не задавать и менять тему, как только она заговорит о чем бы то ни было, выходящем за рамки ее здоровья и учебы. Ее адрес и телефон не спрашивайте, если начнет вам диктовать – перебейте, сошлитесь, что связь прервалась, что каша подгорела, что слесарь пришел... Про меня ей отвечайте то же, что и всем, – что я куда-то пропал. Договорились?

Олина мама кивнула.

– Выпьешь еще чашечку? – громко сказала она.

Молодец, Вера Андреевна! Все поняла.

– С удовольствием, – так же громко отозвался Игорь.

Эта часть дела сделана. Теперь осталась последняя задача: исчезнуть.

Рвануть в Париж. Найти Олю. Забрать ее и спрятаться где-нибудь подальше... Какие-нибудь острова или Австралия, Новая Зеландия... Денег на счету хватит надолго, и лежат они в швейцарском банке надежно.

Игорь шумно, в расчете на микрофон, распрощался и вышел в ночь. Ледяной ветер поздней осени раскачивал желтые лампы фонарей, и их тусклый свет, не в силах разогнать ночную тьму, лишь метался по тротуарам, беспорядочно ломая острые черные тени. Игорь натянул шарф на подбородок и оглянулся. Кажется, все спокойно. Да и кому это надо – таскаться за ним в такую ночь, зная, что он всего-то ходил навестить тещу...

Да! Именно так и сделать. Сейчас домой, собрать вещи и, не мешкая, в аэропорт. Там – дожждаться рейса на Париж.

Они не успеют.

Погруженный в свои мысли, Игорь не заметил, как из черного провала тени вычертились два размытых силуэта и неслышно заскользили ему вслед.

Глава 5

ГУСЁК

Повесив трубку, я быстро и ярко нарядилась, надела парик, черные очки, длинную черную юбку с жакетом, из-под которого выглядывала ярко-красная шелковая маечка, соблазнительно открывающая верх груди, зашнуровала ботинки на высоких каблуках и стремглав выскочила из квартиры – пора было наблюдать за наблюдателями Шерил.

С Шерил мы условились, что она потащит свой «хвост» по улице, на которой находилось мое кафе, мой наблюдательный пункт. Ловя на себе любопытные взгляды – я была одета и накрашена, прямо скажем, вызывающе, по принципу «больше смотрят на одежду – меньше на лицо», – я заняла место у окна. Самое главное, что я не похожа на Шерил, – думала я, чувствуя кожей, как прилепливаются ко мне мужские взгляды, пытавшиеся вычислить, уж не проститутка ли я, вышедшая на ранний (проститутки обычно возникают на улицах не раньше девяти вечера) улов.

Шерил появилась в начале улицы почти сразу. Медленно бредя, словно задумавшись, она прошла мимо моего окна, скосив легонько глаза на меня, и двинулась дальше. «Хвост» не замедлил возникнуть метрах в пятидесяти позади. Это был мужчина лет сорока восьми, одетый в дешевый костюм и, поверх него, куртку бежевого цвета. Вид у него был равнодушный и усталый, он брел в такт Шерил, лениво поглядывая по сторонам. Когда он приблизился к моей витрине, я углубилась в распитие безалкогольных напитков, а именно – кока-колы с лимоном, отвернув лицо в сторону зала и для пущей надежности закрыв пол-лица стаканом, из которого медленно цедила сладкие холодные глотки. Ну и гадость эта кока-кола, и чего это ее все так любят? Из-за рекламы, наверное. Люди до удивления внушаемы, – думала я, высчитывая примерное расстояние, на которое «хвост» мог уже отойти от моего окна, – им умники, делающие рекламу, говорят: у нас тут самое лучшее, самое вкусное, так что несите ваши денежки сюда. А народ не то что несет – бежит вприпрыжку и еще гордится тем, что его объегорили и денежки из него вытряхнули... Должно быть, уже прошел мое окно. Я повернулась.

Теперь я их видела в спину. Шерил шла к метро, «хвост» плелся за ней. Я не торопясь допила свою гнусную коку, выкурила сигарету, расплатилась, прошла с неприступным видом мимо поддатых мужиков у стойки, вышла на улицу и стала ловить такси. Необходимости тащиться за ними в метро не было: я ведь знала, что он будет следить за Шерил до дома, и рассчитывала его там подстеречь и проследить, когда он отвалит.

Завидев такси, я начала отчаянно махать рукой – боялась, что кто-нибудь перехватит его раньше, – и едва не стукнула по лбу молодого парня в джинсовом костюме и джинсовой же кепке, надетой козырьком назад на американский манер, который в это время проходил рядом. Судя по синеватой выбритости – брюнет. Я бы не удивилась, если бы оказалось, что он манекенщик – до того хорош собой... Я аж замерла, уставившись на него. Он с любопытством посмотрел на мою потрясающую внешность и даже будто замедлил на секунду шаг, улыбнулся, обнаружив потрясающую ямочку на щеке, но приставать не стал и вскоре скрылся в конце улицы. Торопился, должно быть...

Такси меня заметило и причалило к тротуару, и я была у выхода из метро на две минуты раньше, чем Шерил. В районе площади Республики, где жила Шерил, было многолюдно и оживленно, и мне было легко спрятаться. Притаившись за журнальным киоском, я видела, как поднялась по лестнице метро сначала Шерил, затем ее «хвост», который шел едва ли ей не в затылок – в толпе и темноте было легко потеряться.

Я уже было собралась последовать за ними, как из того же выхода возник знакомый соблазнительный брюнет с внешностью манекенщика и улыбкой младенца.

Я снова притаилась, недоумеваю. Случайное совпадение?

Брюнет направился точно в том же направлении. Случайно ли?

Выждав, я двинулась за всей компанией. «Джинсы» не отставали от «костюма», держа, однако, от него дистанцию примерно метров в тридцать. Я подумала, что это, видимо, максимум, который можно себе позволить, чтобы их не потерять.

Что бы это значило, а?

Мы следовали друг за другом гуськом, и это могло бы быть довольно смешно, если бы, к примеру, снимать в фильме: за Шерил следил «костюм», за «костюмом» следовали «джинсы», а «гуська» заключала я – патлатая и вульгарная девица на высоких каблуках, с черными очками на лбу.

Издали я заметила, что «костюм» свернул за Шерил в ее двор, тогда как «джинсы» отправились в ближайшее кафе, расположенное недалеко от выхода из ее двора.

Поколебавшись, я вошла в другое кафе, подальше, на углу. Если они потом пойдут к метро, я должна их увидеть. Если же в другую сторону – то я их потеряю... Но делать было нечего, не могла же я сесть за соседний столик в том же кафе с брюнетом – он бы меня узнал.

Я заняла место у окна. Было уже около восьми вечера, народ начал стекаться на ужин, кафе заполнялись. Чтобы не раздражать официантов, я тоже заказала себе еду, хотя аппетита у меня не было. Я была возбуждена и курила одну сигарету за другой. Было очень странно ощущать себя в этом наряде, странно в этом непритязательном кафе, где у стойки торчали поддатые завсегдатаи, странно в роли шпионки... Припомнив читанные книжки и виденные фильмы, я пожалела, что у меня нет фотоаппарата, такого малюсенького, незаметного, какие бывают у шпионов. Сделать бы пару-тройку снимков этого парня, показать Шерил – видела ли она его раньше? В отличие от «костюмного» «хвоста», который и не думал скрывать свою слежку, брюнет в джинсовом костюме явно старался быть незамеченным.

И я снова спросила себя: что бы это значило? А?

Человек в костюме покинул свой пост ровно в девять часов вечера. Он быстро шел к метро, походка его была собранной и упругой – ничего общего с ленивой и слегка расхлябанной поступью, которой он шел за Шерил. Домой, наверное, торопится. Надоело торчать на посту. Дома жена, может, и дети, да и кушать хочется... Дав волю своему воображению, которое рисовало мне сцены из жизни штатного «хвоста», я едва не забыла про второго, про брюнета. А он-то где? Мимо моего кафе он не проходил. Я подошла к дверям и осторожно высунула нос на улицу: на глаза ему я не должна была попадаться, ведь он меня на той улице, где находится офис Шерил, уже видел.

Брюнет небрежной походкой пересекал улицу по направлению двора Шерил. Каскетки на нем больше не было, но я легко узнала его по джинсовому аллюру и квадратным плечам. И зачем это он идет во двор, который только пять минут назад покинул «костюмный» «хвост»?

Мне туда идти не следовало. Я вернулась к столику и, заказав еще кофе, стала размышлять. Ну, «размышлять» – это громко сказано. Я стала задавать себе вопросы, на которые у меня не было ответа. Вопрос первый: если они, как сказала Шерил, следят посменно, то почему «джинсы» не пришли к уходу «костюма», а продублировали весь этот путь? Вопрос второй: если эти двое работают на одну и ту же организацию, на ДСТ или как там ее, то зачем они следят за Шерил одновременно? Они между собой никак не общались, никакими знаками или словами не обменивались... Отсюда и вопрос третий: не

работают ли они в разных «фирмах»? Молодой мог быть, допустим, из полиции... Или от кого-то из обиженных деятельностью Шерил фирмачей... И четвертый вопрос нашелся: а тогда зачем он следит за ней? Что нужно ему от нее? Безопасность – положим, что Шерил права, – следит за ней для остротки: чтоб не шалила. Потому и слежки своей не скрывает. Но что же нужно от нее «джинсовому»?

И что делать мне теперь? Идти домой? Ждать, пока этот тип выйдет из ее двора? Хотела бы я знать, что он там делает, чего высиживает... Зайти во двор и глянуть? Нет, это слишком рискованно, он меня может узнать...

Я решила позвонить Шерил из кафе. Проходя мимо дверей, я на всякий случай снова высунула нос на улицу. И вовремя: «джинсовый» садился в машину. Откуда тут взялась машина? Его машина? Бог мой, сплошные загадки! Он ее тут нарочно припарковал? В ожидании – чего?

Я стояла в проеме двери, прижавшись к выступу стены. Машина не трогалась, мотор не заводился. Она стояла темная, безмолвная и, казалось, пустая.

Мне стало как-то нехорошо. Не по себе, не по мне. Что-то в этой истории не так. Охваченная смутным беспокойством, я кинулась к телефону.

Шерил ответила сразу же.

– У тебя все в порядке? – выпалила я.

– Да, – удивилась Шерил. – А что случилось?

– Ничего.

Мне было просто физически плохо: от беспокойства прихватывало живот, и все тело сводило. Я не могла говорить.

– У тебя есть что-нибудь интересное? – спросила Шерил, явно не понимая, что со мной.

– Есть, и даже очень... Только я потом тебе расскажу, я еще не освободилась, просто хотела узнать, в порядке ли ты. Скажи мне, окна твоей квартиры куда выходят? Во двор или на улицу?

– Одно во двор, другое на улицу... Оля, что-то случилось? Ты где?

– На углу твоей улицы, в кафе, – сказала я, и меня просто полоснула боль в животе. Острое предчувствие чего-то недоброго застряло во мне, как нож. – Потом переговорим, – сдавленно сказала я и повесила трубку.

Рядом с телефоном была дамская комната, и я вошла туда. Прислонившись к столику для пеленания младенцев, я пыталась успокоиться и утихомирить спазмы. Выпила с руки воды из-под крана, прислушиваясь, как холодные глотки спускаются в мой пульсирующий желудок. Наконец мне стало полегче. Ужасно хотелось смыть с себя всю эту косметику, снять парик... Но я устояла перед соблазном. Это было бы неразумно: в двух шагах от дома Шерил обнаружить свое настоящее лицо, такое похожее на нее. К тому же смыть килограммы краски без специального крема практически невозможно...

Домой, решила я. Больше не могу. Не по мне эти шпионские страсти.

Я тут же заказала такси по телефону и стала подниматься по лестнице.

...Парень в джинсах стоял у входа в мое кафе, разглядывая зал. Он не крутил головой, не поворачивался в стороны, но глаза его скользили цепко и внимательно по столикам. Я кубарем скатилась вниз. Сердце дрыгалось, как боксерская груша под ударами мощных рук в перчатках. Мощных накачанных рук, таких, как у этого парня...

Осторожно выглянув снова, я увидела, как к нему подошел официант. Парень кивнул в ответ и прошел

к одному из свободных столиков. Он небрежно уселся и стал снова разглядывать зал. Другая часть зала ему была явно не видна, и он, легонько вытягивая шею, старался ее рассмотреть. Потом встал, махнул официанту рукой в направлении той части зала и проследовал туда, полоснув взглядом начало лестницы, ведущей вниз, к туалетам и телефону, где я стояла, прижавшись к стенке и втянув голову в плечи. Переждав, я опять высунула голову.

Теперь «джинсовый» брюнет мне был практически не виден за колонной, только широкое плечо в куртке выдавало место его нахождения. Но и я ему была не видна! Этим обстоятельством следовало воспользоваться. Мое такси должно было вот-вот подъехать, если еще не подъехало. Я осторожно поднялась, сделала несколько шагов в сторону, оставаясь скрытой для него за колонной, и, набравшись храбрости, не поднимая головы, быстро пересекла небольшое открытое пространство, которое было в зоне его видимости.

Такси меня ждало. Упав на сиденье, я продиктовала адрес. Такси тронулось, и окна кафе проплыли перед моими глазами. Парень в джинсах все еще сидел там, крутя головой. На меня он, похоже, не обратил внимания.

Кого же он там искал?

Я долго не могла заснуть, долго не могла уговорить стук сердца, бившийся в моих ушах. Вставала, курила, снова ложилась, снова слушала стук собственного сердца.

Не позвонить ли мне Игорю? Попросить у него совета?

Нет, это было бы глупо. Объяснять ему все это по телефону долго и сложно, он ничего не поймет, только начнет волноваться за меня и ругать, что я его ослушалась и не рассталась с Шерил...

Утром в среду, в перерыве между занятиями, я позвонила Шерил на работу.

– Ты мне говорила, что за тобой следят двое?

– Да. Только один чаще, а другой реже. Наверное, заменяет первого, когда тот не может.

– А одновременно никогда?

– Нет... Или я не замечала. А что случилось, Оля?

– Опиши мне их.

– Я не слишком вглядывалась. Но примерно это так: один постарше, лысоватый, всегда какой-то помятый, в костюме и куртке...

– Точно, я его видела. Второй?

– Помоложе, среднего роста, крепкий...

– В джинсах?

– Не знаю... Кажется, иногда в джинсах, иногда в чем-то другом. Понимаешь, я не всегда даже смотрю – какая мне разница, в конце концов? Следит так следит. А если я и оборачиваюсь, то мельком, не вглядываясь. Вижу фигуру, понимаю, что за мной, – ну и ладно...

– Широкие плечи?

– Не обратила внимания.

– Брюнет?

– Кажется...

– Хорош собой?

– Так себе.

Черт, может, у нас вкусы разные?

– Он носит каскетку?

– Слушай, я не обращаю внимания! Какая мне разница, что он носит!

– Значит, не носит. Если бы носил – ты бы запомнила. Тем более что ты смотришь только мельком, схватываешь силуэт целиком, а каскетка вписывается в силуэт.

– Ты мне наконец скажешь, что происходит?

– За тобой следят одновременно двое. Одновременно, а не по очереди, понимаешь?

– И что это значит?

– Не знаю.

– А ты уверена, что он следил именно за мной?

– Уверена. Если только он не следил за «костюмом»... Но нет, тогда бы он сразу ушел вслед за ним! А он остался. Боюсь, Шерил, что других вариантов у нас нет. Он следил за тобой.

– Я никогда не замечала двоих.

– По одной простой причине: мужик в костюме не скрывает слезки, а парень в джинсах – прячется.

Мы помолчали, пытаюсь обдумать этот факт, но ничего не надумали. Я вспомнила тот ужас, который я испытала, когда «джинсовый» появился в кафе.

– Ты никогда не думала о том, что твой телефон прослушивается? – спросила я осторожно.

– Думала? Я не думала, я знала. И не только телефон. У меня были «жучки» в квартире. В моей организации есть специалисты, которые регулярно проверяют наши телефоны и вообще квартиры – мою и еще двух человек из руководства... Ведь мы часто выступаем против решений на правительственном, государственном уровне, ну и занимаемся нами на государственном уровне – госбезопасность, военная разведка и прочие секретные заведения. Так происходит практически во всех странах. А у них первое дело – подслушивание.

– А второе?

– Своих людей внедрить к нам... Для их распознавания мы тоже держим пару умных ребят. С тех пор я практически не веду деловых разговоров из дома. Так только, договариваемся о встречах.

– Выходит, теперь твой телефон не прослушивается?

– Это не факт. «Жучков» больше нет, но они могли подключиться к сети, а это уже проверить невозможно... Но я, повторяю, не веду никаких деловых разговоров из дома.

Перемена кончалась.

– Шерил, – сказала я, – ты вот что... Пока не дергайся, ничего не предпринимай. Ни в коем случае не оглядывайся, когда пойдешь с работы, ни в коем случае! Он не должен догадаться, что его заметили. А я сегодня опять за ним по следам. Я тебе позвоню... Сегодня вечером, может быть... – В голове моей замесились еще не связанные обрывки плана. – Ты мне не звони, ладно? Я тебе сама позвоню...

Не те же ли самые слова сказал мне вчера Игорь?

Но мне некогда было обдумывать это странное совпадение слов и искать за ними совпадение

событий.

Я нашла Джонатана в студенческой столовой.

– Ты сегодня вечером свободен? – спросила я, когда мы с ним сели за столик.

Мне стало неловко, когда я увидела радость в его глазах. Ах, мой милый Джонатан, извини, я тебя не на свидание зову...

Понизив голос, так что он меня едва слышал в разноязычном шуме студенческой толпы, я ему попыталась объяснить, что к чему, и попросила мне помочь. Джонатан молча слушал, наклонив ко мне голову, касаясь своей щекой моих светлых волос, и мне показалось, что его обычный ровный румянец сделался ярче. Должно быть, подумала я, со стороны мы похожи на влюбленную парочку. И еще, должно быть, мы хорошо смотримся вместе: высокий сероглазый шатен и синеглазая блондинка... Ничем не выдав своего разочарования (которое он, по моему предположению, должен был испытать), Джонатан согласился.

На этот раз я решила одеться менее броско. Нацепила джинсы, надела сначала короткий свитер, который меня полнил, а поверх него еще и длинный свитер, спускавшийся из-под куртки, как тут любит носить молодежь. Волосы парика я подобрала под черный берет с козырьком так, что оттуда выбивались лишь несколько прядей, глаза обвела карандашом, слегка изменив их разрез, а губы забелила пудрой, а затем нарисовала себе рот, который довольно сильно отличался от моего собственного и, соответственно, – от рта Шерил. Очень довольная плодами своего труда – это было куда умнее, чем мой вчерашний наряд, – я все еще разглядывала себя в зеркало, когда в мою дверь позвонил Джонатан.

Его реакция была для меня неожиданной. Вместо того чтобы удивиться моей новой внешности – я, признаться, ждала восхищенных возгласов и пары-тройки комплиментов, – он окинул меня оценивающим взглядом профессионала и одобрительно кивнул.

Мы вышли в пять часов и уже без двадцати шесть были на месте. Сделав несколько кругов вокруг конторы, где работала Шерил, я убедилась, что знакомых мне со вчерашнего вечера личностей нигде нет. Мы уселись в одном из близлежащих кафе у окна и, заказав кофе, стали смотреть на улицу. Я тихо рассказывала Джонатану историю Шерил по-английски – незачем было посвящать в подобные дела случайного слушателя. На столе рядом с кофейной чашкой Джонатана лежала маленькая видеокамера.

– Значит, обоим известно и где она работает, и где она живет, – подытожил Джонатан. – Это нехорошо.

– А главное, почему их двое?

– Посмотрим, – сказал Джонатан, – разберемся.

И мне стало спокойнее на душе.

Первый появился ровно в шесть тридцать. Он прошелся по улочке дважды, поглядывая на двери конторы Шерил.

– Вот он, – сказала я.

Джонатан потянулся к видеокамере и включил кнопочку, не беря ее в руки. Затем сбоку вытянул маленький экранчик, на котором прекрасно было видно все, что попадало в фокус видеокамеры – не было никакой нужды брать ее в руки и приставлять к глазам. Когда в квадрате нашего окна появился «костюм», Джонатан нажал еще одну кнопочку и подпер лицо рукой со стороны окна, что прикрывало его скошенные на экранчик глаза. В экранчике двигался лысоватый мужчина в помятом костюме. Незаметным движением руки Джонатан нажал еще одну кнопку и взял лицо лысоватого таким крупным планом, что я чуть не

ахнула. Хорошая штука видеочамера...

Люди стали выходить на улицу. Помятый костюм, должно быть, увидел Шерил, потому что прибавил шаг и двинулся в обычном направлении – к метро. Однако «джинсовый» не появлялся. Я начала волноваться. Проехав двадцать минут безрезультатно, мы решили ехать к дому Шерил.

У Джонатана была машина, и на этот раз я обошлась без такси. Мы припарковались с большим трудом по дороге от метро к ее дому и остались сидеть в машине. Камера лежала на коленях Джонатана, палец – на кнопке старта.

Вот и Шерил, вот и ее штатный «хвост». А где же обольстительный брюнет?

Его не было.

Значит, это нерегулярно, может, даже случайно, что они следили одновременно вдвоем, так что не мудро, что Шерил этого никогда не замечала...

Выждав, мы с Джонатаном последовали в том же направлении. Но на улице их не было: должно быть, Шерил уже дома, а «хвост» засел в ее дворе...

И тут я увидела машину «джинсового». Узнала ее чудом – я вам уже говорила, что я не способна отличать марки, я даже «Жигули» от «Москвича» не отличу, в моем арсенале существуют только такие средства для опознания, как цвет и размер. Машина была серая, каких тысячи, и я никогда бы ее не узнала – но просто сердце екнуло.

«Джинсового» в ней не было. Я указала глазами Джонатану на машину.

– Кажется, это его.

– С бельгийскими номерами?

Потрясающе, как это он их различает?

– Впрочем, – добавил Джонатан, – у разведки должны быть любые машины с любыми номерами.

Джонатан осторожно приблизился к машине, прошел мимо, слегка косясь на ее окна. Я внимательно бежала глазами улицу. На углу был телефон-автомат – отлично, он мне пригодится. «Джинсового» по-прежнему нигде не было видно. Идти во двор было рискованно. Джонатан вернулся ко мне.

– Ничего особенного не заметил. Салон пустой. Машина не новая, не исключено, что из проката...

– И что из этого следует?

– Ничего. Сядем в кафе?

Мы снова пошли в кафе, в то самое, где я просидела вчера.

«Джинсовый» сидел за столиком у окна, ровно на моем вчерашнем месте.

Я едва не сбежала. Крепко ухватив Джонатана за локоть, я, боясь даже глаза скосить в ту сторону, сказала ему тихо с искусственной улыбкой:

– Обними меня, будто я твоя девушка.

Надо сказать, что он не заставил себя упрашивать. Его рука обвила мои плечи, принес мне успокоение. Официант провел нас к одному из столиков – я попросила зал для некурящих, так как мое вчерашнее место, которое теперь занимал «джинсовый» брюнет, находилось в зоне для курящих. Выбрав столик, наполовину скрытый за колонной, я села спиной к залу. Джонатану вообще ничего не было видно из-за колонны.

– Джонатан, – сказала я, – ты продолжаешь играть роль моего парня. Потянись ко мне и обними, и

возле моего правого уха посмотри вперед и к окну: это тот парень в джинсовом костюме, который сидит у окна.

Джонатан взял меня за руку и сказал довольно громко, то есть так, как говорили окружающие, не громче и не тише:

– Я понимаю, ты не хочешь торопиться, но съехаться ведь мы можем? Нам будет, кстати, куда дешевле платить за одну квартиру, чем за две!

И он вопросительно уставился на меня. Я кокетливо улыбнулась. Парень не видел меня, но надо было соответствовать роли.

– Ты согласна? – напирал на меня Джонатан. Тоже соответствовал изо всех сил своей роли.

– Я должна подумать, – важно сказала я.

– Нинон, скажи (это я, что ли, «Нинон»? – Джонатан едва заметно улыбнулся на мой недоуменный взгляд), ты сомневаешься в разумности моего предложения или в своих чувствах ко мне?

Это, конечно, была игра, но я растерялась. В его вопросе был какой-то намек, подвох? Или не был?

Джонатан, пронзительно глядя на меня, ждал ответа.

– Я...

Мне следовало заверить его, что я в чувствах не сомневаюсь, иначе с какой радости он должен, как мы условились, меня обнять? Но у меня язык не поворачивался. Что-то было серьезное в его игре, пусть и ненамеренно, случайно затесавшееся в его роль, – но было. Однако за соседним столиком унылая парочка, не найдя собственного предмета для разговора, заинтересованно прислушивалась к нашему. Надо было отвечать.

– Я... Я согласна, – растерянно проговорила я.

Тут-то Джонатан и потянулся ко мне и врезался мне прямо в губы, хотя в нашем сценарии было слово «обними». Глаза его на секунду брызнули яркими лучами, словно два электрода вонзились в мое глазное дно. В ту же секунду взгляд его погас, принял обычное холодное и сосредоточенное выражение.

– Видел, – шепнул он деловито, садясь обратно. – Как бы его снять?

Я демонстративно посмотрела в сторону подслушивающей нас скучающей парочки, надеясь их смутить и заставить отвернуться, и тоже понизила голос:

– Сделай вид, что снимаешь меня.

– Если он профессионал, то это ему не понравится. И привлечет к нам лишнее внимание.

Посообразав несколько мгновений, я поставила свою сумку на стол с того края, где была колонна. Джонатан положил рядом с ней свою камеру таким образом, что объектив просунулся между моим локтем и сумкой в направлении брюнета. Открыв экранчик, он тихо сказал мне, какую кнопку нажать. Он смотрел в экранчик, негромко командуя, как его развернуть и что теперь нажимать.

– Отлично получилось, – сказал он спустя две минуты. – По-моему, он ничего не заметил.

Я все выключила, закрыла экранчик, Джонатан снова потянулся ко мне и поцеловал меня. Это снова выходило за рамки сценария. Но мне было приятно. Впрочем, я себе в этом тогда не созналась.

Мы встали, оставив деньги за кофе на столе, и вышли из кафе в обнимку.

«Джинсовый» проводил нас равнодушным взглядом.

Как и вчера, в девять ноль-ноль «костюм» покинул свой пост. «Джинсовый» вошел во двор, но на этот

раз не задержался там, а довольно скоро вернулся к своей машине и сел в нее, не включая огни. Выждав еще минут пятнадцать, я вошла в телефон-автомат на углу.

– Шерил, мне с тобой надо срочно поговорить. У меня есть новости, очень важные. Я в кафе на углу твоей улицы. Не могла бы ты прийти ко мне?

– Может, ты поднимешься ко мне?

– Я не хочу попадаться на глаза тому лысому, который следит за тобой.

– Так он уже ушел, наверное.

– Не знаю... Но не хочу рисковать. Спустись, пожалуйста.

– Хорошо, – сказала до крайности удивленная Шерил. – Сейчас спущусь.

Я раскидала волосы по плечам, спрятав берет в сумку – его контур весьма примечателен и хорошо виден даже ночью, и если «джинсовый» брюнет приметил мой берет в кафе, то он мог меня узнать и что-то заподозрить, – и вышла из автомата. Пройдя метров десять, я остановилась у какой-то витрины и сделала вид, что рассматриваю ее. На противоположной стороне улицы было то самое кафе, куда должна была прийти Шерил, а по моей стороне метрах в ста от меня – двор Шерил. Скосив глаза, я заметила спортивный силуэт, который, выйдя из машины и заперев дверцу, чуть не бегом бросился в кафе.

Я быстро пошла в направлении двора Шерил. На другой стороне улицы от стены отделился Джонатан и пошел к оставленной хозяином машине. Я свернула во двор.

Шерил уже выходила из подъезда.

– Возвращайся домой, Шерил, это была проверка.

– Проверка чего?

– Слуха. Я к тебе. Джонатан тоже попозже придет.

Спустя десять минут появился Джонатан. Первым делом он направился к телефону Шерил и, покрутив в руках беспроводной телефон-трубку, присоединился к нам с довольным видом.

Мы уселись вокруг низкого столика. Шерил делала коктейли с задумчивым видом.

– Вы мне объясните наконец, что вы затеяли?

– Твой телефон прослушивается, Шерил, – сказал Джонатан. – Мы с Олей только что успешно провели эксперимент.

Возбужденные чувством опасности, мы с Джонатаном весело схватили стаканы, которые нам подала Шерил. Она, однако, не разделяла нашего веселья. Холодно посмотрев на нас, она осведомилась:

– А что, по-вашему, я полная кретинка?

Я оторопело уставилась на нее. Джонатан смутился.

– Ты что, Шерил, почему ты так...

– Вы не могли меня заранее посвятить в ваши планы? Ты ведь все еще вчера продумала, не так ли? Условилась с Джонатаном...

– Шерил, – растерянно забормотала я, – ты не обижайся, тебя нельзя было втягивать...

Ишь ты, самолюбивая у меня сестричка!

– Оля права, – сурово отрезал Джонатан. – Тебя нельзя подставлять. Следят ведь за тобой, у тебя нет

никакой свободы действий!

– Но предупредить же можно было! Я выбежала из квартиры как сумасшедшая, думала, что-то стряслось...

– Именно: стряслось. Дело очень серьезно, – ответил Джонатан.

– Если бы ты знала заранее, тебе бы пришлось *играть* роль по телефону. Тебе нужно было бы сделать вид, что ты обеспокоена и тут же мчишься в кафе. А я не знаю, умеешь ли ты играть. У тебя могло не получиться. А так – все было очень естественно, и этот придурок помчался в кафе высматривать, с кем ты там встречаешься, – оправдывалась я.

– Ладно, – оттаяла Шерил. – Рассказывайте по порядку.

– Так что я думаю, что он до сих пор там сидит, все Шерил поджидает и ее телефонную собеседницу, – закончил Джонатан свое повествование.

Шерил встала и подошла осторожно к окну. Постояв у занавески, она обернулась к нам.

– Он меня там не дождется. И... Что он будет делать? Может, погасить свет, чтобы он решил, что я сплю?

Мы переглянулись с Джонатаном. О продолжении мы не подумали... Действительно, что же он будет делать?

– Если ты погасишь свет, то он может подумать две вещи: либо что ты спишь, либо что ты ушла...

– А если я его не погашу, – подхватила Шерил, – то он поймет, что я дома. И что его надули. И, что особенно важно, – что его раскрыли.

Я кинулась к выключателю. Комната погрузилась на некоторое время в темноту и тишину.

– Мне кажется, что лучше пусть он решит, что он чего-то не понял, чем догадается, что мы его раскрыли. Раз он прячется, значит, у него есть для этого причины, и нам будет легче их понять, если мы сами останемся незамеченными... А? Я права?

Джонатан пошевелился где-то в темноте и проговорил:

– Да, я думаю... А, Шерил?

Шерил откликнулась не сразу. Ее силуэт чернел, скрюченный, на диване.

– Оля, ты не могла бы встать у окна и посмотреть, не появится ли он во дворе? Я его ведь не смогу узнать...

– Мы сняли его на камеру. Как только можно будет зажечь свет, я подсоединю камеру к видеку, и мы на него посмотрим, – произнес Джонатан.

Я подошла к окну и отодвинула немножко занавеску, взглядываясь в темноту. Непосредственно перед домом были ухоженные газоны, вдоль которых шла проезжая часть, а за ней открывался довольно большой паркинг для машин жильцов этого дома. Слева и справа от паркинга были кусты, деревья, в которых прятались детская площадка, лавочки, а может быть, и наш обольстительный «джинсовый» брюнет...

– Я боюсь, – сказала Шерил.

В ее голосе не было страха, она, должно быть, приложила все свое немалое самообладание, но меня оно не обмануло. Я бы на ее месте тоже боялась. Я даже начала потихоньку бояться на своем месте. Эйфория приключения прошла, и, запертая в квартире, не зная, что происходит за ее пределами, я уже

была далеко не такая храбрая. Следить за неким объектом и самой быть объектом слезки – это, скажу я вам, совсем не одно и то же...

– Я останусь с тобой до утра, если хочешь, – предложил мужественный Джонатан.

В моем сердце что-то дрогнуло. Уж не ревность ли?

– Я тоже, – поспешила заверить их я.

– Спасибо... Так что же получается у нас в конечном итоге? Этот молодой, выходит, что-то вроде технической службы?

– Видимо, – ответил Джонатан. – Во-первых, это не может быть простым совпадением: дважды после вашего телефонного разговора он шел в указанное Олей кафе. Во-вторых, у него в машине лежит что-то вроде маленького плеера с наушниками, из которого торчит антенна... Думаю, что эта штука может быть телефонным перехватчиком. Учитывая, что у тебя радиотелефон, это задача совсем несложная.

Шерил передернулась.

– А откуда ты все это знаешь, Джонатан? – спросила я настороженно. – Как выглядит перехватчик, как он действует и прочее?

Джонатан было раскрыл рот, чтобы мне ответить, как в кустах что-то шелохнулось, и я напряглась, прижавшись к занавеске. Шерил заметила мое движение и прошептала, словно ее могли услышать:

– Он там?

Я тоже ей ответила шепотом:

– Не знаю. Что-то шевельнулось, а что – не знаю... – И вдруг я подумала – я где-то про такое читала: а что, если у него есть аппаратура, которая ловит даже речь через стенки? Тогда он слышит все, что мы говорим сейчас!

Свистящим от напряжения шепотом я поделилась своими опасениями. Джонатан помычал и выговорил наконец:

– Сомневаюсь. Для такого прослушивания нужна техника посолидней. Специально оборудованная машина и электронный стетоскоп на окнах или хотя бы на стенах...

Он и это знает, отметила я, – на этот раз про себя. Какая образованность в вопросах подслушивания!..

Мы замолчали. Я вглядывалась в полутемный двор. Проезжая часть была хорошо освещена, но остальная часть двора была погружена во мрак, и лишь редкие машины разъезжающих гостей или возвращающихся жильцов проскальзывали по нему фарами. Тот парень, если и торчал где-то под нашими окнами, ничем своего присутствия не выдавал.

– Интересно, давно они прослушивают мой телефон? – сказала задумчиво Шерил. – Могли они засечь наши с тобой разговоры?

– Могли, – сказала я, – только что с того? Я им не нужна. Или не буду нужна, как только они поймут, что твоя деятельность не имеет ко мне ни малейшего отношения. А вот ты... За тебя я волнуюсь, и даже очень.

– Заметьте, девочки, что телефон Шерил прослушивается не через сеть, а через специальный прибор, который работает в определенном радиусе. Из чего следует, что они могли слышать только те разговоры, которые...

– ...ты вела, когда машина стояла здесь!

– Но мы не знаем, когда она стояла, кроме этих двух вечеров, – добавила Шерил.

– Ты вела за последние дни какие-нибудь важные разговоры, которые касаются твоей экологической деятельности? – заговорил было Джонатан, как вдруг телефон, предмет наших обсуждений за последние сорок минут, взорвался оглушительным звоном.

Мы окаменели.

– Кто это? – снова шепотом спросила Шерил. В голосе ее слышался ужас.

– Это ты у нас спрашиваешь? Тебе кто-то может звонить в такое время... – Джонатан покрутил запястьем, ловя слабый луч света, падавший в окно, – в одиннадцать вечера? [7]

– Не думаю, – снова прошептала Шерил. – Снять трубку?

– Раз мы сделали вид, что тебя нет дома, давай уж делать его до конца, – предложила я.

Мы молча созерцали орущий аппарат. Наконец он утомился. Я снова встала и подошла к окну.

– Вообще-то это логично, – сказал Джонатан. – Он не дождался никого в кафе, вернулся во двор и увидел погасшие окна. У него два возможных вывода: ты спишь, и тебя нет. Вот он и решил проверить. Должно быть, ему досадно, что он тебя упустил, и теперь он гадает, как это могло получиться...

– И у него есть номер твоего телефона! – добавила я.

– Он есть, по-моему, у всех возможных спецслужб, хотя я в Красном списке. [8]

– Это он! – шепотом заорала я, втираясь в занавеску. – Он смотрит на твои окна.

Шерил с Джонатаном тихо подкрались к окну и встали с обеих сторон, аккуратно вытягивая шеи, чтобы увидеть спортивную фигуру, крепко стоящую на тротуаре под нами.

– Не узнаешь? – прошептал Джонатан.

– Нет, темно, – прошептала в ответ Шерил. – Я лучше пойду сяду. У меня коленки ватные.

– Скажи-ка мне, Шерил... – медленно и в голос заговорил Джонатан. – У тебя какие замки на дверях?

– Как «какие»? Я в них не разбираюсь, не понимаю, что ты хочешь о них узнать?

– Засов есть?

– Есть, даже два. А почему ты спрашиваешь?

– Это хорошо, – ответил Джонатан, отходя от окна. – Потому что он вошел в твой подъезд.

«Что делать? Что делать?» – заметалось по комнате полное ужаса восклицание. Однако даже самый неподдельный страх не помешал мне осознать, что мы с Шерил повели себя совершенно одинаково: обе схватились за лица и завопили себе в ладони этот вопрос, причем вопрос совершенно риторический, поскольку ответа на него не имелось. У нас с ней, по крайней мере. Но, кажется, у Джонатана голова работала лучше, потому что он на нас прикрикнул:

– Замолчите вы наконец, курицы! Слушайте внимательно! Сейчас я тихо выйду из квартиры и стану звонить в вашу дверь. Вы мне не открывайте и не шумите тут в квартире. Разыгрываем сцену под названием «никого нет дома». Я буду звонить долго и настойчиво...

– А если этот тип переждет, пока ты не уйдешь, и начнет сам сюда звонить?

– В крайнем случае я сделаю вид, что уйду, потом вернусь. Ему вы, естественно, тоже не открывайте и зубами громко не стучите от страха. Все! Я пошел.

– А это не опасно? – спросила я ему вслед.

Джонатан только махнул мне рукой, не оборачиваясь. Его жест означал, что я должна закрыть рот.

Он бесшумно приоткрыл дверь и выскользнул наружу, неслышно прижав дверь обратно. Палец Джонатана вдавился в кнопку звонка одновременно с шумом раскрывающихся дверей лифта. У нас над головой оглушительно зазвенел звонок. Я припала к «глазку».

«Джинсовый» тип, не выходя из лифта, спросил у Джонатана, какой это этаж. Получив ответ, что четвертый, он чертыхнулся, что-то пробормотал, двери лифта закрылись, и лифт поехал наверх.

– Девочки, – зашептал через дверь Джонатан, – он поехал вверх. Видимо, хочет убедиться, что Шерил мне не откроет дверь. Будет пережидать, пока я не уйду, и не исключено, что потом спустится сюда снова, чтобы, слышишь, Шерил? – тебя подстеречь, полагая, что рано или поздно ты придешь домой... – шипел он через дверь. – Эй, слышите? Кажется, у меня есть другая идея! Шерил, открывай осторожно дверь и выходи. Мы с тобой тихо спустимся – он шум лифта услышит, но не догадается, что мы вдвоем, и подумает, что это я ушел. Потом мы с тобой поднимемся вместе, будто ты только пришла, а я на тебя наткнулся, выходя.

Джонатан снова настойчиво позвонил к нам в дверь.

– Шерил, – позвал он не очень громко, – ты меня слышишь? Это я, открой! Шерил!..

Мы тихо отвели щеколду, приоткрыли дверь, и Шерил через мгновение была рядом с Джонатаном.

– Закрой дверь на все замки, – прошептала мне Шерил, в то время как Джонатан снова заорал:

– Шерил, ты дома? – и даже легонько постучал в дверь.

Сделав небольшую паузу, Джонатан вызвал лифт.

Оставшись одна, я испугалась. Они должны были вернуться через каких-то пять минут, но я все же испугалась. Не отходя от дверного «глазка», я пробежала рукой по всем замкам и все их позакрывала и задвинула, стараясь не шуметь. Когда на световом индикаторе над дверьми лифта высветился первый этаж, я услышала шаги по лестнице. «Джинсовый» тип спускался.

Меня словно пригвоздило к дверям, к «глазку» – я боялась от него оторваться, думая, что что-то может измениться в его внутреннем освещении и тип может догадаться, что в квартире кто-то есть. И я осталась стоять, отделенная от него лишь весьма ненадежной дверью, через которую, казалось, он мог слышать мое учащенное дыхание. В связи с чем я едва дышала.

И вдруг с другой стороны «глазка» ко мне придвинулся его глаз. Меня охватила такая паника, что я чуть не помчалась прятаться под кровать. Может ли он видеть мой глаз, как я вижу его? Или с другой стороны нельзя рассмотреть? Ох, надеюсь, что нет... Как всегда бывает в таких случаях, ноги сразу затекли, стоять было неудобно, очень хотелось сменить позу и дышать нормально. Но мне было страшно шелохнуться. Он все еще смотрел с другой стороны в «глазок».

Наконец он отодвинулся от него. Уф! – сказала было я себе с облегчением, как над моей головой взорвался звонок. Я стояла, прилепившись к двери, без малейшего движения, и только мои барабанные перепонки содрогались от звона.

Должно быть, мне все-таки удалось его убедить, что дома никого нет.

Потому что в замке стал поворачиваться ключ. А может, и не ключ, мне не было видно, может, это была отмычка. Но что бы это ни было, оно поворачивалось где-то в области моего пупка, вызывая крайне неприятные ассоциации и ощущения. Кажется, у меня снова начинались спазмы.

Он повернулся в двух замках и легонько нажал ручку двери. Я примерзла к ее шероховатой поверхности при мысли, что она сейчас откроется.

Но она не открылась. Два засова, которые я закрыла вместе с остальными замками, надежно удерживали ее.

Кажется, парень удивился и стал разглядывать дверь. Сейчас он догадается, что на двери есть засовы, и что они открываются только изнутри, и что, следовательно, в квартире кто-то есть...

Слава Богу, лифт тронулся с первого этажа и поплыл наверх. Скользя по индикатору глазами, парень быстро закрыл замки, повернулся и бесшумно скрылся на лестнице, ведущей вверх. Из лифта вышли оживленные Джонатан и Шерил.

– Я так и не поняла, – говорила Шерил, – вроде это был ее голос, но она вряд ли бы стала так шутить... Должно быть, кто-то разыграл меня.

С бьющимся сердцем я тихо-претихо отодвинула засовы. Шерил отперла замки, и они с Джонатаном шумно вошли в квартиру и зажгли свет. Я прижалась к стенке на случай, если бы этот тип подглядывал с лестницы, и молча смотрела на них, слегка прищурившись после темноты. Щелкнув замками, Шерил глянула на меня внимательно и по моему белому от страха лицу поняла, что что-то за это время случилось.

– Ты хочешь кофе? – крикнула она громко Джонатану, который стоял рядом с ней.

– Хочу! – крикнул в ответ Джонатан.

Шерил погасила в прихожей свет и осторожно заглянула в «глазок». «Никого нет», – прошептала она мне и, взяв меня за руку, повела на кухню.

– Рассказывай, – велел Джонатан.

Кофе и в самом деле был нужен нам всем. Мой рассказ о попытке «джинсового» попасть в квартиру поверг нас всех в глубокое молчание. У меня на нервной почве разыгрался аппетит, и Шерил приготовила мне бутерброд. Сама она есть не стала, только тихо помешивала ложечкой свой кофе. Джонатан стоял у темного окна гостиной, и его кофе был в черной чашке.

– Джонатан, – позвала я его, – иди сюда, черт с ним, с этим типом. Рано или поздно он уйдет отсюда, не будет же он ночевать на лестнице...

Джонатан, помешкав у темного окна, присоединился к нам.

– Он хотел проверить, ушла ли я действительно? – спросила его Шерил.

– Наверное...

– Или его что-то интересовало в моей квартире?

– Не знаю, Шерил.

– Я вот что хочу понять: а если бы я не ушла, если бы он на меня наткнулся дома, что бы он тогда стал делать?

У меня у самой на языке крутился этот вопрос. Только у нас на него не было ответа. Ни у кого.

– Джонатан, – сказала я жалобно, – скажи, что ты об этом думаешь? Ты же у нас умный...

– Я Ги позвоню, – заявила Шерил, видя, что Джонатан молчит.

– Ему можно звонить в такое время? – удивилась я. Я уже знала, что во Франции звонить после десяти вечера считается неприличным, а уже была практически полночь.

– Он один живет, снимает студио...

– Ему нельзя звонить, – сказал Джонатан. – Твой телефон прослушивается, ты забыла? И тип этот, в джинсах, если не сидит в своей машине, то, возможно, до сих пор торчит возле твоего дома или даже у

тебя под дверью.

– Господи, ну что ему надо от меня?!

Шерил отчаянно звякнула кофейной ложкой.

Джонатан спокойно допил свой кофе, отставил чашку.

– Из всего из этого, – сказал он, – я делаю один вывод: тебе надо срочно переезжать отсюда.

– Мы как раз собираемся это сделать, – сообщила я. – Уже квартиру нашли.

– Они меня все равно выследят, – возразила Шерил. – Они знают, где я работаю. Не менять же мне работу?

– Возьми отпуск, хоть на недельку. Сможешь? А мы за это время подумаем, что делать. Не нравится мне все это...

В обеденный перерыв следующего дня мы сидели в «Птичке на ветке» вчетвером – четвертым был, естественно, Ги – и обсуждали вчерашние события.

– Все очень просто, – говорил Ги, жуя, – один у них обычный «хвост», который следит, куда ты пошла и зачем. Другой же, молодой, – специалист по твоим телефонным контактам, если, конечно, можно доверять заключению Джонатана, – съязвил он слегка. – Он должен засечь твои телефонные контакты и, по возможности, их проверить. Когда он потащился в это кафе и никого там не нашел, он заподозрил, что его водят за нос, и вернулся, чтобы убедиться...

– А зачем он хотел войти в мою квартиру? – нервно воскликнула Шерил. – Если он действительно подозревал, что я вожу его за нос, то он мог же предположить, что я дома сижу, затаившись. И тогда бы он на меня наткнулся и... что бы он сделал?!

– Не паникуй. Ничего бы он не сделал. Он, скорее всего, рассчитывал, что если ты дома, то забеспокоишься, испугаешься, когда услышишь звук открывающегося замка, окликнешь «кто там?», выдашь как-то свое присутствие. И тогда он бы просто повернулся и ушел – ушел бы, уже точно зная, что он засветился. Вот и все.

Мы с Шерил переглянулись. Ги был – похоже на то – прав. Уф! Отлегло от сердца. Вот уж воистину, три головы хорошо, а четыре – лучше.

– Да! – сказала я. – Наверняка так оно и есть. Но что он должен был подумать, когда увидел, что дверь не открылась?

– Что на двери есть засов и в квартире кто-то есть, – сказал Джонатан.

– Или, – рассудительно посмотрел на него Ги, – что он что-то не так сделал своими отмычками.

– Какой ты умный, Ги, – сказала я и посмотрела на Джонатана. Ага, уело. Так ему и надо, нечего нас пугать.

– Но Джонатан прав, – веско добавил Ги, одарив англичанина наконец одобрительным взглядом, – переезжать надо. И придумать, как быть с работой. Вернее, как уйти от слезки. Иначе они в первый же рабочий день «поведут» тебя прямо от твоего офиса до дверей новой квартиры.

– Я отпуск взять не могу.

– Надо, – сказал Джонатан.

– Я придумала лучше. В понедельник я пойду к врачу и нажалуюсь на кучу недомоганий. И на

следующую неделю у меня будет освобождение от работы. За это время мы что-нибудь придумаем.

– Гениально. Когда переезд?

– В субботу, – ответила я. – Я уже переехала, квартира уже оплачивается, дело только за Шерил.

– Это неосмотрительно, – сказал Джонатан. – Мы не знаем, следят ли за Шерил по выходным.

– Зачем она им нужна? Даже члены экологических обществ отдыхают по выходным, правда, Шерил? – выступил Ги. – И шпионы тоже люди, им тоже надо здоровья поднабрать, у них работа вредная.

– Не следят. Я в прошлые выходные уже наблюдала.

– Я вам помогу, девочки, – сказал Ги. – У моего приятеля есть фургончик, я возьму. В котором часу приехать?

– Я приду, помогу вам грузить, – несколько хмуро предложил Джонатан. По-моему, ему не понравилось, что Ги его опередил.

– Спасибо, мальчики, – заулыбались мы с Шерил ангельскими улыбками. – Это очень мило. Приходите сразу после обеда, вас устроит?

– Значит, в субботу, в 13.30. Да, Джонатан? – весело сказал Ги, вставая.

Джонатан кивнул без улыбки.

– А сегодня я предлагаю подежурить. Я останусь у тебя ночевать, Шерил. Ведь надо же тебя охранять!

– Хорошо, – просто согласилась Шерил. И покраснела.

Самое смешное, что и Ги покраснел.

Мы с Джонатаном незаметно улыбнулись друг другу.

Вечером в пятницу я должна была ночевать у Шерил, чтобы помочь ей со сборами. У меня был ключ от ее квартиры, и я должна была к ней приехать заранее, чтобы ее «хвосты» меня не засекли. Наши рыцари обещали быть в боевой готовности и ринуться нам на помощь по первому звонку.

До вечера, однако, у меня было свободное время, и я решила послоняться по магазинам в поисках нужных мне для нового жилья вещей. И, только выйдя из метро у коммерческого центра, я вдруг поняла, что Игорь мне так и не позвонил, а я ему так и не дала свой новый номер телефона... Во мне поднялась паника. Я заметалась в поисках сигаретной лавки, чтобы купить телефонную карточку, нашла, купила, ворвалась в первый же автомат и набрала наш номер. Телефон не ответил. Я долго слушала гудки, потом набрала еще раз. Его не было дома.

Что, в общем-то, было совершенно нормально. Днем его и не должно быть дома. Он ведь работает, мой Игорек, деньги зарабатывает, на которые меня и балует... Нужно просто позвонить ему попозже вечером. Но вечером я буду у Шерил, а от нее – мы договорились – больше никаких звонков. Не хватало еще только французскую разведку озадачить связями Шерил с «новыми русскими»! Значит, надо будет позвонить ему часов в семь по Москве...

Но его не было дома и в семь.

Подходя к дому Шерил, я внимательно осматривалась по сторонам, останавливалась у витрин, вглядываясь в отражения позади меня, пряталась в выступах стен – в общем, вела себя примерно так, как ведут себя шпионы в кино. Собственно, другого опыта у меня не было. Я не заметила никого. Должно быть, прав Ги – у «хвостов» уже начался уик-энд.

Вечер прошел спокойно и тихо. Мы упаковывали вещи Шерил в коробки и сумки. Мы никого не

заметили под нашими окнами, и никто не пытался проникнуть в нашу квартиру. Я бы сказала, что мы успокоились, если бы я успокоилась. Но я нервничала. Я думала об Игоре. Меня раздирало желание позвонить домой и проверить, там ли он. Звонит ли он в мою пустую прежнюю квартиру в надежде меня там застать? Волнуется ли, как я? Или?..

Первое, что я сделала наутро в субботу, – это кинулась звонить домой. Игоря не было.

Что ж, снова дождусь вечера.

В ожидании наших добровольных грузчиков мы решили перевезти часть вещей сами. Загрузив до отказа машину Шерил всем тем, что было помимо мебели, мы поднялись за последними сумками. Шерил взяла две самые тяжелые. «Закрой дверь, – сказала она мне, – и спускайся. Я пока разверну машину».

Я заперла дверь и, подхватив три объемистых пакета, вошла в лифт. Меня охватила непонятная тревога, словно наш переезд на новую квартиру должен был начать собой какой-то новый этап моей жизни – плохой ли, хороший ли, я не знала, но внутри меня поселился какой-то холодок. Скорее неприятный...

Выходя из лифта, через стекло подъезда я увидела Шерил, протирающую лобовое стекло нетерпеливо урчащей машины. Она повернула голову и улыбнулась мне – так легко и радостно, что тревога тут же отпустила меня.

Шерил оторвалась от своего занятия и пошла навстречу мне, чтобы придержать для меня тяжелую дверь подъезда.

И вот тогда невозможное, неправдоподобное, ярко-оранжевое пламя взвилось столбом, раскидывая горящие осколки металла вокруг...

Не помню, куда я бросила сумки. В них что-то звякнуло и разбилось, глухо и тихо, поглощенное оглушительным взрывом. Я бежала к Шерил, к дверям, а стекла двери, рассыпаясь на тысячи острейших осколков, летели на меня...

И тело Шерил черной дугой сквозь огненные брызги.

И все.

ЧАСТЬ II

ПАРИЖ – ЛОНДОН

Глава 1

ПОЧТИ СОСТОЯВШЕЕСЯ УБИЙСТВО

Свет режет глаза.

Сразу всплывает: свет, ослепительный свет. Резанул по глазам и спустя мгновение по лицу, по коже, по всему телу. Свет состоял из пламени и осколков стекла... И из оглушительного, сотрясающего все тело грохота, который вместе с пламенем и осколками отшвыривает меня назад, на каменный пол...

Потом всплывает: сквозь огненный вихрь – Шерил, подброшенная в воздух, вместе со стеклами и пламенем влетающая в подъезд...

Потом ужас: где Шерил? Что с ней?!

Потом страх: а что со мной?!

Холодея, прислушиваюсь к телу.

Тело отвечает: больно. Не очень понятно, где именно, – но понятно, что очень.

Очень больно.

Очень больно!!!

Паника.

Не могу понять, все ли на месте.

Кричу.

Никто не идет. Никто не идет. Никто не идет!

Но где-то же должен быть звонок?!

Повернула голову. Увидела. Дотянулась, нажала...

Ура! Я дотянулась – *руками!* Есть руки! В бинтах, но есть!

Спокойно, спокойно, надо взять себя в руки, тем более что они есть. Выясним теперь про ноги. Эй, ноги, вы где?

Пошевелила.

Шевелятся.

Нет, мне это не кажется, движение одеяла подтверждает, что под ним – мои ноги.

Что ж, уже лучше. Ничего не оторвалось. Голова тоже на месте, а то чем бы я думала о своих конечностях?

Вот только странно: ощущение такое, будто у меня ничего нет.

«Это потому, – догадываюсь я уцелевшей головой, – что все болит. И голова тоже болит. И лицо. И все какое-то стянутое...»

Я обожжена!

Боже мой, я обожжена, я изуродована!

Руки тянутся к лицу. На лице бинты.

А что под бинтами?.. Дайте мне зеркало! Немедленно к зеркалу, встать, идти, себя увидеть!

Что-то не пускает. В вене игла. Капельница.

«Господи, – падаю я на подушку, – за что?!»

Дверь впустила пожилую женщину в белом переднике.

– Вот как хорошо, ты проснулась... – улыбается мне она, – вот и прекрасно, сейчас будем кушать...

Я еще ничего не успела спросить про свои ожоги, как в мою палату снова вошел человек, на этот раз лысоватый полный мужчина в белом халате. Ласково глядя на меня, он присел на край моей кровати и начал выяснять, кто может заплатить за мое лечение.

Кто? А я откуда знаю кто? Я не знаю, что есть на моем счету во Франции. Я не знаю, сможет ли Игорь заплатить за мое лечение. Да-да, страховка у меня есть, но я не имею ни малейшего понятия, покрывает ли она несчастные случаи... А Шерил как же? Что с ней?!

Что с Шерил?!!

– А вы ей кто? Ах, подруга...

И тут я холодею. Раз они не заметили нашего сходства, значит... Лица наши разглядеть трудновато...

Ее?!

Мое?!

Оба?!!

– А родственники у нее есть, не знаете?

Есть, есть, в Америке, но что же с ней, скажите наконец!!! Почему родственники, неужели дело так худо?!

– Ваша подруга в коме.

Жива. Значит, жива. Но в коме. Значит – пока жива. Цела?

– Она... она покалечена?

– Нет, к счастью. Но взрывная волна вызвала контузию головы и в данный момент...

– Она выживет?

– Мы на это надеемся.

Собаки. Никогда прямо не скажут.

– У нее нет серьезных повреждений, ожогов там или чего?..

– Ожоги имеются... Но это все вполне в пределах компетенции современной медицины, единственно, чего нам не хватает на данный момент, – это ее сознания. Залог успеха операции, понимаете ли, прежде всего в сознательном желании больного выздороветь...

– А я?

– Что вы, мадемуазель?

– Что со мной?!

– Все в порядке, вам не о чем беспокоиться. Небольшие ожоги и порезы...

Небольшие? Что он мне голову морочит, у меня все так болит, что я себя не чувствую!!!

– Мне больно... – сказала я жалобно и подумала о Шерил. Стыдно сказать, но я была рада, что не оказалась на ее месте.

– Через пару дней танцевать будете, – сказал, вставая, врач. – А пока вам укольчик обезболивающий сделаем. Вам принесут поесть, а потом – спать.

– Сначала зеркало, – сказала я. – Все остальное потом.

Зеркало размером с детскую книжку было вручено в мои забинтованные руки со словами: «Вы все равно ничего в нем не увидите, но расстраиваться не надо, через недельку повязочки снимем, вот тогда и посмотрите...»

Забинтованное чучело смотрело на меня круглыми глазами, торчал нос, совершенно целый и даже не поцарапанный, нижняя губа была порезана, и под бинты уходил краешек аккуратного шва. Глаза у чучела немедленно покраснели и наполнились слезами.

– И много у меня еще таких? – указала я на шов, шмыгнув уцелевшим носом.

– Немножечко совсем, – уклончиво сказал врач. – Еще парочка-троечка, не больше... Но все они пройдут бесследно, я вас заверяю, – вас оперировал сам доктор Шован!

– «Сам доктор Шован» – это значит хорошо?

– Еще как!

– А почему у меня тогда вся голова забинтована?

– У вас несколько небольших ожогов и множество мелких, совершенно незначительных порезов – осколки, знаете ли, как занозы, впились в кожу, – все это не оставит следа, но пока что повязки совершенно необходимы...

– И на голове тоже?

– Частично... – кивнул доктор. – Волосы пришлось, извините, состричь...

Волосы! Мои красивые, мои распрекрасные волосы, моя гордость, предмет зависти всех подружек! И снова – мысль о Шерил и стыд за собственные мелочные страдания.

– Я к Шерил пойду, – села я на кровати.

– Что вы, что вы, – испугался доктор, – вам нельзя. Вам ходить нельзя пока, вам под капельницей лежать нужно, и потом, вы так напичканы успокоительными и обезболивающими средствами, что ваши ноги вас не послушаются! В первый раз надо будет вставать обязательно с медсестрой, у вас обморок может случиться, вы ведь уже третий день в постели...

– Третий день?!

– И потом, к вашей подруге нельзя. Она в коме, я вам сказал. Послушайте меня, моя дорогая, поешьте спокойно, потом поспите – это самое лучшее, что вы можете сделать в данной ситуации для себя, а для вашей подруги предоставьте нам сделать все необходимое, ладно?

Доктор похлопал меня по забинтованной руке, которая немедленно отозвалась болью, и встал.

– Какой сегодня день?

– Понедельник, 11 декабря.

– Я что, была без сознания?

– Некоторое время да. Потом под влиянием наркоза – вас оперировали – и успокоительных средств.

– Мне нужно в Москву позвонить.

В дверь постучали. Врач подошел к ней и распахнул. В комнату задвинулся полицейский в форме.

– Мне сказали, что я могу поговорить с мадемуазель?..

– Поговорите, – кивнул врач. – Только не утомляйте больную. Ей нужен покой. А в Москву... – он повернулся ко мне, – по этому аппарату вы можете звонить в Москву, – кивнул он на зеленый телефончик, стоявший на тумбочке у кровати, – но вам нужно будет сначала заплатить за пользование им, тогда его вам включат...

С этими словами он покинул мою палату, оставив меня наедине с полицейским.

– Комиссар Гренье, – представился он.

Это был очень большой и плотный мужчина с темно-рыжими коротко стриженными волосами. Форменная рубашка туго натягивалась на обширной груди, крупные белые руки были покрыты рыжеватыми волосками и веснушками.

– Постарайтесь вспомнить как можно подробнее все, что предшествовало этому взрыву. Каждая деталь важна, вы же понимаете...

Я постаралась. Я рассказывала про предыдущие покушения на Шерил, про взрыв и про двух мужчин, которые следили за Шерил, и меня постепенно охватывала ненависть, от которой я начинала задыхаться. По какому праву *они* распорядились нашей жизнью, здоровьем, нашей красотой? По какому праву!!!

– Вам плохо? – испуганно спросил комиссар.

– Нет. Мне отлично. Только найдите их. Поскорее найдите этих сволочей, пожалуйста.

– Постараемся, мадемуазель, – кивнул полицейский. – Что-нибудь еще вспомните?

– Меня удивило вот что: почему и как они узнали о нашем переезде? Они следили за Шерил только после окончания работы, в выходные слежки не было – мы специально проверяли. А тут пришли днем, в выходной, и пришли со взрывчаткой, и заложили ее в машину... Как они узнали?

– «Они»?

– Ох, не знаю, пусть будет «он». Вы знаете, сколько их было?

– Пока я не знаю ничего. Ваша подруга ежедневно пользуется машиной?

– Нет. Только вечером – и то не всегда – и в выходные. На работу она ездит на метро из-за пробок.

– Следовательно, машина могла быть заминирована в любой рабочий день и должна была взорваться только тогда, когда ее завели. Ваше присутствие оказалось несчастливой случайностью. Не в курсе, когда мадемуазель Диксон последний раз до этого взрыва пользовалась машиной?

– Наверное, в прошлый понедельник – у них, у экологов, было какое-то важное собрание.

– Взрыв произошел в прошлую субботу... Следовательно, бомба могла быть заложена в любой день прошлой недели. Механизм приводился в действие через пять минут после включения мотора.

– Скоты, – пробормотала я.

– Тем не менее нельзя исключить гипотезу, что кто-то заранее знал о вашем намечающемся переезде. Попробуйте вспомнить, кому вы о нем говорили.

– Никому. Кроме Джонатана и Ги, разумеется.

– Этих молодых людей мы уже допросили, – кивнул следователь. – Есть ли у вас основания подозревать кого-то из них в желании убить Шерил?

– Бог мой, конечно, нет! К тому же Джонатан знает ее каких-то две недели...

– А вас?

– Что меня? – не поняла я.

– А вас он давно знает?

– С тех пор, как начались занятия в Сорбонне, с начала октября...

– И какие у вас с ним отношения?

– Дружеские... Вы что, подозреваете, что Джонатан хотел убить – меня?

Я аж подскочила на кровати от такого предположения, забыв про боль, которая, впрочем, тут же напомнила о себе.

– Я рассматриваю возможные версии, только и всего... Значит, вы полагаете, что у этого англичанина нет никаких причин, чтобы желать вашей смерти или смерти Шерил?

– Послушайте... Это до такой степени нелепое предположение... Это просто невозможно!

– На вашем месте я не был бы так уверен.

– Это почему еще? У вас есть подозрения?

– Нет, пока нет. Но не стоит так безоговорочно доверять малознакомым людям и так категорично настаивать на том, что вам на самом деле мало известно. Что вы знаете об этом юноше?

– Ну хотя бы то, что я ему нравлюсь. А почему вы не задаете подобных вопросов насчет Ги?

– С ним проще – он француз. Про него мы уже немало знаем, и нам представляется, что он по всем характеристикам не наш клиент. Англичанин же – темная лошадка. Оснований подозревать его у нас нет, но надо будет еще справиться на его счет в английской полиции...

– Меня удивляет, что ваше следствие приняло такой странный оборот. Я бы на вашем месте искала среди реальных врагов Шерил, которым она серьезно мешает своей экологической деятельностью.

– Возможно, что никому. Это мог быть террористический акт. Вы знаете, последнее время исламисты...

– При чем тут они? Это же совершенно очевидно, что покушались именно на Шерил! Исламисты взрывают бомбы в общественных местах, а ее двор – это вовсе не общественное место, вы что, не понимаете?

Следователь улыбнулся.

– Скорее всего, вы правы. Но исключить эту гипотезу мы пока не можем. Что-нибудь еще вспомнили? А то я оставлю вас отдыхать, и так уж, должно быть, замучил... – следователь мягко улыбнулся. – Доктор говорит, что вы легко отделались. Я рад за вас.

– Знаете что... – заговорила неуверенно, потому что мысль моя не была мне самой ясна до конца. –

Что-то в этом парне в джинсах меня насторожило.

– Что именно? – быстро навострил уши следователь.

– Какая-то странность, особенность... Как будто он... Как будто он не француз, а иностранец. Вот вы сейчас говорили: Ги – француз, Джонатан – англичанин... Понимаете, и того и другого видно за сто километров: вот идет француз, а вот идет англичанин. Я сама иностранка, я в Сорбонне учусь, там одни иностранцы... Я это научилась улавливать: кто иностранец, а кто нет.

– И почему вы считаете, что этот тип в джинсах – иностранец?

– Сама не могу понять. Лицом он скорее на итальянца похож, да ведь такими лицами во Франции никого не удивишь... Тут другое. Тут вот что! – воскликнула я. – Он джинсовый костюм носит!

– Ну и что? – удивился следователь.

– У вас дети есть?

– Есть, – ответил он ошарашенно. – И что с того?

– Сколько лет?

– Восемь и двенадцать.

– Они носят джинсовые костюмы? Не джинсы, а именно костюмы, с курткой?

– Носят. Не пойму, что вы в этом странного нашли.

– А парню этому под тридцать, не меньше. В этом возрасте практически никто не носит джинсовые *костюмы*, только джинсы, но не джинсы с куртками. Это как бы признак дурного тона.

– Вы сильно преувеличиваете. У нас и так носят, и сяк – кому как нравится. А насчет тона – так он, может, из такой среды, в которой дурной-недурной тон никого не волнует?

– Может... Не знаю я. Но все-таки... Что-то в нем есть нефранцузское...

– Он, по вашим словам, произнес фразу из лифта: «Это какой этаж?» Акцент у него был?

– Не обратила внимания.

– А если бы был – обратили бы!

– Но три слова можно произнести без акцента! Когда я говорю по-французски, люди не сразу замечают мой акцент, потому что несколько коротких и несложных первых слов его не выдают! Потом, я его не очень хорошо слышала, через дверь, он у Джонатана спросил. И потом – я сама иностранка, и Джонатан иностранец, нам не так легко распознать акцент!

– Допустим. Но все же ваше заключение насчет джинсовой куртки уж очень натянуто выглядит...

– Нет! Я поняла, в чем дело: не в куртке! А в каскетке!

– Французы, по-вашему, каскетки не носят?

– Задом наперед, на американский лад!

– Ну, знаете, у нас молодежь тоже...

– Этот тип – американец!

– А что, ваша подруга и американцам насолила?

– У нее международная деятельность...

– Ну ладно, возьму ваши соображения на заметку, хотя они мне кажутся, не скрою, сомнительными,

мадемуазель. Но – как знать, как знать, может, и пригодятся. Спасибо, мадемуазель. Выздоровливайте!

Рыжий комиссар поднялся, подергал затекшими ногами и вышел из моей палаты.

Разговор меня все-таки утомил. Вспоминать все это было тяжело и болезненно, боль за Шерил меня не отпускала, как и моя собственная, физическая боль.

Поев без аппетита, я задремала и проснулась уже в сумерках, когда в мою дверь снова постучали. Первыми в двери показались цветы – круглый, как блюдо, букет коралловых роз, убранных по окружности колосьями и какой-то зеленой травой. За букетом появился Джонатан.

– Джонатан! Джонатан... – сказала я и заплакала.

Он подошел, наклонился ко мне, заглянул в мои мокрые глаза и поцеловал меня в покрасневший нос.

– Я люблю тебя, – сказал он тихо.

Я перестала плакать от удивления. Я удивилась, конечно, не тому, что он меня любит, я это и так знала, а тому, что он это сказал. Поймав мой взгляд, Джонатан, словно пожалев о вырвавшихся словах, сменил тон и тему.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он ровно-светским голосом и спохватился: – Во всяком случае, твой нос...

Джонатан заплатил за мой телефон, и мне его включили. Первым делом я позвонила домой. Игорь не отвечал. Он не отвечал вечером, он не отвечал утром, он не отвечал ни в какое время дня и ночи. Но не мог же он быть на работе круглосуточно! И он не мог уехать так надолго, не предупредив меня!

Я терялась в догадках. Он мне был очень нужен, очень. Особенно сейчас, когда мне было так плохо, так одиноко. Особенно сейчас, когда я так нуждалась в его помощи и совете.

Особенно сейчас, когда Джонатан сказал «я люблю тебя»...

И оттого, что он так безнадежно куда-то запропастился, мне было страшно.

Так страшно, что я боялась даже позвонить маме. Кроме того, мне не хотелось ей говорить, что со мной произошло. Это тоже было слишком страшным.

По ночам мне снилась сверхтемпераментная брюнетка в постели с Игорем. Она раскрывала, как рыба, огромный красный рот и всасывала его в себя, а его тело, извиваясь, как червяк, постепенно исчезало в ее ненасытной утробе...

Я искала объяснение его исчезновению. Я искала объяснение моим снам. Я стала думать, что никогда не удовлетворяла Игоря по-настоящему как женщина. Он был моим первым мужчиной, он научил меня всем премудростям секса, но в ответ я могла ему дать только то, чему он меня научил... В нашей интимной близости мы не были партнерами, мы не были дуэтом, поющим на два голоса песню страсти: был всего один голос – Игорь и его эхо – я.

И теперь он завел себе другую женщину.

Я просто перестала звонить в Москву. А маме позвоню, когда снимут повязки и я увижу, что с моим лицом.

Со страховкой все утряслось, за мое лечение обещали заплатить, и мой врач повеселел. Он мурлыкал каждый день, навещая меня: вот-вот, мур-мур, снимем повязочки, и вы увидите, мур-мур, какая вы красавица, мур-мур...

Каждый день я спрашивала, как Шерил, и каждый день получала ответ, что она все еще в коме.

Каждый день я просила разрешения ее увидеть и каждый день получала отказ...

В среду мне разрешили встать. Под руку с медсестрой, шатаясь от слабости, я прошлась по коридору, высматривая, где может находиться дверь, за которой лежит Шерил. Кажется, я ее вычислила. Во всяком случае, табличка «Интенсивная терапия» должна означать, что именно за ней пытаются вернуть к жизни тех, кто уже одной ногой покинул ее...

На следующий же день, сразу после завтрака, я направилась к этой двери. Я чувствовала себя хорошо, слабость почти прошла, и на ногах я держалась вполне крепко. А на их запреты – плевать я хотела. Я должна была увидеть Шерил.

...Наверное, это была она. В этой спеленутой бинтами мумии нельзя было вообще узнать никого. Даже нос ее был покрыт повязками, и бледные, бескровные веки прикрывали глаза. Я приблизилась.

Да, это была Шерил. Я узнала эти нежные, полупрозрачные, синеватые веки. У них была такая же форма, как у меня...

Белая мумия была вся в проводах, которые шли к ее носу, к ее рукам, к ее груди. Подвинув один из них, я осторожно присела на край кровати.

– Шерил... – позвала я.

Она мне не ответила. Ничего не изменилось, веки не дрогнули.

– Слышишь, Шерил, это я, Оля... Слышишь? Слушай меня, внимательно слушай, сестричка: ты не должна умирать. Ты обязана выжить. Пусть твой мозг работает, пусть твое сознание вернется на землю, ты вылечишься, у тебя все на месте, только ожоги, но они заживут, вот увидишь, от них даже следа не останется, слышишь? Надо только, чтобы ты вернулась. Ко мне... Я не могу тебя потерять, понимаешь? Я тебя нашла... только-только... Мне без тебя будет очень плохо, Шерил, понимаешь? Ты не можешь так со мной поступить, ты должна вернуться, ты должна выздороветь, и мы с тобой будем снова похожи и будем жить вместе, и никогда не расстанемся, и будем очень счастливы, слышишь, очень...

Бледные веки дернулись. Совсем чуть-чуть, лишь ресницы шевельнулись. Она не открыла глаза, она не посмотрела на меня, но я знала, что она меня *услышала!*

В палату вошла недовольная женщина в белом халате и открыла было рот, чтобы меня обругать, но я ее опередила:

– Она меня слышала! Понимаете, она меня слышала! Она мне ответила!

– Как ответила? – растерялась женщина, и недовольство исчезло с ее лица. – Как это?

– Веками. Она в ответ мне дернула немножко веками, понимаете?

Женщина покачала головой.

– Вы кто? И кто вам разрешил сюда входить?

– Я ее... Я ее лучшая подруга.

– А, это вы вместе с ней попали во взрывную волну?

– Именно... Я могу приходить к Шерил? Я буду с ней разговаривать, она меня слышит, и сознание к ней вернется!

– А ваш лечащий врач вам позволил сюда ходить? Ваше состояние от этого не ухудшится?

– Разумеется, нет, – сказала я сверхуверенным тоном. – Я уже в полном порядке. Вот только бинты еще остались, но мне их обещают снять в субботу!

– Что касается моей подопечной, – кивнула она на белую мумию, – я не возражаю. Ей это только во благо. Нам иногда удавалось вернуть к жизни людей лишь потому, что с ними разговаривали их близкие... А что касается вас – я выясню это у вашего лечащего врача.

Это была победа. Я получила разрешения со всех сторон и теперь просиживала дни напролет, болтая с Шерил. Я заставила себя забыть о том, что она на грани жизни и смерти, и разговаривала с ней обо всем понемножку, словно она сидела рядом со мной на диванчике в моей квартирке... Это было непросто – болтать как ни в чем не бывало с белым неподвижным коконом, внутри которого укрылась от мира Шерил, но я знала, что ей это необходимо – слышать каждый день родной голос, который зовет ее к жизни. И я звала ее, звала изо всех сил.

Иногда приходил Ги, и мы сидели с ним вместе возле постели Шерил. Ги был необычайно серьезен, и было заметно, что здесь, в больнице, у постели девушки, которая ему явно нравилась, но которую теперь он не мог даже узнать в этой белой мумии, он чувствовал себя не в своей тарелке. Что происходило в его голове, я не знала. Приходил ли он из чувства долга, мечтая поскорее уйти? Или действительно его тянуло сюда, к Шерил? Пожалуй, больше всего это было похоже на немой вопрос с его стороны: собирается ли она возвращаться к жизни или нет и стоит ли ему ее ждать...

Джонатан, словно сожалея о вырвавшемся признании, стал последнее время как-то особенно сдержан, подчеркнуто корректен со мной. Испугался, что его неразделенные чувства покажутся смешными. Не хотел навязываться. Уронить свое английско-аристократическое достоинство. Но я, честно говоря, была рада. Я тоже стала подчеркнуто сдержанной. Я не знала, что мне делать с его чувствами, не знала, в какой степени я могла бы их разделить. Мне было приятно, что он мне признался в любви, он мне нравился, и если бы не Игорь, то я бы, наверное, может быть...

Если бы не Игорь. Если бы он не был в моей жизни.

Если бы он не пропал из моей жизни.

Кроме Шерил, это было единственное, что меня занимало всерьез.

Наступила наконец долгожданная суббота – день, когда с меня должны были снять бинты. Я требовала зеркало, но мне его никак не хотели давать. Под бинтами оказались еще и наклейки, которые долго и мучительно сдирали с пренеприятным треском с моей несчастной кожи, отчего я вопила так, что даже бывалая медсестра вздрагивала и бросала жалобные взгляды на моего лечащего врача. Когда мое лицо очистилось окончательно от всех шкурок и было продезинфицировано под аккомпанемент моих неослабевающих воплей, мой врач приблизился и, склонив голову, стал разглядывать меня, прикусив от усердия кончик языка, словно перед ним была знаменитая Джоконда, увидеть которую он мечтал всю жизнь. Я напряженно следила за выражением его лица, но оно не выражало ничего, кроме восхищения плодами собственного труда.

– Дайте мне зеркало, ну пожалуйста, – канючила я.

Не дали. Лишь только после того, как меня плотно облепили новыми наклейками, правда, уже без бинтов, я добилась зеркала.

Лучше бы не добивалась. Наклеек на мне было столько, что ничего разглядеть нельзя было, кроме того, что мое лицо покраснело и опухло. Мои распрекрасные волосы представляли собой какой-то бесцветный пушок с проплешинами пластырей. Увидев мою родную и такую несчастную физиономию в зеркале, я начала реветь, отчего сделалась еще более красной и опухшей. Врач увещевал меня, говоря, что все это пройдет и следа не оставит, что после пластических операций всегда так бывает, что еще неделя – и даже нельзя будет догадаться, что мое прелестное лицо перенесло подобное потрясение...

Сменили повязки и на руках, на ногах – их было немного, куда меньше, чем на лице, – но то, что я увидела под ними, заставило меня содрогнуться. Я никогда, никогда уже не буду красивой. Мой врач врет, чтобы меня утешить.

Все, прощай красота и молодость!..

Наревевшись, я отправилась, как обычно, в палату Шерил, думая о том, что скажет она, когда очнется и увидит свои повязки...

Возле ее кровати, вполоборота ко мне, стояла высокая плотная женщина лет пятидесяти, в синем костюме с большими белыми отворотами, с белыми крашеными волосами, начесанными на макушке и перьями торчавшими на концах.

– Бонжур, – сказала я, входя. – Я вам не помешаю?

Я никак не могла понять, кто бы это мог быть. Она явно не относилась к больничному персоналу, и мне подумалось, что она, должно быть, из «Чистой планеты».

Не оборачиваясь, женщина неприветливо кивнула мне в ответ. Постояв у нее за спиной, я вышла. Она мне не понравилась, и я решила переждать ее визит, чтобы посидеть с Шерил наедине. Едва я закрыла дверь палаты за собой, как навстречу мне вылетела из глубин коридора врачиха, которая опекала Шерил.

– Вот вы где, я вас ищу!

– Что стряслось?

– Вы говорите по-английски?

– Да...

– Приехала мать Шерил, она не говорит по-французски, а я плоховато владею английским...

Так вот оно что! Это Кати!

– Ради Бога, – сказала я, – к вашим услугам.

Мы вернулись в палату. На какое-то мгновение я похолодела при мысли, что сейчас она увидит нашу схожесть и... И как будто разгадка тайны приблизилась ко мне на мгновение, как будто Кати должна была что-то такое сказать, чтобы приоткрыть секрет...

Но я же вся в наклейках, словно давно путешествующий чемодан! Что она может увидеть?

С забавным французским акцентом врач представила меня Кати как подругу Шерил. Лицо Кати соответствовало ее крупной, тяжеловатой фигуре. Массивный подбородок покрыт светлым пухом, губы тонкие и длинные, словно прорезь почтового ящика, и яркая помада не столько скрывала, сколько подчеркивала их неизящество; мясистый нос и выщипанные брови над тяжелыми веками довершали этот, почти мужской, портрет.

Маленькие серые глаза Кати цепко прошлись по моему обклеенному лицу, запнулись о мой нос, снова обежали лицо, словно пытаясь настигнуть какую-то промелькнувшую и сбежавшую мысль, – и наконец оставили меня в покое.

По ее просьбе я рассказала Кати происшедшую с нами историю. Я перевела все вопросы врача к ней и ее к врачу. Я прокомментировала все финансовые аспекты лечения Шерил и помогла Кати оплатить все счета в регистратуре.

После чего она попросила меня оставить ее с Шерил наедине. И, лишь когда я выходила из палаты, она меня спросила:

– Я хотела бы остановиться в квартире у Шерил. Но в ее вещах не было ключей. Вы не знаете, где они?

Где они? Перед глазами пробежали сцены: Шерил отдает мне ключ, я закрываю квартиру и спускаюсь, и тут же взрыв...

– Они должны быть в моих вещах. Я посмотрю.

Ключи были действительно у меня. Выйдя от Шерил, Кати спросила, не смогу ли я ее сопроводить.

Я могла. Мой врач мне как раз утром сообщил, что я могу, по состоянию моего здоровья, выписаться, но вряд ли я буду чувствовать себя комфортно в таком виде, так что со своей стороны он мне рекомендует провести еще недельку в больнице...

Я заверила его, что непременно так и сделаю, тем более что страховка платит. У меня не было ни малейшего желания появиться с моим обклеенным лицом на глаза изумленному народу.

Взяв такси, мы с Кати поехали на площадь Республики.

Кати молчала всю дорогу. Мне было очень неуютно рядом с этой дамой с неприветливым лицом и редкой неискренней улыбкой. Только когда мы уже почти подъехали к дому Шерил, она вдруг повернулась ко мне и спросила:

– Значит, вы русская?

Действительно, врач упомянула о моем гражданстве, когда представляла меня. Так чего же она переспрашивает?

– Да, – ответила я недоуменно.

Кати отвела глаза и отвернула голову к окну. Но спустя минуту до меня донесся ее следующий вопрос:

– Из Москвы?

– Из Москвы, – сказала я сдержанно, – а что?

Ответа не последовало. Ее вопрос оставил у меня неясный, но неприятный осадок. Должно быть, Кати не любит русских, решила я.

Удивительно, стекла в подъезде были уже вставлены, стены вымыты, и почти ничего не выдавало следов взрыва, происшедшего тут неделю назад. Мы поднялись на лифте, и перед дверью квартиры я протянула Кати ключи.

– Как я вам говорила, мы с Шерил собирались переезжать, так что не удивляйтесь, все упаковано...

Кати вошла первая и застыла на пороге комнаты. Я топталась сзади, за ее массивным телом, полагая, что не следует мешать ее эмоциям.

– Это вы называете «упаковано»? – не оборачиваясь, спросила она ледяным тоном.

Я вытянула шею из-за широкого плеча.

В комнате все было вверх дном, приготовленные нами коробки и сумки были выпотрошены, мебель перевернута, вещи валялись по всей квартире.

Значит, Шерил не оставили в покое. В квартире что-то искали.

Я вызвала полицию.

Приехал уже знакомый мне комиссар Гренье с двумя помощниками, которые принялись перебирать и описывать вещи, снимать отпечатки. Я представила комиссару мачеху Шерил. Подняв валявшиеся стулья, он предложил нам сесть и спросил:

– Кто из вас может мне сказать, пропало ли что-нибудь?

Кати в ответ пожала плечами.

– Я недостаточно хорошо знаю вещи Шерил, – сказала я, – но, по-моему, у нее ничего ценного не было. Она к вещам равнодушна... Кроме того, часть вещей мы с ней собирались перевезти сами и успели погрузить в машину – они, видимо, разлетелись на кусочки во время взрыва. А что там было – я толком не знаю. Шерил большую часть сама складывала. Я только видела, что там было стекло – посуда, вазочки...

– Одежда, косметика, драгоценности, – добавил комиссар. – Кое-что уцелело и находится у нас в полиции. Вы можете за ними прийти, – обратился он к Кати.

– Вы думаете, это простая кража? – спросила я. – Кто-то из соседей мог сюда залезть, зная, что хозяйки нет... – добавила я соображение.

Комиссар покачал головой.

– Вряд ли. Смотрите, как все было разбросано – зло, без всякой необходимости, как эти стулья, например, на которых мы с вами сейчас сидим... Кто-то искал здесь что-то конкретное и злился, не находя. Вот только нашел ли в конце концов – мы не знаем. Вам ее деловые бумаги не знакомы? Где она их держала?

– Не могу сказать... Кажется, Шерил как-то обронила, что ничего не хранит дома – помните, я вам уже рассказывала, что в ее квартиру и раньше забирались? Они и в тот раз ничего не взяли, только перебили ее компакт-диски и аудиотехнику. Как и сейчас, зло и бессмысленно. Но с тех пор она стала остерегаться хранить что-либо из деловых бумаг дома.

Двое полицейских закончили наконец работу. Поговорив с ними, комиссар снова обратился ко мне:

– Шерил не вела дневник? Был ли у нее еженедельник? Адресная книжка?

– Насчет дневника – не знаю, а еженедельник и адресная книжка были точно, я сама видела. Еженедельник в кожаном переплете, толстый, темно-коричневый, густо исписанный, и там же раздел адресов. Но он, скорее всего, в сумке у Шерил остался, я его часто видела у нее в сумке.

– В сумке его не было. Мы все просмотрели. Вернее, клочки от того, что там осталось... Еженедельника не было. Возможно, что Шерил решила, что во время переезда он ей вряд ли понадобится, и сложила его с другими вещами... Но если это так, то его украли.

– Зачем? – тупо спросила я.

– Хотел бы я это знать, – был ответ комиссара.

– Надо связаться с членами «Чистой планеты». Возможно, у нее намечались какие-то встречи, были какие-то пометки в связи с конкретными личностями и именно они интересовали грабителя...

– Спасибо, Джессика Флетчер^[9]. Без вас я бы не догадался.

Мы остались с Кати одни посреди хаоса.

– Я... Хотите, я могу вам предложить остановиться в моей квартире... Здесь ведь невозможно жить!

Я имела в виду свою прежнюю квартиру – ведь она еще числилась за мной, Владимир Петрович до сих пор так и не знал, что я переехала.

Кати посмотрела на меня.

– К тому же эту квартиру полиция наверняка опечатает.

– Я могу остановиться в гостинице, – произнесла она полувопросительно, давая мне возможность на

случай, если мое предложение было неискренним, ухватиться за этот вариант.

Бедолаги, как они только выживают в их западном мире с подобным стилем взаимоотношений!

– Я предлагаю совершенно искренне. Я должна еще остаться в больнице, квартира свободна. Никаких проблем. Да и потом, у меня уже есть другая, которую мы сняли вместе с Шерил...

– Спасибо, – сказала Кати, в первый раз улыбнувшись по-человечески, – это очень любезно с вашей стороны.

– Ну что вы, у нас в России это совершенно нормально. Вы мать моей подруги...

– Приемная мать, – сказала Кати.

– Я знаю, – кивнула я, – это не имеет значения. Вы близкий ей человек.

– Вы с Шерил очень дружили? – глянула она на меня как-то настороженно.

– Очень.

– Вы действительно не знаете, кто мог подложить бомбу в ее машину?

– А по-вашему, я должна знать? Вы подозреваете, что я замешана в этом взрыве? Или для вас все русские являются тайными агентами КГБ, как в ваших дурацких фильмах?

Кати окинула взглядом мои пластыри и покачала головой:

– Извините. Вопрос был глупым.

Мы снова на такси отправились ко мне домой. Показав Кати нехитрое хозяйство моей прежней квартиры и предложив ей располагаться с удобствами, я набрала Москву. Наш домашний телефон по-прежнему хранил гробовое молчание. Отвратительный холодок уже начал сгущаться у меня в животе, как меня вдруг осенило: у нас просто отключили телефон! За неуплату, например... Хотя Игорь платит исправно, но стоит забыть – месяц потом будешь бегать, чтобы включили! Или на линии ремонт – всего-навсего! А я-то страху нагнала, невесть чего передумала! Ведь Игорь и знать не может, что со мной случилось и как важно мне сейчас связаться с ним! Более того, он, не зная моего нового номера, оборвал, должно быть, этот телефон звонками и волнуется до потери сознания, что не может меня найти! Ну конечно же! Все очень просто, и надо срочно позвонить маме. Она должна быть в курсе – Игорь наверняка спрашивал у нее, звонила ли я, и бедная мама тоже волнуется! А я, бестолочь, из-за своих страхов ей не звоню!

Кати вышла из душа с полотенцем на голове и спросила меня, хочу ли я с ней поужинать.

– Спасибо, – вежливо ответила я, – я сделаю еще только один звонок и вернусь в больницу.

Я была уверена: Кати хочет остаться одна.

Только я повернулась к телефону, как он взорвался оглушительным звонком. Вот! Я была права! Игорь звонит сюда по пять раз на дню, бедный!

– Алло, – схватила я трубку, – я слушаю!

В трубке раздались всхлипывания и неясное бормотание, которые я ошарашенно слушала несколько секунд, прежде чем поняла, что это моя мама.

– Что случилось, мамочка, – заорала я, – почему ты плачешь?

– Куда ты пропала?! – надрывно произнесла мама, шмыгая носом. – Что случилось?

Потрясающе, мама почувствовала, что со мной что-то случилось! Говорите после этого, что шестого чувства нет!

– Я уже несколько ночей не сплю, ничего не понимаю, теряюсь в догадках! – со слезами продолжала мама. – Ты не звонишь, Игорь не звонит, он вообще куда-то пропал...

Во мне все рухнуло. Значит, мама ничего не знает об Игоре и ничего не сумеет мне объяснить, не сумеет развеять мои страхи и подозрения.

– Не плачь, мамочка. У меня все в полном порядке.

Язык не повернулся рассказать, что со мной случилось, и я соврала:

– Меня просто пригласили в гости на неделю на виллу... Да-да, у нас сейчас каникулы... Ну ты знаешь, здесь не принято звонить по международному телефону за чужой счет, а больше неоткуда было... Все просто прекрасно, не волнуйся... Ну извини, извини ради Бога, я не думала, что ты будешь так волноваться. Игорь? Не знаю, должно быть, уехал куда-то, – врал я по-прежнему. – Он последнее время стал много ездить, он же занимается предвыборной кампанией Тетерина... Ты лучше запиши мой новый телефон, пишешь?

Я продиктовала маме номер и добавила:

– Только ты не трать деньги, я сама буду звонить тебе, как обычно!

– Что ты, Аленка, при чем тут деньги? – как-то хлопотливо заговорила вдруг мама. – На кого же мне их тратить, если не на родную дочь? Это ты не трать деньги, я тебе буду сама звонить!

Смешная, она говорит так, как будто у нее миллионы и она никак не найдет им применения!

– И потом, – добавила мама, – наш телефон почему-то стал очень плохо работать...

– Нет, отчего же, я тебя прекрасно слышу!

– Это потому, что я звоню из автомата... Так что лучше будет, если я сама буду тебе позванивать...

Я не стала спорить и нежно попрощалась с мамой.

А может, это на самом деле правда, мое вранье? Игорь действительно мог уехать... Пытался меня предупредить, но меня он не нашел, а автоответчика у меня нет...

Нужно будет срочно поставить автоответчик.

Покинув Кати, я заехала к себе на новую квартиру, теперь мне уже не нужную – зачем мне столько комнат одной? «Отказаться от нее или оставить ее за собой, в ожидании Шерил?» – думала я, отпирая дверь.

В темной прихожей на меня вдруг навалился страх, я даже помедлила, прежде чем зажечь свет: вдруг в моей квартире то же самое?

Свет вспыхнул, и я с облегчением убедилась, что у меня все в порядке. Взяв необходимые мне вещи – одежду, туалетные принадлежности, несколько учебников французского, я тщательно заперла дверь и вернулась в больницу. Там была рядом Шерил, там были люди, там я чувствовала себя более защищенной...

Автоответчик, по моей просьбе, купил и установил на моей прежней квартире Джонатан, и теперь я ежедневно спрашивала у Кати, не оставлял ли кто мне запись по-русски.

«Не оставлял», – ежедневно отвечала Кати.

И я перестала спрашивать.

Я перестала спрашивать, я перестала смотреть на себя в зеркало, я перестала гадать, что происходит, и мучить себя вопросами, на которые не было ответа. Я жила, как заведенный механизм – тррк, тррк, тррк

ключик, – пока завод не кончится. Время словно остановилось. Завтрак, обед и ужин хоть как-то размечали мой больничный день временными категориями: утро, день, вечер; снова утро-день-вечер, и завтра опять утро-день...

Джонатан приходил регулярно и ненадолго, приносил фрукты и сладости, пил со мной кофе возле автомата и сидел со мной в курилке, составляя компанию моей послекофейной сигарете, заходил на десять минут к Шерил «поболтать» – все было выдержано в тоне любезном и светском, сдержанном и холодноватом, – Джонатан всем своим видом показывал, что не собирается навязываться со своими чувствами, жалеет о вырвавшейся фразе, и вообще, ничего такого и вовсе не было. Ги приходил все реже и реже; Шерил не откликалась, застыв вместе со временем в неподвижности...

Глава 2

ИГРА СО СМЕРТЬЮ 1: ОБОЗНАТУШКИ

Дня через три Кати заглянула в мою палату.

– Удивительно, как трудно во Франции найти людей, которые говорят по-английски... – сказала она.

– А что, все должны?..

Кати окинула меня взглядом.

– Я рада, что могу с вами общаться, – сказала она наконец.

– Милости просим, – ответила я. – Вам нужно что-то перевести?

– Я постепенно привожу в порядок вещи Шерил. И я нашла, что у нее еще пропало: документы.

– Какие?

– Все. У нее не оказалось никаких документов. Ни свидетельства о рождении, ни паспорта, ни диплома об окончании колледжа, ни прав.

– Паспорт она носит в сумке, я сама видела. У нее всегда в сумке был еженедельник, паспорт и права. А вот свидетельство и диплом... Они должны были быть в ее вещах. Значит, надо сообщить в полицию?

– Я хотела вас попросить это сделать...

Я набрала номер, оставленный мне комиссаром Гренье, и объяснила суть дела.

– Я проверю наш инвентарь обгоревших остатков вещей, находившихся в машине, возможно, там зафиксированы следы ее паспорта и других документов. Подождите у телефона.

Кати внимательно прислушивалась к нашему разговору, стараясь уловить во французском языке знакомые ей слова. На слово «паспорт» она усиленно закивала.

Трубка снова ожила:

– Паспорт, водительские права, документы на машину... Портмоне... Это всё. Мы сделали опись и передали все в больницу. Документы сильно пострадали, но поменять их может только сама Шерил, я надеюсь, что она придет в себя... Ей помогут в американском посольстве. Сама сумка представляет собой жалкие обрывки кожи, но если мать Шерил хочет их забрать, то пожалуйста. Нам они больше не нужны. ...Значит, в недостатке у нас свидетельство о рождении и диплом? А она хорошо их поискала?

– Хорошо. Их нет.

– Что же, спасибо за сигнал. Это интересная информация... – задумчиво произнес комиссар, явно не зная, куда эту интересную информацию поместить. У меня тоже не было никаких идей.

Закончив говорить с комиссаром, я перевела Кати его ответ.

– Можно, я вас еще попрошу? – спросила она.

– Спросить про вещи, переданные в больницу? – догадалась я.

– Да. Я могла бы заняться прямо сейчас восстановлением ее документов.

Значит, Кати тоже верит, что Шерил выживет. Мне отчего-то стало легче.

Медсестра открыла нам камеру, в которой хранились вещи Шерил. Там были снятые с нее в больнице

драгоценности, часы с разбитым стеклом; там же лежал черный пластиковый пакет на «молнии».

Кати перебирала вещи, и в ее глазах стояли слезы.

– Документы и портмоне в черном пакете, – сообщила нам медсестра.

Кати потянулась за пакетом и несколько мгновений держала его в побелевших пальцах, борясь с нахлынувшими рыданиями. Затем протянула пакет мне и полезла за платочком в свою сумку. Я открыла «молнию», сунула руку в пакет, вытащила портмоне и раскрыла его. Оно было пустым.

– Послушайте, – обратилась к медсестре, – кто-то украл из ее портмоне все, что там было! Все деньги, банковскую карточку, проездной билет и даже фотографии! Она всегда носила с собой две маленькие фотографии...

– Я ничего не знаю, – испугалась медсестра. – Должно быть, нам из полиции так передали, я туда даже не заглядывала!

Мы говорили по-французски, что вполне естественно, и Кати не понимала нас, да, видимо, и не слушала, занятая своим платочком и поплывшей тушью, но на слово «фотографии» она вдруг встрепенулась и уставилась на меня.

– Фотографии... – сказала она. – У нее пропали фотографии! Я хорошо помню, как она вынула из альбома несколько фотографий, чтобы взять их с собой в Европу. А у нее дома я не нашла ни одной!

– Верно, она мне их показывала. Я помню: Шерил, совсем маленькая, с родителями, с вами, с собакой... Надо будет сказать об этом полиции.

Я была озадачена. В самом деле, зачем кому-то понадобились ее фотографии? Не на доску же почета французской разведки?

Я снова сунула руку в пакет и пошарила. Там больше ничего не было. Для верности я заглянула в него.

– А где ее документы? Тут должны быть паспорт Шерил и ее права, из полиции все передали сюда.

– Кому нужны ее документы? – стала защищаться медсестра. – Я все сложила, как мне передали, взяла и положила, и заперла дверцу. И больше не открывала!

Я посмотрела на Кати. Она мне ответила каким-то болезненным взглядом.

– Пошли, – сказала я ей.

Вернувшись в палату, я снова набрала номер комиссара Гренье.

Пока полицейские занимались дверцей камеры, мы с Кати пошли к Шерил. Кати молча гладила ее забинтованную руку, а я молча смотрела на них. Было очень невесело. Было очень страшно. Что-то происходило вокруг нас, и оттого, что я не понимала, что именно, – было еще страшней. Наконец я не выдержала и пошла в свою палату, к телефону.

Игорь по-прежнему не отвечал. Мне сделалось совсем худо. Я набрала номер Джонатана.

– Приезжай, – сказала я. – Мне очень плохо.

– Выхожу, – ответил мне Джонатан без лишних вопросов.

В мою палату сунулся полицейский.

– Можно вас, мадемуазель?

Мы вернулись к шкафчикам. Эксперт уже закончил работу и складывал свои причиндалы в чемоданчик. Комиссар Гренье хмуро следил за его сборами. Увидев нас, он кивнул:

– Экспертиза должна еще подтвердить, но уже сейчас можно сказать, что дверца была открыта отмычкой. Кто-то испытывает довольно своеобразный интерес к вашей подруге... Переведите, пожалуйста: что мадам думает об этом? Есть ли у нее какие-то подозрения? Может быть, Шерил писала ей?

– Она мало чем делилась со мной, – ответила Кати. – Не знаю... Вокруг Шерил всегда происходило что-то странное, всегда крутились какие-то сомнительные личности – экологи эти... Но с тех пор, как она уехала во Францию, к нам больше никто не ходит. Вот разве что недавно ко мне приходил какой-то подозрительный тип, интересовался Шерил.

– Поподробнее, пожалуйста!

– Он представился одноклассником Шерил...

Я вспомнила «Колю Зайцева».

– Он вам назвал свое имя?

– Джон Смит.

– Не слишком богатое воображение, – заметила я.

Комиссар Гренье кивнул. Кати посмотрела непонимающе.

– «Джон Смит» – это все равно что «никто», – ответила я на ее взгляд. – Вы представляете, сколько в мире таких Джонов Смитов?

– Вы хотите сказать, что это вымышленное имя? – Кати глянула на комиссара. – У нас действительно много Джонов Смитов, но почему бы ему не быть одним из них?

– Все возможно. И что этот молодой человек спрашивал?

– Сказал, что хотел бы увидеть Шерил. Узнав, что ее нет, спросил, когда ее можно застать. Я ответила, что она уехала надолго в Европу. Он настаивал, в какую страну, но я не сказала. Он мне не понравился... Когда я поинтересовалась, является ли он членом экологического общества, он помялся немного, а потом ответил: «да». Но если бы он им был, то он бы знал, где Шерил – ее все эти «зеленые» знают! Так что я сразу поняла, что он лжет. К тому же у Шерил есть фотография всего ее класса: там нет никого, похожего на этого парня. Он мог, конечно, измениться за это время, вырасти, превратиться из мальчика в мужчину... Но там нет никого по имени Джон Смит. Возможно, это кто-то из ее отвергнутых поклонников и ему не хотелось, чтобы я потом выслушивала комментарии Шерил...

– Хорошенькое дельце... С вашей точки зрения, этот молодой человек – американец?

– Почем мне знать?

– Говорил без акцента?

– Знаете, в Америке акцентом удивить трудно. У нас половина населения говорит с акцентом.

– А он был, акцент?

– Был. Но повторяю, это не значит, что он иностранец.

– Уж не попали ли вы в точку с вашей каскеткой, Джессика Флетчер? – без улыбки повернулся ко мне комиссар. – Как он был одет, этот молодой человек? – снова обратился он к Кати.

– Одет-то он был нормально: костюм, галстук...

– Блондин, брюнет?

– Блондин.

Комиссар глянул на меня. Его взгляд означал, что я попала мимо цели с моими предположениями об американском происхождении джинсового брюнета.

– Что ж, дорогие дамы, придется вам проехать к нам в комиссариат, дать показания по поводу кражи документов и составить описание этого молодого человека.

Хорошо, пусть я попала мимо с моим «джинсовым». Но зато к моей маме тоже приходил «бывший одноклассник»! И тоже спрашивал про меня! Это-то как понимать? Снова случайное совпадение?

Всю дорогу я думала: сказать про моего «бывшего одноклассника» или нет? Если сказать, тогда надо объяснять про наше загадочное сходство, о котором в полиции до сих пор ничего не знают... Иначе при чем тут я с моими «одноклассниками»? Но тогда надо рассказывать и про странные звонки Игоря...

Я решила подождать. Посмотрим, какой оборот примет дело.

Джонатан парковал машину во дворе больницы, когда мы вышли вместе с полицейскими. Пришлось объяснить ему, что мы должны ехать в комиссариат.

– Ничего страшного, я подожду тебя, – ответил он.

В полиции, управившись с описью и показаниями по поводу кражи, я стала переводить описание одноклассника, интересовавшегося Шерил. «Худой... Высокий... Блондин... Волосы длинные... Ямочка на подбородке...» Чем дальше продвигалась Кати в описании, тем больше меня охватывала паника. Я знала человека, которого она описывала. По крайней мере, он был похож...

Он был похож на Сережу.

Да-да, на Сережу, на влюбленного в меня Сережу, самолюбивого помощника моего Игоря!

– А никаких особых примет не заметили? Дефект какой-нибудь, родинка или что-то в этом роде? – спрашивал комиссар.

А мне хотелось закричать: «У него должны быть огромные ноги! Ну же, Кати, ну, вспомни!»

– Нет. – Кати пожала плечами.

Если я сейчас спрошу про ноги, то комиссар поймет, что я этого человека знаю, и тогда уж он меня не отпустит до тех пор, пока я ему все не выложу! А я до сих пор не решила, надо ли говорить ему про Игоря и все остальное, из этого вытекающее.

– Постарайтесь вспомнить. Вы видели только его лицо? Руку не пожимали? Может, у него на руках что-то особенное? Перстень, татуировка, родимое пятно? Дефект ногтей, кривизна, недостающий палец? – подсказывал комиссар.

– Я не пожимала ему руку. Правда, когда он спросил адрес Шерил, то вытащил ручку и блокнотик и приготовился писать. Помню, я посмотрела на его руки... – Кати задумалась, вспоминая. – Нет, ничего особенного я не заметила. Обычные руки. Разве что большие, но это нормально для мужчины...

Большие руки.

Сережа?

Вернувшись в больницу, я нашла на своем столике свежий букет коралловых роз и коробочку с шоколадными конфетами «Леонидас». Джонатан меня не дождался.

У меня отчего-то навернулись слезы. Снова навалилось пугающее чувство одиночества, куда более сильное, чем то, которое мучило меня первый месяц в Париже. Тогда я оказалась физически разъединена с близкими мне людьми, но они были где-то вдали, эти люди, и мысль об их существовании меня поддерживала и помогала бороться с тоской: в Москве остался Игорь, в Париже предстояла встреча с

Шерил... Теперь же Игорь исчез, Шерил скрылась в белом коконе бинтов – и я чувствовала себя совершенно потерянной.

Был, правда, Джонатан... Но что мне было делать с его чувствами? С его любовью, которую я не могла – не имела права – разделить?

И в которой я так нуждалась теперь...

Я погладила душистые головки роз, заботливо поставленных в воду кем-то из персонала. От белой с золотой виньеткой коробочки неся соблазнительный шоколадный дух. Я дернула тонкую золотую ленточку.

...Сказать Джонатану, чтобы пришел? Или не дразнить себя искушением? Сейчас, когда мои нервы на срыве, глаза на мокром месте, душевные силы на исходе, – именно теперь мне нужна была его поддержка. Но именно теперь я могла в него влюбиться!.. Я вполне отдавала себе отчет в том, что как раз в данный момент он мог въехать, как сказочный принц, в мою жизнь на белом коне – помочь мне, утешить, успокоить, окружить меня заботой, взять на свои мужественные плечи мои печали и недоумения...

Мужественные плечи. Широкие, красиво развернутые плечи, достойно венчавшие узкий торс, белая гладкая кожа... Мне отчего-то представлялось, что на груди у Джонатана нет волос, и, хотя я люблю скорее мужчин волосатых, меня это почему-то волновало, будоражило, дразнило приткое воображение, и оно улетало, подстегнутое тоской и печалью, в сладостные и томные грезы...

Поток моих сумбурных мыслей был прерван приходом Кристин, дежурной медсестры, с ужином на подносе.

– Как дела? – весело спросила она и, бросив взгляд на коробочку конфет, которую я до сих пор держала в руках, начисто забыв о ней, добавила: – Советую вам оставить сладкое на потом. Иначе перебьете аппетит. А вам необходимо кушать хорошо.

– Вы как моя мама, – улыбнулась я ей. – Она у меня медсестра и тоже всю жизнь мне так говорит.

– Вот видите, – улыбнулась Кристин в ответ, – маму надо слушаться.

– Угощайтесь, – протянула я коробочку.

– О, спасибо... Я...

Сейчас начнутся церемонии типа «неприлично принимать от пациентов подарки...».

– Угощайтесь, – требовательно повторила я.

Она взяла смущенно конфетку. Я потянулась к подносу с моим ужином, взяла с него белую салфетку и выложила в нее почти полностью верхний слой конфет.

– Спасибо, вы очень добры, – сказала она. – Но мы с вами будем кушать сладкое после ужина, да?

– Разумеется, – заверила я ее.

Поев, я снова набрала Москву. И снова не получила никакого ответа. Что же он делает, Игорь? Где, с кем проводит время?!

Больше не могу. Пусть Джонатан придет, и пусть будет что будет. Одной мне не справиться – ни с тоской, ни со страхом, ни даже просто с анализом всех этих свалившихся на мою бедную плешивую голову загадок.

Было уже поздно, и приемные часы в больнице закончились, но я все равно решила позвонить ему. Договорюсь хотя бы на завтра, прямо на утро.

Громкий топот бегущих по коридору ног заставил меня положить трубку обратно. Я прислушалась. Кто-то что-то кричал, надрывно и истерично. Спустив ноги с постели, я нашарила тапочки и выглянула в коридор. Два санитаря бегом везли каталку к лифту. На каталке лежала одна из медсестер с нашего этажа с закрытыми глазами и синим лицом. Сердечный приступ, должно быть...

Стоять в дверях и глазеть было неловко, и я вернулась к себе. Но не прошло и двух минут, как Кристин ворвалась ко мне в палату.

– Ваши конфеты! – крикнула она, задыхаясь.

– Что мои конфеты?

– Отравлены! Вызовите полицию!

И она исчезла в коридоре.

Отравленные конфеты.

Предназначенные мне.

От Джонатана.

Вот это любовь, ничего не скажешь... А я, идиотка, всего полчаса назад сидела тут и размышляла, имею ли я моральное право принять его чувства и поддержку. Но он не стал ждать, пока я решу этот сложный вопрос, он не стал ждать, пока я разрешу ему участвовать в моей жизни. Он просто взял и без всякого спросу поучаствовал. В моей жизни и смерти...

Только вмешательством ангела-хранителя можно объяснить тот факт, что отравленные конфеты достались не мне...

Бедная медсестра, буду молить Бога, чтобы она выжила.

Я набрала номер комиссара Гренье – уже в который раз за этот день! – и заплакала – уже в который раз за этот день...

Бог мой, но зачем? Зачем ему было это нужно? Для кого он работает?

Я вспомнила, как профессионально разбирался он в прослушивающих устройствах. Кто же он такой, этот англичанин? И англичанин ли он? Что ему за дело до меня? Если он хотел меня отравить, то, значит, вся его любовь была лишь спектаклем?

Видимо, так.

«Я люблю тебя», – сказал он тогда, неделю назад, наклонившись над моей кроватью. И я поверила.

И зря.

Вот только... Это было сказано так, что нельзя было не поверить! Слова будто вырвались из глубины его сознания, помимо его воли, которая сопротивлялась...

Но ведь это он принес конфеты?

– Да, это от Джонатана. Нет, я не спрашивала, от кого, но вместе с ними у меня в палате оказался букет роз, такой же, какой он принес мне на прошлой неделе. Поэтому я решила... – отвечала я на вопросы.

Комиссар посмотрел на часы.

– Дневная смена уже закончилась. Придется побеспокоить персонал на дому.

– Алло, – комиссар звонил из ординаторской, куда я потерянно приплелась вместе с ним. Я не могла сидеть одна в палате и думать о том, что меня все предали – Игорь, Джонатан...

– Комиссар Гренье у телефона. Вы сегодня видели кого-нибудь, кто заходил в палату Ольги Самариной, номер 311?

Видя, что ему разрешили курить, я тоже закурила сигарету. Комиссар покивал трубке:

– Да, я знаю, о ком идет речь, с английским акцентом, да? Угу, – он снова покивал. – Да, с букетом роз. А конфеты у него в руках были? Да, очень важно. Ну, не заметили так не заметили. Может, кто-то другой приносил? Что ж, спасибо. Прошу вас завтра прийти в комиссариат к десяти часам, нам нужны ваши показания в письменном виде. Спокойной ночи.

Следующий звонок повторился почти в точности, потом еще один.

Комиссар положил трубку и повернулся к нам.

– Пока никто не может с точностью сказать – не обратили внимания. Хотя это уже о чем-то говорит: были бы конфеты – заметили бы... Кому я еще могу позвонить? – спросил он старшую медсестру.

Та раскрыла записную книжку и указала телефон.

– Необходима ваша помощь... – снова вещал в трубку комиссар. – Высокий англичанин, который часто навещает Ольгу Самарину... Да, с букетом роз. А белой коробочки с конфетами у него не было в руках? Вот как? А почему вы так уверены? Понятно. А никого другого вы с такой коробочкой не видели? Ну а, допустим, если бы он держал коробочку под мышкой – вы могли бы заметить? Да, я представляю. Завтра зайдите в комиссариат для дачи показаний. Спасибо. Спокойной ночи.

– Значит, – комиссар развернулся ко мне, – пока у нас есть вот что: одна из медсестер видела Джонатана ровно в тот момент, когда он открывал дверь твоей палаты. Она так и запомнила: одна рука с розами, а другая – на ручке двери. Конфет у него не было.

Радость вспыхнула во мне. Не он! Он не хотел меня отравить! Спасибо, Джонатан, что это не ты...

– Но, – продолжил комиссар Гренье, почему-то строго взглянув на меня, – ей не было видно, не держал ли он коробочку под мышкой или под локтем. Кроме того, никто не видел каких-либо посетителей с такой коробочкой. Впрочем, это пока опрос поверхностный. Завтра опросим весь персонал и больных как следует. И Джонатана, разумеется. В первую очередь.

– Послушайте, господин комиссар, – заговорила я возбужденно, – если кто-то принес мне отравленную коробку конфет, то неужели этот кто-то не позаботился бы, чтобы его не увидели с ней в коридорах!

– Ты права, Оля. Но это же относится и к Джонатану.

Меня бросило в жар. Рано я обрадовалась.

– Не расстраивайся, – комиссар был на удивление чуток. – Завтра, надеюсь, удастся все выяснить.

– Что называется – удачи! – Кристин скептически покачала головой. – В часы приема все свободно разгуливают по больнице. Вы же знаете, у нас никакого контроля в дневное время нет. И никто ни на кого внимания не обращает...

В ординаторскую вошла другая медсестра и, остановившись на пороге, тяжело привалилась плечом к дверной притолоке.

– Селин умерла, – тускло сказала она. – Умерла.

– Сожалею, – пробормотала я.

Я чувствовала себя виноватой за то, что кто-то другой умер вместо меня.

– Мы заберем тело на судебную экспертизу, – мрачно сообщил комиссар Гренье.

– Я вам и без экспертизы скажу... – проговорила женщина, все еще стоявшая на пороге. – Дайте сигарету, – сказала она мне, – не могу больше...

Она прошла к стулу и рухнула на него. Я протянула сигарету и зажигалку. Затянувшись, она шумно выпустила дым и сказала, ни на кого не глядя:

– Синильная кислота.

– Вы уверены?

– Запах миндаля.

– Да... Неоригинально, – покачал головой комиссар.

– Зато надежно, – с горькой иронией ответила она и глянула искоса на меня. – Это кому же ты так насолила, детка?

– Мне тоже хотелось бы это узнать, – прошептала я. И, откашлявшись, повторила: – Я сожалею, что так получилось...

– Никому они не нужны, твои сожаления, – она резко загасила едва начатую сигарету, встала и направилась к дверям. Уже открывая их, она произнесла, не оборачиваясь: – Это была моя лучшая подруга. Если вы способны понять, что это такое.

Дверь за женщиной закрылась.

В ее голосе прозвучало обвинение. Мне, или нам всем, или судьбе – не знаю. Но я ее понимала. На ее месте я, наверное, тоже обвиняла бы весь мир в потере лучшей подруги.

Впрочем, у меня не было лучшей подруги.

У меня была только Шерил. Почти сестра.

И Игорь. Почти муж.

И Джонатан. Почти любовник.

У меня все было «почти»...

У меня все было в прошедшем времени.

Я попыталась изменять глаголы по временам:

Есть ли у меня Игорь?

И будет ли Шерил?

И вовсе без времени: кто он мне, Джонатан? Мой друг, тайно влюбленный в меня?

Или мой убийца?

– Я сначала подумала, что это ты оставил конфеты.

Я решила вести себя как ни в чем не бывало, хотя напряжение не покидало меня.

Джонатан сидел рядом со мной на диванчике в курительной комнате.

– Это было логично, – ответил он сухо.

– Да, логично. К тому же я обратила внимание, что ты очень хорошо разбираешься в прослушивающих устройствах...

Я надеялась спровоцировать Джонатана на объяснения. Но он молчал.

Это весьма странное ощущение – подозревать человека, который сидит рядом с тобой, в покушении на убийство, причем на твое собственное убийство. Странное до невозможности, до ирреальности, до тягостного сна, из которого никак не вынырнуть. Но страшно – не было. Уж не знаю почему. Явно не от моей повышенной храбрости. Скорее, от усталости...

– Откуда у тебя такие знания? – решительно надала я.

Джонатан посмотрел на меня внимательно и как-то оценивающе.

– Я полагаю, – заговорил он медленно, – что действительно, необходимо объясниться... То, что я тебе скажу сейчас, должно остаться тайной. Ты можешь обещать мне это?

– Да, – я постаралась придать своему голосу вескость.

Я действительно – могила, особенно когда я знаю, что сказанное мне – тайна. Не зная, могу и сболтнуть, не подумав; но если знаю – никогда. Тем не менее, глядя на мои светлые кудряшки и на мои синие глаза, на мою симпатичную девческую мордашку, мужчины думают обычно: куклолка и дурочка. Впрочем, женщины тоже так думают. Мне-то все равно, их дело, что они думают обо мне, но вот потом, когда им неожиданно приходится столкнуться с моим «умом и сообразительностью», они начинают подозревать, что я притворяюсь, строила из себя дурочку, что я лицемерка и стерва... Но это тоже их проблемы. Разве я просила, чтобы меня держали за куклу Барби?

– Мой... – заговорил Джонатан, понизив голос. – Один из моих родственников – офицер английской спецслужбы. Я не имею права сказать тебе, какой именно...

– MI5? – спросила я невинно. От кого-то я уже слышала это название.

– Тише ты! – прикрикнул на меня Джонатан и улыбнулся. – А ты, случаем, не из КГБ?

– Я еще не решила. Может быть, чтобы сравнить наши позиции...

– Но я не состою на этой службе.

– А если бы состоял – сказал бы?

– Нет. – Джонатан снова улыбнулся. – Но я говорю тебе правду. Это мой близкий родственник... Соответственно у меня была не одна возможность получить разнообразные знания, недоступные обычным людям. К тому же он хотел, чтобы я пошел по его стопам, и иногда давал мне уроки...

– А ты?

– Я ведь уже сказал, что нет.

– Тебе не нравится подобная деятельность?

– Она совершенно необходима и неизбежна в любом государстве. Но я не чувствую к ней склонности. Скажем, она меня интересует как область знаний, но не как сфера моего участия.

Пожалуй, я могла бы ему поверить... Но моя настороженность не прошла до конца.

– Однако голова твоя варит совсем неплохо – должно быть, ты унаследовал от своего родственника способность быстро соображать и реагировать... Как ты тогда на ходу придумал всю эту комбинацию перед закрытыми дверями Шерил! Не каждый нашелся бы.

– Мне лестно услышать столь высокую оценку моих скромных возможностей. Ты меня все-таки подозреваешь в намерении тебя отравить?

Я растерялась от прямого вопроса. Неужели это так заметно? Я-то думала, что я актриса неплохая...

– Я сегодня с утра был в полиции, они сверяли отпечатки на коробочке с шоколадом. Моих там нет.

– А если бы это был ты, ты бы их оставил? – спросила я, глядя ему в глаза.

Джонатан хмыкнул.

– Верно, не оставил бы.

– «Бы»?

– Оля, наверное, на твоём месте я тоже бы отнесся настороженно... Но я не пытался тебя отравить.

Я смотрела на него, желая изо всех сил поверить этим словам. Поймав выражение моих глаз, он добавил ещё тише:

– У меня нет никаких причин, чтобы это сделать... У меня есть причины совсем другие...

Он загнулся, смутился, тонкий румянец залил щеки, и Джонатан поморщился, явно недовольный своими неуклюжими словами.

Мне стало стыдно. Да, Джонатан соображает хорошо и осведомлен на зависть в шпионских делах, но чтобы он играл роль, прикидываясь влюбленным... Не может этого быть!

– Извини, – сказала я. – Просто ты человек необычный, я тебя знаю мало, и...

– А сердце, – перебил он меня, – тебе ничего не подсказывает?

Я удивленно посмотрела на него. Вот уж не ожидала, что такие «сердечные» категории водятся в его арсенале. Джонатан ожидал ответа, внимательно глядя на меня своими прозрачными серыми глазами, словно я должна была сказать что-то очень важное.

– А ты считаешь... – начала я неуверенно, – что его надо слушать?

– Обязательно. Только надо уметь слушать. И не иметь иллюзий, чтобы не принимать желаемое за голос сердца. Тогда сердце – лучший советчик.

Я была удивлена этим рассуждением и, кажется, не совсем понимала тогда, что он имеет в виду. Однако я изо всех сил постаралась прислушаться к сердцу. Но оно мне в тот момент не подсказывало ничего, и я ничего не чувствовала, кроме смущения и растерянности.

– Возможно, что я как раз принимаю свои желания за действительность, Джонатан, во всяком случае, ни мое сердце, ни моя интуиция не в состоянии сладить с желанием, чтобы ты был со мною рядом сейчас... – отважилась я, решив, что правда лучше всего. В хитростях мне все равно не преуспеть. – Мне нужна твоя поддержка, одной мне не справиться со всем этим...

Джонатан явно обрадовался моим словам. А мне полегчало, и сомнения отпустили меня при виде его радости, которую он к тому же попытался скрыть.

– Это преамбула к какой-то просьбе? – спросил он сдержанно, но глаза его лучились.

– Твоя необыкновенная проницательность лишь подтверждает справедливость моей лестной оценки. Как ты догадался?

– У тебя на лице написано нетерпение.

– А-а... Это не просьба даже. Просто я хочу тебе рассказать кое-что, чего ты не знаешь, и...

– Услышать мой анализ?

– Именно.

– Поскольку, в противоположность твоей обычной манере себя вести, ты обставляешь наш предстоящий разговор такими церемониями, я делаю вывод, что нам стоит уйти отсюда.

– Почему?

– Мы здесь не одни. – Действительно, в курительной комнате было еще несколько человек. – А то, что ты хочешь мне рассказать, явно не для посторонних ушей. Не шептаться же нам! Ты сейчас можешь уйти?

Я посмотрела на часы. Через полчаса начинался обед, и я была голодна. Заметив мой жест, Джонатан добавил:

– Я тебя приглашаю ко мне домой. Учитывая твои наклейки, вряд ли ты захочешь пойти в ресторан. И обещаю тебе обед.

Небольшая квартирка из двух комнат была обставлена очень просто, без малейших претензий, хотя само по себе наличие двухкомнатной квартиры, да еще в районе площади Вогезов, говорило и о наличии финансов – за мою короткую жизнь в Париже я стала понемножку разбираться в таких вещах. Кроме самой необходимой мебели, в гостиной были книжные полки – не так уж часто встречающаяся здесь деталь интерьера. Читающий люд этой страны охотно пользуется услугами библиотек, экономя место в своих квартирах, – не так, как у нас в Москве, где, еще не опомнившись от книжного дефицита, каждый норовит притащить книги домой. Единственной роскошью в его гостиной была дорогая стереоустановка с коллекцией компакт-дисков.

На низком столике в вазе стояли коралловые розы. Неужели он предвидел, что я к нему приду?

С комода смотрели три фотографии: на первой, по всей видимости, были запечатлены родители Джонатана; на второй Джонатан, хорошенький мальчуган лет восьми, сидел верхом на лошади; на третьей Джонатан, лет шестнадцати, с загипсованными рукой и ногой, стоял возле какой-то шикарной машины с открытым верхом, капот которой был смят в лепешку.

– А-а, фотографии смотришь? – сказал, входя с кухни, Джонатан. – Детские воспоминания. Для ума и для сердца.

– Это твои родители?

– Позвольте вам представить, мадемуазель: мои родители, моя лошадь, моя машина.

– И какая из этих фотографий для ума?

– Последняя, конечно. Чтобы не забывать, что почем в этой жизни.

– Почем машина или почем здоровье? – уточнила я.

– Почем глупость. И вытекающие из нее последствия.

– В виде разбитой машины или сломанной ноги? – рискнула я снова уточнить.

– О, Оля, ты пропустила несколько звеньев в этой цепочке!

На этот раз я решила не пытаться угадать, а помолчать да послушать.

– Первым делом из глупости вытекает самонадеянность. Из самонадеянности – желание слышать только себя и неумение слушать голос вещей. Из этого неумения...

– Голос вещей? А ты не мог бы объяснить?

– Ну, смотри. – Джонатан показал на фотографию с лошадью. – У меня никогда не было никаких, даже малейших, проблем с лошадью. Я никогда с нее не падал, я не сломал даже ногтя за все время, которое я занимался верховой ездой. Потому что я с самого начала знал: это животное. У него есть свой характер, и оно может этот характер показать. Я изначально из этого исходил и с лошадьми своими всегда считался. То есть я слушал их голос. Я чувствовал их желания, состояние, настроение и учитывал их... Когда появилась машина, я отнесся к ней, как к своей рабыне, которая может исполнять любые мои прихоти. У которой нет

права своего голоса, понимаешь? В определенном смысле она была одновременно и моим идиолом, которому я служил.

– Погоди, идол и рабыня – это как-то вместе не вяжется...

– Вяжется, Оля, еще как! Раб, если только ему представится возможность, всегда поступает со своим господином так – или еще более жестоко, – как господин поступал с ним. А идол – это всегда то, чем неимоверно хочется обладать, себе подчинить, поработить, иметь у себя в распоряжении. Посмотри на толпу, срывающую одежду со своих кумиров – хоть кусочек, но достанется в обладание... Про маньяков фильмы видела? Они выбирают девушек, которым поклоняются, и убивают их, чтобы они достались в полное, безграничное обладание... Идол не имеет права голоса. Никто не считается с тем, хочется ли идолу быть задушенным своими поклонниками – в прямом и переносном смысле. Так и я со своей машиной: я сделал из нее идола, я ее пытался себе подчинить – я не слушал ее голос и не считался с ней. И она не выдержала. Она вышла из подчинения, и я потерял управление...

И он снова исчез на кухне.

– Тебе помочь? – крикнула я ему вслед.

– Ни в коем случае, – донесся ответ. – Можешь пока послушать музыку и посмотреть книги.

Шекспир на английском, Гете на немецком, Марсель Пруст на французском, Данте на итальянском...

– Ты по-немецки читаешь?

– Да.

На кухне что-то шипело, и вкусный запах начал заполнять квартиру.

– И по-итальянски?

– Да. И надеюсь изучить русский с твоей помощью. Ты будешь мне давать уроки?

Он мне нравился все больше и больше, этот полиглот.

– Я умру от голода, пока ты приготовишь! – снова крикнула я. – И ты останешься без русского!

– Я тебя спасу, – заверил Джонатан, входя в комнату. В руках у него были две подставки для горячего. – Я умею делать искусственное дыхание.

Я не успела продумать, была ли какая-нибудь двусмысленность в «искусственном дыхании», как он распорядился:

– Возьми там, – он указал на шкаф, – тарелки и прочее и накрой пока на стол.

Я достала простые белые тарелки без рисунка, прозрачные рюмки, также без изысков, корзиночку для хлеба и расставила все это на столе.

В следующий выход с кухни он принес дымящиеся отбивные из ягнятины с зеленой стручковой фасолью. Открыв бутылку красного вина, Джонатан разлил его по бокалам.

– Я думала, ты вообще не употребляешь алкоголь, – заметила я не без ехидства.

Он удивился:

– Отчего же это?

– Ты всегда пьешь только воду.

– Я очень люблю хорошее вино. И люблю его пить, когда у меня есть для этого причины и настроение.

– Сейчас есть?

– Ведь ты у меня в гостях. Мне это приятно.

Он посмотрел на меня каким-то глубоким, очень серьезным взглядом, и я подумала: он любит меня. Он не мог мне оставить отравленные конфеты.

Джонатан поднял свой бокал:

– Я знаю, что русские любят тосты. Давай с тобой по-русски выпьем за твое здоровье и за здоровье Шерил.

Мы торжественно чокнулись.

– Рассказывай, – сказал он, садясь.

Я рассказала ему все: о странном звонке Игоря, который откуда-то знает про Шерил, о том, что Игорь непонятным образом исчез; о моем «однокласснике» Зайцеве, которого я так и не сумела вспомнить, и о странном «однокласснике» Шерил, так похожем на Сережу. Заодно пришлось упомянуть и о том, что мы на самом деле с Игорем не женаты, – на что Джонатан кинул на меня короткий радостный взгляд.

Однако он быстро справился с собой и приступил к делу:

– Ты не спросила у своей матери, как выглядел этот Зайцев?

– Спросила. Он на Сережу не похож.

– Это очень важно. Из всего того, что ты мне рассказала, может следовать несколько вариантов, первый: охотятся за Шерил, а ты попала по недоразумению; второй: охотятся за тобой...

– Кто? – встряла я.

– Не мешай. Охотятся, значит, наоборот, за тобой, а Шерил попала по недоразумению; третий: охотятся за вами обеими, но разные люди и по разным причинам, и ваша случайная встреча свела воедино усилия разных недоброжелателей; и последнее: охотятся за вами обеими одни и те же заинтересованные лица. Итого: четыре возможности.

– И какая из них наиболее реальна? – спросила я тупо, обалдев от такого количества комбинаций.

– Видишь ли, я могу исходить только из тех фактов, которые у нас есть... Ты можешь себе представить причины, по которым кто-нибудь хотел бы тебя устранить?

– Господи, откуда?! Я никакой политической деятельностью не занимаюсь, и вообще я ничем не занимаюсь, училась на компьютерных курсах, а теперь вот – французский учу в Сорбонне... Сижу, не шалю, починаю примус...

– Какой примус?

– Это у Булгакова, кот Бегемот, ты не знаешь... Кому это может помешать?

– В таком случае пока будем исходить из того, что у нас есть. А у нас есть слезка за Шерил. Причем интересует меня в первую очередь не мужик из ДСТ, а неопознанный субъект в джинсовом комплекте.

– Почему не ДСТ?

– Взрыв – не их почерк. Подобные организации такими методами не пользуются – раз; Шерил, как бы ее активность их ни доставала, вообще для них не фигура, чтобы пойти на крайние меры, – два; у Шерил пропали документы и даже фотографии – а у ДСТ уже давно есть про нее все и во всех ракурсах – три; у госбезопасности есть средства куда более простые и удобные для прослушивания: навеска на линиях, и им совершенно незачем торчать у ее дома с аппаратиком, может быть, даже самодельным, который прослушивает в таком маленьком радиусе, – четыре.

– Это ты от своего родственника знаешь?

Джонатан посмотрел на меня своими серыми глазами серьезно и хмуро.

– Оля, тебе все время нужны будут подтверждения, что я не бандит? – тихо спросил он.

Я смутилась и отвела глаза. Потеребив салфетку, я заставила себя посмотреть в глаза Джонатану и проговорила:

– Извини...

Джонатан кивнул, то ли принимая извинения, то ли закрывая тему.

– А вот этот парень явно не из спецслужбы, – продолжил он. – И взрыв, скорее всего, дело его рук.

– Может, совпадение?

– Ты знаешь, в расследованиях первое дело – искать совпадения. Как правило, они не случайны. Вернее, скажем так: шансы на их случайность ничтожно малы. Имеется некий фрукт, который неделю следует за Шерил по пятам, а в конце недели происходит взрыв – логично предположить, что эти факты между собой связаны, не так ли? Вот мы и предполагаем.

– А зачем он следил? Мог бы бомбу сразу в машину положить.

– Не исключено, что пытался определиться: каким способом убрать Шерил. И решил, что поработать в стиле террористов будет самое лучшее... Не говоря уж о надежности: пять минут с момента завода двигателя – это почти стопроцентная гарантия, что владелец машины будет уже в ней. Вас спасло от смерти именно это «почти».

При этих словах меня всю передернуло, и снова в глазах брызнул огненный сноп и, звеня, полетели стекла.

– Ты хочешь сыру?

– А?

В моих глазах все еще летели брызги огня.

– Если ты заметила, мы уже доели отбивные. Мне, знаешь, очень нравится этот французский обычай кушать сыр после обеда.

– А?

– Я говорю: сыру хочешь?

– Сыру?.. А почему тогда мне принесли отравленные конфеты?

Джонатан ушел с тарелками на кухню и спустя несколько минут появился с разными сортами сыра на блюде. Подлив мне красного вина, он сел.

– Ты знаешь, что по телефону в больнице справок не дают, – заговорил он, отрезая себе кусочек рокфора, – особенно в криминальных случаях, когда полиция ведет следствие. Таким образом, у заинтересованного лица не было возможности анонимно узнать что-либо про состояние здоровья Шерил. Посему это лицо, не желая демонстрировать себя в справочной, которая потом будет допрошена полицией, отправилось по коридорам больницы, надеясь увидеть воочию искомую пациентку. Увидев тебя, оно, лицо то есть, могло принять тебя за Шерил! Тогда оно просто выследило номер палаты и, выждав удобный момент, положило тебе конфеты на столик.

– Ты думаешь? Но тогда получается, что он вообще не знает о моем существовании! Иначе бы он засомневался, кого из нас он увидел в коридоре.

– «Он»? Я не уверен, что в больнице был тот самый тип – возможно, конфеты принес кто-то другой по его поручению... Но ты, пожалуй, права: откуда ему было знать о тебе? Смотри: дважды он пытался найти тебя в кафе – и то только потому, что ты звонила Шерил, – и не нашел. В пятницу ты пришла к Шерил заранее, и тебя не засекли. В субботу, даже если он где-нибудь и прятался, чтобы удостовериться, что машина взорвалась, он мог видеть только Шерил! Ты ведь спустилась позже ее и была еще в подъезде, когда взрыв произошел... И даже если он видел, как «Скорая» увозила два тела, то он никак не мог догадаться о вашем сходстве. То есть получается, что о тебе вообще никто ничего не знает. Тебе подлить вина?

– Подлить...

– Ты почему не ешь?

– Я ем...

– Кроме Игоря твоего, разумеется, – добавил Джонатан, ставя на стол бутылку и не глядя на меня.

– Что Игоря? При чем тут Игорь?

– Никто о тебе и о том, что вы похожи, не знает, кроме него.

Я промолчала. Что я могла сказать в ответ? Сама рассказала Джонатану, что Игорю известно про Шерил, что «одноклассник» Шерил напоминает по описанию Сережу... Я отрезала себе сыру и стала есть.

Джонатан почувствовал, что со мной происходит.

– Пойми, Оля, – мягко заговорил он, – у нас два возможных предположения: либо этот тип подослан кем-то из фирмачей, из мира большого бизнеса, что вполне возможно... Теоретически они вполне могли прийти до того, чтобы физически убрать Шерил, – в мире больших денег нравственные ценности смещаются, вернее, вовсе исчезают... Но, как я тебе уже сказал, совпадения меня настораживают. А осведомленность Игоря, его паника по поводу твоего контакта с Шерил – это уже более чем совпадение.

– Ты что, хочешь сказать, что... что этот тип в джинсах был послан Игорем?

И в этот момент я вдруг поняла, с отчетливой ясностью поняла, что этот парень – русский! Да, я была права, он иностранец, я верно почувствовала, что он не француз; но мне и в голову не пришло связать его с Россией! Но он русский, я это просто чувствую, и эта манера носить джинсовый костюм – он русский, русский!

Мне стало так плохо от этой мысли, что я аж скрючилась на стуле.

Джонатан внимательно глянул на меня, но ничего не спросил. А я была не в силах произнести то, что только что поняла: это был приговор Игорю, и это было слишком страшно.

– Я ничего не хочу сказать, – как бы сожалел, проговорил Джонатан. – Я просто не люблю совпадений. Но Игорь твой как минимум о чем-то знал... Ты не можешь рассказать мне еще раз ваш телефонный разговор?

– Какой? – проскрипела я с трудом, едва переводя дыхание от пронзившей меня мысли.

– Где он впервые услышал от тебя про Шерил.

– Сейчас вспомню...

Я прекрасно помнила, но мне нужно было прийти в себя, расслабить сведенное судорогой горло.

– Я... – начала я, откашливаясь, – я еще раньше ему говорила пару раз, что встретила девушку, похожую на меня. Но он не обратил внимания на мои слова, только подшучивал... до тех пор, пока я ему не сказала, что ее зовут Шерил Диксон. Вернее, сначала он спросил меня, француженка ли она. Я ответила:

американка. У меня было ощущение, что он аж подпрыгнул на том конце провода. Я даже спросила его, что он имеет против американцев. Потом он спросил, как ее зовут, и тут же закричал, что меня не слышно. И что он перезвонит на следующий день.

– Перезвонил?

– Да.

– И как прошел этот разговор?

– Было очень плохо слышно. Он сказал, что звонит из автомата. И чтобы я не звонила домой, он будет сам звонить. Я еще подумала, что он завел себе другую женщину...

– Можешь не беспокоиться, – хмуро сказал Джонатан. – Эта история далека от любовных интрижек. Что тебе еще сказал Игорь в том разговоре из автомата?

– Спрашивал, получила ли я посылку от него... В это время как раз в Париже был Сережа. Он мне привез посылку от Игоря – помнишь наш «русский ужин»?

– Ты с ним встречалась одна или с Шерил? – быстро спросил Джонатан.

– Одна.

– Долго он пробыл в Париже, не знаешь?

– Он должен был быть в Париже всего один день, но потом еще задержался, только я с ним больше не виделась. Я его недолюбиваю... К тому же и незачем было: я в первый же день получила посылку от Игоря и передала свою.

– Ты что-то передавала Игорю обратно?

– Письмо. И фотографии! Игорь напомнил мне, что я ему обещала прислать наши с Шерил фото!

– И как он отреагировал на них, когда получил?

– Никак. Просто позвонил и стал кричать, что я в опасности и что я должна немедленно прекратить общаться с Шерил и переехать на новую квартиру. Велел никому адреса не давать, даже Шерил.

Джонатан вдруг поднялся и сделал несколько шагов по комнате.

– Ты не могла бы дать сигарету? – с деланной небрежностью спросил он.

– Разумеется, – полезла я за сигаретами в сумку, – и сама с тобой покурю, раз можно... А то я думала, что у тебя нельзя...

Поймав выражение моих глаз, он добавил:

– Я курю только изредка, когда...

– Нервничаешь? – догадалась я. Игорь, бывало, закуривал, когда нервничал.

– Когда пью алкоголь.

Кажется, Джонатану не понравилось мое предположение, что он способен нервничать. Наверное, это выходило за рамки образа невозмутимого англичанина, каковым он себя считал.

Я кивнула, изображая, к удовлетворению Джонатана, согласие с предложенной мне версией. Он взял у меня сигарету, дал мне прикурить и затянулся сам. Курил он по-настоящему, это уж я вам точно могу сказать – должно быть, не так уж давно бросил.

– Для Игоря сошлись кусочки какой-то информации, – задумчиво проговорил Джонатан. – Он уже что-то знал о Шерил и ею интересовался... Если твоя догадка верна и к Кати приходил действительно Сережа...

Откуда он прилетел в Париж? Не из Штатов случайно?

– Из Москвы. Во всяком случае, я так думала... Нет, конечно, из Москвы! Он ведь мне привез посылку от Игоря!

– Что было в посылке?

– Письмо от Игоря...

– Письмо он мог и в Штаты с собой взять, этот Сережа.

– Но там была еще квашеная капуста! И черный хлеб! Такое можно только в Москве найти!

– И на Брайтон-Бич в Нью-Йорке. Там большая русская колония, русские магазины, русские кафе и даже меню на русском языке...

– О Боже...

– Боюсь, что ты права и твой знакомый Сережа, который работает у твоего дружка Игоря, действительно ездил в Америку и искал там Шерил... – добил меня Джонатан. – У тебя нет случайно его фотографии? Показать бы Кати!

Я только покачала головой. Мне вдруг стало неимоверно холодно.

– И послал его туда твой Игорь. Он зачем-то разыскивал Шерил. Именно Шерил, не зная, как она выглядит, и не имея представления, что вы похожи... И ему не пришло в голову беспокоиться о какой-то похожей на тебя девушке, о которой ты ему говорила вскользь, пока он был уверен, что искомая им Шерил Диксон живет в Штатах. Но они узнали от Кати, что она уехала в Европу. Когда ты в телефонном разговоре произнесла, что эта похожая девушка – американка, Игорь насторожился и спросил ее имя... Ты назвала – Шерил Диксон – и подтвердила его худшие опасения. Он, заботясь о твоей безопасности, потребовал, чтобы ты переехала. Но одновременно ты ему помогла. Ему уже не надо было искать Шерил по всей Европе – ты же сказала Игорю, что встретила ее в Париже...

Меня трясло. Внимательно глянув на меня, Джонатан подошел к столу, заботливо подлил мне вина и заставил выпить. Зубы стучали о тонкое стекло, и вино потекло по моему подбородку. Джонатан встал, обошел стол и, наклонившись ко мне, вытер салфеткой мое лицо. Глаза его посмотрели на меня глубоко и нежно, но это выражение быстро сменилось серьезной сосредоточенностью. Он взял свой стул и поставил возле моего так, что его колени касались моих, постыдно трясущихся колен – точно так, как они тряслись у Шерил, когда я рассуждала о своей непоколебимой нормальности...

Джонатан стал легонько растирать мои колени, пока моя дрожь из крупной не превратилась в мелкую. Тогда, заглянув мне в глаза, он взял мое лицо в руки и приблизился ко мне близко-близко, так, что у меня зрение расфокусировалось, – почти так же мы сидели на моем диване еще столь недавно с Шерил... – и прошептал:

– Успокойся, Оля. Это очень важно – уметь быть спокойным. И помни, что ты не одна. Ты можешь на меня положиться.

Он притянул меня к себе, прижался щекой к моим позорным коротким волосам, и мы некоторое время тихо сидели так, не шевелясь. Я согрелась и перестала дрожать, как бездомный пес. Спустя некоторое время Джонатан отодвинулся, посмотрел на меня:

– Теперь все в порядке?

Я кивнула. Если все это можно назвать «порядком» – то тогда, конечно, да...

– Ты еще будешь есть сыр?

– Спасибо. Что-то аппетита нет.

Джонатан понимающе кивнул и пошел на свое место, напротив меня.

– Как ты думаешь, зачем Игорю могла понадобиться Шерил? – спросила я.

– Она тебе никогда не говорила, действует ли ее организация на территории России? Может быть, они проводили какие-либо акции, которые могли помешать интересам новых русских воротил?

Я помотала головой. Шерил всегда скрывала от меня подробности. Да я и не интересовалась ими...

– А в ваших последующих разговорах Игорь ничего интересного не обронил?

– Да разговоров-то было раз-два и обчелся. Он звонил, чтобы спросить, когда я переезжаю. Я еще хотела ему дать свой новый адрес и не смогла – документы остались у Шерил, она их заполняла.

– Он больше не говорил, что тебя не слышно?

– Нет... Вернее, говорил, но в другой раз. Я звонила маме, как раз в тот день, когда меня искал некий Зайцев, якобы мой однокашник. Игорь приехал к маме в тот момент, когда я была на линии, схватил трубку и закричал, что меня не слышно. Я снова подумала, что он подозрительно не хочет со мной разговаривать и что он, возможно, мне изменяет... К тому же с тех пор я никак не могу застать его дома.

– Я тебе уже сказал, что на этот счет ты можешь расслабиться, – несколько грубо произнес Джонатан. – Впрочем, – он склонил голову набок и искоса посмотрел на меня, – может, он тебе и изменяет. Но к телефону это отношения не имеет.

– Откуда ты знаешь?

– Оля, это элементарно. Старая, как сам телефон, уловка: когда не хочешь говорить по каким-либо причинам, начинаешь делать вид, что связь плохая.

– Это по каким же причинам он не хотел...

– Угомонись. Причина, скорее всего, весьма далека от твоих подозрений в неверности: он боялся, что ваш домашний телефон прослушивается. Именно поэтому он звонил из автомата и просил тебя не звонить домой.

– Тогда и мамин телефон тоже?

– Видимо.

– Но зачем?

Джонатан вместо ответа пожал плечами.

Я задумалась. Теперь мама, как и Игорь, звонит мне из автомата! Только кому нужен мамин телефон? Я еще понимаю, телефон Игоря...

Впрочем, ничего я не понимаю: кому понадобилось прослушивать наш домашний телефон? Это какой-то бред!

– Что ты хочешь: кофе или чай? – спросил Джонатан, поднимаясь.

– Погоди... Объясни мне, зачем кому-то понадобилось прослушивать наши телефоны?

– Я не знаю, Оля!

– Ну предположи.

– Ты действительно хочешь услышать мою версию?

– Раз я спрашиваю!

– Я думаю, что Игорь самым непосредственным образом причастен к покушению на Шерил. Он ее искал, он ее нашел и послал убийцу...

Я дернулась протестующе, и Джонатан сделал паузу, вопросительно глядя на меня. Я сдержалась: сама ведь просила, чтобы он высказал свою версию.

– Продолжай, пожалуйста, – вежливо выговорила я.

– Ты совершенно случайно, неожиданно для него вклинилась в эту задачу: ваше знакомство, ваше необыкновенное сходство. Он испугался за тебя – ведь вас могли перепутать. Поэтому он просил тебя не общаться с Шерил и переехать немедленно, на случай если кто-то засек, не разобравшись, твой адрес. И поэтому он боялся, чтобы кто-нибудь не подслушал ваших с ним разговоров – вдруг ты снова заговоришь про Шерил Диксон! В вашей стране прослушивание телефонов применяется столь широко, что не удивительно, что он об этом подумал, тем более что он занимается политикой... К тому же информация о покушении на лидера «Чистой планеты» могла пройти достаточно широко, и записанные на магнитофон его телефонные разговоры, в которых упоминается ее имя, могли его скомпрометировать.

Но ты послушалась и попала вместе с Шерил во взрывную волну. Это для Игоря означает, что теперь ты догадалась – или могла догадаться – о его причастности к покушению. И именно с этих пор ты не можешь связаться со своим Игорем...

Джонатан посмотрел на меня. Видимо, я должна была что-то понять... Но я не поняла.

– Почему?

Джонатан помедлил, прежде чем ответить. Вскинув на меня глаза, он тут же снова отвел взгляд и проговорил тихо:

– Ты для него стала опасна, Оля. И вряд ли он сможет болтать по телефону как ни в чем не бывало с человеком, с женщиной, которую он собирается...

Он запнулся и снова посмотрел на меня, причесав пятерней спустившийся на лицо прямой каштановый чуб. Не в силах ответить на его взгляд, я ждала продолжения, больше всего на свете не желая его услышать. По телу, в предчувствии его слов, пополз парализующий ужас.

– Теперь я начинаю думать, что коробка отравленных конфет предназначалась действительно тебе.

Я вскочила. Стул опрокинулся, стол шатнулся, я больно ударила бедро, мой бокал звякнул, падая на тарелку, и разбился. Скатерть расцвела розовым пятном пролившегося вина.

– То, что ты говоришь, – это чудовищно! – кричала я. – Игорь любит меня! Он заботится обо мне! Он мне как муж, даже больше! – заорала я с вызовом.

Джонатан смотрел на расплзающееся на скатерти пятно.

– Это просто невозможно... – добавила я, чувствуя, что слезы уже подобрались. – У меня ощущение, будто я смотрю кошмарный триллер...

– Ты забываешь, Оля, – перевел он на меня спокойный взгляд, – что твой Игорь увяз в политике с головой. По твоим же словам, кстати. А политика – это самая страшная вещь, самый чудовищный триллер. Только, к сожалению, не в кино. А в реальной жизни. Да еще и в России.

– Чем тебе Россия не угодила?!

– Не обижайся. То, что там происходит ежедневно, превосходит самую изощренную фантазию голливудских сценаристов.

– Но при чем тут Игорь? Он ко всему этому не имеет никакого отношения! Я его все-таки знаю!

– Правда? – Джонатан с едва заметной иронией приподнял брови. – Тогда расскажи мне поподробнее, чем он занимается и зачем он искал Шерил...

Я ему не ответила. Слезы душили меня. Я закрыла лицо руками – успела подумать о покрасневшем носе на фоне моих, и без того уродливых, пластырей...

– И потом, – отвернувшись к окну, пряча лицо, – ты забыл, что кто-то украл у Шерил фотографии и документы! Даже проездной билет! Зачем, по-твоему, Игорю ее проездной билет?

– Возможно, потому, что там тоже фотография есть...

– А зачем Игорю ее фотографии? Я ведь ему послала несколько отличных снимков! Так что сам видишь: все, что ты тут придумал, никуда не годится!

Джонатан встал, подошел ко мне и легонько взял за плечи.

Я хлюпнула носом.

– Что ты молчишь? – спросила я его. – Я ведь права?

Джонатан лишь развел руками:

– Не знаю. Пока не знаю.

– У тебя нет какой-нибудь другой версии в запасе, не такой ужасной? – спросила я хрипло.

Джонатан лишь осторожно провел рукой по моим волосам и предложил отвезти меня обратно в больницу.

Я почувствовала разочарование.

Не потому, что я хотела остаться у Джонатана, нет; но я была отчего-то уверена, что он сам предложит или хотя бы намекнет...

Но на самом деле это только к лучшему.

В больнице меня поджидал разъяренный комиссар Гренье. Красный от негодования, он на весь коридор отчитал меня за уход из больницы без предупреждения. Мне было велено зарубить на носу, что он не отвечает за мою жизнь, если я буду и впредь вытворять подобное; что я не имею права без разрешения и ведома самого комиссара сделать шаг за ворота; что в больнице за мной будет следовать по пятам приставленный им человек; что у него свинская работа, из-за которой он вынужден нести ответственность за сохранность такого несознательного населения, как я; что он не доживет до пенсии...

Я покивала послушно в ответ, извинилась ангельским голоском, пообещала вести себя впредь хорошо и сознательно и проскользнула в палату.

Две минуты спустя без стука вошел комиссар, широко улыбаясь:

– Напугал я тебя?

– Да не очень, – пожала я плечами. – А я вас?

– Прилично-таки... Ты больше никуда не уходи без разрешения. Но я на тебя наорал не поэтому.

– А почему? – невинно поинтересовалась я.

– На всякий случай. Если в больнице присутствуют заинтересованные личности, надеюсь, что они услышали, что ты под охраной. Я, во всяком случае, старался.

– Не лучше было бы скрыть охрану и попробовать поймать злодея на месте преступления?

– Тебе что, жизнь не дорога? Или боевиков насмотрелась?

– Да нет... Это было бы логично.

– Логично! Тебя ночью удушат подушкой, а я отвечаю!

– Ну, если ваша охрана ничего не стоит...

– Кончай героиню строить. Если после моего громкого сообщения к тебе все-таки кто-то попытается пролезть, то, значит, мы имеем дело с профессионалом... И это, в свою очередь, значит, что ты кому-то очень серьезно мешаешь. Хотел бы я знать кому... И чем. Ты не знаешь?

– Теряюсь в догадках. Может, я забыла вернуть кому-нибудь пять рублей?

– Шутишь. А тебя, между прочим, убить пытались. Это не шуточки. Я тебя не из-за пяти рублей охранять собираюсь!

– Тогда надо и Шерил охранять. Ведь они могли меня принять за Шерил... – сказала я и осеклась. Ведь до сих пор комиссар не знал, что мы похожи.

– То есть? – насторожился комиссар.

Я молчала, пытаюсь решить, надо ли мне рассказывать о нашем сходстве, и если нет, то как мне выкрутиться из неосторожно ляпнутой фразы.

Комиссар уселся на стул, всем своим видом давая мне понять, что он ни за что не уйдет, не узнав продолжения.

Видя, что я молчу, он смешно пошевелил толстыми пальцами, словно разминаясь для игры на пианино, и сказал:

– Отступать некуда, Оля. Давай, вперед.

Делать было нечего. Я рассказывала ему о нашем сходстве, о том, как я ее искала и нашла, как мы познакомились, и мучительно решала вопрос: говорить ему про Игоря? Про все то, что мы днем обсуждали с Джонатаном? Пока нет... Или все же да?

Я так и не решила. То, что вывел из всех наших разговоров Джонатан, было слишком тяжело. Игорь, мой Игорь, оказывался, следуя его логике, замешан в поисках Шерил и, что вытекало само по себе, был причастен ко взрыву... И даже к коробке отравленных конфет... Но не мог же Игорь хотеть убить меня? Ведь это невозможно?!

А убить Шерил – возможно? Боже, я сошла с ума! Я подозреваю Игоря в намерении убить! Меня, не меня – какая, в сущности, разница? Никакой! По крайней мере до тех пор, пока мы говорим о намерении... Важно то, что Игорь не убийца, он просто не может оказаться убийцей, нет!

– Интересно, – проговорил комиссар, внимательно глядя на меня. – И что ты сама об этом думаешь?

Взгляд его был прозрачным. Он следил за моим лицом, пока я говорила, и догадался, что ход моей мысли далеко не полностью соответствовал ходу речи.

– Вы же знаете, за Шерил охотились из ДСТ (или: охотилось ДСТ)... – сказала я, чтобы как-то ответить.

– ДСТ тут ни при чем. Они к взрыву не причастны. Их агент следил действительно за Шерил, но это были меры для ее охраны. Ты знаешь, что в Париже было несколько взрывов...

– Знаю, исламисты.

– ДСТ вместе с полицией приняло меры по охране заметных в политическом плане фигур.

– Шерил – из их числа?

– В принципе, скажем так, это не их профиль. Но у «Чистой планеты» намечалось важное

программное международное собрание, и имело смысл удостовериться, что с ней все в порядке. Следили за ней пару последних месяцев, но нерегулярно – не хватает рук. Вернее, ног. В основном ею занимались действительно двое, один постоянно, другой на подмене. Одного из них вы засекли, и ты мне его верно описала: средних лет, лысоватый. Второго ты не видела, он в эту неделю не дежурил. Тот молодой, в каскетке, не из их службы и не из нашей.

Это был очень подходящий момент, чтобы сообщить комиссару, что парень этот наверняка русский. Но говорить тогда про Игоря? Вместо этого я спросила:

– И что, этот профессионал слежки его не засек?

– Засек однажды. Но не придавал значения: его интересовали люди весьма конкретного типа. Ты понимаешь, о чем я говорю: арабского типа. А этот парень явно европеец. Он его нам описал – так же, как и ты. К сожалению, в выходные они Шерил не охраняли и ничего про взрыв сказать не могут...

– А что, европеец не может работать на исламистов?

– Чисто теоретически – может, наверное. Но мы с такими случаями пока не сталкивались. Кроме того, анализ осколков бомбы говорит о том, что это не их почерк. Исламисты пользуются самоделками, а эта – профессиональная, китайская.

– Ну уж он, во всяком случае, не китаец, – пробурчала я.

Комиссар снова бросил на меня настороженно-вопрошающий взгляд.

– Ты мне все рассказала?

– Да... – Я постаралась ответить как можно убедительней.

– Послушай, дитя мое, ты должна мне рассказать все, абсолютно все, до малейшей детали, которая даже тебе покажется несущественной. Я веду следствие, понимаешь ты это? И для следствия может оказаться важной самая неожиданная мелочь. Это в твоих интересах, в конце концов! Ты ведь хочешь, чтобы мы нашли тех, кто пытался убить вас с Шерил? Тех, кто заминировал машину, кто прислал тебе отравленные конфеты? Или ты пытаешься кого-то покрыть?

Он пронзительно посмотрел в мои глаза. Я растерянно молчала. Комиссар был прав, но рассказывать ему про Игоря...

– Пойдем выпьем кофе, – сказал комиссар. – И покурим, тут ведь есть курилка?

– Пошли, – сказала я со вздохом.

– Ну! – сказал комиссар, давая мне прикурить. – Говори.

Я затаилась, все еще решая, говорить ли про Игоря.

– Я все равно не уйду, пока не услышу. Или вызову тебя завтра в полицию на допрос, если тебе это больше понравится, – пригрозил он мне.

– Ну, хорошо... Дело в том, – начала я неохотно, – что у меня есть в Москве друг... Который знает откуда-то про Шерил. И потом, у него работает помощник, похожий на того человека, которого описала Кати...

Комиссар строчил в блокноте. Имя? Фамилия? Чем занимается? Повтори дословно, что сказал... Какого числа...

Я чувствовала себя опустошенной. Жизнь перевернулась, и жить не хотелось. Хотелось, как Шерил, завернуться в белый кокон и уснуть...

Наконец с меня полностью сняли наклейки. Если не считать, что лицо мое все еще было красноватым и опухшим, то моя внешность не пострадала. Спасибо докторам: едва заметные шовчики должны были полностью исчезнуть еще через месяц, не оставив ни малейшего следа. Без наклеек на голове я наконец перестала напоминать шелудивого пса. Мой светлый ежик распрямился и встал легким ореолом вокруг головы. Короче, если меня еще нельзя было назвать красавицей, то уже хотя бы не страшилой, предназначенной распугивать прохожих. Это немного улучшило мое подавленное состояние.

– Придете через две недели, – наставлял меня врач. – И вот вам рецепты для кремов и лосьонов, купите их в аптеке – и никаких других косметических средств из магазина! И никакого макияжа, потерпите еще месяц...

Одарив цветами и обцеловав от души всех, кто меня лечил и за мной ухаживал, заплатив по счету, я зашла к Шерил. Посидев и поговорив с нею, я обещала ей приходить ежедневно. Веки Шерил дрожали. Но сознание не возвращалось к ней.

– Это не страшно, – сказала я ей. – Ты можешь не торопиться. Ты, наверное, права: пережди эту страшную историю, этот кошмарный сон. Когда все утрясется, тогда и возвращайся.

А когда все утрясется? И как? Справится ли комиссар и вообще французская полиция с поисками преступника или преступников, если следы уходят в Россию? Русская милиция? Слабо верится...

Я встала. Этими соображениями я с Шерил делиться не буду.

Глава 3

АМЕРИКАНСКАЯ МАМА

По коридору навстречу мне шла Кати.

– Меня выписывают, – сказала я ей, подходя.

Кати остолбенело уставилась на меня. У нее задрожала челюсть.

– Шерил... – прошептала она непослушными губами.

Я так привыкла за это время встречаться с Кати, что напрочь забыла о том, что ей неизвестно о нашем с Шерил сходстве. И теперь, когда с меня сняли наклейки, оно было вопиюще очевидным. Я не была к этому готова и растерянно стояла перед ней, не зная, что сказать.

Она протянула мне навстречу трясущуюся руку – то ли обнять, то ли дотронуться... Кажется, она действительно приняла меня за Шерил и в своем шоке не понимала, что Шерил, лежавшую еще вчера, когда Кати от нее уходила, в коме, вряд ли выпишут на следующий день.

– Я Оля... – сказала я ей с сожалением.

В глазах недоверие, непонимание. Рука все еще висит нелепо в воздухе. Я до нее дотронулась:

– Да, я Оля. Мы похожи.

Теперь изумление, смешанное с ужасом. Рука ее упала. Подбородок затрясся еще сильнее.

Я взяла ее за плечи и повела к курилке – там можно было присесть. Кати нашарила платок и прижала к глазам.

– Почему ты мне раньше не сказала? – выговорила она наконец.

– Это бесполезно описывать. Это надо было увидеть.

– Да, – ответила она. – Ты права...

Ее тяжелое лицо покраснело, и она прятала его в платке. Какое-то время мы молчали. Я просто не знала, что ей сказать. Но Кати неожиданно заговорила первая:

– Я всегда подозревала, что в этой истории было что-то не то.

– В какой истории? – не поняла я.

– В рождении Шерил. Ее мать что-то скрывала от меня... Теперь я понимаю что! Хотя... Откуда тогда взялась ты? Если отец Шерил был русским, то это не объясняет...

– Кати, – сказала я, вставая, – мы не можем здесь разговаривать.

Я умирала от нетерпения услышать продолжение, желательно более внятное, но вчерашний опыт с Джонатаном научил меня принимать в расчет окружающих нас людей – кто мог сказать с уверенностью, что среди мирных курильщиков, рассеявшихся на трех диванчиках вокруг пепельниц, нет того человека, который прислал мне отравленные конфеты? Того, кто подложил бомбу в нашу машину? И, хотя у меня закружилась голова от предчувствия чего-то важного, что должна мне открыть Кати, я сделала над собой усилие и оборвала ее:

– Пойдемте поужинаем куда-нибудь. Я приглашаю.

Кати молчаливо поднялась и последовала за мной из курилки. Полицейский, охранявший меня, потащился за нами.

Парижские улицы приоделись к Рождеству, каждый магазинчик, каждое здание, каждое дерево и даже каждый фонарный столб сверкали и переливались огнями, потоками елочных украшений, пожеланиями счастливого Нового года. Я выбрала ресторанчик недалеко от Оперы, в котором мы были однажды с Игорем. В ресторане былолюдно, многие пришли сюда после утомительного многочасового похода по магазинам за рождественскими подарками, и на свободных стульях рядом с посетителями пузырились массивные нарядные пакеты. От этой атмосферы праздника, который я была не в состоянии разделить, мне стало совсем худо. Игорь говорил, что постарается приехать к Рождеству...

Мой охранник отправился звонить – должно быть, ему понадобились инструкции, как быть дальше с моей охраной. Вопросы крутились у меня на языке, я ведь ничего не поняла из того, что произнесла Кати в курилке. Но я заставила себя прочитать меню, выбрать блюда, сделать заказ, чувствуя все это время на себе настороженный, изучающий взгляд мачехи Шерил. И только когда официант покинул наш столик, я посмотрела вопросительно на Кати.

– Объясните мне, Кати, о чем вы говорили в больнице, что вы имели в виду? Почему отец Шерил мог оказаться русским?

Кати долго и старательно расправляла салфетку на коленях.

– Они жили несколько лет в Москве...

– Кто?!

– Родители Шерил. Она тебе разве не сказала?

То-то Кати так насторожилась, узнав, что я русская!

– Нет! Я, правда, не спрашивала, но она могла бы и сама... Почему она ничего мне не сказала, черт побери!

Я достала сигареты и предложила жестом Кати.

– Я не курю, спасибо. У нас в Америке никто не курит, – добавила она с гордостью. «Ну да, в Советском Союзе тоже было все самое лучшее», – подумала я. – Шерил скрытная, – продолжала Кати. – Она и со мной никогда не делилась своими мыслями и чувствами.

Кати откинулась на спинку стула. Я посмотрела на ее лицо с тяжелыми чертами, выдававшими самолюбивую чувствительность и ранимость. Я бы ей тоже не рассказывала ничего, подумала я. Каждая ее реакция должна быть невпаад, должна быть по принципу «одеяло на себя...».

– Кати, когда ее родители жили в Москве?

– Как раз три года, предшествующих рождению Шерил. Собственно, ее отец там жил, а мать бывала наездами.

– А почему они жили в Москве? В те годы, кажется, бизнес не очень...

– Она тебе и это не сказала? – В лице у Кати мелькнуло самолюбивое удовлетворение. – Отец Шерил был дипломатом, советником американского посольства в Москве.

Ничего себе! Но как же Шерил могла скрыть это от меня? Как уклончиво ответила на мой вопрос, кем были ее родители! Зачем, почему?

Я прикрыла глаза – отчасти, чтобы переварить эту новость, отчасти потому, что мне стало неловко из-за того, что Шерил меня так прокатила. Но, употребив мысленно это слово «прокатила», я почувствовала,

что оно не подходит ни самой Шерил, ни ее необычайной скрытности, и объяснение всплыло само собой: я вдруг поняла, что Шерил на самом деле уже давно была убеждена – и не меньше, чем я, – что мы сестры-близнецы, но оттягивала момент, когда придется посмотреть этому факту в глаза. Потому что тогда ей пришлось бы поставить под сомнение всю свою жизнь, свои родственные связи, начать искать секреты, разгадки которых могут оказаться малопривлекательными... Ее – нашей? – матерью может оказаться теоретически и какая-нибудь забытая Богом и людьми алкоголичка из русской глухомани, и английская королева! А Шерил уже приходилось однажды в своей жизни пережить потерю матери и отца, поиметь приемную мать, отношения с которой никогда не были слишком теплыми, приемного отца, который их бросил... Теперь, снова-здорово, еще одна мать? Еще один отец? А вдруг они тоже потерянные?

Да, я поняла Шерил. Мне было бы неприятно, до холода в животе неприятно, предположить, что моя мама – не моя и что на сцене может возникнуть другая, некая неведомая мать... Или отец? Я ведь тоже одного отца, считай, потеряла... Но за себя я особенно не боялась, считая свою психику стойкой и здоровой. У моей мамулечки все равно никто не отнимет мою любовь, хоть тридцать новых найдется.

– Робин, отец Шерил и мой брат, прожил эти три года в Москве, а Вирджини жила на два дома... Она не любила бывать в СССР и вовсе не рвалась туда, но она любила своего мужа... Во всяком случае, так считали все.

В последней фразе прозвучал намек на нечто, мне неведомое, какие-то счеты, какая-то ревность... Но я не стала вникать – у меня были вопросы поважнее:

– Хорошо, понятно, Москва, но откуда предположение, что у Шерил русский отец? Ее мать, следуя вашей логике, изменила своему мужу с русским?

– Никакой логики у меня нет, – сухо сообщила Кати. – Я ничего не предполагаю. Но только в начале их супружества – за четыре года до того, как появилась Шерил, – Вирджини поделилась со мной страхами, что она бесплодна. Не могла забеременеть. А потом, после Москвы, – вдруг пожалуйста, с пузом.

– Но если она была бесплодна – то как же она смогла забеременеть от кого бы то ни было? Хоть от русского, хоть от негра – бесплодие есть бесплодие, не так ли?

– Ты еще с этим не сталкивалась – и не желаю тебе столкнуться – и не знаешь, что такое затащить мужика к врачу! Я тебе сказала – Вирджини поделилась со мной *страхами*! То есть она подозревала только, что бесплодна, а проблема могла быть – и была, я уверена! – в моем брате! Подумай на секунду, у меня ведь тоже детей нет! Не вышло... А Робин мой брат... И на отца своего Шерил ни капельки не похожа, ни на йоту.

– Ну, это необязательно, – пробормотала я, вспоминая мамины слова о моей непохожести на папу. Я его почти не помню, но у мамы было несколько старых фотографий с ним. Да, уж если мы с Шерил действительно сестры – то не он, не этот невысокий и довольно невзрачный мужчина с редкими серыми волосами и выцветшими глазами цвета болотной воды наш отец...

– Необязательно? – Кати сверлила меня глазами. То ли я что-то сказала не так, то ли в ее голове мелькали мысли, не слишком ей приятные, но она вдруг сделалась недружелюбной. – Может быть. Не все похоже на отцов, ладно. Но ты-то откуда взялась в таком случае?

– Вот я тоже хотела бы узнать – откуда я взялась? Или – откуда взялась Шерил? Короче, откуда мы обе взялись... А на мать свою Шерил похожа?

– Весьма. Вирджини тоже была...

Мне показалось, что Кати хотела сказать: красивая, но это было выше ее сил. Поэтому, помявшись, она закончила фразу:

– ...высокая блондинка.

– Хорошо. Но если бы даже мать Шерил изменила своему мужу, то это все равно не объясняет, отчего нас двое...

– То-то и оно.

Кати замолчала, сосредоточившись на рыбе под белым соусом. Я тоже стала ковырять свои отбивные из ягнатины – они мне так понравились вчера у Джонатана, что я готова была их есть каждый день. Но сегодня кусок не лез в горло, и мясо стыло на тарелке, покрываясь белыми крупинками жира.

– Скажите мне, Кати, – заговорила я проникновенно, – у вас ведь есть какая-то мысль, я права? Вы нашли объяснение нашему сходству?

Кати подняла на меня глаза и тут же их опустила обратно, к рыбе.

– Может быть, тут вообще никаких загадок и мы с ней просто двойники, игра природы, проказа случая?

Кати снова посмотрела на меня, на этот раз скептически, и хмыкнула, словно я неудачно пошутила.

– Кати, для меня это очень важно! Поставьте себя на мое место: встретить Шерил и задуматься о какой-то тайне, с которой связано наше рождение...

– А вы себя на мое не хотите поставить? Я удочерила Шерил, полагая, что она моя племянница! А теперь выясняется, что она мне вообще никто!

– Выясняется? – заинтересованно спросила я. – У меня лично ничего не выяснилось...

– Ну все же просто, как белый день: Вирджини родила двух девочек! От своего русского любовника, а вовсе не от моего брата! И она боялась, что он что-то заподозрит! Мало того, что они на брата не похожи, так еще и двойняшки! Ни в ее, ни в нашей семье нет никакой наследственности, чтобы иметь близнецов! И Вирджини пристроила кому-то второго ребенка, боясь конфликта и развода с мужем! Поверьте, ей было что терять при разводе: такого мужчину, как мой брат, еще поискать нужно! Красавец, умница, блестящий дипломат, богат, образован, манеры – да все, все, что только нужно женской душе!

У нее проступили красные пятна на щеках. «Завидует, – удивилась я, – завидует жене собственного брата! И ревнует. Оказывается, и такое бывает...»

Я улыбнулась со всей доступной мне доброжелательностью:

– Шерил говорила мне, что родилась в Париже.

– Из этого не следует, что она не была зачата в Москве, – едко ответила Кати.

– Да, но как тогда я оказалась в Москве? Если я – вторая девочка, которую кому-то пристроили, то было бы логично, чтобы пристроили в Париже. Или хотя бы во Франции. Не отправили же меня посылкой в Москву на адрес моей мамы.

Мама, вспомнила я. Она клялась, что я родилась у нее одна-единственная. А получается, если следовать логике Кати, что я вообще родилась не у нее. А у Вирджини... Обманывала?

– Ну, этого я не могу знать, – пожала плечами Кати.

Больше я не приставала к ней с вопросами. Кати я не интересовала, ее вообще, похоже, не интересовало ничего, кроме ее личных переживаний, и вряд ли она могла мне сказать еще что-либо существенное. Вежливо распрощавшись, я отправилась к себе домой, на мою новую квартирку, размышляя о том, что где-то в Париже живет кузина Вирджини, у которой она гостила, когда начались преждевременные роды. Разыскать бы ее!

Проводив меня до моей квартиры, мой охранник зашел в нее первым, сунул нос во все углы и распрощался со мной. Поблагодарив его, я вошла в свое жилище, пахнувшее на меня *пустотой* и одиночеством. Я зажгла свет во всех комнатах – в своей, в гостиной и в комнате Шерил, в которую она так и не ступила. В этой квартире, в которой я сама прожила всего-то неполную неделю, витал дух необжитости. Комната Шерил была вообще без мебели – мы не успели ее перевезти, гостиная была обставлена наполовину...

Я набрала Москву, уже ни на что не надеясь. Долгие, длинные, пустые, безнадежные гудки пронизывали мое ухо, мой мозг, все мое тело. Я представила себе нашу квартирку на «Динамо» – сидит ли Игорь возле телефона, глядя на трезвонящий аппарат и догадываясь, кто ему звонит? Или телефон отключен напрочь и его нудные и настойчивые звонки вовсе не тревожат слух Игоря? Или его просто нет дома... И вообще, я права насчет другой женщины?

Я погасила везде свет и забилась в свою комнату, чувствуя, что сейчас сойду с ума от печали, одиночества и страха, незаметно подобравшегося ко мне. Все, все, что составляло мою жизнь, рушилось – или уже рухнуло? Я, конечно, ни на секунду не допускаю, что все эти чудовищные предположения Джонатана могут оказаться правдой... Но отчего Игорь так непонятно исчез, оставив меня без поддержки, без своей заботы, любви, совета? Странно, однако, что деньги на моем счету не кончались – единственная вещь, которая меня хоть как-то утешала и обнадеживала в моем ощущении одиночества. Шерил тоже меня покинула, она находилась за пределами этого мира, – если не ее тело, то ее сознание; и с ней тоже нельзя было ни поговорить, ни посоветоваться, ни просто помолчать, касаясь плечом... Джонатан, к счастью, был, существовал, ему можно было позвонить. Но к счастью ли? Страшно было впасть в чувства, которые так напрашивались, так навевались всей этой кошмарной ситуацией и рыцарским поведением Джонатана, – чувства, которые я сочла бы предательством по отношению к Игорю.

Однако сам Игорь – не предал ли он меня? Куда и почему он пропал? Да, у него нет моего нового номера телефона, но почему он ни разу не попробовал позвонить по старому? Почему не звонит моей маме? Если бы он хотел меня найти – нашел бы! В конце концов, есть Владимир Петрович, которого можно было бы попросить сходить в Сорбонну... Там знают, что я в больнице, там Джонатан, который мог бы объяснить... Мог, наконец, приехать ко мне в Париж, как собирался!

Да и так ли уж прав Джонатан со своими предположениями, что наш домашний телефон может прослушиваться и потому Игорь не разговаривает со мной из дома? Кем, зачем! Бред какой-то. Игорь, я знаю, последнее время работал в основном для Василия Константиновича, помогал в его организационных делах. Василий Константинович имел свою партию, был депутатом и, кажется, очень рассчитывал занять в Думе одно из ведущих мест, с дальним прицелом на президентские выборы... И если допустить, что телефон Игоря подслушивают – или Игорь только боится того, что подслушивают, – политические противники Василия Константиновича, то все равно, при чем тут наши с ним частные разговоры? При чем тут Шерил? Уж не влезла ли она действительно со своей экологической активностью поперек интересов кого-то, кому на экологию глубоко наплевать (чем у нас никого не удивишь, прямо скажем), но кому зато вовсе не наплевать на доходы...

Тогда получается вот что: именно те, кому мешает Шерил, должны финансировать партию Василия Константиновича! Иначе какая может быть здесь связь?

Но тогда...

У меня голова пошла кругом от домыслов и догадок. Все это была чистой воды теория, если не сказать – фантазия; но эти домыслы хоть как-то увязывали между собой события, хотя и оставляли кучу пробелов и безответных вопросов... Мне показалось, что мои мозги аж заскрипели от натуги, свинчивая все эти реальные и предполагаемые элементы в единый блок. Ужасно хотелось позвонить Джонатану и

поделиться с ним своими соображениями, но, с другой стороны, хотелось додумать все до конца. Я завалилась на диван и уставилась в потолок.

Но тогда... Я остановилась на слове «тогда» – за ним что-то должно было последовать. Что же? А вот что: партия Василия Константиновича кем-то финансируется, ясное дело. И финансируется тем, кто имеет деньги. Ба-а-альшие деньги... И интересы в Думе. Это я сообразила не оттого, что я такая умная, просто про подобные вещи так часто пишут в газетах, что они стали прописной истиной, укладываемой даже в сознании ребенка. Русского ребенка, разумеется, никакой иностранец не дотумкает с ходу до наших «прописных истин».

Я снова стала натужно вспоминать лица, виденные во время выходов с Игорем, пытаюсь определить среди них обладателей больших денег. Я абсолютно уверена в том, что я их видела, что я с ними говорила, вежливо улыбалась плоским шуткам, не слушая их разговоров и не вникая в смысл реплик... Лица выныривали из памяти и тут же погружались в ее темные непроницаемые воды. Все те, кого я могла бы записать в разряд потенциальных финансистов партии Василия Константиновича, были поразительно похожи между собой. Похожи мясистыми лицами, маленькими невыразительными глазами, дорогими костюмами, нелепо сидящими на толстых боках и животах, жирными, коротко стриженными, квадратными затылками...

Память моя буксовала, случайно всплывавшие имена не соотносились с обликами. Черт с ними, сказала я себе. Кто да что – какая разница? Важно, что они существуют, финансируют и имеют интересы в Думе. И лошадка, которая вывозит эти интересы, – наш многоуважаемый Василий Константинович. Или ввозит, если хотите, в Думу. От перемены мест слагаемых сумма-то не меняется. А уж если Василий Константинович и дальше собрался двигать, с прицелом на президентское кресло, то ставки возрастают в несколько раз... И, допустим, Шерил хотела помешать этим людям делать ба-а-альшие деньги. И ее решили убрать осторожненько, чтобы под ногами не путалась. Это тоже наши каждодневные прописные факты, никто уже и не удивляется этой криминальной логике.

Знал ли об этом Василий Константинович? Не думаю. Вряд ли. Он только пользуется этими деньгами, а уж как их добывают те, кто их ему дает, – ему безразлично. Лишь бы давали – деньги не пахнут... Скорее всего, эти люди обратились напрямую к Игорю...

Почему к нему? Я вижу только одно возможное объяснение: за Игорем водится репутация большого умника, толковой и дельной головы. И ему могли предложить работу по розыску некой Шерил Диксон, которая мешает спокойно делать деньги...

И вот тут-то и выяснилось, что мы с ней загадочным образом похожи, как две капли воды. И к тому же познакомились, подружились, проводим время вместе и вообще считаем себя сестрами с неразгаданной тайной нашего рождения... Большой и неприятный сюрприз для Игоря. Тогда объясняется, отчего он так заорал, чтобы я немедленно прекратила с ней общаться. И тогда же получается, что я была более чем права, когда сказала Шерил, что она в опасности... Взрыв в машине – не тому ли доказательство?

Возбужденная собственными рассуждениями, я вскочила и отправилась на кухню сделать себе чаю. Жаль, что я так мало интересовалась делами Игоря. Ничего толком не знаю, не понимаю. Что он, собственно, делал для Василия Константиновича – и то представляю себе смутно. А уж кто мог обратиться к нему с подобной просьбой – и подавно... Николай Георгиевич? Мне казалось, что этот человек имеет отношение к армии. Но что-то было в нем от мафиози. Одно другому, может, не мешает? Он никогда нигде не высывался, не светился, существовал тихо, как серый кардинал, за спиной у Василия Константиновича, но явно вершил важные дела и принимал важные решения – ни одно собрание «мозгового центра», состоящего из Игоря, Андрюши, самого Василия Константиновича, не обходилось без Николая Георгиевича. Может, он вообще «вор в законе»? Криминальный «авторитет»?

А Андрюша? Эксперт по экономическим вопросам! Уж не он ли озаботился вверенной ему экономикой, которой могли угрожать действия «Чистой планеты»?

Или за покушением на Шерил стояли другие лица, которых я вообще не знала? В конце концов, Игорь работал и на других людей. На людей заметных, с тугими карманами и видными постами...

Налив себе чаю, я устроилась за маленьким откидным столиком. Хорошо хоть, что кухни во Франции сдаются оборудованные – мебель встроенная, не вывезешь. Как бы то ни было, Игорь оказался втянут в поиски Шерил. Вот только одного не могу понять, – прихлебывала я горячий чай маленькими глотками, не чувствуя, как он обжигает мне горло, – как же Игорь, осознав, что в опасности находится не только Шерил, неведомая ему девушка из далекой Америки, но и я, его любимая женщина, с которой он прожил почти три года и на которой хотел жениться, – как же он мог исчезнуть куда-то, бросив меня в опасности?!

Нет, я не верю! Игорь не мог быть причастен к попытке убить Шерил... Во всем этом бредовом нагромождении причин и следствий, которые я тут понастроила, попивая свой обжигающий чай, лишь одно-единственное предположение верно: уж если бы Игорь действительно был связан со взрывом, он не смог бы больше смотреть мне в глаза. Тем более, что от взрыва пострадала еще и я. Игорь бы именно так и сделал – исчез. Стер самого себя из моей жизни.

Так неужели же это правда?

Наверное, я заснула сном печальным и холодным, потому что, когда зазвонил телефон, я обнаружила, что лежу одетая на диване, при ярком свете в моей комнате. Вскочив с сердцебиением, я негнушимися ногами потопала в гостиную. Телефон стоял на полу, и, наклонившись к нему, я чуть не упала от головокружения. «Кто может мне звонить, – с ужасом думала я, – кто знает номер этого телефона? Полиция, – сообщила я. – И Кати, я ей оставила номер».

Это была Кати.

– Извини, что поздно... Не разбудила?

– Нет, – соврала я. – Что случилось?

– Не могу заснуть. Все думаю, думаю... Для меня это такой шок, ты знаешь...

Меня бил озноб, и руки мои были ледяными. Я не чувствовала трубку телефона в пальцах. Неужели она меня разбудила только за этим?

– Я понимаю, – ответила я, – для меня это тоже шок.

– Я вот что хотела спросить: Шерил не говорила тебе про свою двоюродную тетю, которая живет в Париже?

Ах, вот оно в чем дело! Кати идет тем же путем, что и я.

– Как-то мельком.

– Не знаешь адреса?

– Нет, к сожалению. – «А если бы и знала – не дала бы», – подумала я. – Сама хотела вас спросить об этом.

Кати помолчала.

– Ну что ж, извини тогда...

– Как ее фамилия, не знаете? – вдруг спросила я.

– Да нет, к сожалению. Я с ней не знакома.

– Если она кузина Вирджини, следовательно, она дочь либо брата, либо сестры одного из родителей Вирджини... Не знаете, кого именно?

– Кажется, по линии отца.

– А девичья фамилия матери Шерил?

– Хайсмитт. Ты рассчитываешь ее найти по девичьей фамилии Вирджини?

– Если у отца Вирджини был брат и эта кузина – дочь брата, то есть шанс, что у нее такая же девичья фамилия. Можно попробовать. Здесь, во Франции, есть такая штука – Минитель, вроде телефона с компьютером, к которому подсоединена огромная справочная сеть. Может, повезет.

– Интернет, что ли?

Право, американцы стали меня раздражать. Почему они считают, что они все изобрели в этом мире и ко всему чего-либо стоящему приложили руку? Какая-то мания величия в масштабах государства.

– Минитель существует уже лет пятнадцать, – терпеливо объяснила я, – тогда как вашему Интернету – каких-то тройка лет будет.

– Ну, Интернет существует уже давно... – протянула Кати. Не сдастся рядовой американец без боя. Но не читать же ей лекцию по истории компьютерных сетей?

– Какое это имеет значение, Кати, – мягко ответила я. – Главное – найти адрес этой кузины.

– Скажешь мне тогда, ладно?

– Обязательно, – сказала я, хотя вовсе не была в этом уверена. – Спокойной ночи, Кати.

С утра я отправилась на почту, исполненная решимости сесть на Минитель. И только упершись в глухо закрытые двери, я с отчаянием поняла, что сегодня у нас воскресенье. Неужели ждать до завтра? Но завтра – Рождество! Я просто не доживу до вторника!

Возле почты была телефонная кабина, и я ворвалась туда, треснувшись лбом о стеклянную складную дверь. Джонатан, к счастью, оказался дома. Мне снова почудилось, будто он сидел и ждал моего звонка – у него ведь до сих пор нет моего номера телефона... Какой-то остаточный страх, которому я уже сама не верила, не позволял мне его дать. Впрочем, он у меня его и не просил – чувствовал, что я все-таки не доверяю ему до конца.

– Нет ничего проще, – сказал он, – у меня дома есть Минитель, ты не обратила внимания?

Влетев с легкого мороза в его квартиру, я поцеловала его, как принято во Франции, и он, придерживая меня руками, поводит носом в моих волосах, шумно вдохнув:

– Как хорошо пахнут твои волосы – морозом и свежестью... – И разжал руки. – Рассказывай, – сказал он, садясь на диван. – Что-то новое надумала?

Выслушав мой отчет о разговоре с Кати, он только кивнул:

– Я это примерно так себе и представлял... Кофе хочешь?

– Хочу! – крикнула я, устраиваясь перед экранчиком Минителя.

Спустя час у меня на руках был список из адресов двенадцати дам, проживавших в Париже, чьи девичьи фамилии были Хайсмитт и чьи даты рождения были не позже 60-го года – возраст кузины должен был быть в пределах возраста матери Шерил плюс-минус несколько лет. Нам с Шерил было по двадцати одному году, заканчивался 95-й год, ее матери было бы никак не меньше сорока лет, а то и больше, учитывая, что она была замужем четыре года до рождения Шерил...

Было решено ехать немедленно. Джонатан разогрел свой «Ровер», придержал мне дверь, и я плюхнулась на переднее сиденье, сразу же погрузившись в представление и предвкушение возможной встречи. Если повезет, то...

Не прошло и пяти минут, как Джонатан неожиданно затормозил и вышел из машины, обронив:

– Я сейчас.

Недоумеваю, я проводила его глазами. Он вошел в цветочный магазин и через десять минут вышел из него с нарядным, но сдержанным букетом. Я была очень тронута, но таскаться целый день с букетом мне не улыбалось.

– Это не тебе, – словно прочитав мои мысли, заявил с усмешкой Джонатан, кладя цветы на заднее сиденье.

– А кому же? – опешила я.

– Тетке Шерил. Если она в твоём списке, конечно. Ты ведь небось не подумала, что хорошо бы прийти с цветами? Тем более что дело к Рождеству...

А ведь и впрямь не подумала.

– Ты молодец, – похвалила его я.

– Что будешь ей говорить? – поинтересовался Джонатан, когда мы подошли к дому первой мадам, бывшей в девичестве Хайсмитт.

– Не имеет значения. Если она не закричит при виде меня «Шерил!», то остальное неважно.

Она оказалась четвертой в списке. Внизу, по интерфону, на вопрос «кто там?» я ответила: «Это я». Я никогда не задумывалась, похожи ли наши с Шерил голоса или ей просто было неловко переспрашивать, но дверь подъезда открылась. Лифт выпустил нас на третьем этаже, и мы сразу же увидели приоткрытую на цепочку дверь – должно быть, наши голоса все-таки не совсем похожи. Из-за дверей выглядывала женщина, довольно пожилая, с аккуратно уложенными крашеными волосами и настороженным лицом. Увидев нас, она начала снимать цепочку с двери и зашебетала:

– Шерил, это ты, моя девочка! Что случилось с твоими волосами? Неужели ты решила постричься? Это надо же, – обратилась она к Джонатану, – чтобы с такими волосами расстаться! Вы, как мужчина, объясните ей, что длинные волосы – это состояние для женщины! Ох, простите, познакомимся: Жюстин.

Как удачно! Она, как я и предполагала, приняла меня за Шерил, а Джонатана – за ее друга, и теперь мы хотя бы узнали ее имя.

– Джонатан, – протянул руку «другок» и вручил букет роз.

– Ой, как это мило, спасибо! Проходите, проходите, ты давно не была у меня, девочка. Что же не позвонила?

Я понимала, что, как только я открою рот, она сразу поймет, что я – не Шерил. И голос не тот, и акцент к тому же. Поэтому я просто улыбнулась и прошла в гостиную, следуя жесту хозяйки – мне хотелось сначала расположиться по-домашнему, чтобы не испугать ее и не быть выставленными в ту же минуту за дверь.

– Кофе хотите?

Мы дружно кивнули, улыбаясь изо всех сил.

Жюстин отправилась на кухню, из которой доносились потрясающе вкусные запахи – должно быть, она ждала гостей к вечеру.

Мы уселись на огромный старинный диван, обитый темно-коричневым бархатом, с затейливо гнутыми деревянными ножками и подлокотниками и бесчисленным количеством маленьких подушечек, таких же бархатно-коричневых, с золотыми клепочками. На кофейном столике из красного дерева стояла серебряная вазочка с искусственными цветами и серебряный подсвечник с рождественским еловым веночком по ободу. Мне нравилась эта гостиная, уютная и старинная, с большим камином в углу, с темным буфетом из вишневого дерева, с этажеркой, уставленной фарфоровыми безделушками, какими-то куколками и вазочками... В ней все было не так, как в наших малогабаритных и бедноватых квартирках в России, но в то же время все чем-то неуловимо напоминало дом моей бабушки – дух времени, дух другого поколения витал в нем и присущее этому поколению ощущение тепла, надежности, неколебимой разумной устроенности жизни...

Бабушка, подумала я. У меня была бабушка, она умерла. И дедушка был, только он еще раньше умер. Но они были, я их помню, и они меня любили, свою внучку. Неужели может со мной случиться такое, что вдруг все эти люди, которые мне так дороги, обманывались или обманывали? И я им не внучка и не дочка, а неизвестно кто?

Чушь, чушь, чушь! Главное, что любили, и любят по сей день, и я их люблю – навсегда. А все остальное не имеет никакого значения!

Жюстин появилась из кухни с подносом на котором стоял кофейник, фарфоровые чашечки и тарелка с бисквитами. Я помогла ей расставить все это на столе, Жюстин разлила кофе по чашкам и наконец уселась.

– Ну, рассказывай, как живешь, моя милая?

Откашлявшись для храбрости, я произнесла, глядя ей в глаза:

– Дело в том... Я не Шерил.

Жюстин не поняла. Она улыбалась, думая, что в этом содержится какая-то шутка, которую она не может уловить.

– Я не Шерил, – повторила я. – Меня зовут Оля. И мы с Шерил очень похожи.

Чашка звякнула о блюдце, глаза округлились, изумление залило их до слез. Она переводила взгляд с меня на Джонатана до тех пор, пока изумление не начало сменяться страхом. Должно быть, ей уже стало мерещиться, что я аферистка, шантажистка и налетчица.

– Я специально пришла к вам, – сказала я веско, – чтобы сообщить, что Шерил попала в больницу.

Это было грубо, но я умышленно выдала эту информацию в первую очередь: Жюстин враз перестала бояться меня – теперь она начала бояться за Шерил. В лице появилась растерянность, затем беспокойство:

– Как в больнице? Что случилось?

– Она пострадала при взрыве, но она жива, не волнуйтесь, – поторопилась я успокоить Жюстин.

– А... – у нее в глазах заблестели слезы, – все на месте?

– Все на месте, – кивнула я. – Только она без сознания.

Жюстин ахнула, закрыв рот руками.

– Врачи говорят – должна выжить, – добавила я.

Жюстин не отнимала рук от лица.

– Какой взрыв? Диверсия в метро? – проговорила она наконец.

– Нет... Взорвалась ее машина. Преступников не нашли.

Жюстин растерянно молчала, и я поняла, что наступил момент для настоящего разговора.

– Это было самое настоящее покушение... Мне нужно многое рассказать вам, Жюстин, и многое у вас спросить. В этой истории слишком много загадок, и, может быть, вы сможете прояснить некоторые из них...

Жюстин не смотрела на меня, уставившись с сокрушенным видом куда-то в кофейную чашку. Она думала о Шерил, и мыслями она была далеко, с ней, своей племянницей, тогда как я, сидевшая рядом, была ей чужой и ей не было до меня никакого дела. Между нами возникла стена, прозрачная, как стекло, и прочная, как стекло пуленепробиваемое.

– Я не стригла мои волосы, – проговорила я проникновенно, не давая воцариться пуленепробиваемой тишине, – а они у меня были такие же длинные и красивые, как у Шерил... Мне их *остригли*. В больнице. В той же самой, где лежит сейчас без сознания Шерил.

Я выразительно посмотрела на Жюстин. Жюстин продолжала созерцать свою чашку, лишь мимолетно и как-то искоса подняв на меня глаза.

– Я тоже попала во взрывную волну, – продолжала я с драматическим нажимом, – хотя пострадала меньше: я была дальше от машины. И, чтобы понять, кто хотел нашей смерти, мне необходимо понять, отчего мы с Шерил так похожи...

Я нарочно так сказала: «кто хотел нашей смерти». Я до сих пор не знала, кто и чьей смерти желал, но эта резкая, как пощечина, фраза просто обязывала тетю Шерил рассказать мне все, что она знала о нашем рождении.

– Могу я увидеть ваши документы? – вдруг спросила Жюстин.

– Пожалуйста, – я протянула свой паспорт, и Джонатан полез за своим удостоверением личности.

– Это твой друг или друг Шерил? – кивнула Жюстин на Джонатана, принимая его удостоверение.

– Наш общий друг.

– Так ты – русская? – разглядывала она мой «серпастый-молоткастый».

– Как видите.

– И как ты тут оказалась? Как ты нашла Шерил?

– Я ее не искала. Мы с ней встретились случайно...

И я рассказала Жюстин нашу короткую историю, обойдя молчанием коробку отравленных конфет, загадочных «одноклассников», поразительную осведомленность Игоря – бедной Жюстин и так хватило переживаний.

Я закончила говорить. Воцарилось молчание. Мы терпеливо ждали.

– Я... – с трудом расклеила губы Жюстин. – Вы понимаете...

Ну же, ну! Говори, Жюстин!

– А Кати знает? – выпалила она явно вместо каких-то других слов, которые уже была почти готова произнести.

– Знает. Она здесь, в Париже.

Мы снова замолчали.

– Мы понимаем, Жюстин, – вдруг нарушил тишину Джонатан, – что вам трудно решиться вот так, с ходу, рассказать незнакомым людям доверенные вам секреты...

Это он правильно сказал, Джонатан. Теперь, когда наличие секретов установлено и легализовано, ей будет легче их рассказать.

– ...Но вы видите эту девушку из России, которая похожа на вашу племянницу, словно сестра-близняшка. Разве такое сходство может быть случайным? Поймите, вокруг этих двух девушек так много загадочных и опасных событий, что совершенно необходимо прояснить их хотя бы частично! Кто знает, может быть, их судьба сейчас в ваших руках? – воскликнул он патетически.

Логики в этом было мало, Джонатан блефовал, но на Жюстин тем не менее подействовало.

– Это не мои секреты, дети мои, – вздохнула она. – Я не имею права их разглашать.

Жюстин задумчиво гладила бархатную подушечку и молчала, но мы с Джонатаном чувствовали, что лед тронулся.

– Для Вирджини это уже ничего не изменит, – поднажала я. – Она погибла много лет назад. А вот для Шерил как раз очень важно. И для меня тоже. Чтобы нам не погибнуть...

Мне было немного стыдно так сгущать краски, но что же было делать? Надо же как-то заставить ее говорить!

– Хорошо, – решительно тряхнула Жюстин крашеными кудрями. – Но если у вас на уме что-то недоброе, имейте в виду, я нигде потом официально не подтвержу свои слова.

Я встала и подошла к ней вплотную.

– Посмотрите на меня внимательно, Жюстин, взгляните в мое лицо. И вы увидите, что оно покрыто шрамами. Посмотрите на мои руки, – вытянула я ей под нос свои бледные пальцы, – на них тоже шрамы. Это следы ожогов и осколков стекла, которые впились в мою кожу. То же самое у Шерил, только еще сильнее, она ведь была рядом с машиной... Это вообще чудо, что мы не оказались обе внутри. Мы должны были с ней ехать... Шерил уже завела мотор и протирала стекла в ожидании, пока я спущусь. Знаете, что ее спасло? Что она пошла мне навстречу, чтобы придержать дверь: у меня в руках были сумки...

Мои слова произвели впечатление. Жюстин с потрясенным видом схватилась за кофейник. Подлив себе кофе, она произнесла, не отрывая глаз от своей чашки:

– Шерил родилась в Москве.

Я, кажется, ахнула. Джонатан метнул на меня многозначительный взгляд и легонько кивнул, призывая взять себя в руки.

Жюстин смотрела в окно, покачивая головой, словно упрекала кого-то, кого здесь не было. Может быть, Вирджини? На балконной ограде сидел белый голубь и тоже смотрел на Жюстин, наклонив набок голову. Оторвав свой взгляд от затуманенного стекла, Жюстин направилась из комнаты, обронив на ходу: «Я сейчас вернусь».

Она появилась спустя несколько минут с пожелтевшим листком бумаги в руках. Взяв с буфета очки, села на свое место, надела очки, расправила листок перед глазами и посмотрела на нас поверх него:

– Я прочитаю вам... Это письмо Вирджини. Вы поймете лучше, чем если я начну объяснять. Но помните все же: если что – я ничего не говорила и ничего не знаю.

Избегая моего взгляда, она снова уткнулась в листок бумаги. Мы замерли в ожидании.

Но Жюстин опять подняла глаза:

– Письмо написано по-английски. Вам переводить?

– Не надо.

Откашлявшись, она наконец начала читать.

– «Здравствуй, моя дорогая Жюстин...» Ну это я пропущу, не имеет значения... Так, так, ага, вот:

«...Я убеждена, что мужчина никогда не будет любить бесплодную женщину так же, как любил бы мать своего ребенка. Я убеждена, что ребенок никогда не будет любить приемную мать так же, как любил бы родную... У нас нельзя усыновить, не сказав правду ребенку, но эта правда будет всегда стоять между нами – между мной и Робинот, между мной и ребенком...»

Я хочу этого избежать. Я решаюсь на этот шаг из любви к Робину, из страха его потерять – ты знаешь, как тяжело мне достался этот блистательный любимец женщин; я решаюсь на этот шаг во имя нашей взаимной любви с моим будущим ребенком...

Это будет очень трудно сделать. Трудно в практическом смысле, хотя я все уже продумала и уже договорилась обо всем в Москве с людьми, которые мне помогут найти младенца, – и еще более трудно психологически. Я должна обмануть всех, включая самых близких мне людей, обмануть их хорошо и убедительно, и мне не с кем поделиться всем этим, не у кого попросить совета и поддержки, кроме тебя, моей единственной подруги...

Пожалуйста, сожги это письмо, как договаривались. Ты знаешь, что тебе я доверяю полностью, но кто может поручиться, что оно никогда не попадет в чужие руки?»

Жюстин оторвала взгляд от страницы.

– Ни одна душа не знает об этом. Вы первые, кому я доверила секрет Вирджини. Может, зря...

Наткнувшись на мой взгляд, она добавила торопливо:

– Нет, я вам доверяю, не думайте. Но все же... Никто не должен знать об этом, и в первую очередь – Кати.

– Это я могу пообещать вам твердо... Так получается, что Шерил – вообще не ребенок Вирджини? – Я посмотрела на Джонатана. Он в ответ прикрыл глаза.

– Да, – вздохнула Жюстин, – ты права, Оля.

– Вы знали, что девочек было две?

– Нет. Я вообще не знаю ничего. И как ей только удалось все устроить, как удалось вывезти младенца из СССР?

– Вряд ли сама Вирджини знала о существовании второго ребенка, – задумчиво проговорил Джонатан, – то есть о тебе. Ей обещали подыскать младенца – и она его получила. А уж откуда он взялся – не ее была забота...

– Но каким образом получилось, что официальное место рождения Шерил – Париж?

– Это-то как раз было очень просто сделать, – немного виновато ответила Жюстин. – Она приехала ко мне с младенцем, и через несколько дней мы пошли в мэрию и заявили, что преждевременные роды произошли у меня дома... В те времена никаких иных подтверждений не требовалось.

– Вот почему наши даты рождения расходятся! – воскликнула я.

– Да, теперь понятно... А живот – она носила накладной? – спросил Джонатан.

– Сообразил, – кивнула Жюстин, – правильно. Вирджини сообщила всем, что беременна. Робин был счастлив – четыре года им не удавалось родить ребенка, и он уже начал отчаиваться. Стал поговаривать об усыновлении... Но Вирджини не хотела – я вам прочитала ее доводы. Она предпочла пойти на обман. Муж был в Москве, она у себя в Бостоне, так что она почти ничем не рисковала. Поехала в Москву, когда была

«на седьмом месяце», повидать Робина. Затем, якобы боясь преждевременных родов, она через неделю покинула его. Только он не знал, что границу она пересекла с ребенком. Версия для Робина, как и для всех остальных, – преждевременные роды в Париже, когда Вирджини гостила у меня... Это все, что я знаю.

Мой мозг закипал от мыслей. Мне необходимо было поскорей уйти отсюда, обдумать услышанное, обсудить это с Джонатаном.

– Спасибо, Жюстин, – с чувством сказала я. – И не жалеете о том, что раскрыли нам этот секрет. Раз уж получилось так, что мы с Шерил встретились, я бы так или иначе докопалась до правды.

Улыбка Жюстин была жалкой.

– И вот еще что... Кати тоже задумалась о нашем необычайном сходстве. И спрашивала меня, не знаю ли я от Шерил вашего адреса.

– Мне бы не хотелось... – вскинула глаза Жюстин.

Я ее понимала. Мне бы тоже не хотелось.

– Я скажу ей, что мои попытки найти вас не увенчались успехом. Шансов на то, что она сама разыщет вас, крайне мало: по-французски она не говорит, Минителем воспользоваться не сможет...

– А, так ты меня нашла по Минителю?

– Да, по вашей девичьей фамилии. К счастью, она у вас такая же, как у матери Шерил.

– Ты умная девочка. Удачи тебе.

Расцеловавшись с Жюстин, мы направились было к дверям, но она остановила меня, взяв за плечо:

– Ты... Я хочу, чтобы ты знала: я Шерил люблю. Это неважно, родная она мне племянница или нет. Я ее люблю, и если ты ее сестра – то ты для меня тоже как племянница... То есть я хочу сказать, что, если тебе понадобится моя поддержка, помощь, ты не стесняйся... Ты приходи, звони. Ладно?

Я сжала в ответ ее руку. Жюстин открыла дверь. Первым шагнул за порог Джонатан. Удержав меня за руку, Жюстин прошептала:

– А этот Джонатан – ему можно доверять?

– Можно, – сказала я твердо и, чмокнув Жюстин, вышла за дверь.

Ах, как бы мне самой хотелось в это верить!..

Выйдя от Жюстин, мы уселись на первую попавшуюся скамейку. Я вытасила сигареты. Джонатан молча следил за мной. Мне никак не удавалось прикурить, ледяной ветер пронизывал нас насквозь. Моя московская шубка – подарок Игоря – меня отлично защищала, но Джонатан носил до неприличия легкую куртку, и, хотя мне никогда не приходилось видеть его замерзшим, с некрасивым покрасневшим носом, я сказала ему – ладно, пойдём, холодно, здесь не лучшее место для страданий...

– Если ты беспокоишься обо мне, то не стоит, – ответил он и вытащил из кармана зажигалку «Зиппо» – самую подходящую из всех возможных зажигалок для прикуривания на ветру. Удивительная предусмотрительность, ведь он не курит...

Я затаилась, размышляя. Впрочем, «размышляя» – это неудачно сказано... Вряд ли я сумею найти слова, которыми можно было бы выразить мои ощущения. Я была ошарашена... нет, больше – я была подавлена... нет, – я была просто раздавлена, как бетонной стеной, свалившимся на меня откровением. Шерил – не дочь Вирджини! Но чья же? Моей мамы? А как же мама? Неужели обманула меня?

– Джонатан, – сказала я жалобно, – ты что-нибудь понял?

– Да... Кое-что.

– Моя мама – это наша с Шерил мать?

Джонатан искоса поглядел на меня.

– Или у вас другая мать, а твоя тебя удочерила...

– Пойми, этого не может быть! Мама не могла меня обмануть! Я ведь ее прямо спросила, не удочерила ли она меня! И она сказала – нет. И что я родилась у нее одна-единственная...

Меня била нервная дрожь, сигарета едва держалась в скрюченных пальцах, мне было холодно и плохо. Я захлюпала носом.

Джонатан пошарил в кармане и вытащил оттуда пачку бумажных носовых платков.

– Хочешь, поедem ко мне?

– Хочу, – ответила я.

Не задавая лишних вопросов, Джонатан наполнил ванну горячей водой, развел в ней пену, дал мне в руки халат и подтолкнул меня к дверям ванной. Я вяло разделась. На меня, после пережитого потрясения, навалилась апатия и какое-то физическое онемение. Двигаясь как во сне, я сбросила свою одежду на пол и залезла в душистую воду, покрытую розовой пеной, погрузившись в нее до носа. Пристроив душ в коленях, я лежала, ни о чем не думая.

Неожиданно до меня донесся голос Джонатана, который что-то говорил. Я не понимала слов, но мне не хотелось ему отвечать, мне ничего не хотелось. Он все продолжал говорить, и я наконец пробормотала: «Не слышу... Я тебя не слышу, Джонатан...» Спустя несколько минут дверь в ванную открылась – я ее, наверное, не заперла, – и на пороге появился Джонатан.

– Ты что-то сказала?

– Что я тебя не слышу.

– А я тебе ничего не говорил.

– Но я слышала твой голос, – вяло возразила я.

– Я звонил. В ресторан.

– Я не хочу никуда идти.

– Я так и подумал, – кивнул он и присел на край ванны. – Поэтому я заказал еду домой. Сегодня ведь Сочельник, ты забыла? Ты любишь индейку?

Конечно, забыла, ведь я не привыкла его справлять двадцать четвертого декабря. А вот, оказывается, сегодня праздник, и надо его праздновать, как все люди, – радостно и легко. Да только где же мне взять радости и легкости, когда меня дважды чуть не убили, когда Шерил лежит в коме, когда Игорь пропал!

– Я все люблю...

Я снова заревела.

Джонатан поболтал рукой в воде, легонько наплескивая на меня пену. Затем снял с моих колен душ и полил мне на лицо, смывая слезы. Наклонившись ко мне, он осторожно поцеловал меня в мокрый нос, оторвался, посмотрел мне в глаза и снова наклонился, и снова поцеловал меня в нос, замешкавшись немного... «Сейчас поцелует в губы», – подумала я и закрыла глаза. Мне это было не неприятно, но и не приятно – мне было все равно, мне было не до этого...

Ничего, однако, не произошло. Я открыла глаза и увидела, что он улыбается, глядя на меня.

– Не стоит так долго сидеть в горячей воде, – сказал он, вставая с борта ванны. – Может упасть давление.

С этими словами он направился к двери.

Но не открыл ее, а снял с крючка махровую варежку и вернулся ко мне. Намочив ее, он налил на нее гель и стал меня мыть нежными, осторожными движениями. Тело мое было погружено в воду, и он кружил варежкой по моим плечам, шее... Я снова закрыла глаза. Мне стало удивительно хорошо, и это «хорошо» на фоне только что пережитого потрясения было особенно сильным, всеобъемлющим – это было блаженство.

– Ты спишь, что ли? Встань-ка!

Я послушно поднялась, безразлично подумав о том, что я голая. Ключья тугой пены застряли на моих сосках, затем, повисев немного, поползли по моему животу. Джонатан стянул с себя свой любимый темно-синий свитер с большим отложным воротником на «молнии» – такие тут называются «водитель грузовика» – и остался в джинсах и футболке. Его варежка заскользила по моему телу. Он смотрел прямо перед собой, ровно на то место, по которому в данный момент плясала махровая рукавица, внимательно и сосредоточенно растирая мою кожу, которая розовела от этого массажа.

– Подними руки.

Я помедлила, не понимая, к чему ведет это действие, но руки все же подняла, закинув их за голову. Джонатан подлил геля на варежку и прикоснулся к подмышкам. От холодного геля и от щекотки тело мое пошло пупырышками и соски встали торчком.

– Что, щекотно? – усмехнулся он, подняв на меня глаза.

Я не ответила.

Дойдя до низа живота, он невозмутимо намылил светлые волосики на моем лобке и скомандовал:

– Повернись-ка.

Я повернулась спиной. Энергично пройдясь от шеи вдоль позвоночника, его варежка закружила на моих ягодицах. Я боялась пошевелиться. Во мне поднялось такое острое желание, которого я еще никогда в своей жизни не испытывала, и я, чувствуя, как слабеют мои колени, изо всех сил старалась его не выдать, с замиранием ожидая, что же будет дальше, куда отправится варежка...

Или он разденется и заберется ко мне в ванну?..

Или домоет меня и отнесет в постель?..

От этих мыслей я почти теряла сознание, точно зная, что сопротивления я не окажу. Я боялась шелохнуться, тело мое словно окаменело от напряжения, и мне вспомнились античные мифы, в которых кто-нибудь нет-нет да и обратится в столб.

Уж не знаю, выразилось ли что-нибудь на той части моего тела, где вовсе нет лица, или это напряжение всех моих мышц меня выдало, только варежка вдруг остановилась. Задержавшись на мгновение на моем бедре, она вспорхнула и куда-то делась. Я продолжала успешно выполнять функцию столба, аж шею свело, только теперь внутри этого столба полыхал уже не огонь – пожар. Мои уши пытались уловить звук расстегиваемой на джинсах «молнии», руки мои просились упереться в стенку, поясница жаждала прогнуться, ноги сводило от желания раздвинуться – но я стойко стояла столбом, не желая быть первой. Ну же, ну же, торопила я, – я ведь больше не могу, я согласна, я на все согласна, прямо сейчас, в ванной, иначе я умру...

Громыхнул душ, и по моей коже заструилась вода.

– Ну вот ты и чистая.

Джонатан обхватил меня огромным полотенцем и стал легонько похлопывать по нему, промокая. Подвинул коврик к ванне, подал руку. Я перебралась через борт. Он развернул полотенце и наконец в открытую окинул меня всю восхищенным взглядом: «Ты красивая девочка».

И надел на меня банный халат.

Разочарованию моему не было предела. «Я тебе этого никогда не прощу», – злилась я, умирая от неутоленного желания, изо всех сил пытаюсь не выдать всю эту компанию эмоций: желание, разочарование, злость. Ни за что!

Но Джонатан будто и не замечал, и даже вовсе не интересовался моими чувствами. Мне даже показалось, что он это делает нарочно и что в уголках его губ притаилась усмешка... Издеваешься, да? Ну мы еще посмотрим, кто кого!

Разъяренная, я переделалась, немножко подкрасила ресницы и вышла как раз в тот момент, когда в дверь позвонили: из ресторана доставили еду.

Несмотря на все мои переживания, аппетит мой оказался зверским. Уминая индейку, я избегала встречаться взглядом с Джонатаном – мне все казалось, что он прекрасно понимает, что со мной происходит, и играет в какую-то игру, в жанре «кошки-мышки» или «а ну-ка догони». «Не буду я тебя догонять, – злилась я, – ничего мне от тебя не нужно, и вообще у меня есть Игорь!» И боль резанула меня где-то в желудке – Игорь? Есть ли он у меня? И у кого он есть, мой Игорь? И мой ли... Я уже давно перестала названивать в Москву, домой. Мама все так же не имела ни малейшего понятия о нем; я же, чтобы маму напрасно не волновать, ей наврала, что Игорь уехал в связи с предвыборной кампанией Василия Константиновича по городам и весям нашей необъятной родины вербовать голоса избирателей. Это на самом деле могло быть и правдой, но не объясняло одной, самой важной, вещи: почему он сам мне не звонит? Даже не зная моего нового телефона, он мог найти сто разных способов добраться до меня, начиная со звонка моей маме, в надежде, что ей я оставила свой номер телефона...

– Надо ехать в Москву, Оля.

Голос Джонатана донесся до меня из другого мира. Я вскинула глаза. Должно быть, он все это время следил за выражением моего лица, и глаза его смотрели с участием и нежностью. Мне стало даже стыдно за мою самолюбивую злость. Может быть, первое впечатление, как это бывает почти всегда, оказалось самым правильным и он действительно гей? Он сказал мне тогда, в больнице: «Я люблю тебя»; но, может, речь шла о любви братской, человеческой? И он просто испытывает ко мне самые нежные дружеские чувства, немного забавляясь при мысли, что я способна воспылать к нему желанием? Выкинуть эти глупости из головы, приказала я себе. У меня давно не было близости с мужчиной – вот гормоны и заиграли в крови. А дружба – так даже лучше, если он действительно гомосексуалист...

– Ты меня расслышала?

Ах, да, в Москву, сказал он...

– Почему? – тупо спросила я.

– Ты сама не соображаешь, да? – усмехнулся он, ласково глядя.

– Я? Нет... Я в таком состоянии...

– Можем отложить эту беседу.

– Нет-нет, давай обсудим. Я понимаю: в Москву... Чтобы попробовать разобраться в этой истории, да? Я только, Джонатан, не могу одного понять: моя мама не могла меня обмануть! Она могла скрывать от

меня правду всю жизнь – но не тогда, когда я ее прямо спросила об этом.

– А если она тебя удочерила и, как и Вирджини, считает, что ты не должна ни при каких обстоятельствах узнать правду? Ты на мать похожа?

– Нет... И на отца – тоже нет.

– Это, конечно, еще не доказательство, но...

– Ты не знаешь мою маму, Джонатан. Пойми, она не умеет обманывать!

– В таком случае ее обманули. Возможно, что второго ребенка, то есть Шерил, у нее забрали... Ей не делали кесарево сечение?

– Нет, насколько я знаю...

– Ну, все равно. Женщину в таком состоянии, едва живую после родов, легко обмануть.

– Но ведь обычно второе сердце прослушивается! Даже без всей современной техники доктора могли определить, что будет двойня! Что же, по-твоему, мама согласилась отдать второго ребенка? Это исключено!

Джонатан пожал плечами.

– А если ее все же обманули с самого начала?

– Вирджини купила себе младенца в зародыше? Но ты представляешь, сколько людей должно было быть вовлечено в это дело? Врач из женской консультации, врачи в роддоме, акушерки! В советской системе беременная женщина проходила через несколько различных осмотров... Трудно представить, что Вирджини подкупила всех этих людей – откуда у нее, жены дипломата, которая бывала в Москве только наездами, такие знакомства, такое знание системы? Нет, не годится твое предположение.

– Или она удочерила тебя. И вашей с Шерил матерью является третья, неизвестная, женщина. Возможно, она умерла при родах...

– Да, но и в этом случае надо опять допустить, что мама меня обманула. А я не могу... Хотя...

Я вспомнила, как после моего вопроса мама разнервничалась и пошла пить валокордин.

– Что ты замолчала?

– Знаешь, вообще-то мама мне сказала... У нее были сомнения... Как раз потому, что я ни на кого не похожа... У нее иногда мелькала мысль, что меня перепутали в роддоме. То есть сама-то она уверена в том, что я ее дочь, но...

– Короче, если ты хочешь попытаться докопаться до правды – надо ехать. Правда находится в Москве.

Я растерялась. В Москву? Где куда-то делся Игорь? Что я найду дома? Кого увижу? Другую женщину, расположившуюся по-хозяйски в нашей квартире? Нет, в *его* квартире, не стоит об этом забывать. Он в принципе волен приводить туда и даже селить кого угодно. В конце концов, я же сама отказалась выходить за него замуж. А раз не жена – какие могут быть обязательства? Холостой мужчина – он и есть холостой и ведет себя, как холостяк... Я могу, конечно, вернуться к маме. И уже от нее попробовать сделать вылазки к нам на «Динамо»... Господи, к маме! Что я скажу ей? Не буду же я ей рассказывать все эти бредовые домыслы! А мама все равно почувствует, что что-то не так...

С другой стороны, рано или поздно придется ехать домой, и все это лишь попытка оттянуть неизбежное...

– Ты не хочешь ехать? – спросил Джонатан.

– Мне страшно, честно говоря. Я не знаю, как взяться за поиски правды... Я не понимаю, почему пропал Игорь, я не представляю, как я буду смотреть в глаза моей маме...

– Но если ты не поедешь, то ты так ничего и не узнаешь и не поймешь. Кроме того, я надеялся, что мы сможем узнать что-нибудь о тех людях, которые столь интенсивно интересовались Шерил.

– Каким образом? Я буду ходить по Москве и опрашивать «новых русских», не помешала ли им Шерил своей деятельностью и не собирались ли они ее убить?

– Кое-что я уже знаю...

– Ты?!

– Я связался со своим дядей. Он мне помог с информацией. А именно: «Чистая планета» разработала проект – пока только проект – целого ряда мероприятий против загрязнения среды ядерными отходами. В том числе и против их незаконной продажи за границу, в частности, в Европу. Наверное, поэтому и украли ее еженедельник, в надежде найти там записи об этом проекте и о контактах по нему.

– Боже мой, ты понимаешь, куда это ведет? Ты отдаешь себе отчет, какие деньги, какая мафия за этим стоит?

– Примерно. У меня есть целый список названий организаций Восточной Европы, замешанных в продаже ядерных отходов, которых выявили члены «Чистой планеты». Если нам удастся сопоставить эти названия с теми, которые связаны с деятельностью твоего Игоря...

– И ты думаешь, что Игорь вот так запросто мне все расскажет?

– Послушай, Оля, я ведь не ясновидящий. Я только на месте могу сориентироваться, как надо действовать и у кого и что спрашивать. Когда мы приедем...

– «Мы»?

– Я разве не сказал? Извини, я имел в виду, что *нам* надо ехать в Москву.

– Так ты поедешь со мной?!

Это меняло дело. Это очень даже меняло дело! Кажется, на моем лице изобразилась радость, поскольку Джонатан снисходительно улыбнулся и добавил:

– Я никогда бы не подумал предложить тебе поехать одной. Это довольно опасно, на самом деле...

– Но как ты въедешь? Нужна же виза?

– У нас есть два варианта: либо ты попросишь кого-то из своих знакомых сделать мне приглашение...

– Мама может сделать!

– Не надо вовлекать твою маму. Что ты будешь ей объяснять? Кто я такой и зачем еду? Лучше попросить кого-то из твоих отдаленных знакомых, и даже из соображений предосторожности – я пока не могу оценить, насколько опасно это предприятие...

– А второй вариант?

– Купить тур. Но он хуже тем, что сроки ограничены, и хотя я не собираюсь там задерживаться – это все же неудобно.

– Слушай, – сказала я, – что мы голову ломаем? Я сама тебе сделаю приглашение! Пойдем в русское консульство и сделаем на месте!

– Превосходно. Я не подумал о такой возможности.

– Ты можешь при этом остановиться у нас, у мамы.

– Но как ты ей это объяснишь?

– Придумаю. Скажу, что влюбилась в тебя и бросаю Игоря.

Джонатан так серьезно посмотрел на меня, что у меня улыбка сошла с лица и мне сделалось неловко. Я, кажется, пошутила... Я толком сама не знала – и он тоже не знал и смотрел на меня серьезно и вопросительно.

– Ну надо же маме как-то объяснить... – растерянно добавила я, не зная, как ответить на взгляд Джонатана.

Он отвел глаза.

– Лучше будет, если я остановлюсь в гостинице.

– Это очень дорого, – не слишком настойчиво возразила я.

– Не проблема, – сухо ответил Джонатан.

Я не стала спорить.

Почему он так посмотрел на меня? Что за вопрос был в его глазах? Нет, вопрос я знаю, понимаю какой: насколько серьезно то, что я говорю... Вот только был ли это вопрос гомосексуалиста, который испугался, что на его голову сваливается проблема, которую он не в состоянии решить, или вопрос мужчины, влюбленного в меня, для которого важно убедиться во взаимности? Я не знала...

За столом воцарилось напряженное молчание. Джонатан подлил мне вина и спросил, что я буду пить после ужина: кофе или чай. Кофе, сказала я. И снова воцарилась тишина.

Я была убита этим напряжением, которое возникло между нами. Все, что у меня теперь оставалось, – это Джонатан, и портить наши отношения мне совсем не хотелось. «Ну ладно, – думала я про себя, – играешь ли ты со мной или действительно влюблен и не хочешь открыто проявлять свои чувства – что бы то ни было, это сейчас не самое важное. Конечно, в другое время я бы непременно занялась разгадыванием этой загадки, столь щекочущей мои нервы, но сейчас самым важным, самым насущным было сохранить ту дружбу, которая возникла между нами, не вдаваясь в подробности, с чем она перемешана, чем приправлена, что в ее подтексте и перспективе. Мне были необходимы его участие и его поддержка – позарез необходимы, больше всего на свете. Так что, – сказала я себе, – самолюбие свое побоку, загадки тоже – срочно мириться!»

– Я уберу со стола, – сообщила я по возможности легко.

Джонатан вскинул на меня свои прозрачно-серые, ярко обведенные черными ресницами глаза.

– Вместе уберем, – сказал он.

Разговор был более чем несущественный, но он почувствовал и принял мое невысказанное предложение не ссориться, не осложнять наши отношения... Я ликовала. Он у меня есть, Джонатан, он есть и будет, и никуда не денется, потому что он сам хочет у меня быть. Значит, я могу на него положиться. Боже мой, я никогда не думала – или просто никогда не бывала в таких переделках? – что это так важно: иметь верного друга, на которого можно положиться. И это ужасно, когда у вас такого человека нет. Особенно когда вам хреново...

Я так заметно повеселела, что Джонатан улыбнулся – как мне показалось, тоже с облегчением. Он сварил кофе, достал печенье. Мы снова сели за стол. Мне сделалось так уютно и хорошо, что я даже попросила его поставить музыку. Оказалось, что он тоже любит джаз, и голос Армстронга забасил: «What a

wonderful world...» То есть как прекрасен этот мир. И я с ним готова была согласиться...

Как вдруг Джонатан произнес:

– Если хочешь, можешь у меня остаться.

Бум! Все то благодущие, на которое я себя с таким трудом настроила, улетучилось мгновенно. В моей голове снова заметались вопросы: это провокация? Что он имеет в виду? Ночевать – это как? Это зачем? Это спать с ним или спать отдельно? Спать отдельно и прислушиваться, не идет ли он ко мне? Или он просто предлагает по-дружески, полагая, что мне неуютно и одиноко в моей квартире, и видя, что мне чрезвычайно хорошо у него?..

Уф, сколько вопросов и ни одного ответа. А Джонатан смотрит на меня, ожидая. И сейчас поймет, что испугалась и напряглась, и снова сделается сух и сдержан!

– Я... А я тебя не стесню?

Я выпалила, не думая. Это означало согласие, и я не знала, правильно ли было соглашаться, но мои губы сами произнесли вежливую фразу – кажется, больше всего на свете я сейчас боялась осложнить наши отношения.

– Я бы иначе не стал предлагать.

Ну вот, его голос уже сделался суховат. Заметил, негодник, мои колебания.

– Это очень мило с твоей стороны, – улыбнулась я. – Мне действительно не хочется возвращаться к себе. Там так одиноко...

И мне сделалось так жалко себя, такую бедную, что я чуть не заплакала.

– Ну вот и отлично.

Он как-то искоса глянул на меня и понес чашки на кухню. Я потащила за ним.

– Я хочу еще кофе, – сказала я, чтобы что-нибудь сказать.

– Сейчас сварю.

Ледок никак не растаивал.

Джонатан уступил мне свою кровать в комнате, а сам постелил себе на диване в гостиной. Ночь сгустилась, обволокла меня своей непроглядной темнотой и тишиной. Не спалось. Я слышала тиканье будильника у Джонатана в гостиной и даже, кажется, его дыхание, которое было спокойным и ровным... Настолько ровным, что я стала подозревать, что он вовсе не спит, а только прикидывается. О чем он думает? Ждет ли чего-то? От меня? От себя? От этой ночи?.. Вспомнилось, как он мыл меня в ванной. Все его движения, его взгляд выдавали, что он прекрасно понимает, насколько эротично и провокационно это действие. Но снова вопрос: это была провокация мужчины, который делает некоторые, может быть, даже хорошо рассчитанные шаги, дабы меня соблазнить, или это провокация гомосексуалиста, который прекрасно знает, что между нами ничего не будет и быть не может, но которому льстит собственная способность «завести» женщину?

У меня снова сплошные вопросы, одни вопросы без ответов. Как странно повернулась моя судьба: в моей жизни, до сих пор немудреной и ясной, как детская книжка, наступил период, когда я завалена вопросами с ног до головы, и я сижу внутри этой кучи, боясь шелохнуться от страха... Кто я сама? Кто мои родители? Кто мне моя мама? Кто мне Джонатан? Кто мне Игорь, в конце концов? И где он?

Я представила, как приеду в Москву, остановлюсь у мамы, поеду на «Динамо», открою своим ключом нашу дверь... Увижу ли я там чужую женщину, расположившуюся по-хозяйски в нашей квартире? Пахнет ли

на меня пустотой, словно гостиничный номер, из которого съехали постояльцы? Но тогда где я буду искать Игоря и что думать о его отсутствии? Ведь если не женщина, то должна быть какая-то другая причина тому, что он не звонит, не ищет меня... А вдруг?..

Мне вдруг сделалось не по себе. До сих пор я не предполагала, что с Игорем могло что-то случиться. Если что-то и случилось – так это со мной! Это я пережила кошмар взрыва, боль ожогов, больницу, кому Шерил... Как-то на этом фоне представлялось, что с ним ничего не может произойти плохого. Но теперь, в этой крошечной бессонной ночи, взвинченная всеми событиями ушедшего дня, напряженная близостью подозрительно ровно дышащего Джонатана, я вдруг испугалась за Игоря. Более того, это было похоже на правду, потому что единственно это предположение объясняло, почему он мне не звонит! Ему плохо, он заболел, он в больнице! Что же могло случиться? Сердце? У него со здоровьем никаких проблем не было... Попал в автокатастрофу?! Какой ужас, я всю свою жизнь, с самого детства, боюсь машин, как чудовищ... Если он мне не звонит – так, значит, он не просто болен. Он *не может* мне позвонить! Он без сознания, как Шерил! Или... Господи, жив ли он? Ведь верно, только в этой ситуации он мне не может позвонить, и никто – ни врачи, ни милиция – не могут мне позвонить! Никто не знает, где меня искать – и не будут искать, ведь я ему не жена, я ему официально *никто*!

Немедленно, завтра же утром, я должна позвонить Василию Константиновичу!

Ноздри будоражил терпкий, горький запах кофе. Я проснулась. Следовательно, я спала... Что уже неплохо. Осталось открыть глаза.

Еще не рассвело. При свете ночника под абажуром я увидела на тумбочке возле кровати поднос с кофе, горячими круассанами и джемом. Рядом стоял Джонатан и улыбался, глядя на мое мучительное просыпание. Он был уже одет, выбрит и пах хорошим одеколоном.

– Вставай, соня, – сказал он, – нам пора в консульство ехать.

Ну да, мы с ним договорились ехать за визой с утра. И вдруг я резко села на кровати, отчего кофе заплескался в чашке.

– Ну не так уж срочно, – пошутил Джонатан, – ты можешь сначала спокойно выпить свой кофе. Ты хорошо спала?

– Джонатан, мне нужно срочно позвонить Василию Константиновичу!

– Это тот человек, для которого работает твой Игорь?

– Да. Я уверена, что с Игорем что-то случилось плохое! Поэтому он не звонит!

– Это одно из возможных объяснений, – кивнул Джонатан несколько сдержанно. Каждый раз, когда я упоминала Игоря или что-то с ним связанное, его голос делался суховат. – Ты можешь позвонить от меня. Но сначала позавтракай.

Ревнует? Значит, не такой уж он... Впрочем, на этот раз я не стала вдаваться в некоторое изменение его тона. До сих пор у меня было чувство, что Игорь предал меня, бросил на произвол судьбы, – и Джонатан начал занимать в моем сердце место, покинутое Игорем. Но теперь, когда я поняла, что дело в другом, – мне сразу стало не до Джонатана! Однако я взяла себя в руки.

– Хорошо, – послушно ответила я и потянулась за подносом. – Это очень мило с твоей стороны. Мне еще никогда не приносили завтрак в постель.

Мне был очень приятен жест Джонатана, но, сказать честно, идея кушать в постели невымытой-нечесаной мне не очень понравилась.

– Ну что ты, мне это ничего не стоит, – легонько улыбнулся он. – Я пойду приготовлю свои документы.

Ты не знаешь, какие нужны?

– Бери все, – посоветовала я ему.

Быстро покончив с завтраком – во мне все билось от нервного нетерпения, – я бросилась в ванную, привела себя в порядок и рванула к телефону. «Спасибо за разрешение позвонить!» – бросила я через плечо, набирая номер оргкомитета партии Василия Константиновича.

Долго, очень долго никто не подходил – я ждала. Наконец какой-то мужской голос ответил.

– Василия Константиновича, пожалуйста, – попросила я.

– Кто его спрашивает?

– Ольга Самарина.

Молчание.

– Алло, алло! Вы меня слышите? Он мне очень нужен, я звоню из Парижа, пожалуйста, позовите его.

– Подождите.

Трубка звякнула о стол, и сердце мое стукнуло о грудную клетку.

Я ждала довольно долго. Джонатан смотрел на меня, и я ему объяснила шепотом: «Сейчас позовут». Откуда-то из глубины помещения, которое я никогда не видела, до меня долетело: «...Самарина. Тс-с, тише».

– Оленька, – ласково заговорил знакомый голос, – как ты поживаешь?

– Хорошо, спасибо. Василий Константинович, а как?..

– Ты откуда звонишь?

– Из Парижа... Я хотела спр...

– Ты здорова?

– Да...

– Как тебе там, во Франции?

– Нормально... А...

– Когда собираешься приехать?

– Я...

– На Новый год приедешь?

– Не знаю... Дело в том...

– На Новый год-то надо было бы приехать на родину, а там и Рождество наше, русское – негоже его справлять среди чужеземцев!

Мне бы его патриотические заботы! Он что, нарочно пристаёт ко мне со своими «как ты, где ты и когда ты»?

– Василий Константинович, я очень беспокоюсь!..

– Что-то случилось?

Я растерялась. Все это светское начало разговора свидетельствовало, что ничего такого, чего я боялась, не произошло.

– Нет... Я думала... А с Игорем ничего не случилось?

– Да нет, Бог миловал! Почему ты спрашиваешь?

– Он мне не звонит уже давно, и я никак не могу застать его в квартире – наш телефон не отвечает...

– Ты же знаешь, моя дорогая, что сейчас идет предвыборная кампания. И мы все отключили наши домашние телефоны – слишком много лишних звонков и ненужного беспокойства...

– Вот оно что! – Я, кажется, была разочарована. Нет, не тем, конечно, что с Игорем ничего не случилось. Просто это снова ставило передо мной безответные вопросы. – Но почему же он сам мне не звонит?! Я уже начала бояться, что он заболел, попал в автокатастрофу, умер, наконец! – Горло мое сжалось, и в голосе зазвучали слезы.

– Ну-ну, не надо так переживать. Игорь уехал по Сибири в связи с избирательной кампанией. Он пробудет еще недельки две там. Оттуда, сама знаешь, дозвониться нелегко – я и сам почти потерял с ним связь, не балует он нас с тобой своим вниманием, а? Не сердись на него, Оленька, твой Игорь – человек деловой и занятой, сама знаешь... Но я ему при случае скажу, негоднику, чтобы сделал все возможное, чтобы тебе позвонить. Ты сама-то как? Ты в порядке?

– В порядке, – всхлипнула я. – С ним правда ничего не случилось?

– Ну подумай своей хорошенькой головкой: если бы что-то такое произошло, мы бы тебе тут же сообщили! Продиктуй-ка, кстати, свой телефон и адрес, чтобы действительно в случае чего... Так ты и сама будешь спокойна: раз Василий Константинович не звонит – значит все нормально.

– Он есть у Игоря, – не очень уверенно возразила я.

– Ну и хорошо, я у него возьму, как только он объявится. Не волнуйся. Ты когда учебу заканчиваешь?

– В январе...

– Вот и отличненько. Приедешь – обмоем твой диплом. А если что – звони, не стесняйся. Ты знаешь, я тебе всегда готов помочь...

Я посмотрела на Джонатана:

– Игорь уехал по Сибири... Оттуда трудно дозвониться.

– В России до такой степени плохо работает телефонная связь?

– Нет.

Джонатан отвел глаза. Ему нечего было мне сказать. Мне тоже говорить не хотелось. Мне все так надоело! Бояться, сомневаться, жить в непонятной опасности и сплошных загадках, биться над их решением – мне все на-до-е-ло!

* * *

Белые оштукатуренные стены; высокие узкие окна-бойницы, забранные решетками; тяжелая металлическая дверь. Помещение было большим, сухим и теплым, даже жарким, пожалуй.

Игорь приставил стул к стенке и забрался на него. В узкий прямоугольник окна был виден нетронутый снег. Пейзаж неузнаваем...

Не имеет значения. Не много нужно ума, чтобы понять, что это подвал.

На старом диване, где Игорь провел ночь, лежало вытертое верблюжье одеяло веселого рыжего цвета. Круглый деревянный стол, когда-то лакированный, древесина в пятнах и белесых кружках от

стаканов и чашек; два венских стула, тоже не первой молодости... Старая ненужная мебель, которая вместо помойки нашла себе приют в подвале...

Чего?

Дачи, конечно. И чистый, нетронутый снег – где такое найдешь в городе? Это подвал дачи...

Чьей?

Ему до сих пор не довелось посещать подвалы дач, на которых он бывал. А может, это подвал дачи, на которой он никогда и не бывал...

Но сейчас не это важно. Важно лишь то, что он на даче.

Вместо Парижа.

Как же его вычислили? Когда?

С тех пор, как он отозвал в срочном порядке Сергея из Парижа, прошла неделя. Неделя, в которую он попытался создать видимость бурной деятельности, пытаясь на самом деле лихорадочно придумать, как отвести опасность, нависшую над Олей.

Кто-то за эту неделю догадался, что он темнит.

Кто?

Сережа. Кто же еще!

Он вернулся из Парижа, удивленный своим отзывом, настороженный. Но Игорю он ничего не сказал, вопросов не задавал. Затаился.

Учуял, стало быть, что Игорь ведет двойную игру. Он вполне мог сообразить, он не глуп, Сергей...

И помчался стучать – выслуживаться... Это он тоже вполне мог.

А может, с той стороны сами насторожились. И подъехали к Сергею с расспросами: что это, мол, у вас ничего не движется в поисках? А уж Сережа рад стараться: все свои подозрения и сомнения разом выложил.

Как бы то ни было, Сережа его предал. Продал.

Что ж, подделом тебе, чистоплюй: не ты ли чувствовал с самого начала, что в мальчике этом что-то порченное? И не ты ли сказал себе: не мое дело? Не мне его воспитанием заниматься?

И вот оно, «не твоё дело». Сидишь ты теперь на даче в подвале, за решетками и железными дверьми. И теперь всё – не твоё дело, потому что ты уже ничего не можешь сделать...

Хорошо, что хоть он не связан. Сюда его везли с кляпом во рту, с мешком на голове, обвязанного с ног до головы веревками. Он себя сам чувствовал мешком.

Они пришли к нему, когда сумка для Парижа была уже собрана, когда все было готово и продумано для отъезда – и он замешкался лишь на каких-то пять минут, решив на всякий случай оставить в компьютере записку Оле.

Открыв дверь, он даже не успел понять, что случилось и кто к нему пришел: оглушенный ударом по голове, он свалился снопом и очнулся только в машине. С кляпом, мешком и веревками.

Тогда, в машине, он уже не чаял увидеть еще раз восход солнца. Он уже представил себе, как по весне, когда снега начнут сходить, какие-нибудь дачники найдут его разложившийся труп...

Он даже пожалел чьи-то нервы. Он не хотел бы быть на месте этих дачников.

Впрочем, на месте разложившегося трупа он тоже не хотел быть...

Но он оказался в подвале чьей-то дачи.

Что ж, это уже совсем неплохо. И даже намного лучше того места, которое ему представилось в машине...

Загремела дверь.

Не хотелось никого видеть – он еще не готов к разговорам. Но только не он здесь хозяин и не ему решать, когда встречаться и с кем...

Хороший вопрос: с кем? Сейчас как войдут два бугая и... Раз он на даче, так и лес с глубокими сугробами всегда под рукой...

Вошла девушка в десантной форме. Невысокая, темные волосы острижены коротко, глаза цвета спелой вишни взглянули загадочно и непроницаемо, но любопытство все же выдавало короткими проблесками зрачков; пухлая нижняя губка немного оттопырена от важности порученного дела, в руках поднос с едой. Едва она пересекла порог, как кто-то закрыл за ней дверь.

Значит, его еще и охраняют.

Девушка прошла к столу. Пятнистые штаны обволакивали крепкую, увесистую попу, вовсе не десантную, а форменная рубашка вздымалась на буйной неформенной груди.

Она составила с подноса две дымящиеся тарелки, чашку, стакан, бутылку пива и бутылку минеральной воды.

– Спасибо, – сказал Игорь.

Девушка даже не обернулась.

– Меня здесь неплохо принимают, – пошутил он. – Это борщ?

Девушка и ухом не повела. Оставив поднос на столе – придет, стало быть, за посудой скоро, – она направилась к дверям.

– Где здесь туалет? – послал Игорь вдогонку ее спине вопрос. Спина даже не дрогнула, не повернулась. Дверь перед девушкой открылась, и она выскользнула в ее темную щель.

«Туалет, – подумал Игорь, – это, помимо его прямого назначения, еще и способ хоть как-то разведать местность. И надо будет еще попробовать сторговать душ...»

Он подошел к двери и постучал.

– Что нужно? – раздался молодой мужской голос.

– Туалет.

Дверь опять громыхнула, и плечистый парень в такой же десантной форме возник в проеме. «Ого, тут, кажется, частная дачная армия разместилась», – мелькнуло в голове. Парень, однако, никуда не повел Игоря, а, наоборот, вошел к нему в комнату и в одной из стен открыл неприметную в полумраке подвала, такую же белую, как стена, дверь. Игорь оказался в «совместном санузле»: унитаз, раковина, душ. Имелись также туалетная бумага, мыло, паста, зубная щетка и полотенце. Все, что надо цивилизованному человеку для минимального комфорта.

Бугай вышел и запер дверь. «Какая предусмотрительность, – думал Игорь, – комфортабельная тюрьма, специально оборудованная в подвале дачи... Интересно, кто же ее построил?»

Девушка снова возникла в дверях. Глянув на Игоря искоса, она направилась к столу.

– Как вас зовут? – поинтересовался он.

Ни малейшей реакции. Уж не глухонемая ли?

Она стояла спиной к Игорю, составляя тарелки на поднос. Игорь решил проверить свою догадку и посмотреть ей в лицо, когда он с ней заговорит. Но не успел он встать и сделать один шаг в направлении круглой попы, как девушка молниеносно развернулась – и Игорь оказался на полу с вывернутой за спину рукой раньше, чем успел что-либо понять.

Вишневые глаза смотрели на него строго и внимательно.

– Я, собственно, хотел проверить, уж не глухонемая ли вы... – Он попытался улыбнуться, но только поморщился от боли.

– Ну и как, проверил? – разомкнулись пухлые губы.

Голос ее был грудным, красивым, с провинциальным говорком.

– Проверил, – прокряхтел он.

Девушка отпустила его руку. Игорь встал.

– Так как вас зовут?

– С тобой не велено разговаривать.

– А вы... ты и не разговаривай. Скажи только, как тебя зовут, и все.

– Не велено.

Она вышла. За дверью, закрывшейся ей вслед, раздалась голоса. Игорь прижался ухом.

– Чего случилось, Катя?

Ага, Катя, значит.

– Да ничего, – ответила Катя, и ее шаги удалились.

Игорь растянулся на рыжем одеяле. Потолок был низким, нависал прямо над лицом.

Игорь закрыл глаза. Хорошо уже то, что он жив.

* * *

Визу для Джонатана пообещали к концу недели. Выйдя из консульства на широкий бульвар Ланн, я закурила. Джонатан ждал меня, подняв воротник куртки. День был пасмурным, низкие грязно-серые облака мотались прямо над головой, цепляясь за верхушки высоких деревьев бульвара, и отвратительный влажный ветер пробирал до костей.

Я не знала, что теперь делать, куда идти, чем заниматься. У меня раньше никогда не было такого состояния неопределенности. Все всегда было ясно и последовательно, организовано мной или Игорем, или просто-напросто обстоятельствами: утром можно было не торопясь позавтракать, потом были компьютерные курсы; возвращаясь домой, я заходила в магазины, а дома меня ждал обычный ассортимент домашних дел: заправить машины, стиральную и посудомоечную, пропылесосить, приготовить поесть, если мы собирались обедать дома, и прочие мелочи, всегда конкретные; вечер был с Игорем, по его программе – то гости, то элитные тусовки, или дома, что было лучше всего; в выходные надо было навестить маму – родители Игоря жили во Владивостоке, и я их никогда не видела... В общем, просыпаясь по утрам, я всегда знала, что я буду делать, зачем и почему.

Теперь же передо мной была серая и безрадостная, как этот день, пустота. Никто меня не ждал, никто

меня не звал – ни люди, ни дела. Даже в Сорбонне были каникулы! И теперь никто не навязывал мне свою волю. Те, кто имел на это право – Игорь и мама, – были далеко и не могли позвонить мне и сказать: будь к пяти готова, мы выходим, или: приезжай сегодня ко мне, я соскучилась... А близко был Джонатан, но он ничего не посмел бы и не смог мне навязать: он был для этого слишком ненавязчив, слишком корректен. И он стоял рядом со мной, подняв воротник, и ждал, пока я выкурю свою сигарету и изъявлю какое-нибудь желание, которое он будет готов поддержать.

– Я к Шерил поеду, – сообщила я, придавив окурок каблуком: в тот период все урны в Париже были запечатаны, потому что террористы испытывали неодолимую тягу подкладывать в них бомбы.

– Поедем вместе? – ненавязчиво предложил он.

– Если хочешь.

Я очень ценю тактичность! В наших разговорах с Игорем мы частенько критиковали нашу русскую бесцеремонность; но сейчас мне ее не хватало. Мне как раз сейчас было бы кстати: сгрэб бы Джонатан меня в охапку и увез куда-нибудь. Все равно куда – в ресторан, к себе, в кино на худой конец, но лишь бы проявил волю, решимость развеять мою хандру, решительность в своих чувствах ко мне! Но куда там, помилуйте, как можно, с его западно-аристократическим воспитанием, черт подери!

В палате Шерил оказался Ги. Я ему обрадовалась, как родному.

– Куда ты пропал? – завопила я, повиснув у него на шее.

– В отпуск ездил, в горы.

Действительно, его лицо было отмечено ярким и непрочным загаром зимнего горного солнца. Румянец во всю щеку свидетельствовал о том, что каникулы пошли ему на пользу. Новая прическа – он заплел свои длинные черные кудри в кучу мелких косичек – придавала ему вид рок-звезды. Видимо, беда, приключившаяся с Шерил, не подпортила ему здоровья. Впрочем, кто сказал, что между ними есть какие бы то ни было отношения? Начались ли они в ту ночь, которую он провел у Шерил? И вообще, начинаются ли отношения от одной ночи, проведенной вместе? Очень философский вопрос. И еще один, еще более философский: какое мое дело? Но сейчас Ги был как нельзя кстати – я явно нуждалась в смене лиц и обстановки.

– Вот, пришел навестить вас, а тебя, оказывается, уже выписали. Поздравляю! Ты прекрасно выглядишь. – Ги взял меня за плечи и развернул к окну, к свету. – И стрижка тебе идет. Ты стала еще красивее, чем была!

Джонатан нахмурился.

– Надеюсь, что Шерил тоже так похорошеет, когда выздоровеет?

Какая прелесть, не правда ли? Он просто-напросто не сомневается, что все обойдется и все будет прекрасно, и даже еще лучше, чем было, – и чего же, спрашивается, сидеть у постели неподвижной Шерил и страдать, когда все столь замечательно?

– Спроси у нее, что она об этом думает, – кивнула я на Шерил и только сейчас обратила внимание, что ее голова теперь тоже разбинтована и лицо ее, как недавно мое собственное, улеплено пластырями.

– Мы с ней уже поболтали, – беспечно ответил Ги. – Я ей про горы рассказал. Там так классно было! Отличная компания подобралась! Знаете, как мы Рождество отмечали? Ночью с факелами на лыжах катались – с ума сойти можно!

– Ты только сегодня вернулся? – поинтересовался Джонатан.

– Ага. Я на видео наше факельное катание снял, хотите, покажу?

– Хочу, – сказала я.

Мне было совершенно безразлично, как Ги отмечал Рождество, но мне следовало занять свои мозги чем-то более продуктивным, чем перебирание мешка с неразгаданными тайнами и покушениями на нас с Шерил.

– Поехали ко мне!

– Ги, мы пришли, чтобы побыть с Шерил, – сухо сообщил Джонатан.

– Ну, я вас подожду. Пойду в курилку. Ты не хочешь со мной, Оля?

– Нет, я с Шерил побуду.

– Джонатан, ты пойдешь?

Вот компанейская душа, сигарету не может выкурить в одиночестве!

– Я не курю.

– Да оставь ты девочек наедине немножко, дай им поболтать про свое, про девичье!

Помявшись, Джонатан вышел вслед за Ги.

Удивительно, но Ги был прав: мне действительно хотелось остаться с Шерил наедине. Как только они вышли, я наклонилась к ней близко-близко и сказала:

– Шерил, моя Шерил, теперь я точно знаю – мы с тобой сестры.

Шерил не шелохнулась, даже веки не дрогнули.

– Ты родилась в Москве... Помнишь, тебе Кати говорила, что ты никогда не станешь настоящей американкой? Теперь я знаю почему. Ты русская, Шерил, слышишь? Ты родилась в Москве, и мы с тобой сестры, сестры-близнецы! И это точно!

Глазные яблоки заходили под прозрачно-голубыми веками.

– Да-да, сестричка, это так! – заверила я на случай, если это беспокойство век выражало сомнение.

Шерил открыла глаза.

В этих глазах не было *взгляда*. Это были просто глаза, невидящие, сосредоточенные на каких-то неведомых и невидимых образах, существовавших в другом мире, в том мире, в котором пребывала сама Шерил. Но она открыла глаза!

– Доктор! – заорала я. – Доктор!

Я принялась звонить, вдавив до побеления палец в кнопку вызова. Примчалась обеспокоенная медсестра. Увидев этот фарфорово-кукольный, ничего не выражающий взгляд серо-голубых глаз, она почти подпрыгнула и помчалась звать врача. Через пять минут в палате Шерил собралась медицинская толпа, которая оживленно окружила кровать Шерил, вглядывалась в ее глаза, водила руками в фокусе ее предполагаемого зрения, щупала пульс и радовалась так, что я чуть не расплакалась от умиления. С комом в горле я стояла позади всех, спрашивая себя, отчего это совсем чужие люди так счастливы признакам возвращения Шерил и отчего это у нас близкие люди так часто равнодушны к страданиям и смерти...

– Пойдите сюда, Оля, – вывела меня за руку врача, опекавшая Шерил, – поговорите с ней. Она, видимо, реагирует только на ваш голос.

Я подошла к постели. Врачи глянула на меня, и вдруг глаза ее широко раскрылись.

– Как вы похожи! Вы знаете, что вы похожи? Погодите, вы не сестры, случаем?

– Сестры, – сказала я.

Я понимала, что сейчас она начнет терзаться вопросами, как и отчего, и почему я ничего не сказала при поступлении в больницу, а назвалась подружкой... Но, очевидно вспомнив, что вокруг нас толчется полиция, и что мы попали в больницу после взрыва, и что одна из медсестер была отравлена вместо меня, она решила не соваться со своими вопросами.

Что ж, тем лучше.

– Поговорите с вашей сестрой, – сказала врач, занимая наблюдательную позицию.

– Шерил...

Как и о чем должна я говорить при таком собрании народа?

– Ги и Джонатан передают тебе привет.

Никакой реакции. Попробуем зайти с другой стороны.

– Я была у Жюстин, у твоей... у нашей тети, – поправилась я: приходилось думать об окружающих меня людях – не может же быть, чтобы у одной из сестер была тетя, а у другой нет? – Жюстин очень обеспокоена твоим состоянием. Она мне рассказала о Вирджини и Робине. Оказывается, Вирджини привезла ребенка из Москвы! Маленькую девочку, блондиночку, москвичку...

Глазные яблоки поплыли куда-то влево.

– Стоп! – крикнула врач. Я замолкла, она напряженно следила за Шерил. – Еще что-нибудь скажите, – распорядилась она.

– И еще Жюстин просила меня тебя поцеловать.

Я наклонилась и поцеловала Шерил.

Ее глаза закрылись. «Спящая красавица» наоборот.

Позади толпы белых халатов я увидела обеспокоенные лица Джонатана и Ги.

– Она глаза открыла! – крикнула я им через головы.

Врач обернулась:

– Я вас поздравляю. Это очень серьезный прогресс. Но сейчас нужно ее оставить в покое. Ни в коем случае нельзя перегружать ее нервную систему, она и так слишком хрупка и нестабильна. Вы, должно быть, сказали вашей сестре что-то очень важное?

Я почувствовала, что врачиха умирает от желания узнать, что такого суперважного содержалось в моих словах о некоей Вирджини, привезшей ребенка из Москвы. Но она, конечно, не спросила, а я, конечно, не сказала.

– Мы уходим, – ответила ей я.

Было решено перекусить, и мы втроем отправились в ближайшее кафе. Я развеселилась от мысли, что у Шерил намечается прогресс, и начала уже мечтать о дне, когда сознание вернется к ней и мы снова будем вместе. Я повезу ее в Москву и познакомлю с мамой! Даже если мама – не наша мама, все равно, она будет счастлива принять Шерил. После того, конечно, как она переживет шок от такой новости...

На радостях у меня проснулся аппетит, и я заказала себе еду по полной программе: салат из свежих овощей, говяжью вырезку, мороженое и кофе. Ги болтал весь обед о политике, Джонатан иногда спорил с ним, хотя и не очень охотно, я вообще их не слушала, предаваясь радостным мыслям о выздоровлении Шерил. И только когда я хотела расплатиться и достала свою карточку – мои кавалеры меня остановили и

вызвались заплатить, но я все же достала свою карточку, посмотрела на нее и снова подумала: деньги у меня не кончаются. На мой счет идут постоянные поступления. Какой же глупостью было предположить, что с Игорем что-то случилось!

– Ну что, поехали ко мне, посмотрим кассету?

Это, конечно, Ги выступил. Джонатан метнул на меня вопросительный взгляд.

– Или, хотите, в дискотеку завернемся сегодня?

На самом деле я больше всего хотела поговорить с Джонатаном, обсудить все, что случилось за эти дни, надеясь, что разговор внесет в мою голову ясность. Но я так устала от двусмысленности наших отношений, от непонятности моих собственных чувств, что я уже была не способна к какому бы то ни было общению.

– Пошли, – сказала я.

– Я не люблю дискотеки, – с вызовом заявил Джонатан.

– А я обожаю! – с не меньшим вызовом ответила я.

Джонатан пожал плечами и встал.

– Желаю приятно провести вечер, – обронил он, направляясь к выходу. Я проводила его взглядом. Так и не обернувшись, он исчез в надвинувшихся сумерках.

Неожиданно для меня самой оказалось, что мне совершенно не хочется танцевать. Протрясаясь вместе с Ги несколько танцев, я отправилась в бар и просидела там весь остаток ночи, глядя на танцующего Ги, который, казалось, был рожден вместе с музыкой. Девочки глазели на него и пританцовывали вокруг, Ги встряхивал черными волосами, его глаза отражали вспышки лазеров, тело жило ритмами. Иногда он махал мне рукой, зазывая на площадку, но я упрямо сидела за столиком и пила коктейль за коктейлем, медленно пьянея и вспоминая, как Игорь меня увез от Вадика в ресторан и отпаивал чаем... Никто, как он, не умеет угадать настроения и желания! Никто, как он, не умеет их выполнить красиво и ненавязчиво; никто, как он, не умеет окружить женщину нежностью и необременительной заботой... Никто, как он, не умеет любить!

Я разревелась. В грохоте ритмов и вспышках света никто этого не заметил. Тем лучше. Никому нет дела до меня. Игорь пропал. Джонатан демонстрирует свой характер. Я одинока и никому не нужна.

Все меня бросили.

Все меня предали.

Я была пьяна.

Глава 4

ИГРА СО СМЕРТЬЮ 2: ОБОЗНАТУШКИ- ПЕРЕПРЯТУШКИ

Домой я приплелась под утро, совершенно разбитая, и, едва раздевшись, плюхнулась в постель.

Проснулась далеко за полдень с чудовищной головной болью. Проглотив две таблетки аспирина, я забралась в ванну.

Головная боль постепенно затихла, горячая вода расслабила, и я начала снова засыпать. В полудреме всплыло: Джонатан моет меня. Сосредоточенный взгляд его светлых, в ободке чернейших ресниц глаз скользит по моему телу. Кажется, без всякого выражения... Но откуда взялось тогда, наполнило электричеством самый пар в ванной то эротическое напряжение, которое так пронзило меня? Загадка... Влюблена ли я в него? Люблю ли я Игоря? И вообще, что такое любовь? Я знаю точно, что я люблю мою маму. Я знаю точно, что я люблю Шерил. Это две разных любви, но обе очень сильны. В любви к мужчине есть еще и эротика, сексуальное напряжение, которое добавляется к любви человеческой, эмоциональной, сердечной... Но если попробовать убрать эту сторону, что останется? Не знаю. Игорь так нежен, так заботлив, так чуток... Мне с ним хорошо. Я его люблю за то, что мне с ним хорошо? За все то, что он мне дает? Корысть? Любила бы я его, если бы он мне всего этого не давал?

Я попробовала представить себе себялюбивого, эгоистичного Игоря. Бр-р, какой кошмар! Такого бы я не любила, не смогла бы. Значит, любовь не бескорыстна. Моя, во всяком случае.

Однако есть же люди, которые любят стерв и стервецов, развратников и развратниц, эгоистов и эгоисток... Я не говорю о любви жертвенной – это святые люди, которые живут с инвалидами, с больными и так далее. Перед такими я преклоняюсь. Я говорю о безумцах, которые растрачивают сокровища своей души на всякую дрянь и пьянь. Они сами кто – святые или ущербные? Они и есть образец любви бескорыстной? Когда тебе в морду дают, в прямом смысле и в переносном, а ты бьющую тебя руку целуешь?

Нет, эти безумные, преданно любящие своих драгоценных негодников и негодниц – они любят в этой любви себя. Потому что они в ней реализуются. Потому что им нужны всепоглощающе сильные чувства, а столь сильные чувства требуют и успешно вызывают к себе глубокие эгоисты. Как в физике: чем больше разница потенциалов, тем больше электричества. Так что эти мазохисты тоже находят свой, хотя и специфический, душевный комфорт в столь, казалось бы, некомфортных отношениях...

Бывает ли вообще любовь полностью бескорыстная? Если начать анализировать, разлагать ее на составные – получится, что любви-то и нет. Есть все время выбор, хотя и подсознательный, кто тебе что дает. Пусть речь и не идет о материальных благах, пусть даже о душевных, духовных, энергетических – все равно, мы выбираем тех, кто нам дает...

Вода в ванне начала остывать. Выпроставшись из кружев пены, я потянулась за душем. Мои философствования навеяли на меня еще большую тоску. Чем тогда жить, если настоящей любви не существует? Получается, что существует только одна ценность: комфорт. Каждый стремится к такому роду комфорта, который для него наиболее существен: один к материальному, другой к душевному, третий к энергетическому – вроде слабаков, которым нужна постоянная подпитка; четвертый к интеллектуальному... Или вот еще разновидность: люди, которым комфортно только тогда, когда они себя

чувствуют выше других. И они ищут любыми способами средства это доказать: кто на шмотки с косметикой разоряется, кто карьеру как безумный делает... Эта порода любит только тех, кто способен им помочь самоутвердиться в их тщеславных притязаниях, кто послужит двигателем в их продвижении на вершину общества. В общем, любовь как средство передвижения по жизни.

Паскудно все это. Но ведь это правда, не так ли?

Я закрутила воду и услышала, как надрывается мой телефон. Впрыгнув в махровый халат, я пошлепала мокрыми ступнями к аппарату, который по-прежнему стоял на полу в гостиной.

– Кати! Что-то случилось?

Я вдруг подумала: сейчас она скажет, что Шерил пришла в сознание!

– Нет, почему... Просто кто-то оставил запись на автоответчике по-русски.

Игорь?! А кто же еще, конечно, он! Слава Богу, объявился!

– Я сейчас же приеду! Хотя, погодите, я же могу прослушать отсюда! Повесьте трубку, пожалуйста, и не снимайте, когда я буду звонить.

Сбегав за тапочками и довытершись, я набрала свой прежний номер. Заговорил моим голосом автоответчик – сначала по-русски, потом по-французски, – и я нажала свой код.

«Добрый день, Оля, это Владимир Петрович. Ко мне приходил человек, он привез вам от Игоря портативный компьютер. Я ему дал ваш адрес, поскольку он не смог до вас дозвониться. Так что ждите гостя, он, по-моему, сразу к вам и поехал. Позвоните мне как-нибудь, а то вы совсем пропали. Надеюсь, у вас все в порядке?»

Ох, у меня ровно наоборот, Владимир Петрович: все не в порядке... Но я вам про это рассказывать не буду. Я снова позвонила, Кати сняла трубку.

– Должен приехать человек, он привезет мне компьютер. Не знаю, говорит ли он по-английски, но даже если и да, то, пожалуйста, ничего ему не объясняйте: кто вы, да что вы, и где я. Просто заберите у него компьютер, и все. Ладно?

– Разумеется, мне ничего не стоит выполнить вашу просьбу. А он когда должен приехать?

– Скоро, в течение ближайшего часа. Я тоже подъеду, только вот соберусь, а то я только что из ванны.

– Хорошо, буду вас ждать. А... какой компьютер?

– Не знаю, – удивилась я. – Портативный.

– С Windows 95?

– Наверное...

– Вы не возражаете, если я пока в пасьянсы поиграю?

Ах, вот оно что! Я даже умилилась.

– Конечно, Кати, никаких проблем...

– Я, кстати, если вы еще им не владеете, могу вас научить.

Windows 95 только вышел пару месяцев назад.

– Спасибо. С удовольствием.

Все четко: услуга за услугу. Мир устроен просто и разумно.

Впрочем, это очень мило с ее стороны.

Значит, Игорь дал о себе знать. Из какого-то таинственного небытия, из тотального отсутствия в моей жизни, которое длится уже почти месяц, он наконец стал подавать мне знаки. Может быть, он оставил мне в компьютере какую-нибудь записку, письмо? Нам с ним случалось, уходя, оставлять наш домашний компьютер включенным с запиской на экране. Конечно, это были ерундовые послания, типа: «Игореша, если придешь раньше меня, мясо в духовке. Я у Наташки, буду к семи». Или: «Оленька, меня срочно вызвали, не жди к ужину. Я тебе позвоню». Но все же, как говорят юристы, прецедент использования компьютера для личной переписки был, и я очень надеялась найти в нем письмо от Игоря. С объяснениями, что происходит.

Я схватила фен и стала сушить волосы. Я вообще эту штуку не люблю, от нее портятся волосы, но я торопилась. С грехом пополам одевшись, я даже не стала краситься, соблюдая на сей раз заветы доктора, уже и так много раз мною нарушенные.

До моей прежней квартиры было всего несколько станций метро, минут двадцать в общей сложности. Сердце мое билось в предчувствии чего-то важного, казалось, что вот сейчас, с получением этого подарка от Игоря, я все сумею понять, все увидеть с логичной ясностью – все события, которые происходили и происходят вокруг меня. Интересно, кто привез мне компьютер? Знаю ли я этого человека? Вообще-то странно, что у него не было моего адреса... Хотя нет, почему странно? Разумно, Игорь дал ему мой телефон, а уж где встретиться, я бы решила сама. Но человек этот не дозвонился и попросил мой адрес... Хотя стоп: Кати не говорила мне, что были звонки! Но он мог ее и не застать – она проводит немало времени в больнице. А на автоответчике он не захотел оставлять послание... Непонятно, впрочем, почему, у него все-таки было поручение... Да нет, все наоборот: я же переехала, и Игорь, не зная моего нового телефона, направил своего посыльного к Владимиру Петровичу в надежде, что тому известны мои новые координаты! Да какая, собственно, разница! Главное, что Игорь объявился! И в компьютере наверняка письмо от него! Может быть, Игорь мне даже написал, что он сумеет приехать в Париж, как собирался, и тогда мне не придется ехать с Джонатаном в Москву... Игорь мне все сумеет объяснить, я уверена. И все станет на свои места, и этот кошмар наконец закончится! Я, кстати, могу познакомить его с Джонатаном... Хотя нет, зачем? Совсем ни к чему их знакомить!

«Мойша, выйди из машины», – сказала я себе. Еще неизвестно, есть ли в компьютере письмо от Игоря, а я уже пытаюсь решить, знакомить ли его с Джонатаном! До чего же глупо человеческое воображение устроено, скажу я вам.

Подходя к своему прежнему дому, я увидела необыкновенное оживление. В нашу улицу набилась куча народу. Протиснувшись, я рассмотрела с другой стороны машины полиции и «Скорой помощи». Недоброе предчувствие кольнуло грудь, и я рванулась к подъезду.

У двери я была вынуждена отступить. По лестнице два санитара спускали носилки, на которых лежало тело, укрытое с головой.

С головой – значит, мертвое, промелькнуло в сознании.

– Кто это? – крикнула я.

Мне не ответили, только один из санитаров молча посмотрел на меня.

Пропустив их, я рванула к лифту, нажала непослушным пальцем кнопку третьего этажа. Только не это, молила я, только не это! Как же мне не хотелось, чтобы лифт приехал на третий этаж, чтобы его двери раскрылись передо мной, чтобы моим глазам предстало то страшное зрелище, которое рисовало мне мое воспаленное воображение!..

...Но, к моему бесконечному ужасу, оно было именно таким, как мне представлялось: дверь моей прежней квартиры была распахнута настежь, и в ее просвете роились черные полицейские мундиры.

Негнушными ногами ступила я из лифта, глядя остолбенело на эту картину. На меня никто не обратил внимания, и на мгновение мне показалось, что я все это вижу во сне.

Я бессильно привалилась к распахнутой двери.

Это был не сон.

На полу был нарисован белый контур недавно лежавшего тут тела, и большая, темно-красная кровавая лужа в его центре почему-то показалась неправдоподобной, ненастоящей, бутафорской.

Но дурно мне сделалось по-настоящему. Я качнулась, схватилась за дверь руками и зажмурилась.

– Вам плохо? – услышала я чей-то голос.

Но открыть глаза было выше моих сил. Я держалась за дверь, боясь упасть. И вдруг мои руки ощутили занозистую, вывороченную древесину. Я чуть-чуть приоткрыла глаза. Дерево оказалось вспучено множественными пробоинами.

Мне сделалось холодно, и в голове зазвенело однотонно и бессмысленно, как будто через помехи прорывалась какая-то мысль, а мое подсознание ее глушило, как глушили раньше «вражеское» радио.

– Девушка, вам плохо? Вам помочь?

Повернулась на голос. Один из полицейских смотрел на меня обеспокоенно.

– Что с Кати? – схватила я его за рукав.

– Вы кто?

– Я мать ее подруги... То есть я дочь... Нет, я подруга ее дочери! – выкрикнула я наконец. Мысли путались в моей голове до обморока.

– Обратитесь вон к тому господину.

Господином оказался комиссар Гренье. Увидев меня, он оторвался от рассматривания какого-то предмета и выпрямился. Я бросилась к нему и, долетев до его широкой груди, припала щекой к шерстяной ткани его серого костюма. «Сейчас расплачусь», – подумала я.

Но я не расплакалась.

Я упала в обморок.

Я обнаружила себя на диване в своей прежней квартире. Комната опустела, в ней остались только комиссар Гренье и врач.

– Ну вот и отлично, – сказал последний, увидев, что я открыла глаза. – Как вы себя чувствуете, мадемуазель?

– Ничего... Все в порядке.

Врач склонился надо мной, щупая пульс. Удовлетворенно кивнул и произнес:

– Вам бы хорошо чашечку кофе.

– Я сделаю, – села я на диване. Голова кружилась, но в остальном все было сносно.

– Я вам приготовлю, – вызвался комиссар. – Ей больше ничего не грозит? – обратился он к врачу.

– Думаю, что нет. Это был просто легкий обморок на почве нервного потрясения.

– Тогда вы можете быть свободны.

Доктор стал одеваться, а комиссар отправился на кухню. Я предпочла лечь.

– Кофе сделайте сладким! – посоветовал врач.

– Я всегда пью сладкий...

– Тем лучше.

С этими словами он покинул мою бывшую квартиру.

Комиссар пришел с сахарницей, снял с тумбочки у дивана телевизор, поставил его на пол, водрузил на его место сахарницу, снова ушел на кухню и вернулся с двумя дымящимися чашками кофе, которые пристроил рядом с сахарницей на пыльной тумбочке. Усевшись на стул рядом, он посмотрел на меня.

– Ты как?

– Нормально.

– С тобой можно говорить? Ты в обморок не грохнешься снова?

– Постараюсь, – криво-слабо улыбнулась я.

– Ты поняла, что случилось?

– Догадываюсь...

Мне захотелось погрузиться обратно в обморок, в небытие. Как Шерил. Молчи, не говори ничего, комиссар Гренье!

Но он сказал. Слова упали, как ножи, мягко войдя в серое вещество мозга:

– Кати убили.

Я прикрыла глаза. Комиссар ждал, пока я слажу с эмоциями.

– Как? – тихо спросила я, не размыкая век.

– Расстреляли через дверь.

Я натянула плед на лицо. Сделалось темно и тепло. Плед пах пылью.

Пусть, только бы не вылезать. Спрятаться, исчезнуть, замереть.

Только бы не видеть эту жизнь, в которой меня убивают. В которой убивают людей вокруг меня.

Вместо меня.

Комиссар подождал некоторое время, потом осторожно позвал:

– Оля?

– Компьютер, – пробормотала я, высунув нос наружу.

– Что?

Я, с трудом подбирая слова, стала объяснять про звонок Владимира Петровича, про некоего человека, привезшего мне якобы компьютер от Игоря. Комиссар строчил в блокноте.

– У него есть дипломатический иммунитет?

– Я не знаю, какую должность он занимает, и даже фамилию его не знаю... Но у меня есть номер его телефона.

Я продиктовала и потянулась за чашкой с кофе. Комиссар любезно придержал чашку, которая плясала на блюде в ритм моим дрожащим пальцам.

– Вы понимаете, что это меня хотели убить? – спросила я.

Комиссар запустил пятерню в рыжие волосы.

– Скорее всего... – наконец проговорил он.

– Ради чего было бы убивать Кати?

– Можно все-таки предположить, что кто-то не хотел, чтобы она вспомнила «одноклассника» Шерил и чтобы покушение на Шерил не связали с его визитом к Кати.

Я немного подумала.

– А как ее нашли? Она же живет в моей квартире?

– Догадаться, что она ходит в больницу к Шерил, было, согласись, нетрудно. А дальше выследили.

Я еще подумала.

– Но тогда где мой компьютер?

– То-то и оно.

– Это был только предлог, чтобы выведать мой адрес у Владимира Петровича?

– Судя по всему. А ты действительно ждала компьютер от Игоря?

– Был разговор... Давно уже, месяц назад.

– Думаешь, это твой Игорь его прислал?

– Или тот, кто знал, что Игорь обещал мне компьютер.

– Можешь предположить, кто?

– Могу. Сережа.

Комиссар тяжело вздохнул.

– Значит, и конфеты были для меня, – сказала я.

– Я сожалею... Но похоже на то.

– Господин комиссар, вы... Вам что-нибудь понятно? Что-нибудь удалось выяснить?

– Немного, к сожалению. В описаниях, которые мы собрали в больнице, есть парочка напоминающих вашего парня в джинсовом костюме. В больницу он, правда, приходил не в джинсах. Если это вообще он: средний рост, брюнет, довольно красивый, около тридцати лет – этого мало, крайне мало, понимаешь? Мы попробуем сделать фоторобот, тебе надо будет прийти в полицию...

– Он русский, – сказала я убежденно.

Комиссар удивился.

– Русский, я вам говорю! Я это поняла.

– Вот так, просто взяла и поняла?

– Во-первых, в России носят джинсовые костюмы.

– Уф, старая песня!

– И каскетки! Есть любители носить их задом наперед.

– Не морочь мне голову, ладно? Давай сразу во-вторых!

– Не знаю... Во-вторых нету. Я перебрала всех возможных иностранцев, но как-то не подумала, что быть русским – это тоже быть иностранцем... А если бы подумала, то сразу бы поняла – этот парень

русский, без всяких сомнений! И точка.

– И я, по-твоему, подобные показания должен зафиксировать? – проворчал комиссар.

Я пожала плечами. Почему бы и нет, собственно?

– Мы установили по номерам машины: она взята напрокат в Бельгии, платили наличными, имя наверняка вымышленное. Не русское, во всяком случае.

– Наличные – это очень по-русски.

– Да, слышал я про это. Стало быть, русский... Впрочем, я и сам подумывал на эту тему. Ты знаешь, что экологи из «Чистой планеты» собирались вступить в борьбу с русской мафией, вывозящей ядерные отходы? Не больше и не меньше! Эти ребята – снимаю, конечно, шляпу перед их храбростью, – но они все сумасшедшие! Разве что молодостью можно извинить их самонадеянность... Это же все равно что выйти невооруженным навстречу танковой дивизии! Эх, горячие головы, да дурные...

Комиссар покачал удрученно головой.

– Тебе лучше? – заговорил он снова. Я кивнула. – К тому же то, что случилось сегодня, напоминает мне... Около двух лет назад в Париже произошло подобное преступление: расстреляли человека через дверь. Убит был один русский, Владимир Мазарин, богатый, из ваших «новых». Дело это очень нашумело. Убийца был, судя по всему, наемный, из России.

– Вы думаете, это тот же самый?

– Не обязательно. Такими убийствами напичканы американские фильмы про мафию – ничего и изобретать не надо, бери готовый рецепт и...

– Погодите, если он наемный убийца... В детективах пишут, что у них всегда один и тот же почерк. Если он стрелок, то почему решил взорвать машину Шерил? Почему подложил отравленный шоколад?

Комиссар вздохнул и пригладил рыжую шевелюру.

– Мало ли что в детективах пишут... Он, скорее всего, действовал по обстоятельствам. Затея с бомбой замедленного действия должна была сработать наверняка, пять минут – срок достаточный, чтобы накрыть водителя и пассажира в машине. По воле случая – не удалось. Вы оказались в больнице. Подложить бомбу в больницу – согласись, это уже настоящий акт терроризма, перебор. Он нашел другое решение: конфеты в подарок. Да еще так удачно получилось: Джонатан принес тебе в этот же день цветы! На этот раз, казалось бы, дело в кармане – ан нет, опять промашка. Кто же мог предположить, что ты, по доброте душевной, отдашь весь верхний ряд конфет медсестре? Из них отравлены были только четыре. Он рассчитывал, что ты их отправишь в рот одну за другой. А получилось, что несчастная Селин съела из отравленных две подряд, к двум другим же, к счастью, никто не успел прикоснуться... Убийца, наверное, сам себе не верил: из ста шансов ты дважды подряд выиграла единственный остаться в живых, тогда как на его стороне были девяносто девять! И тогда он пошел на тот вариант, в котором он тебе не оставлял ни одного-единственного процента на выживание: пришел по твоему адресу, по которому ты живешь одна, и изрешетил твою дверь, когда Кати подошла к ней с обратной стороны... Как умно, кстати, было решение никому не говорить о твоем переезде: теперь-то уж он уверен, что дверь он продырявил вместе с тобой... Что пока является единственным плюсом во всей этой чудовищной ситуации: тебя должны оставить в покое. На время.

– Мне прыгать от радости?

Комиссар встал со стула и прошелся.

– Не столько прыгать, сколько думать тебе надо. Я ничего не могу, Оля! След уходит в Россию, мы

здесь не распутаем этот клубок. Через некоторые наши каналы нам удалось выяснить, что русским официальным организациям, вроде вашей полиции и разведки, о покушении на Шерил ничего не известно... Я хочу сказать, что никакие контролируемые ими группировки к этому акту не причастны.

– У нас половина милиции коррумпирована. Так что эта информация...

– Я понимаю. Во всех странах какой-то процент полиции коррумпирован. Только в вашей этот процент выше. У вас там сейчас такой...

– Бардак, – подсказала я.

– Примерно, – улыбнулся комиссар. – Хочешь еще кофе?

– Спасибо, нет.

Комиссар вернулся к тумбочке, подлил себе кофе в чашку и выпил залпом.

– Ясно только одно, – сказал он, поставив опустошенную чашку на место, – ты у них на мушке. Взрыв, скорее всего, был предназначен вам обоим, а не только Шерил, как мы думали сначала. Но с тех пор, как Шерил лежит в коме, ее сочли, видимо, выключенной из игры. Мы тоже приняли меры, и по телефону в больнице отвечают, что дела ее очень плохи.

– А что, кто-то интересовался здоровьем Шерил по телефону?

– Было такое. Один раз.

– Не засекли?

– Звонок был из телефона-автомата, говорили с легким акцентом, и звонила женщина.

– Женщина?

– Убийца мог попросить кого-нибудь из своих подруг и даже просто знакомых, которые и понятия не имеют ни о его профессии, ни зачем он интересуется здоровьем некой Шерил Диксон.

– И в больнице отвечают...

– Что прогноз, к сожалению, неблагоприятный. Так что теперь некто сосредоточил все свои усилия на тебе.

– Как это лестно... – пробормотала я.

– А ты сама – ты по-прежнему не догадываешься, почему за тобой охотятся? Ничего не надумала?

– Откуда? – удивилась я. – Думаете, мне кто-то прислал рождественскую открытку с объяснениями? «Дорогая Оля, поздравляем тебя с Рождеством и желаем тебе самой скорейшей смерти, потому что ты очень мешаешь своим существованием нашему заказчику, который терпеть не может блондинок»?

– Это хорошо, что тебе еще хватает чувства юмора, – вздохнул комиссар. – Полчаса уже прошли. Тебя отвезти домой?

– Спасибо.

Я поднялась и сразу увидела лужу потемневшей крови у дверей. Зажмурившись, я буквально повисла на руке комиссара Гренье и не открывала глаз до тех пор, пока он не выволок меня на свежий воздух.

Проводив меня до дверей моей квартиры, комиссар вошел первым и заглянул во все комнаты.

– Кто знает твой новый адрес?

– Кроме вас – никто. Я не успела сказать ни Игорю, ни маме. Даже Джонатан не знает. Кстати...

Я запнулась. Отчего-то было нелегко произнести мой вопрос. Комиссар выжидательно смотрел на

меня.

– Я вот хотела спросить... Удалось ли вам что-нибудь выяснить про него... про Джонатана?

– Ты с ним общаешься? – комиссар внимательно посмотрел на меня.

– Да... Он единственный, кто поддерживает меня здесь...

– Это хорошо. Не волнуйся, это мальчик из хорошей семьи, с ним все в порядке.

И он заулыбался, глядя на заметное облегчение, которое появилось на моем лице.

– Было бы даже желательно, чтобы он не только узнал твой адрес, но и пожил немного у тебя. Или ты у него, – добавил он.

– Он предлагает мне поехать в Москву. Чтобы на месте разобраться в этой истории.

– Ты человек свободный, я тебя удерживать не имею права. Но это очень опасно. Хочешь совет?

– Ужасно!

– Уезжай куда-нибудь. Спрячься. Исчезни. Куда-нибудь на острова, подальше. Если хочешь остаться в живых, конечно. И самое главное: не звони в Москву. Никому, даже своей маме. Пока они уверены, что ты мертва, – ты жива. И у тебя есть время, чтобы исчезнуть.

Я подумала.

– А вдруг убийца ждал у подъезда, чтобы удостовериться, что он меня убил?

– Весьма маловероятно. Он в этом и так абсолютно уверен. Человек, находившийся за дверью твоей квартиры, был стопроцентно обречен на смерть. Женский голос ответил – а твоего голоса он не знает, зато знает, что ты живешь по этому адресу, – он открыл стрельбу. Убийца не может даже предположить, что по ту сторону двери оказалась не ты! Так что у тебя действительно есть время для передышки. Подумай над моими словами. Я постараюсь тебе помочь с визами.

Я не ответила. Мне было очень страшно и очень плохо. Мне безумно хотелось спрятаться подальше. Но... Уехать на острова? И жить там под банановым деревом остаток жизни, вздрагивая при виде каждого брюнета и каждого джинсового костюма, затесавшегося в толпу туристов?

Комиссар пошел к двери.

– Пойду-ка я для разнообразия домой, – улыбнулся он, – напомним жене, как я выгляжу. Ты, девочка, никому не давай свой адрес. Кроме Джонатана, разумеется. Просто так найти тебя в городе очень непросто, так что шансов у них мало... Этот Владимир Петрович знает, что ты сменила квартиру?

– Нет.

– Превосходно. Мы завтра же возобновим твою охрану. Если надумаешь все же ехать в Москву, дай мне знать. Но не забудь, что я тебе очень не советую... Спокойной ночи, Оля.

Глава 5

ПРИКИНЬСЯ УБИТОЙ

...Земной шар был гол, круглился к горизонту морем, желтым бесконечным песком с жалкой растительностью; и была Дверь.

Дверь стояла неприкаянно посреди ничего, посреди пустоты. Но она защищала от ветра. Иначе бы ветер сбил Олю с ног.

В замочную скважину проникал одинокий луч, густо-пурпурный луч заходящего солнца. Он торчал из скважины, словно прозрачный ключ, и песчинки роились в нем, розовея.

Оля стояла, прижавшись к Двери. На пустой планете это была единственная опора, к которой можно было прислониться. Единственная защита, за которой можно было спрятаться.

И вдруг Дверь вспороли огненные брызги, и в дыры, обрамленные вспученной древесиной, хлынули красные кровавые лучи солнца, оседающего за круглый бок голой планеты.

Олю залило красным и огненным. Она обхватила Дверь руками, прижалась к ней, как к матери, – то ли защитить, то ли защититься?

В пробитые солнцем дыры врывался космический ветер. Кровавые облака стремительно догоняли мстительный красный шар солнца и обваливались за горизонт...

На часах было полпервого ночи. Сердце удушливо билось, в горле пересохло. Я сползла с постели.

Не зажигая света, выпила на кухне воды, закурила. Незавешенное окно – не успела купить занавески – смотрело в ночь.

На улице раздался негромкий мужской голос. Я осторожно выглянула.

Двое парней стояли внизу под окнами, разговаривая. Оба в джинсах. Но кто нынче не носит джинсы?

Вдруг они оба подняли головы и посмотрели на окна. Я похолодела. Я теперь буду бояться каждого представителя человеческой породы в штанах. Особенно если штанами являются джинсы.

Парни направились к подъезду. К моему подъезду.

Я кинулась в прихожую и прижала ухо к двери. Лифт прошумел мимо, унесясь куда-то вверх. Сердце мое глухо билось.

Вспомнилось, как тогда, у Шерил, я стояла у двери. Теперь-то я понимаю, что, если бы ему удалось войти в квартиру, он бы убил меня. Или Шерил. Или нас обеих.

Да, вот так теперь я и буду жить: вздрагивать, слушать стук собственного сердца и звон от ужаса в ушах, буду передвигать ватные от страха ноги в надежде, что удастся спастись, что и на этот раз – судьба охранит...

Потому что меня хотят убить. Как это странно – *хотят убить*. Меня.

Почему?! Кому я помешала? Кто этот безжалостный заказчик, пославший убийцу? Кто этот человек, которому не жалко меня – молодую, красивую девушку, успевшую прожить на свете всего двадцать один год, никому не причинившую зла и ничем не заслужившую такого жестокого и раннего конца? Я люблю жизнь, я хочу жить! По какому праву моей жизнью хотят распорядиться!!!

Конечно, я плачу. Мне себя жалко, я так беспомощна и одинока, за мной охотится убийца. И нет больше единственного человека, который мог бы меня защитить, – нет Игоря. Он исчез. Он меня бросил. Предал.

Нет, он меня не просто бросил, он меня не просто предал. Джонатан сказал: ты оказалась замешана в этом деле, ты слишком многое узнала и поняла. И поэтому ты стала помехой.

То есть я стала мешать Игорю. В его «делах», которым он себя столь самозабвенно отдает, я получилась лишней. Он сделал свой выбор между мной и делами, и этот выбор оказался не в мою пользу.

Теперь, как и Шерил, я обречена.

Какое счастье, что Шерил лежит в коме, в больнице, под охраной! Ее теперь не убьют. По крайней мере, пока она в коме, пока ее охраняют... А вот если она выздоровеет и выйдет из больницы...

Увижу ли я, как Шерил выздоровеет и выйдет из больницы? Или меня убьют раньше?

Стоп! Но ведь убийца мой адрес не знал! Потому что он спрашивал адрес у Владимира Петровича. Старый адрес, прошу заметить! Убийца не знал, что я *переехала!*

Нет, это не Игорь послал убийцу – уж он-то знал, что я сменила адрес! Игорь в этом деле замешан, не знаю как, но замешан... И я ему больше не верю...

Но это не он послал убийцу. Это кто-то другой. Кто?

Бежать!

Исчезнуть, как советовал комиссар. Спрятаться, скрыться. Чтобы не нашли. Никогда не нашли. Пусть думают, что это меня расстреляли через дверь. Что это мое мертвое тело вынесли под простыней. Даже если убийца все же где-то прятался, наблюдая, то он не мог догадаться, что это не я. Тело было укрыто с головой. Так что я исчезла, меня больше нет.

Ага, как же, – мое тело! А кто чуть не врезался в носилки? Кто закричал санитарам?

Я. Собственной персоной.

Если он наблюдал, он меня видел. И он понял, что снова промазал. И теперь он, как никогда, зол и полон решимости. Его намерение убить меня уже не просто рабочее задание – теперь это уже личное, сокровенное желание. Желание отомстить за то, что я до сих пор жива.

Если он наблюдал...

Я снова поплелась в постель. Не засну ведь. Но что еще можно делать ночью?

Позвонить Джонатану? Начало второго. Неприлично.

Маме звонить нельзя, ее телефон может быть на прослушивании. С Игорем ничего не понятно, однако понятно, что звонить ему тоже нельзя: его нет, его телефон прослушивается, он в этом деле замешан, и спасти меня он не будет.

Если бы он мог, если бы он хотел меня спасти, то уже бы спас. Уже бы приехал и был здесь, рядом.

Но его нет рядом, и никого нет.

А Джонатану звонить неприлично. Полвторого.

Но он ведь даже не знает, что Кати убили! Что Кати убили вместо меня.

«Неприлично! – сказала я себе, набирая номер Джонатана. – Так не принято!»

А убивать – принято?

А умирать от страха одной, в пустой квартире – принято?

Голос его был заспан. Но ожил мгновенно, как только понял, что это я. И этот заспанный голос был сейчас самым родным, самым желанным на свете.

– Джонатан, миленький, приезжай ко мне! Я боюсь... У меня очень плохие новости, ужасные просто... Мне так нужно с тобой поговорить, приезжай!

Записав мой адрес, Джонатан высчитал необходимое время и пообещал быть у меня через тридцать-сорок минут.

Как это глупо, все эти мои страхи, все эти напряженные церемонии, которыми я обставила наши с ним отношения! Он любит меня, несомненно любит, и мне нужно только дать ему понять, что я готова принять его любовь, что я готова на нее ответить!

«Готова ответить...» Интересное выражение. А нельзя ли проще: что я люблю его? Нет, почему-то нельзя. Это не одно и то же. «Готова ответить на любовь» – это куда осторожнее, сдержаннее, это позволяет еще раз себя переспросить, еще подождать, чтобы последняя настороженность развеялась.

А вот откуда эта настороженность? Я уже давно выкинула из головы мысль, что Джонатан мог подложить мне отравленный шоколад. Мне нечего бояться с ним. Кроме самой себя...

С Игорем было все по-другому. В него я влюбилась почти сразу, не задаваясь лишними вопросами, не мучаясь самоанализом. Игорь, при всей своей ненавязчивости, повел себя с самого начала так, будто иначе и быть не может, будто мне было просто суждено его встретить, полюбить, жить с ним. Он незаметно решил это за меня, и мне ничего не оставалось (и не хотелось, и даже не думалось), как исполнить написанную для меня роль в его сценарии.

Джонатан ждал *моего* решения. Моего собственного, отчетливого решения, без подсказок из суфлерской будки. Он не пытался к нему подвести, он не старался создать впечатление, что наши возможные отношения – это сама собой разумеющаяся вещь, он не гипнотизировал мою волю – он предоставил мне полную свободу. Свободное право свободного человека сделать осознанный выбор.

А свобода – тяжелое бремя. Выбор – тяжелый труд. Решение – это ответственность за свои действия, за их результаты, которую никто с тобой не разделит: сама решила – сама пожинай плоды. Хорошие плоды – тем лучше. Плохие – что ж, сама выбрала. И свалить не на кого.

И Джонатан взвалил на меня эту ношу. И терпеливо ждет, пока я с нею справлюсь. Что ж, я понимаю – таково его воспитание и представление о свободе личности. Он эту личность по-настоящему уважает и считает себя не вправе влиять на ее решения. И теоретически я его взгляды разделяю.

Но только теоретически. А практически – я трушу. Я не привыкла быть столь независимой. Я только сейчас начинаю понимать, что в моей короткой жизни я была всегда ведома: школой, советской системой, мамой, Игорем...

И теперь я трушу сказать самой себе: да, я влюблена в Джонатана. Да, он без конца лезет в мою голову, а я его оттуда выпихиваю своими страхами, мыслями о верности Игорю, подозрениями в гомосексуальности – короче, всеми способами выпихиваю. И причем столь успешно, что даже не в состоянии понять, до какой степени я влюблена...

Но сейчас я была менее всего расположена разбираться в своих чувствах. Пережив страшный шок от смерти Кати, я чувствовала себя выжатой до предела. Мысль о том, что Джонатан едет ко мне, хоть немного меня успокоила.

Напряженные нервы расслабились.

Я задремала.

Меня разбудил скрип – то ли двери, то ли паркетных половиц. Джонатан приехал! Я подумала сквозь дрему: не буду вылезать из постели – пусть он подойдет и сядет возле меня, пусть наклонится и поцелует, хотя бы и в нос, как в прошлый раз...

Но в ту же секунду меня пронзила мысль: как же он мог войти в квартиру?! Дверь ведь *была заперта!!!*

Я села рывком, напрягая слух. Ничего не слышно. Ни шороха, ни скрипа. Мне, должно быть, приснилось...

Еще подождала, послушала. Тишина. Только гулкий стук сердца в моих ушах. Еще немного такой жизни, и я начну принимать валокордин, как мама.

Я все же выбралась из кровати и осторожно выглянула из своей комнаты. Окна без занавесок пропускали достаточно света от фонарей на улице, и можно было вполне убедиться, что в гостиной никого нет.

Прокралась в прихожую. Пусто.

Подошла к двери. Закрыта.

Потрогала замки.

Замки были не заперты!

Но я прекрасно помню, что я их заперла!!!

Меня обуял такой ужас, что парализовало дыхание. Несколько секунд я неподвижно стояла у двери, боясь обернуться. Мысли метались какими-то обрывками, я ничего не соображала, кроме одного: он здесь!!! Убийца – в моей квартире!!!

Бежать. На лестничную площадку, звонить в соседские двери, кричать, звать на помощь!

Ничего, что я босиком, ничего, что в ночной рубашке, – лучше быть живой босиком, чем мертвой в белых тапочках!

Мне казалось, что дуло пистолета смотрит мне в спину. Мне казалось, что в спину уставились два пустых, безжалостных глаза. Но обернуться было выше моих сил. Я осторожно взялась за ручку двери. Тихо прижала ее книзу, потянула дверь на себя. Узюсенькая, острая полоска света с лестничной площадки проникла в образовавшуюся щель. Еще мгновение, и...

Горло мое перехватило...

Горло мое перехватили.

Удавкой.

...Сквозь ресницы проникал слабый свет. Такой примерно, какой может давать настольная лампа под абажуром. Если я в раю, то у них тут очень интимно...

Я чуть-чуть приоткрыла глаза. В моей комнате горел ночник – один из тех, которые я выбирала с любовью и заботой о нашем с Шерил уюте.

Странно, я была все еще жива.

Я лежала на кровати.

В кресле сидел убийца.

...Это был тот самый брюнет, с лицом манекена и улыбкой ребенка. Красивые карие глаза смотрели прямо на меня, но их выражение было неуловимо, и ничего в них не изменилось, когда наши взгляды встретились.

У меня горела, как от ожога, кожа на шее. Я прикоснулась к ней. Полоска кожи была выпуклой, опухшей, воспаленной. Больно.

К тому же и голова моя плохо работала – кратковременное удушье явно не улучшило мозговую деятельность, и голова была ватной, тяжелой и тупой.

Может быть, поэтому я, только что умиравшая от ледяного ужаса при виде каких-то двух парней на улице, теперь почувствовала лишь какой-то неопределенный, слабый, размытый страх.

Я оперлась на локоть и снова посмотрела на него, на этот раз в упор. И снова подивилась: ничего не отразил его стеклянный взгляд. Зрачки не двинулись, веки не мигнули. Будто он был один в комнате и смотрел, задумавшись, на пустое место.

На коленях у него лежал пистолет.

– Как тебя зовут? – спросила я по-русски, демонстрируя свое необыкновенное самообладание и потрясающую догадливость.

Его темные зрачки немного сфокусировались.

– Тебе какая разница? – Он ничуть не удивился, и голос его был спокоен и равнодушен.

– А тебе какая?

– Мне – никакой.

– Так скажи.

– Ну, Дима.

Он, мерзавец, в отличие от меня, даже ничего не демонстрировал – так глубоко ему было наплевать на меня. Так он меня и убьет – равнодушно и спокойно... Когда?

И вдруг я вспомнила, что Джонатан едет ко мне! Дверь открыта... Если этот Дима не закрыл замки! Тогда, может, у меня есть шанс... Интересно, сколько времени прошло с его звонка?

– Который час? – спросила я.

Дима сверкнул золотым браслетом:

– Без десяти.

– Без десяти что?

– Два. А тебе зачем?

– Так просто. Я спала... Или была в обмороке... Я точно не знаю.

Мне было необходимо потянуть время, дотянуть время до приезда Джонатана. Еще каких-то десять-двадцать минут! Джонатан меня спасет, я не сомневалась в этом!

Я только сомневалась, успеет ли...

– Почему ты меня не убил сразу, Дима?

– А так...

– «Так» – это как?

- Интересно было.
- Интересно – что?
- Посмотреть на такую везучую.
- Ну и как, посмотрел?

Дима кивнул.

- Ага. Красивая ты телка.
- Подхожу как кандидатура на труп?
- Какая дура!
- Ладно, проехали. Тебе как, Дима, убивать нравится?
- А мне без разницы.

Ведь точно, ему без разницы. В этих карих, осененных длинными, загнутыми кверху ресницами глазах тотально отсутствовало какое бы то ни было выражение – ни жестокости, ни наглого бахвальства, ни тупой готовности исполнять чью-то волю – ничего того, что привычно ассоциируется с обликом преступника. Пустые, красивые приспособления для смотрения.

Я, стараясь не производить резких движений, села на кровати по-турецки. Дима не шелохнулся, но взгляд его напрягся и пальцы сжались на рукояти пистолета. Увидев, что я всего-навсего устроилась поудобнее, он немного расслабился, по-прежнему не сводя с меня глаз.

- Ты предпочитаешь убивать красивых девушек или некрасивых?
- Ты чо, интервью у меня решила взять? – поинтересовался он.
- Что-то вроде того. Первый раз ведь киллера вижу.
- И последний.
- Ну что ж, Бог дал, Бог взял, – решила я не заострять тему.

– Это верно, – хмыкнул Дима. И, подумав, сообщил: – Красивых жалко в расход пускать, с ними лучше баловаться.

- Практичный.

Дима, кажется, не совсем понял, отчего я его обозвала «практичным», и задумался. Поразмыслив, он равнодушно поинтересовался:

- Чо, помешала кому, что ли?
- А ты «чо», не знаешь, что ли? Тебе же заказали?

– А я чо, спрашиваю, что ли? Мне деньги заплатили – половину, остальное потом – и вперед. Я в чужие дела не лезу.

- Жаль. Мне бы хотелось узнать...
- На фига тебе? Все равно я тебя убью.
- Ну, пока ведь я еще жива. Вот и интересно.
- Может, мужик твой, из ревности?
- А тебе что, мой муж заказал?
- А я чо, знаю, кто?

– Ну, какой из себя?

– Щас, так я тебе и рассказал.

– Мой муж темно-русый, у него такой коротко стриженный ежик...

– Не. Другой.

– Скажи, какой?

– Ты чой-то разговорилась тут. – Дима многозначительно погладил свой пистолет. – Давай, Дездемона, молись.

– Если ты меня сейчас убьешь, то к чему тогда такие секреты разводить? Скажи!

– Во, бабье: ее сейчас прикончат, а она все свой нос сует куда не надо. Молись лучше, пока я добрый.

«Молись». У Димы в расстегнутом вороте рубахи виднелся массивный золотой крест. Вот парадокс: жертва-атеистка и убийца-христианин! Разве не в Библии написано: «не убий»?

– Скажи!

– Вот привязалась... Тот тоже русский был. Только светлый. И волосы у него длинные.

Бог мой, Сережа? Опять Сережа?

– Худой и высокий?

– Будет с тебя. Хорошенького понемножку.

– А машину ты заминировал?

Дима довольно ухмыльнулся. Я поняла это как подтверждение.

– Скажи, Дима... А ты видел, там была еще другая девушка... Она тоже пострадала... Она при смерти, – торопливо добавила я, вспомнив комиссара Гренье. – Ты ее тоже хотел убить или это просто случайно?

– Она чо, жива еще?

– Врачи говорят – не выберется. Так ты хотел – нас обеих?..

– Я ничо не хотел. Мне заплатили – я работаю.

– Заплатили – за обеих?

– Может, за обеих. А может, и нет, – самодовольно интриговал Дима.

Мне показалось, что это «интервью» придало ему чувство собственной значимости – он был владельцем секретов, распорядителем жизней... Если бы не обстоятельства, в которых разворачивалась сцена, я бы посмеялась над этим самодовольным ничтожеством с половиной извилины в мозгу, да и той дефективной.

Но сейчас мне было не до смеха. И я, стараясь спрятать поглубже свое презрение, продолжала задавать вопросы в надежде дожидаться Джонатана.

– А ты других людей, до нас... уже убивал?

– И-и, мать твою... Ну ты как скажешь! Я те чо, выпускник детского сада?

– Не жалко?

– А чо это мне должно быть жалко?

– Ну, например, тебе бы не хотелось, чтобы тебя убили? Другим тоже не хочется, понимаешь?

– Ой, щас заплачу.

– Ну, подумай, Дима, на секунду: я же ничего плохого никому не сделала. Я не знаю, чем я этим людям помешала. Но я не хочу умирать!

Разумеется, я вовсе не пыталась его разжалобить. Было бы смешно надеяться разжалобить наемного убийцу. Но было необходимо тянуть время – вот я и тянула его изо всех сил, пытаюсь говорить что-то, наиболее подходящее в такой ситуации. Ну не последний же фильм с ним обсуждать!

– Согласись, это несправедливо!

Дима нервно дернулся.

– Ты мне это, кончай тут сопли разводить! Дура, что вляпалась в какое-то дело... А теперь чо, кранты. Не я, так другой тебя шлепнет.

– Отпусти меня, Дима! Я спрячусь! Далеко, меня никто не найдет, и никто не узнает, что я жива, – я придала жалобную интонацию голосу. – А ты скажешь, что убил меня, получишь свой гонорар, и никаких проблем...

– Заткнись. – Голос стал злым. – Будешь тут вые...ться, я тебя враз пристрелю, поняла?

Для пущей убедительности он поднял пистолет с колен и наставил на меня. Пистолет был большой, тяжелый – в марках я не разбираюсь, но глушитель я узнала. Один тихий звук – и меня нет.

Я прикрыла глаза со смиренным видом, стараясь изо всех сил выдавить слезу, чтобы она красиво скатилась по щеке из-под моих длинных, хоть и светлых ресниц.

Слеза, однако, и не думала появляться. Ну надо же! Я в последний месяц плачу так часто, так себя, несчастную, жалею, а тут, как назло, – ни слезинки! И это, можно сказать, перед лицом смерти!

– Пойми, Дима, – заговорила я дрогнувшим голосом, нервно сжимая руки и не поднимая глаз, – я жить хочу, я хочу любить! Мне только двадцать один год, вся жизнь еще впереди!.. Любить, рожать детей... Это жестоко, лишать меня...

Уф, даже слезы появились на глазах! Я замолчала, словно борясь с нахлынувшими рыданиями, думая только об одном: сколько еще минут осталось до прихода Джонатана.

Со стороны кресла не последовало никакой реакции.

Я подождала. Тишина.

Пришлось поднять красивые длинные ресницы со слезой и взглянуть на убийцу Диму. Он самодовольно улыбался, крутя на пальце пистолет. Вид моего смиренного унижения ему льстил.

Я всхлипнула. Он молчал. Я шмыгнула еще раз носом. Улыбка его стала приобретать игривое выражение.

– А чо... Это... – прорезался наконец он. – Если хошь, давай... Перепихнемся пару раз, утетишься напоследок!

Я потеряла дар речи. Такого поворота дела я не ожидала... Надо же, какая широта души! Решил облагодетельствовать меня!

Кажется, я уставилась на него с таким обалдевшим видом, что он добавил:

– И мне это, тоже... компенсация будет, что я с тобой столько чикался.

Я не находила слов. Я не знала, как реагировать, что сказать, как отвести еще одну опасность, нависшую над моей бедной головой.

– Я... я не могу... я...

– Ты ж не целка, в рай все равно не попадешь!

– А что, в рай только девственницы попадают? – тупо спросила я.

– А хрен его знает, я там не был, – хохотнул он. – Ну так чо, давай? Любишь небось это дело? – Он постучал указательным пальцем по пальцу другой руки. – Соглашайся – поживешь еще полчасика, порадуешься. А то я тебя тогда прямо щас и пристрелю.

– А тебе что, полчасика хватит? – спросила я с вызовом.

Это было крайне неосторожно с моей стороны. Дима заерзал в кресле. Даже издали было заметно, что джинсы его в том месте, где вшита «молния», забугрились.

– Я те чо, бля, только с пушкой управляюсь, по-твоему?

– Нет-нет, я просто пошутила, – заторопилась я, – ты что, шуток не понимаешь?

– Не понимаю, – отрезал Дима и снова навел на меня пистолет.

– Я ничего такого не имела в виду... – лепетала я, осознав, что дело приняло совсем дурной оборот. – Я не хотела тебя обидеть...

– Значит, так: или ты раздеваешься по-быстрому – и молча! – или я тебя щас пристрелю и оттрахаю твой тепленький труп. Выбирай.

О, у меня есть право выбора! Какой шанс!..

– Я думаю, что моему трупу, даже тепленькому, будет все равно... – произнесла я, холодея от собственной дерзости.

Я не договорила. Пуля вжикнула возле моего уха и вцепилась в стенку позади меня. Мои руки нервно затеребили пуговицы ночной рубашки. Их было много, они были мелкие, мои пальцы плохо слушались. Голова тоже плохо работала. На вопрос: что делать? – разум глухо молчал.

Дима пожирал меня глазами, и даже в полумраке было заметно, как наливалось краской его лицо. Не от стыда, разумеется, а от похоти. В нем вдруг проступили кавказские черты, и мой разум, который отказывался придумать что-нибудь дельное, занялся пустяками, а именно: доискался до объяснения факта, отчего это лицо «обольстительного брюнета» напомнило мне итальянский тип – Дима был наверняка наполовину кавказец. Говорил он, однако, без акцента, вырос, очевидно, в России...

Мне отчего-то представился провинциальный городок средней России, оживленный рынок, на котором торговцы из южных республик продавали фрукты и покупали себе женщин... Он небось и отца-то своего не знал. Обрюхатив какую-нибудь малограмотную деваху, светловолосую и пышную, кавказский мужчина отвалил к себе домой, к раздобревшей усатой жене и куче хорошеньких черноглазых детишек, оставив девахе пачку мятых-грязных базарных рублей и пару ящиков непроданных мандарин...

...Кто-нибудь может мне объяснить, как подобные размышления могут влезть в голову, на которую наведено дуло пистолета? Да еще и с глушителем. Да еще когда вас хотят изнасиловать, прежде чем эту голову разнесет на кусочки пуля? Непостижимо.

– Ты чо, бля, издеваешься, да? – нетерпеливо напомнил о себе Дима. – А ну, – махнул он пистолетом, – тащи через голову!

Я застыла. Мыслей не было никаких. Был только вопрос: на чем я выиграю больше времени – если буду сама раздеваться или если буду упрячиться? Если я буду упрячиться, он может меня действительно пристрелить. Или придушить. Или ударить пистолетом по голове. Тогда я потеряю сознание, а вместе с

ним – последние надежды на то, что голова сварганит что-нибудь вразумительно-спасительное...

Но я не успела додумать. Дима сделал бросок и рванул полы моей ночной рубашки.

Пуговички бешено застучали по паркету.

Он задохнулся, глядя на мое стройное, белокожее тело. Мне показалось, что его расперло так, что он не мог пошевелиться. Несколько секунд он неподвижно созерцал меня, шумно дыша.

Потом он протянул руки. Подергался, словно не зная, за что схватиться.

Схватился за грудь. Больно, жестко схватился. Стал мять, прищемляя между толстыми смуглыми пальцами с грязными ногтями, мои соски.

Господи, да что же ты не едешь, Джонатан! Скорее, скорей же, пожалуйста, приезжай!

Дернув меня за ноги, Дима завалил меня на кровать.

– Раздвинь ноги! Ноги раздвинь, говорю! – прохрипел он, ударив меня дулом пистолета по бедру.

Наверняка останется синяк.

Впрочем, трупу моему это будет достаточно безразлично.

Уставившись тяжелым, налитым кровью взглядом в мои раздвинутые ноги, Дима снова подергался, будто не зная, с чего начать, и вдруг въехал своим лицом между ними.

Я задохнулась от ненависти и от чувства моей тотальной беспомощности.

Но, против моих худших ожиданий, Дима ко мне не прикоснулся. Я не сразу поняла, что там делает его голова, как вдруг услышала громкий вдох, сопровождаемый постаныванием. Дима меня... нюхал!

Меня аж помutilo от отвращения. Глядя на черноволосое, кудрявое темя, шумно копошившееся у моего лобка, я мстительно представляла, как меня вытошнит прямо на него.

Дима, однако, на дыхательной гимнастике долго задерживаться не стал. Я услышала, как ззыкнула «молния». Он распрямился, ухватил меня за подмышки, поставил на колени, и опрокинул на себя. Я стукнулась лбом о его грудь. Тогда он дернул меня за волосы и потянул мою голову дальше, вниз...

Трудный хлеб убийцы полит, должно быть, потом. Крепким, мужским. И не только им. В своих несправедных трудах и хлопотах по скорейшему устранению ни в чем не повинной Ольги Самариной наемник явно не имел времени помыться.

Он вонял.

Вонял повсюду и всеми запахами давно не мытого человеческого тела.

Мне приходилось слышать, что есть люди, которых «естественные» запахи возбуждают. Во мне, стало быть, природа совершенно заглохла, и мой извращенный вкус любит запахи хорошего мыла, дезодоранта и приличной туалетной воды.

Но мне представлялась достаточно сложной задача объяснить это киллеру, который столь щедро предоставил мне ответную возможность обнюхать его.

Однако то место, в которое он пихнул мое лицо, оказалось средоточием невыносимо-тошнотворных запахов. Хотелось натянуть на себя противогаз. Сжав зубы, едва дыша, я пробормотала: «А не сходишь ли ты помыться сначала, Дима?»

Он, должно быть, решил, что ослышался. В крайнем случае, что я пошутила. Он оттянул меня за волосы, чтобы посмотреть мне в лицо. Но на вышеуказанном лице было написано такое отвращение, что он понял, что он не ослышался и что это была не шутка...

Несколько запоздало я поняла, что мои гигиенические навыки смертельно опасны и предложение джигиту помыться равносильно оскорблению. Потому что он приставил пистолет к моему виску и прошипел: «Пристрелю, бля. А ну, давай!»

И он снова ткнул меня лицом в свой мощный пахучий член, рванувший навстречу моему рту из крепко заношенных трусов.

Не могу.

Не буду.

Не буду, и все!

Пусть убивает. Прямо сейчас.

Стараясь не думать о том, как сейчас тихо хлопнет выстрел, я демонстративно отвернула голову в сторону дверей, насколько позволяли мне мои короткие, всей волосатой пятерней удерживаемые волосы.

...В дверях комнаты безмолвным изваянием стоял Джонатан. Мне показалось, что глаза его, как в «ужасниках», полыхают синим огнем.

Сделав мне знак, чтобы я молчала, он скользнул еще на шаг вперед. Ноги его были босы, и двигался он бесшумно.

Киллер дергал тазом и тянул меня за волосы, пытаюсь вернуть мое лицо в исходное положение. Его похотливые постанывания перемежались с ругательствами и угрозами, не менее грязными, чем его тело.

Краем глаза я видела, как Джонатан приблизился к спине убийцы. Я молниеносно решила, что атаковать нужно с двух сторон. Зажмурившись и задержав дыхание, словно перед броском в болото, я изо всех сил укусила Диму за пенис.

Дима взвыл. На голову мою обрушился удар рукояткой пистолета – на этот раз взвыла я, – и почти сразу же его тело оторвалось от пола – я едва успела разжать зубы.

Что произошло дальше, я не очень поняла. Пока я, держась за разбитую голову, отчаянно отплевывалась, Дима пару раз перекрутился вокруг своей оси, и через мгновение его руки, освобожденные от пистолета, оказались обременены наручниками, которые Джонатан вытащил из кармана.

Джонатан пихнул убийцу в кресло, в котором тот совсем недавно сидел по-хозяйски. На этот раз ему было не столь комфортно – он завалился боком и не сразу сумел выпрямиться: мешали сведенные наручниками руки за спиной. Штаны его все еще были расстегнуты и трусы спущены, застряв резинкой под яичками, отчего все его природное изобилие, богато покрытое черной курчавой растительностью, с неуместной царственностью покоилось снаружи. Теперь он был смешон и жалок, и я могла бы торжествовать, испытывать мстительную радость при виде его унижения... Но вместо этого я помчалась, зажав рот, в туалет – меня тошнило.

Я долго мылась, оттирая от себя липучий запах и следы его прикосновений. Выйдя из ванной, я застала сцену почти без изменений, если не считать, что рубашка Димы свисала поверх его расстегнутых джинсов – должно быть, Джонатан позаботился о моих нервах. Сам он, с видом задумчивым и сосредоточенным, сидел напротив киллера, опершись локтями на колени и небрежно свесив руку с Диминым пистолетом. Ноги его уже были обуты в черные, массивные, по моде, ботинки.

– Ты в порядке? – спросил он, не меняя положения.

– Более-менее...

– Подойди сюда. Нет, встань сбоку, чтобы я эту гниду видел... Наклонись.

Джонатан осмотрел мою огромную шишку с запекшейся корочкой на голове. Покачал головой.

– У меня дома есть мазь, которая рассасывает шишки и кровоподтеки. Съездим после... Садись.

– Кати убили...

Джонатан помолчал, сжав губы, и мне снова показалось, что глаза его полыхнули синим огнем.

– Этот? – мотнул он головой в сторону Димы.

– Я не спрашивала. Но уверена, что он.

– Где?

– В моей квартире. Расстреляли через дверь.

– Вместо тебя... – не столько спросил, сколько заключил Джонатан, уставившись на пистолет, который он держал в руке. – Думаю, что у тебя есть вопросы к этому говну? Мне он не ответил – ни по-английски, ни по-французски не говорит. Или прикидывается.

Я никогда не слышала подобных выражений от Джонатана – и это при том, что слова этого разряда употребляются весьма широко и французами, и англичанами.

Я опустилась на кровать рядом с Джонатаном. Он приобнял меня за плечи и легонько погладил, словно хотел сказать: все хорошо, я рядом, больше не надо ни о чем беспокоиться... Я прижалась на мгновение щекой к его руке.

– Опиши мне того, кто сделал заказ, – принялась я за дело.

Дима, разглядывавший до сих пор паркет с видом затравленного волка, кинул на меня взгляд, и в нем молнией сверкнула ненависть.

– Лучше бы я тебя сразу пришил, сука, – прошипел он.

– Что он говорит? – спросил Джонатан.

– Жалеет, что не убил меня сразу.

Джонатан подошел к Диме вплотную и поднял пистолет.

– Значит, так, – заговорил он по-английски, – если ты, мразь, еще что-нибудь произнесешь в этом духе, я тебя пристрелю. Отвечай на вопросы, понял?

Вместо ответа Дима подтянул колени и ударил ногами Джонатана в живот. Джонатан не ожидал. Он отлетел в другой угол, Дима вскочил и, развернувшись вокруг себя, нанес ему еще один удар ногой, покартистски раскручиваясь одновременно для следующего. Но Джонатан поймал его ногу на весу, дернул ее на себя и опрокинул наемника на спину. Вскочив на ноги, Джонатан поднял Диму и врезал ему боксерским ударом в лицо.

– Следующий удар будет смертельный. Переведи ему.

Мои измученные нервы не позволяли мне испытывать сейчас какие бы то ни было эмоции, но чувство восхищения все же прорвалось через пустоту и апатию. Он и это умеет, этот интеллигентный мальчик из хорошей семьи! Снимаю шляпу...

Я испугалась собственного восторга и заставила себя переключиться.

Джонатан подождал, пока я переведу его фразу, и холодно добавил:

– Только сначала я его лишу «фамильной драгоценности».

Этим изысканным выражением французы называют мужские половые органы. Я с большим

удовольствием перевела это дополнение.

Дима лежал на полу, не смея подняться. Джонатан отволол его снова в кресло. Как только он принял вертикальное положение, из его носа и из губы потекла кровь.

– Хочешь ли ты жить, Дима? – вкрадчиво спросила я.

Он не смотрел на меня и не отвечал.

– Хочешь. Очень хочешь, я знаю. Ты молодой, красивый парень, тебе себя жалко при мысли о ранней смерти. Правда же? Это тебе других не жалко. А себя жалко... Козел ты, Дима. Так не бывает. Поговорку знаешь: не рой яму другому, сам в нее попадешь? А Библию читал? Крест носишь, а не знаешь: кто сеет ветер, пожнет бурю. А золотое правило слышал: не делай другому то, что самому себе не желаешь? А догадываешься ли ты, почему их называют «вечными истинами»? А потому, Дима, что они *работают*. Как тысячи лет назад, так и сейчас. Оттого они и вечные. Они были, и есть, и будут законами, которые существуют и работают вне зависимости от того, знаешь ты их или нет. И зло, которое ты делаешь, Дима, тебе обязательно вернется и отплатится. Раньше или позже. И жизнь, Дима, устроена именно так, а не иначе. Подумай своей пустой головой немножко, пока тебе ее не свернули. Все, урок морали закончен. Теперь говори, кто сделал заказ.

Косо глядя на меня, Дима описал заказчика. Это был, без сомнения, Сережа. Сережа, помощник Игоря, выполняющий его поручения...

– Кого ты еще видел? Кого мне можешь описать?

– Никого, – буркнул Дима.

– Слушай, давай так: мы тебе делаем подарок – оставляем тебя в живых. А ты в благодарность нам рассказываешь все, что ты знаешь об этом деле. А, Дима? Ты знаешь, что такое благодарность? Тебе это чувство доступно? Мы ведь можем тебя убить, а перед смертью хорошенько и больно избить – у тебя есть ведь чувствительные места, не правда ли? – с издевкой добавила я. – После того, что ты сделал нам с Шерил, после сегодняшней гнусной сцены я могу себе позволить маленькое удовольствие тебе отомстить, ты согласен? И мы даже не станем твой труп прятать, полиция нам ничего не сделает: правомерная защита. И вот вместо этого, Дима, я тебе предлагаю жизнь. Твою пустынькую, глупенькую, гнусенькую жизнь, в которой ты сделал много зла, в которой ты никем не любим и никого не любишь, потому что тебе это чувство не ведомо и к себе его ты не вызываешь... к тому же ты нечистоплотен, – не удержалась я. – Но ведь ты за эту жизнь держишься, правда же? Пусть и никчемная, но она твоя, единственная, и она тебе дорога. А мы тебе делаем такой роскошный подарок. Вот здесь как раз нормальные люди испытывают чувство благодарности. Нормальные люди говорят «спасибо».

– Спасибо, – пробурчал он себе под нос.

Я удивилась. Прямо скажем, ни на какой воспитательный эффект моих слов я не рассчитывала. Хотелось просто выговориться и показать этому недоумку, что существуют в жизни другие взаимоотношения между людьми, другая логика, другое видение мира. Чтобы когда-нибудь, спустя много лет, – если доживет, конечно, на что у него при его «профессии» шансов мало, – он, может быть, вспомнил бы эти слова и хоть что-нибудь бы осталось в его пустой голове... Но, поразмыслив, я поняла, что его «спасибо» – просто признание факта, что он хочет жить и готов служить в обмен на эту возможность.

– Я бы предпочла в качестве «спасибо» информацию.

– Я не знаю ничего.

– Врешь.

– Правда. Я видел только его, ну, того светлого.

– Что он тебе поручил, с самого начала?

– Он сначала велел пойти на конференцию, куда твоя подруга... или сестра, не знаю – должна была идти. Велел затесаться в толпу журналистов и сделать снимки.

– В понедельник?

– В понедельник. Я как раз прилетел утром.

– Откуда он знал, что у Шерил будет конференция?

– Он мне не докладывал... Дай воды.

– «Пожалуйста» надо говорить. Ты плохо воспитан.

Дима зыркнул на меня из-под бровей и, облизав разбитые губы, внятно проговорил: «пожалуйста...»

Джонатан, которому я переводила по мере нашего разговора, кивнул. Я принесла Диме воды, придержала стакан – его руки были по-прежнему за спиной.

– А если вы меня вправду не убьете... Что вы со мной сделаете? Отпустите?

Мы не успели обсудить это с Джонатаном, но я полагала, что мы его сдадим полиции. Сообщать об этом Диме мне, однако, не хотелось – эта перспектива была для него немногим лучше скорой смерти. Французский суд – не русский, кореша не вытащат за взятку. Впрочем, кто сказал, что в России кореша вытащили бы? Скорее пристрелили бы, чтобы не проболтался.

– Не знаю, подумаем, – ответила я. – Что было дальше?

– Фотографии мне велели факсом отослать в тот же день. Ну, я отослал. Тогда сказали следить за ней и телефон прослушивать.

– Погоди-ка. Раз тебе поручили сделать фотографии Шерил, значит, идя на собрание, ты еще не знал, как она выглядит. Так как же ты ее опознал?

– А мне сказали, что она экологичка и что у них будет большая конференция, вроде международного съезда. И дали адрес. Я туда и пошел, а там услышал, к ней обращаются: Шерил Диксон. Там народу была уйма, и все чего-то кричали и у нее спрашивали, на всех языках. Русские там тоже были, слышал, говорили по-русски... И журналистов – до хера. Так что мне было раз плюнуть среди них затесаться.

Выслушав мой перевод, Джонатан спросил:

– В России тоже существует экологическая группировка?

– Да. Даже, кажется, несколько.

– Тогда тот – или те, кто послал эту дрянь, просто-напросто навели справки у русских экологистов... Правильно я рассудил?

– Еще как! Откуда ты узнал ее адрес? – повернулась я к Диме.

– Да я в тот же вечер ее «проводил» до дома! – хмыкнул он.

– Когда тебе сказали за ней следить и прослушивать ее телефон?

– Во вторник.

– С какой целью?

– Мне тогда же сказали, что есть еще одна девка, на нее похожая, и что я должен ее засечь.

– Меня то есть?

– Тебя.

– Как же ты мог прослушивать телефон? Ты же только что пытался нас уверить, что не говоришь по-французски?

– Говорю... Немного... В школе учил.

– Я одного не понимаю, – повернулась я к Джонатану. – Откуда они знали, что мы с Шерил встретились и что через нее можно выйти на меня?

– Хороший вопрос... Игорь? Ты ведь посылала ему ваши с Шерил фото!

– Нет. Игорь, увидев наши фотографии, все понял и потребовал, чтобы я сменила адрес и прекратила всякие контакты с Шерил. Он не мог дать убийце или заказчику наш снимок. Кроме того, они ведь не стали бы просить этого подонка делать фотографии Шерил, если бы у них уже было наше фото. Нет, это не Игорь.

– Но могло быть и так: они каким-то образом видели ваши снимки, но не знали, на кого это ты так похожа. Соотнеся с полученными от киллера снимками Шерил, они поняли, кто есть кто и что вы уже нашли друг друга...

– И поручили Диме... Значит, тебе велели меня засечь? – это я уже к Диме обратилась.

– Ага. Ты меня провела пару раз... Но я все же тебя выследил.

– Где? Когда?

– В пятницу. Что, думаешь, меня легко прокатить? Я не пальцем деланный. Я в пятницу с самого утра наблюдал за домом Шерил. Видел, как ты пришла. А ты меня не заметила.

– Тебе дали задание убить нас обоих?

– Сначала мне ничего не сказали. Велели следить, фотографии отослать, прослушивать, тебя застукать. И звонить каждый день за дальнейшими инструкциями. Но я сразу понял, ко мне же обращаются по мокрому делу. Я поначалу не хотел браться – с фотками чикаться, отчеты давать... Но мне хорошо заплатили. А в пятницу сказали – накрой обоих. Как и когда – мне самому решать, но желательно поскорее, сказали...

– Это был все тот же человек?

– Да. Но иногда он заставлял ждать меня у телефона. По-моему, советовался с кем-то.

– Бомбу когда положил?

– Той же ночью.

– Ты ее из Москвы привез?

– Это мой арсенал. Всегда с собой.

– Конфеты тоже ты принес?

Дима кивнул.

– А ядом кто их начинил?

– Я... У меня яд тоже всегда с собой... И шприц.

– Оснащенный... Для меня конфеты были?

– А то для кого же? – удивился Дима. – Другая-то без сознания, кушать не может. А к тебе этот вот, – мотнул он головой в сторону Джонатана, – ходил, и все так аккуратненько получилось, вроде как он и

принес с цветочками...

Дима хихикнул от самовосхищения.

– Я смотрю, у тебя что-то настроение поднялось, – повысила я голос. – У тебя нет права на хорошее настроение, потому что ты подонок, Дима. Хихикнешь еще раз – и мы тебе его сильно испортим. Ясно?

Дима помрачнел.

– Что ты искал в квартире Шерил? Это ведь ты туда забрался, не так ли?

– Сказано было все ее фотки выкрасть и документы.

– И ты не смог найти все, потому что какая-то часть попала в полицию, а потом в больницу... И ты вскрыл там камеру хранения, чтобы выкрасть оставшуюся часть?

Дима угрюмо кивнул.

– Зачем?

– Не знаю. Мне велели человека убрать и все его следы уничтожить.

Я непонимающе посмотрела на Джонатана. Зачем? Зачем надо было уничтожать все следы? Но Джонатан в ответ лишь поднял брови.

– А меня... Если бы тебе удалось меня убить, ты мои фотографии и документы тоже должен был бы выкрасть?

– Я ж тебе говорю: мне инструкции по телефону давали. Сначала велели убить. А что мне потом бы сказали – не знаю. Может, и твои фотки велели бы...

– Какие у тебя инструкции насчет Шерил?

– Пока никаких. Сказали – подождем, там видно будет. Вроде как сама должна окочуриться, а уж если не получится, тогда и поможем...

И снова ухмылка тенью проскользнула по его лицу. Но он быстро спохватился.

Мне было до такой степени тошно разговаривать с этим недоумком-недоделком, что я прилагала неимоверные усилия, собирая всю свою волю в кулак. Хотелось выйти из комнаты, бежать из этой квартиры, чтобы не находиться в одном помещении с Димой, присутствие которого, казалось, загадило саму атмосферу, загустило воздух до зловонного ядовитого болота. И только горячее колено Джонатана рядом с моим удерживало меня, как спасательный круг, чтобы не захлебнуться в истерике.

Я помолчала, собираясь с духом для последнего вопроса.

– Через дверь стрелял – ты? – проговорила я охрипшим от усталости и горечи голосом.

Дима, скосив голову набок, словно сожалея о чем-то, спросил:

– Кого я убил-то?

– Мать Шерил.

Дима не ответил, только глаза отвел.

– Что молчишь? Ублюдох ты, – сказала я в сердцах. – У тебя есть мать? А? Есть, я тебя спрашиваю?.. – уже кричала я.

Мой голос сорвался. Джонатан сжал мою руку.

Дима молчал, глядя в стенку.

Я отвернулась от него и посмотрела на Джонатана.

– Что делать будем? Вызывать полицию?

Джонатан изучал Диму с задумчивым видом.

– Знаешь что... – заговорил он, – пусть этот тип позвонит и скажет заказчику, что дело сделано.

– Гениально. Это гениально, Джонатан! – Я даже чмокнула его в щеку. – Вот что, Дима, – обернулась я к поверженному противнику, – ты сейчас позвонишь по тому номеру в Москву и скажешь, что заказ выполнен.

Дима торопливо кивнул. Пай-мальчик, да и только. В глазах почти детское послушание и готовность вести себя хорошо в обмен на жизнь.

Я набрала под его диктовку московский номер. Он мне был незнаком, но я его запомнила. Придерживая трубку у уха Димы – руки его были по-прежнему в наручниках, – я прижалась к ней с обратной стороны, вслушиваясь в голос.

Телефон в московской квартире звонил долго, ее хозяин, видать, был погружен в сладкие сны, в которых его-то никто не убивал.

Наконец трубка ожила сонным «Алле?».

– Задание выполнено, – глухо проговорил Дима.

– Не прошло и полгода... – усмехнулась трубка. – Забери все фотографии и документы. На этот раз, надеюсь, успеешь до прихода полиции.

– Я...

Я усиленно закивала Диме.

– Я уже все забрал.

– Надо же, мозги прорезались! Как там вторая?

– Все так же. Прогноз неблагоприятный.

– Она так еще год пролежит. Займись ею.

Дима посмотрел на меня. Я шепнула: «Там полиция».

– Нужно переждать. Там полно полиции.

– Твои проблемы. Я и так жду слишком долго.

Трубка грохнула, и раздались гудки отбоя.

Джонатан посмотрел на меня вопросительно.

– Мне кажется, что это Сережа... Но телефон меняет тембр... И потом, сонный голос не совсем такой, как обычно, да и слушать с обратной стороны, сам понимаешь... Одно хорошо: они теперь будут ждать, что эта тварь, – кивнула я в сторону Димы, – займется Шерил, и можно пока считать ее в безопасности. Потому что эту тварь сейчас увезет полиция. Прежде чем в Москве поймут, что наемный убийца окончательно пропал, прежде чем сумеют выяснить, что он арестован, пройдет немало времени, в которое Шерил будет в безопасности, а мы... Мы сумеем, может быть, что-то предпринять.

Спустя два часа, осмотрев «место происшествия» и записав наши показания, полицейские увезли Диму. Утречком комиссара будет ждать хороший подарок от меня.

Мы остались одни.

Джонатан держал меня за плечи, вглядываясь в мое лицо.

– Ты хочешь спать? Или можешь рассказать подробно, что случилось?

– Куда там спать... У меня нет сил ни на что, даже на «спать»... Кати убили чуть не на моих глазах. Там лужа крови... И это должна была быть я... И лужа моей крови...

Джонатан сильно сжал мои плечи и притянул меня к себе.

– Поедем ко мне, – прошептал он в мои волосы. – Тебе там будет лучше. К тому же у меня есть мазь для твоей шишки и коньяк для твоих нервов. Там и поговорим обо всем. Поехали?

Я ответила кивком и, сдернув шубу с вешалки, вышла за Джонатаном на лестничную площадку. Тщательно запирая дверь, которую так легко открыл убийца Дима, я почему-то почувствовала, что я больше никогда в этой квартире не буду жить.

Расположившись на тахте у Джонатана, на которую он принес специальный «кроватьный» поднос с ножками, где стояли рюмки с коньяком, фрукты и шоколад, я с наслаждением смаковала ароматный, терпкий, обжигающий горло золотистый коньяк и неторопливо, хотя и сбивчиво, рассказывала все, что случилось, все, что почувствовала и передумала за последние дни. Джонатан не перебивал, слушал внимательно и задумчиво. Усталость и расслабляющее действие коньяка сделали наконец свое дело, мой голос сел и стал прорываться хрипотцой и грудными басами, а отяжелевшие веки сползали на глаза.

Кажется, я заснула на середине какой-то фразы. Джонатан легонько подтолкнул меня, и я свалилась на подушку. Он натянул мне на плечи плед.

– Откуда у тебя наручники? – прошептала я сквозь дрему.

– Из секс-магазина, – был ответ.

Не знаю, удивилась я или нет. Я уже спала, свернувшись клубком у плеча Джонатана. Его рука всю ночь обвивала мои плечи, охраняя меня от кошмарных снов и от еще более кошмарной реальности.

Блистало солнце. Одиннадцать утра. Джонатан не спал, лежал возле меня одетый. Ну да, мы же свалились вчера, не раздеваясь. Заметив, что я открыла глаза, он приподнялся на локте.

– Как спала? – погладил он меня по волосам.

– Без сновидений, к счастью.

– Ты храбрая девочка. Я тобой восхищаюсь.

«А я тобой», – хотела было сказать я, но удержалась: смешно так обмениваться комплиментами.

– Я чай приготовил. Хочешь?

– Погоди, умоюсь.

Освежившись душем, я устроилась на кухне. Топазный чай в белых чашках играл на солнце, ароматный дух горячих гренок будоражил обоняние.

– Теперь, когда мы сдали убийцу полиции, я боюсь, что в Москву нам не удастся уехать.

– Почему?

– Откроется следствие. Тебе придется давать показания, они попросят тебя не покидать Париж... Возможно, тебе домой уже названивает комиссар Гренье.

– Надо ему позвонить... Я не могу уехать, не сказав ему.

– Позвони, – сказал без выражения Джонатан.

– Но если я позвоню, он вызовет меня к себе.

– Вызовет.

– И тогда он попросит, чтобы я не покидала Париж?

– Возможно. Если они сумеют открыть хоть малейший новый факт – ты должна быть на месте для дачи показаний. Если они свяжутся с Москвой и московские власти начнут задавать вопросы – ты должна быть на месте. После чего все твои передвижения и действия будут под контролем. Возможно, что они захотят, чтобы ты вернулась в Москву, чтобы вести следствие на месте.

– Это плохо?

– Нет. Теоретически полиция и должна распутывать подобные дела. А не мы с тобой, Шерлок Холмс и доктор Ватсон.

– Ватсон – это я?

– Ценю твою сообразительность, – улыбнулся он.

– В твоих словах где-то зарыто «но». Давай выкладывай.

– Ишь, какой нюх! Может, я тебя даже продвину на роль Холмса...

– Джонатан!

– Московская полиция сможет обеспечить твою охрану? Ведь пока полиция будет искать заказчика, заказчик пронюхает, что ты жива, что ты в Москве, и примет меры. Уж если он не поленился искать Шерил в Америке и тебя в Париже, то, сама понимаешь, в Москве тебе будет так же безопасно, как в пасти у волка. Там смогут тебя надежно охранять?

– Не знаю. Кажется, у нас больше полагаются на телохранителей...

– Второе. Я читал разные статьи о криминальной ситуации в России. Я тебя не обижу, если скажу, что московскую полицию легко подкупить?

Что и говорить, слышать мне это было неприятно, но и обижаться было не на что. Я и сама не раз читала...

– Ну, не всех же, – неуверенно возразила я.

Джонатан смотрел на меня с пониманием.

– Конечно, не всех. Только как бы узнать, что именно те, кто будет заниматься следствием по твоему делу, окажутся неподкупными?

– Так что, в Москву мне нельзя ехать? – растерялась я.

– Во всяком случае, не в связи со следствием.

Мне показалось, что Джонатан ждет от меня какого-то решения, но я никак не могла понять, какого именно. Я задумалась, звонко размешивая сахар в чашке. Джонатан встал, чтобы подлить себе чаю.

– Знаешь, что я сделаю? Я напишу комиссару Гренье письмо. Я ему опишу подробно всю ночную сцену и скажу, что заказчик в Москве считает меня убитой. И что, пользуясь этой ситуацией, я следую совету комиссара и хочу исчезнуть. Посему не оставляю своего адреса и направления, в котором собираюсь уезжать... И что пусть охраняют Шерил получше.

Я посмотрела на Джонатана. Кажется, я попала в точку. Он энергично закивал.

– Я тоже так думаю.

– Ты мог бы мне сразу это сказать!

– Я не хотел влиять на твое решение. Ведь это на *тебя* покушались, эти люди с *твоей* родины и полиция *твоей* родины... Тебе и решать.

Ну правильно. Джонатан ни в чем не хочет влиять на мои решения: ни в моей любви, ни в моей жизни...

– У нас есть еще несколько дней до отъезда в Москву... – произнесла я. – Ты не возражаешь, если я поживу у тебя?

– Я все обдумал, пока ты спала. Мы едем в Англию.

– ?

– Я уже созвонился, пока ты спала, с мамой. В Москву сейчас ехать нельзя.

– Но ты же только что сказал...

– У меня есть одна мысль, как все устроить наилучшим образом, вернее, с наименьшим риском... Но я пока не могу тебе сказать, я не уверен. Мне нужно встретиться с дядей.

– Который служит в М15?

– Только он может нам помочь. Если согласится, конечно... Сколько тебе нужно на сборы?

– А мы надолго поедем?

– Как получится. Но я рассчитываю дня за три-четыре управиться.

– Тогда пару часов. Только мне нужна виза!

– О, черт, я это упустил! Поехали прямо сейчас, бросай все!

Он почти вытащил у меня изо рта гренку и потащил к дверям, приговаривая, что консульство в двенадцать закроется и надобно торопиться.

Глава 6

Я СТАНОВЛЮСЬ ФАЛЬШИВКОЙ

В консульстве Джонатан, забрав мои документы, сразу исчез за какой-то дверью, предназначенной явно не для просителей виз, и пробыл там примерно полчаса. То ли его там знали, то ли знали его дядю, но все устроилось как нельзя лучше, и утром следующего дня мы уже рулили по направлению к Па-де-Кале.

С того момента, как мы въехали на паром, все закружилось передо мной, как кадры кинофильма: ровная серая гладь Ла-Манша, дороги Англии, обрамленные полями и домами из красного кирпича; Лондон, который мы пробурлили насквозь в западном направлении, мелькнул своими уютными улицами, красными телефонными будками, двухэтажными автобусами, знакомыми и незнакомыми названиями улиц и площадей... У меня было ощущение, что я сижу перед телевизором и смотрю «Клуб кинопутешественников», а вовсе не торчу в пробках лондонского центра, не глазею в окно машины, не читаю вывески на самом натуральном английском языке в столице страны Англии.

Вынырнув из потока машин в спокойный Кенсингтон, мы вздохнули свободнее. Здесь улицы обрамляли не дома – владения. За оградями простирались не участки – парки, в глубине которых виднелись особняки – старинные, больше похожие на замки, и шедевры современной архитектуры. Здесь было очень красиво и совсем по-другому красиво, нежели в Париже. Париж величественен по-имперски, королевский блеск лежит на каждом доме, запечатлен в самом архитектурном стиле, едином для города. Здесь же каждый дом – сам себе король, воплощение пресловутого английского достоинства. «Мой дом – моя крепость» – я, кажется, начинала чувствовать эту английскую поговорку.

Я немножко побаивалась встречи с родителями Джонатана и решила его расспросить о них. Отец Джонатана, как выяснилось, умер около десяти лет тому назад, когда Джонатан был еще подростком. Мать его больше не вышла замуж и воспитывала Джонатана одна. «Наверное, потому, – подумала я, – у него такие тесные отношения с дядей... Тем более, – испугалась я, – единственный сын у одинокой матери: то-то мне будет испытание!» Представила взгляд, холодный и одновременно придирчиво-ревнивый, которым она меня окатит при встрече...

Дом, в который привез меня Джонатан, был относительно небольшим, достаточно современным и невероятно элегантным. Он был похож на огромный белый корабль, величественно погруженный в кроны деревьев.

Моложавая женщина в джинсах и блеклой майке распахнула дверь дома, пока Джонатан ставил машину во дворе. Я даже не сразу сообразила, что это и есть его мать, – настолько она мне показалась молодой и неожиданно веселой. Темноволосая, с короткой стрижкой и светлыми глазами, высокая и стройная, она встретила меня легко и любезно, я бы даже сказала: по-свойски; не задавая никаких вопросов, она просто показала мне комнату, для меня приготовленную, и удалилась, сообщив, что ужин в семь.

Я все еще оглядывалась, отмечая новые детали английского интерьера, когда в дверь мою постучал Джонатан.

– Ты готова?

– К чему?

– Мы едем к дяде.

– А что для этого надо?

Джонатан оглядел меня с головы до ног. На мне были черные джинсы, черные высокие ботинки с тупыми носами и темно-сиреневый пушистый свитер.

– Сойдет. Пошли.

В его голосе сквозило сомнение, сойдет ли. Должно быть, приличная английская леди одевается иначе. Но я не захотела вникать в их приличия. Я не английская леди. Я иностранка, в конце концов.

И вообще, я – это я. Как хочу, так и одеваюсь.

Мы ехали недолго, дядя Джонатана жил в том же районе. На этот раз мы вошли в один из тех самых замков, которые я видела по дороге. Все было как положено: мажордом у двери, огромная зала с высоченным потолком, мраморным камином, сырой холод каменных сводов; ожидание, торжественный выход из бокового коридора дяди, церемонное рукопожатие: «Уильям, дядя Джонатана» – «Оля»... – и знакомство увенчал стаканчик шерри.

Невысокий, с круглой лысой головой, дядя Уильям ничем не напоминал мать Джонатана, приходившуюся ему сестрой, кроме светло-голубых глаз, таких же пронзительных, как и у Джонатана. Но разглядела я это не сразу. Его глазки, прикрытые нависшими веками, прятавшиеся в лучиках морщинок, были добродушно-хитрыми, и лишь иногда, в какие-то недолгие мгновения это выражение вдруг пропадало, словно соскользнувшая маска, и тогда взгляд его наливался ледяной голубизной, становился жестким и цепко-проницательным.

Именно так посмотрел он на меня, когда, покончив со «стаканчиком», он предложил пройти в библиотеку.

Книги от пола до потолка, что нормально – библиотека как-никак; огромных размеров письменный стол из темного дерева с прямоугольной кожаной вставкой в центре; диван и два кресла обтянуты темно-зеленой кожей, перед ними низкий столик из стекла: стопочка писем и костяной нож для разрезания бумаги... Пахло кожей и книгами.

Дядя Уильям предложил нам сесть и коротко распорядился:

– Рассказывайте.

– Начиная, Оля, – предложил Джонатан. – Я дополню.

Мы разговаривали до вечера. Сэр Уильям задавал вопросы, думал, записывал что-то, набрасывал какую-то схему со стрелочками. Дворецкий приносил нам чай прямо в библиотеку, и Джонатан шепнул мне, что это большое исключение в дядиных привычках – он пьет чай всегда в столовой, – вызванное серьезностью нашего дела.

Ну исключение так исключение. Лично я не вижу никаких причин, чтобы не пить чай там, где тебе это удобно.

Покончив с моими приключениями, дядя перешел к пристрастному расспросу о всех людях, которые были связаны по работе с Игорем.

Было почти семь часов, когда дядя поднялся:

– Завтра скажу тебе, Джонатан, что я об этом думаю.

Мы заторопились, чтобы не опоздать к ужину. У них тут какой-то ритуальный образ жизни. Удивительно, как им не скучно? Почему нужно есть тогда, когда пробили часы, а не тогда, когда ты голоден? Почему нужно сидеть за огромным столом, где не помешала бы рация для переговоров из конца

в конец, а не на уютной кухне за маленьким столиком, где все и всё рядом?

Впрочем, не буду покушаться на чужие традиции. Прожили они со своими причудами несколько веков и еще проживут.

Все повторилось на следующий день почти в точности, но только в библиотеку дядя пошел сначала с Джонатаном, оставив меня одну в гостиной. Я ждала долго, больше получаса, рассеянно разглядывая в высокое стрельчатое окно бесконечный вечнозеленый газон. Наконец в гостиной появился Джонатан и пригласил меня присоединиться к ним.

– Значит, так, – сказал дядя Уильям, когда я устроилась на зеленом прохладном диване. – Ситуация для тебя, Оля, крайне неблагоприятная.

Спасибо, я бы сама не догадалась!

– ...Тебя ищут, чтобы убить. В этом замешан близкий тебе человек, которого зовут, – дядя сверился с записями, – Игорь. Из чего следует, что в России у тебя крайне мало шансов на то, чтобы остаться в живых. Близкие люди опасны тем, что знают о нас слишком много... Тот факт, что Игорь пропал, – плохой знак. Либо он тебя полностью предал, либо он уже не владеет ситуацией. Во всех случаях тебе в России не спрятаться – и следовательно, не выжить...

– А кто ею владеет?

– Я не могу этого знать.

– Но ведь ясно, что это кто-то, кому Шерил помешала своей экологической деятельностью! И мы знаем, что у «Чистой планеты» была разработана целая программа по борьбе с вывозом радиоактивных отходов! Джонатан считает, что мы могли бы в Москве доискаться до...

Глаза дяди снова утонули в морщинках и веках. Он печально покачал лысой головой.

– Мимо, мисс. Не исключая, впрочем, подобной возможности, я советую: ищи разгадку в тайне вашего сходства с Шерил. Вы ведь не только друг на друга похожи. Вы еще похожи на *кого-то из своих родителей* ... Убийца должен был выкрасть все ваши фотографии: ты понимаешь почему? От вашего существования не должно было остаться даже следов! И именно из-за того, что вы на кого-то похожи!

«О Боже!» – прошептала я. Джонатан резко перекинул ногу на ногу и посмотрел на меня. Я ответила ему вымученным взглядом: этого еще не хватало!

Нервно потерев сигареты в сумочке, я осмелилась попросить разрешения закурить. Дядя Уильям, явно наслаждаясь эффектом своих слов, милостиво разрешил и сам достал из ящика сигару. Обрезав кончик, он попытался, прикуривая, и, устроившись поудобнее в кресле, принялся объяснять:

– Вы с Шерил не знаете своих родителей, но имеется крупный шанс, что это – русские, и притом – москвичи. История вашего рождения – тайна, но кто-то боится ее раскрытия. И тот, кто боится, и есть заказчик.

Некоторое время мы молчали.

– Но... – робко заговорила я. – Это очень неправдоподобно... Тайна рождения... То есть она правдоподобна, эта тайна, она существует, но чтобы из-за нее нас пытались убить!.. С экологической версией куда логичнее: организация Шерил действительно попыталась сунуться туда, куда ее вовсе не собираются пускать! Ядерные отходы – это же колоссальные деньги! А где деньги – там убийства...

– Верно. Эти люди, согласен, крайне опасны. Но в твоей версии мне не нравятся две вещи. Во-первых, получается слишком много сюжетных линий: сначала развивается одна интрига, а потом к ней еще приплетается тайна рождения – так только у Шекспира бывает. В реальной жизни, как правило, как только

нападаешь на странность – тут и надо копать. Во-вторых, тогда я не вижу, с какой целью хотят убрать еще и тебя.

– Я многое знаю...

– Вот уж не стоит заблуждаться на свой счет! Что ты знаешь, милая девочка? И какую опасность могут представлять твои знания для кого бы то ни было? Ну, заявила бы ты в полицию с самого начала, после первого же покушения, что твой знакомый Игорь знает о существовании Шерил, а твой знакомый политик хочет денег для своей партии. Да какая из партий в мире не хочет денег? Что можно интересного вытащить из подобной информации? И даже этот его помощник, – он снова сверился с записями, – по имени Сергей... А «гей» – это означает?.. – Дядя глянул на племянника вопросительно. Но я тоже поняла.

– Нет, – поспешила я заверить его, – это просто имя такое, одним словом: Сергей. Он не «гей».

– Так вот, – кивнул дядя, – этот Сер-гей, который якобы ездил к Кати, – у тебя против него нет никаких доказательств!

Я смутилась и не ответила. Дядя Уильям некоторое время изучал меня с любопытством. Мне показалось, что он взвешивает, насколько я глупа и стоит ли ему дальше тратить свое драгоценное время на объяснения.

– Мы, однако, отвлеклись, – заговорил он наконец. – Речь шла о том, что в Россию тебе возвращаться опасно.

– Да-да... – подхватила я торопливо, желая поскорее сгладить неловкость. – Вы говорили, что Игорь не владеет ситуацией... То есть, вы думаете... Игорь может находиться в опасности?

– Безусловно. Убийца послан не Игорем и не при его содействии, иначе бы твой адрес не выясняли через человека в посольстве. Следовательно, это дело на данном этапе ему неподконтрольно.

– Погодите, но ведь убийцу нанимал Сергей!

– Милая девочка, никто не может быть уверен в своих подчиненных и коллегах. Я – даже я! – не поручусь, что завтра не обнаружится, что кого-то из наших сотрудников не подкупила одна из иностранных разведок. Русская, например...

Дядя наконец улыбнулся.

– На этого человека, даже если бы он был другом твоего Игоря, все же нельзя положиться.

– Нет. Ни в коем случае, – подтвердила я.

– Хорошо, что ты так ответила. Если бы ты сказала «можно», я бы тебе заявил, что ты ошибаешься. Ни на кого нельзя полагаться, кроме самого себя. Никого нельзя считать своим другом. Смотря что, впрочем, понимать под словом «друг». Если это милый человек, с которым ты не делишься секретами, не работаешь вместе и не даешь займы деньги, – тогда он тебе друг.

– Тогда он мне – никто.

– Тоже верно, – согласился дядя. – Этот «никто» и есть твой самый лучший друг. Он-то уж тебе точно не напакостит – почвы нет... Вернемся к разговору: этот Сер-гей мог, увидев, что Игорь отстранился или отстранен от дела, переметнуться к другим хозяевам. Как бы то ни было, в Россию ехать крайне опасно. Возвращаться туда – просто совать голову в петлю. На помощь и защиту Игоря рассчитывать нельзя. Если он вообще жив. Кто там у тебя еще есть? Мама? Ты сама понимаешь, что времена, когда мама могла тебя защитить от всех в мире невзгод, давно прошли...

– Вы считаете, что Игоря могли убить?!

– Могли.

– Но почему?!

– Ну смотри. Тебя хотят убить. Игорь при этом может находиться в одной из трех возможных ситуаций: либо он ничего не знает об этом деле; либо он принимает в нем участие; либо он пытается ему воспротивиться. Первое предположение не подходит: мы знаем, что он осведомлен. Второе предположение также не подходит, так как явно не он, пусть даже при посредничестве этого Сер-гея, направил убийцу на твой старый адрес. Нам остается третье предположение: он попытался помешать чьему-то намерению тебя убить. И его убрали. Тогда и молчание его объясняется. Во всех трех случаях он тебе ничем не поможет.

Арифметические выкладки меня привели в бешенство. Он говорит об Игоре так спокойно, словно речь идет о вещи: если вещь убрали, она больше ничем не послужит!

Дядя Уильям, словно почувствовав мое возмущение, глянул на меня своими лукавыми глазками исподлобья: «Ты что-то хотела сказать?»

Я покачала головой. Не объяснять же ему!

И не объяснить.

– Поэтому, – закончил он подчеркнуто спокойно фразу, – я предлагаю тебе остаться в Англии. Попросить политического убежища. Я тебе помогу ради моего племянника. И ты сможешь затихнуть на какое-то время, спрятаться. А там видно будет. Будем держать руку на пульсе.

Он смотрел на меня. Хитренькие глазки сделались ледяными, колкими, сверлящими. Очевидно, этот человек не испытывал ко мне ни малейшего сочувствия и если и предлагал помощь, то просто потому, что считал необходимым помочь любимому племяннику. Если он вообще способен любить. Может, это просто ход с его стороны, чтобы затащить Джонатана к нему в контору. Ему ведь нужны надежные кадры...

– Нет, – сказала я. – Спасибо.

– Ты хорошо подумала?

– Я вообще не подумала. Я просто сказала: нет. Другого быть не может.

– Тогда подумай.

Я взорвалась:

– Я прекрасно поняла, что друзья для вас ничего не значат! Но там в опасности Игорь, и там моя мама! Это-то хоть что-нибудь значит с вашей точки зрения? Или я должна исчезнуть, не объяснив даже, куда и почему, и мама будет плакать ночи напролет и глотать валокордин, пока ее сердце не откажет от горя?

– Этому Игорю, девочка, ты ничем не сможешь. Жив он или нет – не в твоих силах что-то изменить в его судьбе – она в руках людей, более могущественных, чем ты. Что же касается твоей матери... Если она будет знать, где ты находишься, то тогда не только ты обречена на смерть, но и она тоже. Подумай об этом.

Странное дело, мысль о том, что Игорь мог находиться в опасности и даже, возможно, убит, меня волновала вяло, заторможенно, словно речь шла о каком-то знакомом, но не близком человеке. Что-то умерло во мне за месяц его молчания и догадок о том, что он меня предал... И теперь, даже понимая, что я могла оказаться не права и Игорь, наоборот, мог пострадать, пытаюсь спасти меня, – я не находила в своей душе прежних чувств. Это было до удивления несправедливо, но я ничего не могла с собой поделать. Я знала только одно: с эмоциями или без них, но я постараюсь ему помочь. Если это будет в моих силах...

Мысль же о маме, напротив, полоснула меня как ножом.

– Именно поэтому нужно поскорее во всем разобраться! – воскликнула я. – Нужно опередить этих людей!

– А каковы шансы, что ты сумеешь?

– Откуда я знаю! Джонатан! Почему ты молчишь? Ты ведь сам сказал, что надо ехать в Москву!

– Я хочу узнать твое мнение, Оля, – запротестовал дядя. – Мнение Джонатана мне уже известно.

– Я считаю необходимым ехать в Москву, – сказала я твердо. – Мы... Если Джонатан поедет со мной, конечно...

Я посмотрела на него. Он кивнул мне в ответ.

– Мы примем меры предосторожности! Они меньше всего рассчитывают, что я вернусь. Они вообще считают меня убитой. Так что...

– Что ж, ты был прав, Джонатан, – вдруг улыбнулся дядя.

Я растерялась. Что это означает?

Джонатан рассмеялся.

– Дядя, пока мы были одни, спросил мое мнение о том, что ты предпочтешь: спрятаться или поехать в Москву и попытаться разобраться во всем. Я сказал – в Москву. Дядя мне не поверил. Он действительно считает это очень опасным...

– Я действительно считаю это *крайне* опасным мероприятием! – поднял дядя указательный палец, словно восклицательный знак.

– ...Но я был уверен в твоем ответе. Ты мужественная девочка, и я ему так и сказал.

– Я не мужественная, я страшный трус. Но только есть вещи еще хуже страха: *постоянный* страх. Если я не разберусь, если ничего не сумею сделать и спрячусь, я буду всю жизнь жить в страхе. И еще мама. Я не могу ее вот так бросить.

– Тогда, – сказал дядя, – обсудим детали вашей поездки в Москву...

Новый год застал меня врасплох. Я о нем просто забыла – уж мне было, честно говоря, совсем не до него. А когда вспомнила, то оказалось, что я в Англии, а не дома, с Джонатаном, а не с мамой и не с Игорем, и не с нашими друзьями; что праздничный стол, обычно столь тщательно приготавливаемый к этому любимому празднику, не продуман, да и не с кем мне его делить из моих близких, кроме Джонатана... Который стал мне за это время дорог, но не стал близок.

Однако было необходимо задержаться на несколько дней в Англии: новогодние праздники несколько притормозили наши сборы, и дядя Уильям сказал, что сумеет подготовить все необходимое к нашему отъезду только после выходных.

– Как тут у вас встречают Новый год? – спросила я Джонатана.

– Ходят в гости, на дискотеки, в рестораны, – был ответ.

– Я обычно встречаю дома...

– Для нас семейный праздник – Рождество. А Новый год – это выходы, развлечения.

– А мы куда пойдём?

– Куда хочешь.

Я никуда не хотела. Окажись я в Англии туристкой, я бы, наверное, восторженно пищала от

самобытной красоты этой страны, ее старинных традиций и оригинальных обитателей. Но я приехала сюда, спасая свою шкуру, и как-то ничего иного в моем сознании не умещалось.

Никогда еще у меня не было столь грустного новогоднего праздника. Мы отмечали его в шумном и веселом баре, в котором все пили, и все чокались, и желали друг другу удачи в новом году, но мне никак не удавалось разделить общее веселье, никак не удавалось прогнать мысль о маме, которая наверняка ждет моего звонка с новогодними поздравлениями... И не дожидется.

Я все перебирала разные варианты, как можно связаться с мамой, чтобы при этом не рассказать ей, что меня хотят убить, но зато объяснить, что о моем звонке не должна знать ни одна живая душа?

Я так и не придумала.

Я так и не позвонила.

Только всю новогоднюю ночь думала о маме...

Пять дней спустя в аэропорту Хитроу садилась на самолет, отлетающий в Москву, высокая стройная шатенка с голубыми глазами, красиво обрамленными темными ресницами (надежно окрашенными на ближайšie пару месяцев у косметички), в сопровождении стройного высокого шатена с голубыми глазами, красиво обрамленными темными ресницами (натуральными). В паспорте у шатенки значилось: «Мэри Сандерс, гражданка Королевства Великобритании». В паспорте у ее спутника значилось: «Джонатан Сандерс, гражданин Королевства Великобритании». Некоторая схожесть в их внешности позволяла думать, что они приходятся друг другу братом и сестрой. Юные искатели приключений, отпрыски из богатой семьи, о чем можно было бы судить по их одежде и дорогим саквояжам, надумали развлечься на Новый год и слетать в морозную столицу загадочной России.

Усталая стюардесса Аэрофлота, раздававшая пассажирам напитки, подумала, глядя с завистью на их красивые, холеные, беспечные лица: «Хорошо быть богатым. И почему одним все достается, стоит только родиться на свет, а другим – ничего, хоть всю жизнь паши?»

– Что вы будете пить? – ее любезность отдавала фальшью.

– Воудка! – воскликнула девица и засмеялась.

Стюардесса, с трудом сдерживая раздражение, подала два пластиковых стаканчика с двумя маленькими бутылочками.

– Эта карашо! – Девица ловко открутила пробочку, плеснула себе и брату водки, подняла свой пластиковый стаканчик. – Рашн воудка! – Она отпила маленький глоток и не удержалась, поморщилась, но сразу же заулыбалась. – Шапка! – продолжала веселиться девица. Она наклонилась к сумке, вытащила из нее шапку-ушанку из чернобурки, показала ее стюардессе, которая в ответ натянуто улыбнулась, и нахлобучила на голову своего брата. Тот хохотал и отбивался. – Я хочу купить матриёшка, – заявила девица, бросив шапку себе под ноги, и радостно рассмеялась, довольная своим русским.

Стюардесса глянула на англо-русский разговорник, раскрытый у нее на коленях. Эх, ей бы их заботы!..

– Через десять минут, – объяснила она по-английски, – мы начнем продавать сувениры. Так что будет вам матрешка...

ЧАСТЬ III

МОСКВА

Глава 1

РУССКАЯ МАМА

Сердце мое екнуло, когда в Шереметьеве я подала в специальное окошко паспорт. Я не знала, кем был изготовлен этот документик: специалистами в таинственных недрах английской спецслужбы или – как знать? – подпольными умельцами, подконтрольными органам безопасности, но дядя Уильям не подвел: паспорт был сработан на славу. В лице молодого пограничника ничто не дрогнуло. Лениво просмотрев паспорт, он с любопытством окинул меня, но его взгляд выражал чисто мужской, а вовсе не служебный интерес к моей персоне.

Таксист, заломивший такую безбожную цену, что я чуть не начала торговаться по-русски, отвез нас в гостиницу «Космос», в которой Джонатан, по моему совету, зарезервировал нам номера. Я ее выбрала скорее интуитивно, путем отсева. Совершенно не зная московских гостиниц – мне-то ни к чему, я жила у себя дома, – я все же припомнила, что у «Интуриста» постоянно крутятся проститутки и их сутенеры; что в «России» много кавказцев и все время происходят сомнительные разборки; что в «Украине», где мы как-то сидели на банкете с Игорем, ресторан был забит нуворишами, то бишь «новыми русскими». Перебрав все это, я решила, что про «Космос», по крайней мере, мне ничего подобного не известно.

Оказалось, что и эта гостиница носит отпечаток времени: то же мельтешение лиц и странных, озабоченных типов, меньше всего похожих на мирных иностранных обитателей отеля, – эти люди все больше крутились около холла, ресторана и каких-то других дверей, ведущих неизвестно куда, рядом с которыми как бы невзначай прогуливались крепкие парни с зоркими глазами.

Впрочем, нам было все равно.

Мы с Джонатаном поднялись в свои номера. Не знаю, каковы сейчас правила и могли ли нас, «брата с сестрой», поселить в один номер, но Джонатан, не спросив меня, заказал два отдельных.

Я распаковала два огромных роскошных чемодана, развесила свои платья и костюмы, любуясь – все это, по настоянию Джонатана и его дяди, я выбрала сама в магазинах, а Джонатан только подсказал мне хорошие марки и оплатил мои покупки. Таких красивых вещей, хоть Игорь никогда ничего не жалел для меня, у меня все же никогда не было. А женщине это, что ни говори, всегда приятно...

Вот тут и напала на меня истерика. Упав на кровать посреди кучи потрясающего белья, сиявшего атласом и кружевами, я рыдала, и тушь текла по щекам черными ручьями. Я приехала домой, как чужая! Я приехала на родину, где не могу говорить на своем языке! Я живу в гостинице, тогда как у меня есть дом, даже целых два, и ни в один я не могу прийти, как все нормальные люди приходят к себе домой! Почему я не могу повидаться со своей собственной мамой? За что?! Почему именно я?!!

Стук в дверь застал меня врасплох. Узнав голос Джонатана, я поплелась открывать. Окинув взглядом мои щеки в черных потеках, мой покрасневший сопливый нос и распухшие губы, он лишь покачал головой.

– Могу попозже зайти, если хочешь.

Какая деликатность, черт побери! Он предполагает, что я предпочитаю побыть в одиночестве, чтобы еще подольше пострадать и помучиться, и не хочет мешать осуществлению моего демократического права сходить с ума от тоски!

– Я когда-нибудь сдохну от твоей британской вежливости! – заорала я. – Когда человеку плохо, ему надо помогать, а не спрашивать, не хочет ли он, чтобы ему было еще хуже! Какого хрена ты меня все время спрашиваешь, чего я хочу или не хочу? Какого черта ты все время заставляешь меня принимать решения, мне непосильные, вместо того чтобы взять, как полагается мужику, подобные вещи на свои плечи! Ну, что ты на меня уставился? Истерики не видел?

– А у тебя истерика? – спокойно осведомился Джонатан, отодвинув меня плечом и проходя в комнату. – Не видел, – сообщил он, расположившись на стуле. – Не довелось.

– Ну и иди к чертовой матери, не смотри. Побереги свои нервы. Не возмущай свое британское спокойствие!

– Раздевайся.

Я подумала: ослышалась.

– Что?.. – стихла я.

– Раздевайся.

– Зачем это? – насупилась я. Слезы мгновенно высохли на моих щеках.

– Я тебе сделаю массаж. Это улучшит твое физическое и моральное состояние.

– Да, но я...

– Раздевайся.

Мне не хотелось показать ему, что я так быстро сменила гнев на милость и вообще что массаж, да еще руками Джонатана, мне был бы очень кстати. Я демонстративно достала свою косметичку и стала вытирать потеки туши. Когда я обернулась, Джонатана не было в комнате. Пока я пыталась сообразить, куда он мог подеваться, Джонатан вышел из ванной, вытирая руки, и, аккуратно подворачивая рукава рубашки, спросил удивленно:

– Ты еще не готова?

Он подошел ко мне, ловко выпростал меня из черного длинного пиджака, расстегнул мои черные джинсы и спустил их до полу.

– Ну, давай, шагни.

Я выбралась из штанин. Ему осталось только избавить меня от шелковой кремовой рубашки, что он и сделал с молниеносной быстротой.

– Ложись на живот, – деловито распорядился он. – Нет, постой!

Он протянул ко мне руки. Я подумала было, что он хочет обнять меня. Но я ошиблась. Он просто завел руки мне за спину, расстегнул застежку лифчика, снял бретельки с плеч и отошел.

– Теперь ложись.

Я растянулась на широкой кровати, чувствуя, что мышцы мои одеревенели от напряжения. Джонатан встал надо мной на колени так, что мои бедра приходились между его колен, и положил горячие руки мне на плечи, помедлил и, осторожно, но крепко прихватив в щепоть мою кожу, стал ее переминать и перекатывать в руках.

Первое же его прикосновение меня обожгло. Такой резвости от своего тела я не ожидала и была просто ошарашена тем бешеным водоворотом, который закрутился внизу моего живота, расплескивая кипящие волны желания. Я застонала.

– Больно? – наклонился ко мне Джонатан.

– Н-нет... То есть да... Немного, – соврала я.

Он слегка ослабил хватку, и теперь его пальцы нежно вытанцовывали точечные па вдоль моего позвоночника. Наверное, это был китайский массаж. Точки, словно клавиши, отзывались неслышным звуком, каждая своей нотой, своим голосом; некоторые перекликались с другими, будто в а капелла вступали в хор все новые и новые голоса, не сливаясь в один, но порождая невероятно гармоничный ансамбль... Тело мое жило какой-то своей, неведомой и неподвластной мне жизнью, оно говорило с Джонатаном, оно ему подчинялось, как дирижеру, оно к нему рвалось, как преданный раб к повелителю...

Острое и неумемное желание, охватившее меня поначалу, утихло, превратилось в томное наслаждение, сладостную негу, которая, тепло растекаясь по телу, расслабляла и кружила голову хмелем. Казалось, что я сплю и легкое эротическое сновидение пьянит сознание и тело...

Руки его теперь оглаживали мою спину, и я уже не знала, массаж ли это, похожий на ласку, или ласка под видом массажа? Мне хотелось обернуться и встретить его взгляд, уловить его выражение... Но я, конечно, не решилась. Я тихо лежала, уткнувшись носом в подушку, предоставив свое тело в распоряжение его рук.

Вдруг он ловко завернул резинку моих белых трусиков и стал растирать мои бока чуть ниже поясницы, прихватывая верх ягодич. И снова все вскипело внутри меня, захлестнуло с головой, я едва переводила дыхание в подушку, боясь показать, как возбуждает меня его прикосновение, – тогда как он, насколько я могла ощущать спиной, был абсолютно невозмутим и совершенно спокоен. Я представила себе его глаза в обрамлении черных ресниц и ясно увидела в них легкую насмешку, как и в прошлый раз в ванной, незлую иронию человека, который понимает, что со мной происходит, и немножко забавляется как зритель, но вовсе не как участник моей неразделенной страсти.

Нет, нет, я ошиблась, то есть я не ошиблась, но только в первый раз, а не во второй, о, черт, я запуталась, но без разницы, главное – я уверена, он «голубой»! Не может быть, чтобы нормальный мужчина до такой степени не реагировал на женщину! Да еще на какую женщину – на меня! Пусть он меня даже не любит, но должен же он, как нормальный мужчина, возбудиться при виде красивого обнаженного женского тела! Ну, почти обнаженного, лоскутковые трусики не в счет, и вообще, это даже еще соблазнительнее, или он ничего не понимает! Нет, то есть да, он, конечно, «голубой», он любит мальчиков, поэтому ему смешно мое желание и он просто дразнит меня!

– Все, хватит!

Я вскочила с кровати как ошпаренная. Ухватив свою одежду, я бросилась в ванную и стала нервно одеваться, путаясь в штанинах джинсов. У меня от злости дрожали руки. Взял бы и сказал честно: я, Оля, предпочитаю мужскую любовь, так что ты имей в виду... А то он дразнит меня, издевается надо мной! Льстит ему, видите ли, что он способен меня волновать!.. Мерзавец! Негодяй!

Хотя... Если вдуматься, я никогда не замечала никаких признаков гомосексуальной ориентации с его стороны. Все же сексуальный интерес – хоть к кому, хоть к корове на лугу – а выдает себя. Взгляд становится заинтересованно-оценивающим, задерживается на интересующем объекте дольше, чем нужно... Но я такого взгляда в сторону особой мужского пола у Джонатана никогда не замечала. Не похоже что-то... Так что же, мне остается признать, что он просто не хочет меня? Что я его не возбуждаю? Нет, увольте. Можете меня считать самонадеянной дурой, но я такого представить себе не могу. Тогда он

просто импотент. Вот-вот, именно! Импотент! А что, бывает и так, что смолоду!.. Я об этом читала. И тогда – все понятно: он, конечно, и рад бы в рай, да грехи не пускают. То есть я хочу сказать, что он просто боится проявить какие бы то ни было признаки своей сексуальной заинтересованности, потому что знает, что ничего дальше не получится. Тогда объясняется, почему он так нежен со мной и почему я практически убеждена, чувствую, что он меня любит: он и на самом деле любит, только по техническим причинам это любовь платоническая!

Мне стало моментально жалко Джонатана, а еще жалче – себя, потому что мне все время казалось, что наши отношения еще впереди; и это ощущение, это предчувствие наполняло меня, переполняло до краев счастьем. А теперь получается...

Получается, что ничего у меня впереди нет. Что мы останемся друзьями, как говорят в таких случаях.

– Я готова, – сообщила я нейтральным тоном, выйдя из ванной.

Джонатан невозмутимо посмотрел на меня – на голубом дне его глаз притаилась усмешка. И с чего бы ему усмехаться, право? На его месте я бы, скорее, плакала, честное слово. Впрочем, он прав. Лучше сделать вид, что ты смеешься над другими, чем дать повод смеяться над собой. Лучший способ защиты, как известно, – нападение. Так, глядишь, никто и не догадается, насколько уязвим ты сам...

Я решила быть великодушной и простила ему его усмешку.

– А ты готов? Тогда пошли.

Он помедлил, будто бы какая-то недодуманная мысль, недорешенная идея не отпускала его.

Я вдруг растерялась. Ощутилось с необычайной ясностью, что сейчас он скажет – или сделает? – что-то такое, что можно будет считать объяснением. И я испугалась. Я не хотела вынуждать его признаваться в том, что он не способен заниматься любовью, я вовсе не собиралась слушать откровения о его импотенции!

– Ты идешь, Джонатан? Или ты передумал?

Джонатан стряхнул с себя оцепенение и двинулся к выходу.

Четыре серых массивных дома сталинской постройки окружали знакомый двор; в каждом доме была арка для прохода и проезда. В центре была большая площадка со скамейками, кустами, деревьями, спортивной площадкой, обнесенной сеткой, детской площадкой с заснеженной песочницей и качелями – в общем, как любой другой двор, разве только побольше. Но для меня он был не любой. Для меня он был родной.

Я это почувствовала только сейчас, задохнувшись почти до слез при виде этого четырехугольного и вполне тривиального пространства. Родной, хотя я прожила здесь всего три года, и прожила счастливо... В слове «родной», пожалуй, нет ничего ни от ностальгии, ни от патриотизма – это, скорее, вопрос *геометрии*. Там, где вы просто проходите мимо, пространство плоское, одномерное, как в кино, там вы не ощущаете реальную перспективу всех его углублений и закоулков. В родном же пространстве совсем иная геометрия: оно, наоборот, объемно – сознание углубляет и продлевает пространство, оно простирается во все стороны от вас – к лавочке, на которой вы сидели, к качелям, на которых вы качались, к кустикам, за которыми вы прятались, дурачась. Оно становится многомерным, оно становится обжитым, оно становится *вашим* пространством.

И теперь, когда я знала, что это пространство, этот двор – больше не *мой* двор, мне было больно.

Так, наверное, смотрят в лицо человеку, который изменил: еще любимый, но уже не мой.

В квартиру Игоря – да, еще всего лишь месяц назад я сказала бы в «мою квартиру» или в «нашу

квартиру», но за последний месяц многое, очень многое изменилось в моей жизни и, главное, в моем сознании... – так вот, в квартиру Игоря мы пробрались тайком, бочком, вдоль стенок, чтобы никто не заметил из окон – благо двор был пуст: его всегдашних обитателей разогнал крепкий мороз, и только несколько резвых пацанов шумно взрезали коньками небольшую ледяную площадку в центре, охотясь за верткой шайбой.

Из предосторожности я поднялась на один лестничный пролет выше квартиры Игоря и ждала, пока Джонатан позвонит. На настойчивый звук колокольчика никто не откликнулся, чего и следовало ожидать: мы только что сделали проверочный прозвон из телефона-автомата. Я спустилась. У двери помедлила – отчего-то страшно было – и вставила ключ в замочную скважину. Мы снова прислушались: тихо. Я повернула ключ, и спустя мгновение мы были в квартире.

Такой знакомый запах этого жилища вызывал слезы, но они не успели появиться. Запах был знакомый, да; но... Но спертый. Но застоявшийся. Легко пахло табаком или, точнее, пепельницей – и это у Игоря, который курил не чаще раза в год и, терпя меня, курильщицу, без конца проветривал квартиру! Странно все это...

Мы прошли в комнату. И сразу перед моими глазами всплыла другая квартира: Шерил. У Игоря было все перевернуто точно так же, как у нее! И на столе возле компьютера стояла пепельница с двумя окурками, очень характерными для Игоря: сильно раздавленными и согнутыми почти пополам. Чтобы Игорь не выбросил содержимое пепельницы?

Ноги мои подкосились, и я опустилась на стул. Значит, прав был сэр Уильям – Игорь в опасности.

Если еще жив.

Вот теперь я действительно почувствовала страх и боль за Игоря. И – вину перед ним. За то, что плохо думала о нем, за то, что думала о другом мужчине, за то, что другого хотела, что другого полюбила... Это я – предательница, а не он! Самая настоящая, гнусная предательница.

В горле стоял ком. Джонатан, который потихоньку осматривал комнату, искоса глянул на меня, сходил на кухню, принес воды – все это молча, не задавая вопросов. Кажется, он понял, что со мной происходит... И тут поперек всех моих мыслей об Игоре проскочила другая, неуместная! Я вдруг поняла Джонатана. До меня вдруг дошло, что он лучше меня чувствовал все это время, что я еще принадлежу Игорю. И не торопил, не считал себя вправе меня торопить, не пытался занять место, еще не свободное...

И оттого, что я поймала себя на мыслях о Джонатане, мне стало еще горше, еще стыднее перед Игорем.

– Смотри, кто-то шарил в его дискетах.

Оторвавшись от своих жгучих размышлений, я глянула в направлении, указанном Джонатаном. На полу, посреди вывороченных из письменного стола ящиков и вываленных бумаг, валялась груда дискет.

– Искали какие-то документы. Видишь? Копались в его бумагах и компьютерных файлах. У тебя есть идеи?

Идеи, идеи... У меня? У меня голова пуста, как кокосовый орех. И внутри, как в том же орехе, на донышке плещется невразумительно-мутная субстанция... Какие там идеи! Хочется голову засунуть под подушку от раскаяния и стыда...

– Раз эти дискеты здесь брошены, значит, в них нет того, что здесь искали. Следовательно, либо они нашли, либо это искомое спрятано в самом компьютере, на твердом диске... А, Оля? Ты улавливаешь?

Я слабо кивнула.

– У вас какая операционная система?

– Windows 3.11...

– Посмотрим.

Джонатан включил компьютер. Разгоревшийся экран обнаружил незнакомое лого.

– Это Windows 95, – сообщил Джонатан. – Видимо, Игорь поставил в твое отсутствие.

Тут и я наконец включила мозги.

– Он и CD-ROM установил! Смотри, микрофон! Раньше всего этого не было...

Джонатан уже изучал содержимое компьютера.

– Смотри сюда внимательно. Я по-русски ничего не могу понять. Что-нибудь исчезло?

– Я особенно не знаю... Вот его рабочие файлы – он тут писал все для Василия Константиновича. Они на месте. Что еще?

– Думай, Оля, думай! Если бы Игорь хотел спрятать какую-то информацию, что бы это могло быть? Он когда-нибудь делал секретные файлы? С кодом, например?

– Не знаю...

– Он дома работал?

– Да. Но с чего бы ему секретничать. От кого скрывать? От меня? Я и так никогда не влезала в его дела...

– Тогда предположим, что, почувствовав опасность, он мог адресовать что-то тебе, – щелкнула мышью Джонатан, разглядывая всякие непонятные мне окошки конфигураций. – Возможно, компрометирующие документы... Как бы он назвал такой документ?

– У нас раньше были два таких файла, в которых мы оставляли друг другу записки. «Игорь» и «Оля». Когда я ему оставляла записку, я ее писала в «Игорь», и наоборот, он мне – в «Оля».

– Посмотри, есть что-нибудь в этом духе?

Я снова уставилась в экран. Нет, ничего похожего на мое имя в списке документов не было.

– Я ведь отсутствовала полгода... Игорь и не завел такой файл в новом Windows, необходимости не было.

– А эти рабочие документы – старые или новые? Посмотри, я хочу понять: он их заново завел на новой системе или перекопировал старые?

Джонатан нетерпеливо переминался за моей спиной, пока я вчитывалась в тексты Игоря.

– Старые. Новые тоже есть, но и старые здесь. Значит, перекопировал.

– Тогда...

– Думаешь, он перенес весь свой архив сюда? Включая файл «Оля»?

– Именно.

– Но его нет!

– Одно из двух: либо Игорь его сам спрятал, либо его стерли.

Джонатан открыл какое-то окно, что-то отметил – новая система была ему явно знакома – и снова вернулся в «Проводник», разглядывая его самым тщательным образом.

– Нет, он секретных документов не создавал...

– Или их уничтожили?

– Весьма вероятно, весьма... Если он перенес сюда все свои прежние файлы, то должен же быть в списке документ под названием «Оля»? И раз его нет – то его стерли. Кто-то сообразил, что он мог тебе оставить записку... Или просто искали что-то другое, наткнулись на эту записку – и стерли...

– Может, он ее записал на этих CD-ROM?

– Нет. На них нельзя писать, с них только читать можно.

– Значит, никакой надежды?

– Ну, почему же никакой... Эту новую систему, Windows 95, еще мало кто знает... Тут есть одна интересная штучка, «мусорная корзина» называется... – Джонатан снова забегал курсором по экрану. – И там хранятся все удаленные файлы... И если кто не знаком с новой системой, мог и не догадаться... Вот! Смотри!

На экране возникло окошко, в котором был недлинный список документов. И среди пяти названий было одно – «Оля»!

– Джонатан, ты гений! Вот, – указала я нужную строчку.

Через несколько секунд я уже разглядывала короткий текст, с недоумением переводя Джонатану набор фраз, без заглавных букв и без знаков препинания, с несколькими опечатками:

«вторник 5 декабря

спешу еду в париж надеюсь тебя найти

маловероятно но если разминемся ты в опасности

здесь не живи

у мамы тоже

спрячься у подруг никому не говори что приехала не звони...»

Мы с Джонатаном переглянулись. Именно это нам и посоветовал сделать дядя Уильям...

«...единственный шанс спастись действовать быстро и анонимно

иначе все равно найдут даже за границей

разыщи акушерку елену петровну куркину работала в роддоме ленина в 70е годы, теперь ахматовой.[\[10\]](#)

пусть расскажет про

слышу лифт возможно ко мне

главное – светлана зазорина лидер политдвижения новая экономика президент общества русские женщины за демокр...»

Я уставилась на Джонатана. Во мне все дрожало. Джонатан подождал и, видя, что я способна лишь молча трястись, сказал негромко:

– Эту запись надо сохранить... Здесь ее могут найти и стереть. Не знаешь, где обычно лежат чистые дискеты?

Я указала Джонатану на полку с коробочками дискет. Джонатан быстро управился с перезаписью, распечатал записку Игоря на бумаге, записал перевод под каждой строчкой и аккуратно положил листок

вместе с дискетой во внутренний карман пиджака.

– Судя по всему, Игорь не приходил сюда с 5 декабря, даты написания записки. Иначе бы он ее закончил, верно?

– То, что он давно не был в квартире, понятно по запаху. Игорь курит крайне редко, когда нервничает – что он делает тоже крайне редко, – и потом сразу же выбрасывает окурки и хорошо проветривает квартиру. Но, может, он все-таки уехал в Париж? – спросила я с надеждой.

– Оля, если он уехал почти месяц назад, то неужели бы он не нашел тебя за это время?

Я не ответила. Все было и так ясно.

– Пойдем? – спросил Джонатан осторожно.

– Я хотела бы взять кое-какие вещи... Ты не думаешь, что этот файл, «Оля», лучше совсем стереть?

– Ни в коем случае. Я его отправлю обратно в «корзинку», где он и был. Если сюда придут, то никто не должен догадаться о нашем визите. И вообще о твоём пребывании в Москве. Так что и вещи придется оставить. Купим все, что тебе нужно.

– Да! – вскочила я. – Пойдем отсюда!

Выбравшись со двора, мы сели на метро и через десять минут были на Тверской. Джонатан завел меня в первое попавшееся кафе, заказал кофе, поднес зажигалку и, увидев, что я слегка отошла от шока, посмотрел вопрошающе.

Я только покачала головой, не находя слов.

– Дядя, к сожалению, оказался прав, – заговорил Джонатан. – И насчет Игоря, и насчет тайны вашего рождения. О которой, судя по всему, знает эта акушерка.

– Что мне теперь делать, Джонатан? Нужно попробовать найти Игоря, понять, что с ним случилось! Он в опасности, это же ясно! Если еще жив... Записка датирована 5 декабря – как раз в тот день я разговаривала с мамой, и она мне сказала про одноклассника Зайцева, а Игорь пришел во время нашего разговора и закричал, что меня не слышно! В тот же день вечером я в первый раз следила за Шерил и увидела парня в джинсовом костюме, Диму то есть... Почти месяц прошел с тех пор, Джонатан! И именно с тех пор Игорь пропал. К нему в тот же вечер пришли... Кто? И что с ним сделали?! Боже мой, прав твой дядя, прав, это-то и ужасно!

* * *

Если бы в этой дачной тюрьме был телевизор, Игорь бы его смотрел. Если бы здесь были книги или хотя бы газеты, он бы их читал. Если бы здесь был компьютер, он бы поработал.

Но ничего этого здесь не было, и нечем было занять мозги, чтобы вытеснить оттуда паршивые вопросы, которые навязчиво лезли в сознание.

...Игорь никогда не задавал лишних вопросов. Ни другим, ни самому себе. Зачем они нужны, эти вопросы, лишние уже потому, что на них чаще всего либо нет ответа, либо не хотят дать ответ?

Но лишнее лишнего в вопросах – сам ответ. Он, как любая другая информация, вынудит тебя принимать его в расчет, уточнять собственную позицию по отношению к нему, принимать решения, делать выбор...

Выбор, который очень часто сделать невозможно.

Или не хочется.

Поэтому, когда его попросили взяться за розыски двух девушек, он не стал спрашивать – зачем? Он не стал спрашивать у самого себя: с какой целью? Он просто взялся за поручение. И стал искать.

И нашел.

И одна из них оказалась Оля. Его Оля...

Разве он с самого начала не понимал, зачем девочек ищут? Разве он не догадался, что они кому-то мешают? И даже кому именно?

Если бы он позволил себе хоть на секунду сосредоточиться на подспудных причинах и весьма вероятных следствиях этого поручения, то был бы вынужден признать, что все понимал прекрасно. Но ведь у Игоря принцип: не задавать лишних вопросов. А нет вопросов – нет и ответов. Нет и ненужных мыслей, нет лишнего понимания того, что тебя вовсе не касается.

Он никогда не предполагал, что может наступить такой момент, когда непрошенные ответы на незаданные вопросы станут возникать сами собой, всплывать из подсознания. И тогда, как бы ни сопротивлялся его разум, как бы ни пытался скрыться, защититься от безжалостной правды – вдруг станет отчетливо ясно, зачем их ищут.

Только поздно. Он уже ничего не сможет сделать.

Теперь, когда Игорь им больше не помеха, они ее убьют.

И это он привел к ней убийц.

...Впрочем, если бы он и отказался от этого поручения, они нашли бы другого исполнителя, и тогда, может быть, Оли уже вообще бы не было в живых. А так – он, по крайней мере, сумел для нее что-то сделать! Сумел настоять на ее переезде. Им еще придется ее поискать. Может, и не найдут...

Может быть.

Он без всякого энтузиазма обвел глазами железную дверь, зарешеченные окна. Да, он уже ничего не сможет сделать для Оли. Ей остается надеяться только на себя. А ему остается только пожелать ей удачи...

Ему было горько. Ему было больно. И обидно. Он терять Олю не хотел и, чтобы она умирала – такая молодая, такая хорошая, красивая девочка, – тоже не хотел. Но ситуация ушла из-под его контроля, а Игорь никогда не влезал – ни физически, ни эмоционально – в неконтролируемые ситуации. Зачем лезть туда, где все твои действия обречены на провал? Зачем вкладывать свои эмоции, переживать, когда ситуация все равно будет развиваться так, а не иначе, – то есть так, как хотят другие, а не ты?

Да, он любил Олю. Когда он увидел ее в первый раз, она показалась ему миловидной, но рядовой девочкой. Потом, в ресторане, когда он отпаивал ее чаем, ему понравились ее реакции на какие-то его слова – простые, впрочем, слова, ничего такого особенного он ей не сказал. Но для Игоря самое главное в людях – это то, как они смотрят, как произносят слова – важнее, чем то, что произносят! В этой девочке была простота, – не простеца, а простота, вещь благородная. В ней не было ни ужимок, ни дешевого кокетства, ни подбострастной готовности на все, выдающей себя блеском в глазах при виде набитого кармана, – не было этой пошлой печати времени, которой столь сильно отмечено юное поколение девиц, словно они все разом готовят себя к коллективному выходу на панель.

Когда он притащил ей шубу, он сделал жест действительно бескорыстный. У нее шубы не было – не считая же то, что она носила, шубой, – а у него были деньги. Впрочем, они у него всегда есть, уж что-что, а зарабатывать их – зарабатывать, да, а не воровать! – Игорь умеет, за что сам себя

глубоко уважает. Он принес ей шубу, и этот жест был сродни тому, которым поправляют неполадки в собственном костюме: так негоже носить вещи, вот и все. Вопрос эстетики. Такая старая задрипанная шуба на такой хорошенькой девочке – это задевало его вкус, поэтому следовало эту ситуацию исправить. Он и исправил.

Игорь человек независимый и состоятельный. И, в общем-то, достаточно отзывчивый. Поэтому он может позволить себе сделать добро мимоходом. И за свой жест он ничего ни у кого не требует. Так в переходах подают милостыню – не будешь же ждать ответного жеста от бедной старушки, правда ведь? Это называется благотворительность. И шуба в подарок – это тоже была благотворительность. Он сделал жест и почти забыл об Оле. Вспоминал иногда – милая девочка, славная, – но так, без всяких видов на нее. Но однажды – почти год прошел – вспомнил в очередной раз и подумал: а почему бы этой девочке не стать моей девочкой?

Пошел, проведаль. Отказалась бы – он бы не переживал. Нет так нет. Игорь никогда не влезает в ситуации, которые находятся не под его контролем.

Но она не отказалась. Она влюбилась в него.

Что греха таить, он тоже. И они были счастливы три года.

И вот теперь все ушло из-под его контроля.

Его любовь.

Ее жизнь...

А может быть, и его, Игоря, жизнь? Что они собираются сделать – с ним? Чем закончится этот домашний арест? И есть ли у него способы повлиять на ситуацию, взять ее под контроль?

Вот о чем сейчас надо думать.

* * *

– Что делать, скажи мне?! – требовала я ответа от серьезно-сосредоточенного Джонатана.

– Тише, Оля. На тебя оборачиваются. Возможно, здесь есть люди, понимающие по-английски.

Я оглянулась. Действительно, за ближайшим столиком два парнишки быстро отвернулись от нас, выдав себя своим смущением. Я понизила голос и перешла на французский:

– Ты понимаешь, что если еще что-то и можно сделать, то нужно действовать немедленно?

– Мы ничего не сумеем ни понять, ни предпринять, пока не размотаем этот клубок по порядку. Чтобы найти Игоря, нужно найти заказчика на вас с Шерил. Только он мог похитить или убрать Игоря, который попытался спасти тебя и тем самым ему помешать.

Я сидела молча, горестно уставившись в одну точку. У меня было трое близких и дорогих моему сердцу людей: мама, Игорь, Шерил. И все эти люди находились в ситуациях ужасных, отмеченных печатью беды: мама переживала и мучилась от моего исчезновения, строя догадки одна страшнее другой; Шерил застряла между жизнью и смертью; Игорь пропал, и, если он еще был жив, над ним тоже висела смертельная угроза. А я – я изменщица...

Сигарета, дотлев, обожгла пальцы. Я тряхнула головой, пытаюсь прийти в себя, и длинный кривой столбик пепла рухнул в мой кофе.

Джонатан осторожно положил свою руку на мою:

– Постарайся взять себя в руки, Оля. Времени у нас крайне мало на все, и в том числе – на покаянные

чувства...

Он и это понял! И в нем нет ни обиды, ни ревности. Только понимание и желание мне помочь. Как это у него получается? Столько благородства и терпения, такое отсутствие эгоизма, столь свойственного мужскому роду... Неужели же такие люди бывают? Или эту расу выращивают только в Англии? Даже Игорь, при всей своей чуткости, никогда не был столь тонок и предусмотрителен... Или он прикидывается? И у него есть какая-то цель... Говорят, маньяки-убийцы отличаются необыкновенным умением очаровать, создать впечатление редкой доброты и благородства...

Стоп! – это я на себя внутренне прикрикнула. Я совсем сошла с ума. Мне уже черт знает что мерещится. Я раздражена, я раздавлена чувством собственной вины перед Игорем, и бедный Джонатан, который столько сделал и делает для меня, тут ни при чем.

Джонатан смотрел на меня так, словно у него был дар следовать невысказанным мыслям. Почувствовав, что я справилась с нервной волной беспричинного раздражения, он добавил:

– Поэтому давай займемся делом. Кто такая Зазорина?

– Понятия не имею. Я политикой никогда не интересовалась, газет не читала – во всяком случае, политические разделы по телику тоже не смотрела... Фамилию вроде слышала... Но она явно не из самых видных политиков. Во всяком случае, не была, когда я уезжала полгода назад. Сейчас, знаешь, у нас все меняется каждый месяц. Кто ее знает, что она теперь собой представляет...

– Значит, так. Мы идем покупать газеты. Ты просмотришь, нет ли информации о ней.

Московская зима совершенно не располагает к сидению в сквере на лавочке. Однако требовалось где-то присесть, чтобы пролистать кипу свежих, пахнущих бумагой и типографской краской газет. Но мое предложение вернуться в гостиницу Джонатан отверг. Он посмотрел на часы.

– Ты не голодна?

Какое там голодна! В животе что-то сгустилось и застряло нервным комком, словно желудок связали в тугой узел. Я пожала плечами.

– Но время все равно обеденное. Если найдем приличный ресторан, то сможем убить двух зайцев: поедим и посмотрим газеты. Я есть хочу.

Довольно скоро мы нашли уютный ресторанчик на Страстном бульваре. Он был почти пуст, что меня вполне устраивало. Вообще-то я люблю рестораны шумные, набитые веселящимся народом, но сейчас все это мне было совсем некстати. Оставив выбор блюд на усмотрение Джонатана, который весьма обрадовался, обнаружив меню на английском, я погрузилась в чтение газет.

Раза четыре я натолкнулась на фамилию Зазориной в разных контекстах – под крылышком общества «Русские женщины за демократию» пригрелись различные женские движения.

– Джонатан, послушай! «Русские женщины за экологию!» И возглавляет это движение тоже Зазорина. Снова экология! Я уже ничего не понимаю.

– А что про нее еще?

– Она выставляет свою кандидатуру на выборы в Думу.

– Это уже серьезно. В такой игре большие ставки...

– Похоже, что она пошла в гору. Журналисты интересуются ее мнением по всем «горячим» вопросам!

– Нам надо узнать о ней как можно больше.

– Можно сходить в библиотеку. Там хранятся подшивки газет.

– Отличная мысль. Давай ешь.

Мое блюдо стояло нетронутым, тогда как Джонатан уже прикончил свое. Я стала нехотя ковырять мясо в горшочке. Джонатан тем временем рассматривал газеты на непонятном ему языке.

– Это какая буква?

– М.

– А эта?

– Р.

– То есть у нас это «п», а у вас «р»?

– Именно.

– А эта?..

Я не заметила, как сжевала весь обед. Принесли счет. Джонатан внимательно просмотрел его и подозвал официанта:

– У вас тут дважды проставлена одна и та же закуска. Мы этого не заказывали и не ели.

Мне стало немножко неловко. Игорь никогда не просматривал счет, а если и видел, что его обсчитывают, то никогда не говорил об этом. Впрочем, у них на Западе другие привычки и другое отношение к деньгам.

Официант с фальшивым изумлением уставился в счет, будто действительно вышла невероятная оплошность, и рассыпался в извинениях. Счет быстро исправили, и Джонатан расплатился.

– Я уже знаю множество вещей про Россию: я знаю русские буквы, я знаю, что цены в ресторанах непристойно дороги и в них обсчитывают, – сказал он, выходя.

– Их избаловала наша клиентура: наши новые богачи не только не проверяют счета, но еще и дают такие чаевые, что их и обсчитывать незачем.

– Чаевые – это личное дело каждого, добровольное дело: хочешь – даешь, а не хочешь или не можешь – не даешь. А когда меня обсчитывают, меня таким образом *вынуждают* платить больше. А я не люблю, когда меня пытаются принудить к чему бы то ни было. Вопрос принципа. Куда мы едем?

Расспросив нескольких прохожих, я выяснила, что в двух троллейбусных остановках отсюда имеется районная библиотека. Джонатан хотел взять такси, но я сочла это неоправданной роскошью и потерей времени – пока такси поймашь! – и потащила его на остановку.

– Надо было взять машину напрокат, – ворчал Джонатан, плетясь недовольно за мной на остановку. – Мы так и за год не управимся, если будем пользоваться муниципальным транспортом.

Он налетел на меня сзади, потому что я внезапно замерла как вкопанная. Стекло будочки остановки было оклеено листовками к предстоящим выборам. Прямо передо мной на толстом стекле прилепился пожелтевший от ветра и снега, с отклеившимся уголком листок, с которого на меня смотрело лицо...

Мое лицо. Лицо Шерил. Только этому лицу было раза в два больше лет. Внизу крупными буквами было написано: Светлана Ивановна Зазорина.

Джонатан выглянул из-за моей спины. И тоже увидел. Наши взгляды встретились.

Я протянула руку и сорвала листок со стекла. Не сговариваясь, мы развернулись, отошли подальше от остановки и стали ловить такси.

– Кажется, библиотека уже не нужна, – задумчиво проговорил Джонатан. – Займемся поисками акушерки?

– В гостиницу, – выдавила я. – Я должна это переварить.

Лежа на животе на моей необъятной кровати, я бездумно дрыгала ногами. Голова звенела. Я ничего не понимала.

– Скажи что-нибудь умное, – попросила я Джонатана, когда он зашел в мой номер.

– А что тут можно еще сказать? – удивился он. – Это ваша с Шерил мать, ясно же.

Мать, ядрена вошь! Наша мать! Эта красивая, несколько располневшая блондинка, которой полнота придавала дополнительное очарование, округлость лица добавляла «русскости» в ее внешность, милую нежную уютность, с которой она многообещающе смотрела в глаза избирателям, – наша мать?

– И эта предводительница русских женщин избавилась от нас с Шерил при рождении... А теперь этот секретик ее стал тяготить, вдруг кто пронюхает про грехи молодости. И она решила от нас избавиться, причем на этот раз окончательно. Так?

– Весьма вероятно. Я тебе ведь говорил, что политика – грязная вещь... Роддом имени Ленина – Ахматовой – ты там родилась?

– Нет, я в другом, имени Индиры Ганди... Погоди, я даже не подумала... Какое же отношение может иметь акушерка этого роддома к моему рождению?

– Вот найдем ее и узнаем. Ведь не случайно же Игорь о ней упомянул в записке... Может, она работала раньше в твоём. Во всех случаях она, видимо, работала там, где рожала Зазорина.

– Джонатан, насколько я поняла из газет, партия Василия Константиновича враждует с партией Зазориной, они расходятся по всем принципиальным вопросам: он за армию – она против, вернее, за профессиональную; он за «женщину-мать» – иными словами, за женщину на кухне – она за «настоящее, а не показное равноправие», как было в интервью, и так далее. Так что вряд ли Василий Константинович замешан в этом деле... К тому же Игорь ничего о нем не написал. Тогда, может, лучше связаться с ним? Он может что-то знать об Игоре.

– Оля! Ты меня удивляешь. Тебе ведь и дядя Уильям сказал, и твой Игорь в записке написал, что ни в коем случае никто не должен знать о твоём приезде в Москву! Или дядя хлопотал, делая для тебя паспорт, напрасно? Или ты покрасила волосы в темный цвет не для конспирации?

Джонатан укоризненно посмотрел на меня, как учитель на школьницу, которая не выучила урок и несет у доски ахинею.

Я смутилась. Действительно, глупость сказала. Мои «ум и сообразительность» явно стали меня подводить последнее время...

– Да, конечно, – пробормотала я, – я не забыла о конспирации... Просто я удивилась, что ниточки этой странной детективной истории со мной в главной роли ведут к Зазориной. Каким тогда образом в этом деле оказался замешан Игорь? Я не знала, что он с ней знаком... Никогда от него не слышала этого имени.

– Давай не будем гадать, Оля. Мы сюда приехали как раз для того, чтобы все узнать. И узнаем. Ты переварила наконец свое потрясение? А то мой желудок не отказался бы переварить чашечку кофе.

Интересно, сколько чашечек кофе за день способен переварить желудок англичанина? По-моему, целое ведро чашечек.

– Пей, – махнула я рукой, – я не хочу.

Джонатан заказал кофе в номер. Сидя напротив меня, он тренькал ложечкой об стенки чашки и задумчиво изучал записку Игоря.

– А наше «б» – это, значит, «в» по-русски?

– Да, – вздохнула я. Нашел время изучать русский язык.

– «Зве-тла-на...» Так?

– «С». Светлана.

– Светлана. За-зо-ри-на. Правильно?

– Правильно. Скажи пожалуйста, у тебя и впрямь способности! Мы собираемся провести остаток вечера за изучением русского языка?

Джонатан удивленно посмотрел на меня.

– Это ведь ты хотела ехать в гостиницу. Я всего лишь жду, когда ты «переваришь» информацию и утрясешь свои взаимоотношения со своими эмоциями.

– Переварила уже.

– Тогда едем.

– В роддом?

– Ну да.

– Джонатан... Я все-таки хотела бы подать маме какую-нибудь весточку. Она же волнуется, я для нее пропала...

– Оля, ты, надеюсь, отдаешь себе отчет в том, что твоей маме нельзя звонить по телефону? Он может прослушиваться. И к ней нельзя приходить – за ней могут следить.

– Но они же считают, что меня нет, что меня уже убили, устранили!

– *Должны* считать, да. Но кто может поручиться, что им не удалось связаться с киллером? Кто может поручиться, что этот Дима не сумел найти средство передать в нужные руки записочку? Ты понимаешь, что дядя сделал тебе фальшивый паспорт – уверяю тебя, это было непросто, он использовал для этого всю свою власть, – и настоял на смене твоей внешности именно потому, что опасность вовсе не отступила! Только отсрочилась. Уже прошло несколько дней со дня твоего «убийства», и мы не можем знать, как развиваются события в Париже.

– Джонатан, я не могу так поступить с мамой! Она терзается в неизвестности, не понимает, что со мной случилось, и строит догадки, одна страшнее другой! Счастье, что она не знает реальной правды, поскольку правда эта превосходит все возможные мамины кошмары...

– Понимаю тебя, но... Хотя... Знаешь, как мы сделаем? Ты напишешь маме записку. Жива, мол, здорова, не волнуйся, скоро приеду – будто бы ты пишешь из Парижа. Попроси никому о твоей записке не говорить, а саму записку сразу же уничтожить. А я твою записку отнесу. Или, еще лучше, положу в ваш почтовый ящик.

– И ты думаешь, что записка с подобным текстом ее успокоит? Да она тут же начнет глотать лекарства!

– Тогда, Оля, я не знаю, что тебе еще предложить.

Меня вдруг осенило. Я кинулась искать бумагу и ручку – благо у меня был еженедельник, из которого я вырвала пару страниц. Я исписала их целиком, вдохновенно описывая мои суперромантические

отношения с молодым англичанином, потрясающим парнем, в которого я влюбилась без памяти, чем и объясняется мое исчезновение – забыла обо всем на свете... Игорю заклинала ничего не говорить, так же как и любому другому человеку, который будет обо мне спрашивать – кто знает, вдруг Игорь, настороженный моим глухим молчанием, подойдет кого-то выяснять! Так что, мамочка, официальная версия такова: я куда-то пропала, не пишу, не звоню, как последняя свинья, и ты ума не можешь приложить, куда я запропастилась...

Эту записку привезет из Парижа по твоему адресу один мой знакомый; ты же, как только прочитаешь, сразу порви в мелкие клочки и выбрось – а то мало ли, вдруг Игорь заявится и найдет ее!

Постскриптум гласил: «Я знаю, что поступаю некрасиво по отношению к Игорю, но, когда ты увидишь моего англичанина, ты сама все поймешь!»

– Вот! – помахала я запиской. – Это то, что нужно! Мама даже не сможет догадаться, что я в Москве.

– И что ты там написала? – осторожно спросил Джонатан.

– Э-э-э... Какая разница, собственно. Сочинила одну историю.

– Любовную? – усмехнулся Джонатан.

Я растерялась. Не мог же он за день изучить русский язык и прочитать записку, пока я размахивала ею, правда же? Значит, догадался...

Джонатан, глядя на мое растерянное лицо, добавил с затаенной улыбкой:

– Я тоже подумал, что это был бы лучший вариант. Телепатия, наверное. Кстати, кто там у тебя фигурирует в качестве героя? Это я не из любопытства спрашиваю, я просто хочу убедиться, что телепатия существует и у нас с тобой оказался один и тот же кандидат.

– А кто у тебя кандидат?

– Как кто? Я, конечно. Джонатан Сандерс.

– До чего же ты наглый, Джонатан Сандерс. Меня от твоей самоуверенности уже просто тошнит.

– А ты предпочитаешь мужчин зажатых и закомплексованных?

– Я предпочитаю скромных.

– Вот уж не думал, что у тебя такой плохой вкус!

Я запустила в него своим еженедельником. Он увернулся, поднял шлепнувшийся на пол еженедельник и аккуратно положил его на стол. Я снова запустила им в него. И на этот раз Джонатан ловко отскочил в сторону и, поймав еженедельник на лету, положил его возле себя.

– Вещь испортишь. Выбери что-нибудь менее ценное... – Джонатан обвел глазами комнату. – Подушку, например. Или яблоко, хочешь, дам тебе из холодильника. Представляешь, какой кайф будет, когда ты залепишь мне в лоб – холодненьким, тверденьким, хрустященьким...

– Оно будет хрустеть, когда стукнется об твой лоб?

– Нет, когда я его поймаю и съем. Причем тебе не дам ни кусочка за плохое поведение.

– Ах, так!

Я снова потянулась за своим еженедельником, лежавшим на столе возле локтя Джонатана. Он перехватил мою руку и потянул на себя. Не удержавшись, я плюхнулась к нему на колени. Джонатан, взяв обеими руками мое лицо, прикоснулся к моим губам. Большими пальцами рук он нажал легонько на мой подбородок, вынуждая меня приоткрыть рот, и его мягкие, упругие губы впились в нежную влажную

сердцевину моих...

Поцелуй был долгим, тихим, нежным, бездонным. В нем не было страсти, вернее, она была, но какая-то потаенная, сдержанная, отложенная на потом. В этом поцелуе ей не было места; сам поцелуй был столь насыщенным, столь упоенным, что все остальное было лишним, способным разрушить его полноту и магию. Мы будто пили друг друга, пили и не могли напиться, никак не могли разнять губ. И только оттенок горечи, едва ощутимый вначале, сгустившись, разлучил наши губы.

Удивительно, сколько разных, противоречивых чувств человек может испытывать одновременно! Я была готова писать от страха, особенно по ночам, когда древний, дремучий, шкурный страх за свою жизнь овладевал моим сознанием целиком; и в то же время во мне играл азарт детектива-охотника; я страдала при мысли о маме, для которой я пропала, и одновременно наслаждалась новой ролью Мэри Сандерс, англичанки, красивой шатенки с мальчуковой стрижкой, спутницы высокого англичанина по имени Джонатан Сандерс: то ли сестра, то ли жена...

И я любила его, Джонатана Сандерса. Кем бы он ни был: гомосексуалистом, или импотентом, или просто неразгадываемой загадкой для меня, – но он вошел в мою душу.

Я еще не до конца разлюбила Игоря, но уже знала, что мои чувства к нему обречены.

Не знаю, как это случилось. Долгое время я думала, что Игорь бросил меня, предал, что он замешан в этом деле. Наверное, эти мысли и подорвали мою любовь к нему.

Оказалось, что это было не так: он меня не предал. Он меня пытался спасти...

Но чувства уже не вернулись.

Впрочем, одна из моих догадок все-таки была верна: Игорь замешан в этом деле. И если бы искомой девушкой оказалась не я, его любимая Оленька, то он, скорее всего, довел бы начатое до конца...

Или другие довели бы. Но ведь Игорь согласился работать на тех, кто поручил ему нас с Шерил разыскать? И неужели же он, столь тонкий дипломат и политик, умеющий читать между строк и между слов, не догадался, с какой целью нас ищут? И все равно взялся за эту работу... В юридическом смысле он даже вряд ли попадает под классификацию сообщника; но я не юрист. Я просто девушка, живое существо, которое хотят убить, и Игорь взялся помогать этим людям. И пусть он чудесный и замечательный, мой Игорь, пусть он нежнейший и заботливейший из мужчин, но мысль о том, что он замешан в убийстве, вытеснила из моего сознания любовь. Еще не до конца, пока не до конца; но я знаю, что уже никогда, никогда я не смогу любить мужчину, способного – пусть даже не убить, – но направить руку убийцы... Я с омерзением вспомнила киллера Диму и невольно содрогнулась от заново пережитого страха и отвращения.

Джонатан погладил меня по волосам.

– Не вспоминай, – сказал он. – Забудь, как плохой сон.

Я снова поразила его пронизательности.

– Как ты догадался, о чем я думаю?

Джонатан снова провел рукой по моим стриженным волосам.

– Помнишь, я однажды сказал тебе, что нужно уметь слушать сердце? Ты еще удивилась тогда.

– Верно, удивилась. И не совсем поняла, что ты имеешь в виду. Если бы это был не ты, я бы подумала, что эти слова принадлежат человеку наивному...

– Ты знаешь, в чем заключается переворот в нашей культуре, который совершили «Битлз»?

– Ну, рок-музыка, новый тип исполнения, новый имидж, философия хиппи, peace&love... Только при чем тут они?

– Эти ребята разрушили много предрассудков и традиций. Англия – страна крайне консервативная и с большим трудом воспринимает новое. «Битлз» принесли интерес и даже моду на восточные философии, особенно на дзэн...

– О, этого и у нас полно! И честно говоря, они мне кажутся не очень симпатичными, эти бритые в балахонах...

– Это адепты, это совсем другая история. Я сам далеко не адепт, я протестант по религии и философ по натуре и ищу для себя в любой философии то новое, что могло бы обогатить мои представления о жизни... Благодаря восточным философиям я понял, что ум и логика – любимые инструменты познания западноевропейской цивилизации – крайне ограничены в своих возможностях. Часто бывает так, что ум не в силах справиться с тем, с чем справляется интуиция, ощущения. И я стал учиться их слушать и им доверять. Это было не так уж просто – разум лез на первый план, размахивая своей логикой, не давал вслушаться в голос интуиции, создавал беспрестанные помехи на линии связи. Но мне все-таки удалось поставить его на свое место. Теперь они у меня добрососедствуют – мое логическое и интуитивное начало... Я ответил на твой вопрос?

– Значит, это твоя интуиция позволяет тебе чувствовать, что происходит со мной?

– Точнее было бы сказать, что это какой-то комплекс ощущений, какой-то способ познания, которому названия еще не придумали. Этот комплекс есть у всех, но не все знают, как им пользоваться. Вот тебе не приходилось ли когда-нибудь чувствовать беспричинную неприязнь к человеку, которую ты подавляла, говоря себе: у меня нет никаких причин, чтобы к нему плохо относиться?

– Еще как приходилось! И потом часто оказывалось, что ощущение было не случайным.

– Именно. Люди даже не подозревают, как глубока по сути поговорка «первое впечатление самое правильное».

– То-то мне Сережа так сразу не понравился!

– Потому что это и есть восприятие, еще не замутненное работой разума, – то, что можно назвать «голос сердца». А когда начинаешь общаться с человеком, то ты уже попадаешь в плен его маленьких и больших, преднамеренных и бессознательных уловок – всего того, что мы называем обаянием, всего того, что использует человек для того, чтобы понравиться другим. Мы все любим нравиться себе подобным, так уж устроено тщеславное человеческое существо... Нам надо выходить, Оля.

– Сначала к маме.

Джонатан кивнул. Я снова надела на себя длинное черное кашемировое пальто, которое мы купили в Англии – шубу пришлось оставить у Джонатана из конспирации, – и мы вышли на мороз.

В такси мы не проронили ни слова. Я нервничала, приближаясь к блочным кварталам Беяева. Вот уже и наш дом стал виден, подъезд...

– Остановите здесь.

Джонатан, вооруженный моей запиской и указаниями, направился к моему подъезду, а я, замирая от ужаса при мысли, что вдруг я сейчас увижу маму, сжалась в комочек на заднем сиденье такси. Я бы не перенесла этого: я бы бросилась к ней, я бы разревелась, я бы все испортила...

К счастью, мама так и не появилась за те пять минут, в которые обернулся Джонатан.

– Ну что, теперь тебе легче? – спросил, садясь обратно.

Я хлюпнула носом в ответ. Джонатан похлопал меня легонько по коленке, успокаивая.

– У вас с мамой, видимо, очень близкие отношения?

– Очень, – признала я. – А у тебя с твоей – нет?

– Я ее люблю. Но отношения у нас сдержанные. У каждого своя жизнь. И никто не считает себя вправе задавать вопросы и тем более в нее вмешиваться...

– Куда ехать будем? – обернулся к нам таксист, про которого мы слегка забыли.

Я посмотрела на Джонатана.

– Может, прямо к этой даме, которую зовут Светлана... – хоть я и говорила по-английски, я не хотела произносить фамилию Зазориной, – лучше поедем?

– С чем, Оля?

– С моим лицом.

– Мало. Нужны факты. И ими, судя по записке Игоря, располагает эта акушерка. Едем в роддом.

Я продиктовала адрес, выисканный заранее в справочнике. Некоторое время мы молчали, я думала о маме. Наверное, такие отношения, как у Джонатана с его матерью, легче. Не так тесно связывают людей, следовательно, не так больно быть вдалеке, в разлуке... Вспомнилась песня из обожаемого мною фильма: «Если у вас нет собаки, ее не отравит сосед, и с другом не будет драки, если у вас друга нет...»

– Скажи мне, – обернулась я к Джонатану, – тебя ваши с матерью отношения устраивают? У тебя нет чувства, что тебе не хватает тепла, поддержки?

– Я об этом никогда не думал. У нас так принято. Теперь, когда я вижу ваши отношения, я начинаю думать, что, может быть, мы потеряли что-то важное в нашей цивилизации. Такая близость и теплота отношений выглядит очень привлекательно... Но в каждой ситуации, как всегда, есть свои плюсы и минусы: подозреваю, что в ваших традиционных связях между членами семьи очень трудно отстаивать свою независимость, свое право на одиночество, на частную неприкосновенность образа мыслей и действий... Я прав?

– Пожалуй. В целом. Но у меня лично с мамой никогда не было никаких проблем. Она умеет считаться с моей независимостью.

– Тем лучше, – закрыл тему Джонатан.

Глава 2

ХОЖДЕНИЕ ПО ТРУПАМ

Проехав несколько километров по Волоколамскому шоссе, мы отпустили такси. Серое каменное здание роддома имени Ленина – Ахматовой находилось в небольшом парке, где мы с Джонатаном погуляли минут десять, обсуждая, как и у кого будем расспрашивать об акушерке Куркиной. Женщина могла быть уже на пенсии, а могла и работать. В последнем случае наша задача упрощается: мы просто поговорим с ней, расскажем правду и спросим, каким образом и что она знает об этом. Но вот если она на пенсии... Надо будет как-то добыть ее адрес.

Наконец я решительным шагом направилась к дверям.

Увидев первую попавшуюся женщину в белом халате, я бросилась к ней и горячо заговорила с сильным английско-американским акцентом:

– Здравствуйте, мэ-эм... Э-э-э... Товарищ... Но, госпожа! Здравствуйте, госпожа! Я ищу Елену Петровну Куркину! Скажите мне, где ее можно найти, пожалуйста, please!

Женщина смотрела на меня во все глаза с таким изумлением, словно ей явился инопланетянин. Кажется, она ничего не поняла.

– Я ищу... – начала было я сначала, но она меня перебила:

– Я не знаю никакой Куркину. Вы меня понимаете? Не знаю.

– Но не может быть! Она здесь работала!

– Когда?

– Когда я здесь родилась!

– Она, должно быть, уже на пенсию вышла. Вам лучше к главврачу пройти. Вы понимаете меня? – нервничала женщина. – К глав-вра-чу. Вон там, в конце коридора, направо. Понимаете?

– Очень даже понимаю! Я говорю по-русски! Я родилась здесь!

На этом я решила закончить первую часть моего представления и, поблагодарив женщину, двинулась по коридору в указанном направлении.

– Только он тоже недавно здесь работает! – донеслось мне вдогонку.

Что ж, тем лучше. Если в истории этого роддома есть какие-то тайны, то новая главврачиха их вряд ли знает и мне будет легче узнать от нее про Куркину.

У меня в сумке лежала коробочка французских духов, приготовленных для той, кто сумеет мне дать информацию. Я, собственно, и предполагала, что этим человеком будет главврач, но мне как-то не пришло в голову, что это может быть мужчина.

Но он был мужчиной. Довольно молодой, очень южный, с нежными похотливыми глазами, он, увидев меня, расплылся в белозубой улыбке и радушно встал со своего стула, а уж услышав мой потрясающий акцент, так просто растекся патокой.

Слушая мою душераздирающую историю о том, как в недобрые советские времена акушерка Куркина подружилась с моей мамой и помогла ей окрестить ребенка, то есть меня, тайком, став таким образом моей крестной, которую я, уже давным-давно гражданка Юнайтед Стэйтс оф Америка, желаю теперь

разыскать, он сочувственно кивал головой и, кажется, вовсе меня не слушал. Потому что едва я закончила свое повествование, как он немедленно поинтересовался, не хочу ли я с ним поужинать в одном изумительном местечке с настоящей русской кухней, по которой у меня, он предполагает, должна быть ностальгия.

Ответ мой заключался в том, что, пока я не закончу свои дела, у меня не будет аппетита и соответственно у него – шансов со мной поужинать.

– Сразу видно: американка, – польстил мне главврач. – Дело – прежде всего!

– Именно, – подтвердила я сурово.

– Ну, попробуем тогда разыскать вашу крестную...

Он нажал на кнопку селектора и попросил секретаршу принести ему архивы.

– Я бы с удовольствием показал вам Москву... Вы давно здесь не были?

– Давно.

– А приехали вы надолго?

Я колебалась. Сказать «нет» – значит заставить его поторопиться с его ухаживаниями. Сказать «да» – дать повод строить планы на встречи со мной...

Ну и пусть строит.

– О, да! Я ведь не турист, который приехал на week-end осмотреть Кремль. Я – я на родину приехал. И хочу здесь пробыть достаточно долго, чтобы ощутить свой корни...

Ну как? Он еще не плачет от умиления?

– Может, даже останусь тут жить... Если понравится.

– Конечно, понравится! Особенно если знающий человек покажет вам самое лучшее, что есть в нашем городе! Тогда вы просто не сможете устоять!

На мое счастье, вошла секретарша с папками в руках.

– Посмотрим, посмотрим... – пропел главврач, раскрывая скоросшиватели, пахнущие пылью. – Так-так-так... И пожалуйста, вот она, ваша Куркина! Она работала главной акушеркой. Записывайте адресочек... Это в Бибиреве... Может, переехала, но у нас новых сведений нет. Так как насчет ужина?

– Гляньте в окно, – сказала я ему. – Видите высокого красивого мужчину, который прогуливается у входа? Это мой муж. Спасибо вам за содействие.

И раньше, чем он оторвал взгляд от окна, я исчезла за дверью кабинета.

Снова такси, разбитые московские дороги, разлетающийся из-под колес грязный снег, перемешанный с солью и песком, серо-желтые сугробы вдоль обочин, облезлые блочные дома типовой застройки... Живешь здесь и всего этого не замечаешь, а съездишь вот так за границу, вернешься – и обидно за отечество. Особенно когда рядом с тобой иностранец, мнение которого тебе не безразлично.

Я глянула на Джонатана. Он сидел с закрытыми глазами, откинув голову назад. Состояние московских дорог и домов его явно не интересовало.

Выражение его лица мне показалось странным.

– Джонатан, – дотронулась я до его руки, – с тобой все в порядке?

Не открывая глаз, он поймал мою руку, заграбастал ее в свою ладонь, прижал к своему бедру и

легонько кивнул. Прошло еще, наверное, минут пять, когда он наконец посмотрел на меня, и я снова подивилась необычайной красоте этих прозрачных, резко обведенных черными ресницами глаз.

– Мне хорошо, когда ты рядом, – проговорил он и снова закрыл глаза.

Мы притормозили у длинной, как колбаса, пятиэтажки. Попросив таксиста нас подождать, мы вошли в убогий обшарпанный подъезд, воняющий мочой. Я снова покосилась на Джонатана. Он то ли не обратил внимания – хотя это было бы затруднительно, учитывая запах! – то ли не подал виду. Наверное, это и называется корректность...

Искомая дверь обнаружилась сразу же, на первом этаже. Дверь нам открыла молодая миловидная женщина в переднике. Вслед за ней по тесному коридорчику полз на четвереньках годовалый малыш, глядя любопытными глазенками на нас.

– Добрый день. Елена Петровна Куркина здесь живет?

– Елена Петровна?.. А вы кто?

– Я... О, это целая история! – Я решила не менять версию, которую уже использовала в роддоме, только теперь я говорила без акцента. – Я ее крестница.

– Кто?!

– Крестница. Когда я родилась в роддоме, где Елена Петровна работала, она помогла моей маме меня окрестить.

– Никогда не слышала подобных историй!

Молодая женщина осмотрела нас подозрительно. На Джонатане ее взгляд задержался, и на несколько мгновений в нем вспыхнул чисто женский интерес. Она непроизвольно поправила волосы и сразу же, как бы спохватившись, отвела глаза.

– Простите, а вы ее дочь? – решила я перехватить инициативу.

– Невестка...

– Может, она вам просто не рассказывала? В те времена все это тщательно скрывалось, а теперь она могла просто и забыть эту историю... Но я, когда узнала, что у меня есть крестная, я сразу захотела с ней встретиться...

Женщина покачала головой. «Надо же!» – пробормотала она и наклонилась, чтобы удержать малыша, который собрался выползти на лестничную площадку.

– Иди, иди в комнату, Игорек, здесь холодно!

«Игорек». Я тоже звала Игоря так. Так нежно: «Игорек». И мой Игорек помог убийце меня найти...

– Так что, – очнулась я, – мы можем с ней поговорить?

– Елена Петровна умерла.

Я так удивилась, словно акушерка Куркина обязана быть бессмертной. Я предполагала, что она могла выйти на пенсию, могла переехать, – но не умереть.

На мое растерянное лицо смотрели двое: глаза Джонатана пытались уловить и понять содержание нашего разговора – было условлено, что он не открывает свой английский рот, а я перевожу ему все потом; в глазах женщины мелькнуло сочувствие.

– Пройдете, может? А то холод в квартиру идет.

– Спасибо.

Мы вошли. Квартира пахла молоком и детскими пеленками.

– У меня тут беспорядок, не обращайтесь внимания, – извинилась хозяйка.

Кажется, пригласив нас из вежливости в дом, она теперь не знала, что с нами делать, и жалела о своем опрометчивом жесте. Это был самый подходящий момент для вопросов, на которые женщина должна охотно откликнуться, чтобы избежать неловкого молчания. Я бросилась в атаку:

– Давно ли Елена Петровна умерла?

– 29 сентября.

– Что же с ней приключилось?

– Попала под машину. Это так ужасно было... Одно хорошо, что она сразу умерла, не мучилась...

Я посмотрела на Джонатана, словно он мог мне подсказать следующий вопрос, вернее, наиболее тактичную форму вопроса. Но он, бедолага, не только не мог мне посоветовать – он и понять ничего не мог, и только серьезно смотрел на меня своими глубокими прозрачными глазами в сумрачных камышах ресниц, чувствуя, что что-то не так.

– Ох... сочувствую вам... – заговорила я, осторожно нащупывая верную интонацию разговора, в котором я надеялась выяснить кое-какие подробности. Конечно, может, у меня просто уже крыша едет от всех этих покушений на нас с Шерил, но наезд машины на акушерку, располагающую важной информацией, мне показался подозрительным.

– Нынче так безобразно в Москве ездят – как хотят! – продолжала я. – Ни правил не соблюдают, ни ГАИ не боятся! Сплошное хулиганство! Его хоть судили, водителя?

– Какое там! Не нашли. Он сбил маму и сразу скрылся.

– И даже свидетелей не было?

– В милиции сказали, что показания свидетелей очень приблизительные, дело вечером было, и в темноте никто точно не разглядел... Так что они закрыли дело.

– Вы, как я понимаю, жена ее сына?

– Ну да, невестка.

– Сын-то, должно быть, горевал очень...

– Горевал. Да и я тоже. Мы с мамой дружно жили. Все вместе, в этой квартире. Она мне с Игорьком помогала...

У нее покраснели глаза.

– Сочувствую, – снова повторила я. – Как жаль, что моя мама мне раньше не рассказала про мое крещение... Я бы тогда успела хоть познакомиться поближе с моей крестной... А вашему мужу сколько лет?

– Тридцать восемь, – удивилась она. – А что?

– Когда я родилась, он был уже взрослым человеком... Может, ему мама рассказывала, как она помогла меня крестить? Нельзя ли нам с ним встретиться?

– Я ему скажу, когда он с работы придет. Вы позвоните нам, я вам сейчас запишу телефон... Вы вообще-то как нас нашли?

– Мне адрес в роддоме дали.

– А-а... А звать вас как?

– Оля.

– Ну что же, Оля, так вы позвоните вечером, часиков в восемь... А молодого человека как зовут?

Я решила, что ничем не рискую, и произнесла:

– Джонатан.

– Не русский, что ли?

– Англичанин.

– То-то я смотрю, ни слова не говорит... Он не умеет по-русски?

– Нет. Не выучил еще.

– Муж, да? – спросила она, понизив голос и придвинувшись ко мне, кося любопытными глазами на Джонатана.

– Муж, – усмехнулась я, заметив сходство в выражении любопытства между матерью и годовалым сынишкой. – А вас как зовут?

– Людмила. Или Люда, как хотите.

– Спасибо вам, Людмила. Я позвоню вечером вашему мужу...

– Косте. Константин он.

– Вот и отлично.

Плюхнувшись на сиденье поджидавшего нас такси, я перевела разговор Джонатану.

– Теперь нам надо решить, стоит ли звонить ее сыну Косте. Он теоретически мог слышать от матери мою историю... Но тогда придется ему рассказывать правду.

– Вряд ли он что-нибудь знает, – проговорил Джонатан в ответ. – Иначе бы Кости тоже уже не было в живых... Но я не думаю, что мы чем-то рискуем, если расскажем ему правду. Попробуем.

У нас было три свободных часа до восьми, и мне не хотелось их терять. Но я не имела понятия, что мы можем предпринять за оставшееся время.

– Послушай, – заговорила я, – может, нам попробовать пробраться в архивы роддома? Должны же где-то быть записи о нашем рождении!

– «Где-то». В каком именно роддоме? Мы ведь даже не знаем точно, где рожала Зазорина.

– Ну надо же с чего-то начать... Начнем с этого.

– Ты думаешь, что, провернув подобное дело, Куркина не постаралась фальсифицировать все записи так, чтобы потом никто ни о чем не смог догадаться? Это было бы крайне неосторожно с ее стороны.

– Но не могла же она одна устроить так, чтобы все записи, все справки были подделаны... Джонатан! Ты гений!

– Ты это только сейчас поняла? – осведомился Джонатан.

– Ты еще и сам не понял! Послушай: Шерил «пристроили» американцам. И я тебя уверяю, что никто не рискнул бы документально зафиксировать подобный акт передачи ребенка! Да еще в те брежневские времена! Да еще если вспомнить, что мать Шерил тоже это все делала тайком! Так что мы в архивах, конечно же, ничего не найдем!

– И чему же ты тогда так радуешься?

– А тому, что Куркина не могла все это сделать одна! Даже если она была главной акушеркой, то фальсифицировать все записи, все бумаги она не могла одна, это было не в ее власти!

– Ей должен был помочь директор.

– Именно! Главврач у нас это называется. Надо его разыскать!

– Как?

Действительно, как? Снова идти к тому южному-нежному и смотреть в его похотливые глаза? Я еще так неосторожно брякнула про «мужа» напоследок...

Но выбора у меня не было.

Главврача я увидела в коридоре. Он разговаривал с двумя женщинами в белых халатах и, заметив меня издали, отвернулся, давая мне понять, что я его больше не интересую.

Я сделала вид, что не заметила, и, жизнерадостно прибавив шагу, подлетела к нему с улыбкой до ушей:

– О, I am, я вас just looking for!

Женщины смешались от моей «американской» наглости и отступили на несколько шагов, но главный смотрел на меня по-прежнему сурово. Я схватила его под руку и потащила по коридору, темпераментно тараторя:

– Мой муж уедет по делам на три дня, я хочу посмотреть Москва с вами, вы мне предлагали, вы очень любезный человек, русские вообще очень любезный люди, я так люблю Russia и Москва и русских люди!

Главврач купился с такой быстротой, что я даже удивилась. Расплывшись в улыбке, он заверил меня, что он всю жизнь мечтал быть к услугам такой леди, как я, вот только...

Он глянул на часы.

– Я смогу освободиться через полтора часа!

– Очень хорошо! Я за это время смогу to visit бывшего главврача, только мне нужен его адрес! Моя крестная, представляете, переехала, я ее не нашла, и I think, что бывший главврач что-нибудь знает!

Потоптавшись, не зная, что делать с поджидавшими его женщинами, от которых я его столь нагло увела, он, наконец, кивнул им:

– Я буду через десять минут.

Через десять минут в моих руках был нужный адрес. Я чмокнула трепетавшего от предвкушения вечера со мной наедине мужчину в щеку, пообещала перезвонить ему в половине седьмого и исчезла из поля его зрения.

Надеюсь, что навсегда.

К счастью, ехать было недолго, в район Остоженки. Решено было не звонить: разве по телефону объяснишь, кто мы такие и зачем разыскиваем Нину Александровну Демченко, бывшего главного врача роддома имени Ленина, нынче имени Ахматовой?

Я попросила Джонатана остаться в такси: присутствие незнакомого мужчины могло испугать пожилую женщину, если она была в квартире одна. Мошенничества, ограбления, убийства – не было дня, чтобы о них не рассказывали в новостях и криминальных рубриках газет, и теперь не то что мужчине – женщине боялись дверь открыть.

Однако на мой настойчивый и продолжительный звонок никто не ответил.

Я уже было собралась возвращаться к поджидавшему меня в машине Джонатану, как вдруг соседняя дверь распахнулась, и на пороге показалась девочка лет двенадцати. Несмотря на свой юный возраст, она была подкрашена, в ушах сережки, темные распущенные волосы лежали аккуратной гривой на цветастой дутой куртке, и только крошечная, несмотря на мороз, вязаная шапочка венчала ее макушку. На худых голенастых ногах были высокие облегающие сапоги на каблуках. Будь я ее матерью, я бы ни за что не разрешила появляться ей в таком вызывающем виде на улице.

Обежав меня взрослым, женским, оценивающим взглядом, который отметил и мою одежду, и мою стрижку, и обувь, и сумочку, девчушка наконец мне улыбнулась и сказала:

– Их никого нет. На работе.

– А разве Нина Александровна не на пенсии?

– Нина Алексанна? – Девочка заперла свою дверь ключом на длинной веревке и повесила его себе на шею, аккуратно заправив под куртку. – Нина Алексанна умерла уже. Теперь тут другие живут, молодые, Валя и Женя.

Оставалось загадкой, какого они пола, эти Валя и Женя, но я не стала спрашивать. Я только поинтересовалась:

– Родственники?

– Не. Молодожены. Им их родители купили квартиру Нины Алексанны в подарок на свадьбу.

– А что же, у Нины Александровны нет родственников?

– У ней муж был, так он тоже с ней и умер, а их дочка с мужем в Израиле живут. Они и продали ее квартиру. Моя мама еще им помогала, потому что они ненадолго сюда приезжали, на похороны, им некогда было заниматься продажей, вот моя мама и помогла. А вы тоже в Израиле живете? Или, может, в Америке?

– Почему это? – удивилась я.

– А на вас такие вещи классные, как у Маргариты. Она их в Израиле купила.

– Это дочка Нины Александровны?

– Ну да. А сейчас если кто не в Израиле живет, тот в Америке.

– Да нет, я тут живу, в Москве. А вещи, ты права, заграничные.

– Красивые. Особенно сапожки.

На мне были короткие сапожки из мягкой черной кожи, на высоком каблуке, элегантные и весьма сдержанные. Удивительно, что они понравились вдруг этой малявке, чьи представления о моде, если судить по ее одежде, были просто плачевны.

– А вы не манекенщица?

– Нет, – усмехнулась я.

– Вы могли бы. Вы такая высокая и красивая... Вы знаете, сейчас есть такие агентства специальные, туда берут высоких и красивых девушек и платят им – закачаешься! Вам надо туда сходить. Представляете, носить потрясающие платья целый день, сниматься по телевизору и еще за это бешеные бабки получать! Мечта! Я обязательно туда пойду, когда вырасту. А у вас жвачки нет?

У меня жвачки не было. Но зато на дне сумки валялись маленькие фруктовые леденцы – еще из

Парижа. Я пошарила, вытащила несколько и протянула девочке:

– Смотри-ка, это даже лучше, чем жвачка: вот апельсиновая, вот лимонная, малиновая, клубничная...

Деловито пересмотрев все фантики, она выбрала апельсиновую и сунула ее в карман.

– Бери все. Тебя как зовут?

– Оля. А вас?

– И меня Оля.

– Вот здорово! А вы ей кто будете, Нине Алексанне?

– Я... Наши матери были когда-то знакомы... И я... и моя мама попросила меня ее разыскать...

– Жалко, что вы пораньше не пришли, когда она еще живая была.

– Давно она умерла?

– Сегодня что у нас? 4 января? Тогда уже три месяца получается назад.

Три месяца назад! Начало октября! Через какую-то неделю после акушерки Куркиной!

– А число не помнишь?

– Ой, число... Восьмого, кажись. Октября.

Две смерти, разделенные девятью днями, двух женщин, работавших в одном роддоме. И знавших, судя по всему, одну и ту же тайну.

– Ты говоришь, что и муж с ней вместе умер... – подбиралась я к самому важному, ощущая холодок в спине от предчувствия. – Это что же, несчастный случай?

– Ага. У них дача сгорела. Ну и они тоже вместе с ней... Мама говорит, что, пока пожарники приехали, там уже от них одни угольки остались... Ужас! – Девочка передернула плечами. – Я как узнала, так мне потом несколько дней кошмары снились. Меня мама даже к врачу водила, и потом я таблетки пила снотворные... Мне все время снилось, что я тоже на этой даче и хочу спастись от огня, и их тоже хочу спасти, но огонь меня не пускает, и я прыгаю в окно и слышу, как они кричат, помощи просят... А я стою и ничего не могу сделать!

Глаза ее быстро наполнились слезами, и она прошептала:

– Ужас какой, правда, ужас?

Я погладила ее по голове. Шапочка, едва держащаяся на макушке, соскользнула, и я снова ласково водрузила ее на место.

– Я, знаешь, тоже однажды чуть не сгорела заживо...

– Правда? – Глаза ее распахнулись от страха, смешанного с любопытством.

Я прошла несколько шагов, уселась на ступеньку и пригласила жестом мою тезку устроиться рядом со мной. Девчушка присела, своротив коленки набок и заглядывая мне в глаза в ожидании страшной истории.

– Я провела несколько месяцев в... за границей. И вот однажды рядом со мной взорвалась бомба. Ее террористы подложили. Знаешь, кто такие террористы?

Оля кивнула.

– А зачем они бомбу подложили?

– Они таким образом заявляют, что европейские страны обязаны с ними считаться, иначе они будут

убивать ни в чем не повинных людей... Я чудом выжила. У меня были ожоги на лице. И еще у меня раньше были длинные волосы, как у тебя, даже еще длиннее. И они сгорели...

Я рассказывала версию, которую сочла наиболее приемлемой для моей маленькой собеседницы, надеясь взамен услышать от нее подробности о смерти бывшего главврача.

– Но мне больше повезло: мне сделали операции, и я не только не умерла, но даже и лицо мое в результате не пострадало. Только волосы вот...

– Ну, они вырастут! – горячо воскликнула девочка Оля. – Это не страшно! Хуже, когда умирают, как Нина Алексанна и Петр Сергеич...

– Ты права. Как же так вышло, что они не сумели спастись из огня? Ведь дача – не многоэтажка, можно выпрыгнуть из любого окна, в дверь успеть выскочить!

– Мама говорит – они спали.

– Так крепко, что не проснулись от дыма и огня?

– Мама говорит – они задохнулись от дыма и потеряли сознание. И уже больше не могли спастись...

– А мама твоя откуда знает?

– Ей в милиции рассказали. Они там следствие производили, причину пожара искали. А мы иногда ездили в гости к Нине Алексанне на дачу, и в милиции спрашивали что-то вроде – как там вещи обычно лежали... А вы маму мою дождитесь, она вам расскажет!

– А она когда придет?

– К семи.

Я вовсе не была уверена, что ее мама мне расскажет известные ей подробности просто так. Придется тогда для Олиной мамы снова сочинять очередную версию – уж ей-то правду знать точно ни к чему. Я решила, что это лишнее.

– Я постараюсь, – соврала я. – Так милиция доискалась причины пожара?

– Мама говорит, они думают, что это из-за машины Петра Сергеича...

– И при чем же тут машина?

– Он, как это, ну, батарейки для машины... ну ак... акими...

– Аккумуляторы?

– Точно! – обрадовалась моя маленькая тезка. – Они! Он их поставил на ночь заряжаться. И канистру с бензином в дом принес. Вот и загорелось. Бензин же горючий.

– Но, чтобы он загорелся, нужен огонь. Или искра хотя бы. Вот если бы Петр Сергеевич сигарету бросил непогашенную рядом, тогда могло...

– Нет, он не бросил сигарету! Он спал. А его батарейки эти, ак...

– ...кумуляторы...

– Ну да, они – сделали короткое замыкание... Это, знаете, когда искра в электричестве проскакивает... Страшно, правда? Вот так спишь-спишь, а электричество вдруг как делает замыкание – и пожар... А ты спишь. Просыпаешься – кругом огонь...

В ее глазах снова заметался ужас.

Я обняла Олю за плечи.

– Постарайся не думать об этом, ладно? С тобой ничего плохого не случится, поверь мне. В таких современных домах электропроводка надежная. Это на старой даче, которую строили какие-нибудь студенты-шабашники, она оказалась некачественная.

– Вот и нет! Дача была нестарая, большая, каменная! Ее уже после выхода Нины Алексанны на пенсию построили. Такой дом красивый, двухэтажный, и гараж, и даже маленький бассейнчик, в нем летом росли кувшинки и черепашка жила... Раньше у них там был деревянный домик, он-то и был старый, но Нина Алексанна говорила, что раньше нельзя было построить такую дачу, какую хочется. А теперь разрешили. Она говорила, что она участвует в перестройке: перестраивает дачу!

Понятно. Деньги, накопленные за время ее работы главврачом роддома – на месте хлебном и прибыльном, – лежали, ожидая дней, когда их можно будет вытащить из кубышки и вложить в милые сердцу приобретения. Возможно, немалую часть этих денег в кубышке составляла плата, наверняка щедрая, за нас с Шерил.

Ну что ж, я узнала достаточно от забавной разговорчивой девочки Оли. Пора было прощаться.

– Все это теперь не имеет значения, Олечка. Ты жива и здорова, и не надо думать о всяких ужасах. Ты, наверное, шла гулять? Тебя во дворе ждут твои подружки?

– Ой, точно! Надо же, я заговорила с вами и забыла... Я пойду!

– Пошли вместе, я тоже уйду.

– А вы еще придете?

Похоже, я ей понравилась, моей тезке.

– Постараюсь, – снова туманно ответила я и покинула Олю, весело направившуюся к трем девочкам во дворе, одетым в том же неуклюжем, вульгарно-взрослом стиле, что и Оля.

Удаляясь, я чувствовала, что девчоночьи глаза провожают меня, обсуждая все детали моего туалета.

Джонатан слушал мой отчет сосредоточенно, не перебивая. И только когда я закончила, он спросил:

– Ты можешь мне объяснить, зачем человек мог подключить аккумулятор к электросети? У вас дефицит аккумуляторов?

– Не знаю, – пришлось признаться мне. – У нас с мамой никогда не было машины.

– Ведь электричество стоит очень дорого, – добавил Джонатан.

– У нас – дешево. К тому же у нас всегда был дефицит на запчасти и прочие штуковины для машин, а сейчас если они и появились в свободной продаже, то не на каждом шагу. И уж вряд ли в районе дачного поселка.

– Значит, в этом ничего подозрительного нет?

– Кажется, нет.

– Тогда объясни мне про канистру с бензином. Зачем хозяин мог ее принести в дом?

– Ума не приложу. Если бы он еще поставил машину на улице – тогда я сказала бы: чтобы не украли. Машины за одну ночь буквально «раздевают»... Но у них на участке есть гараж.

– Так что мы имеем еще одно убийство?

– Боюсь, что да. К тому же странно, что они не проснулись.

– Кто-то помог уснуть покрепче?.. Эта девочка не упоминала каких-нибудь гостей, которые приезжали на дачу главврача?

– Нет. Мы можем поехать в этот дачный поселок и порасспрашивать соседей. Если мы, конечно, найдем там кого-то в такой мороз.

– Нет смысла, Оля. Соседи в лучшем случае добавят еще какую-нибудь деталь, которая нам снова позволит сомневаться и строить догадки. Но никто, кроме полиции, нам не сможет точно обрисовать картину. Только в полицию мы с тобой не можем пойти, а догадки мы уже и так строим – целую гору понастроили...

– К тому же пора Константину звонить, – сказала я, глянув на часы.

Жалея изо всех сил, что Джонатан не говорит по-русски, – предстоящий разговор лучше было бы вести между мужчинами, – я произносила в ледяную трубку телефона-автомата:

– Не хочу обижать вашу жену, но это то, что называется «мужской разговор», который, как и наша с вами встреча, должен остаться между нами. Когда вы узнаете его суть, вы поймете меня. Я сама женщина и хорошо знаю, что женщины болтливы...

– Верю вам на слово, – перебил меня низкий мужской голос, – и не возражаю встретиться с вами. Но за Люду я ручаюсь, как за самого себя: если ее предупредить – она ни за что не сболтнет.

– Хорошо... – мне было неловко диктовать свои условия. – Как вам удобно встретиться? Может, поужинаем вместе в ресторане? Мы приглашаем.

– Я и сам могу вас пригласить, – с достоинством сказал Костин голос. – Только нам малыша оставить не с кем. Приходите лучше к нам на ужин.

Я ломаться не стала и быстро согласилась. Мы с Джонатаном зашли в магазин, купили кучу вкусных вещей, и вскоре наше такси снова притормозило у пятиэтажной колбасы.

Я немного побаивалась предстоящего разговора, вернее, не его самого, а напряженности, непонимания, недоверия – рассказал бы мне кто подобную историю, я бы сама вряд ли поверила! Но наши хозяева встретили нас радушно и непринужденно.

Костя оказался симпатичным усатым мужиком, веселым и простым. Он был компьютерщиком, и одна из комнат их трехкомнатной квартиры была завалена разобранными компьютерами, которые он чинил в свободное время, чем и – похвастался он – весомо подрабатывал в дополнение к своей зарплате. Он говорил немного по-английски и сразу же затеял с Джонатаном разговор о компьютерах, программах и прочих хитроумных вещах.

Я помогла Людмиле, несмотря на ее возражения, накрыть на стол, и вскоре мы уже сидели за ним, чокаясь холодной водкой.

– Ну, рассказывайте, – заговорил Костя, утирая усы. – Что там у вас за секреты такие?

– Вы извините меня, Людмила, – посмотрела я ей в глаза, – я сегодня днем сказала неправду. Ваша свекровь мне не крестная. Дело в том, что...

Я рассказала им все или почти все – разумеется, я обошла молчанием нашу поездку в Англию, фальшивый паспорт и некоторые другие детали, и, самое главное, я не упомянула имя Зазориной.

Они не проронили ни слова, слушая мое повествование, даже есть перестали. И только когда я закончила, Костя шумно выдохнул:

– Выпьем!

Мы снова чокнулись и принялись за еду.

– Это невероятно!.. – произнесла Людмила потрясенно. Ее круглые карие глаза блестели от

возбуждения. – Я вам, конечно, верю, но история ваша... Как в кино! Или в романе... Правда, Костя?

– В жизни всяко бывает, – рассудил важно Костя. – Истории для романов откуда берутся, по-твоему? Из жизни! Они хоть и редко такие приключаются, да их выбирают для искусства специально – самые необычные. А простые истории, в которых ничего не случается, а так: утром встали, пошли на работу, забрали сыночка из садика, поужинали, посмотрели телевизор, легли спать – кому же это интересно? Кто же это читать будет или кино смотреть?

– Верно, – ответила Людмила мужу уважительным взглядом, и я порадовалась, что эти милые люди мне поверили сразу.

– Значит, кому-то мешает секрет вашего рождения, так я понимаю? – заговорил Костя. – Чтой-то у меня такое ощущение, что я видел кого-то, на вас похожего, Оля. Уж не родня ли ваша... Только вот никак не соображу... Скажу, когда вспомню. И, значит, вы считаете, что моя мать была в курсе?

– Это более чем вероятно, Костя. Вы никогда не слышали от нее историй в этом роде? Или, может, ваш отец знает?

– Батя умер семь лет тому назад. Если и знал – теперь не спросишь. А мне мать ничего такого не рассказывала. Не пойму даже, как да чем вам и помочь...

Наступила пауза. Я не знала, что спросить, Костя не знал, что сказать. Оставался только один возможный ход, который мог расшевелить память Кости и заставить его вытащить из нее максимум информации. И я решилась поделиться с ним своими подозрениями.

– Не только мне помочь... Вам тоже: понять правду. Люди, пославшие без малейших колебаний киллера, чтобы убить нас с Шерил...

Я сделала значительную паузу и договорила:

– ... могли дополнить этот список приговоренных к смерти и вашей матерью. Если Елена Петровна действительно знала этот секрет, то не исключено, что наезд на нее был преднамеренным... Заказчик явно в выборе средств не стесняется. Вы не были знакомы с коллегой вашей матери, главврачом роддома Ниной Александровной Демченко?

Костя не ответил, кусая кончик уса. Он был явно ошарашен, но первая растерянность быстро исчезла с его лица, уступив место сосредоточенности. Мысль его работала, глаза блестели.

– Она дружила с мамой, дома у нас бывала! И на похоронах была... – видя молчание мужа, откликнулась Людмила. – А что... А она?..

– Она погибла девять дней спустя после вашей матери. Тоже несчастный случай. Пожар на даче... Вы не знали?

Костя вдруг сделался багрового цвета. Я даже испугалась.

– Я сразу им, ментам поганым, – прорычал Костя, – сказал: «Вас подкупили, сволочи! Вы дело закрываете, потому что кто-то вам за это заплатил!»

Он шумно перевел дыхание и хлопнул ладонью по столу.

– Я теперь понимаю, это точно так и есть! Уж больно все нечисто в этой истории! Ни свидетелей, ни показаний, х...ня какая-то! Это убийство, ясное дело! Мать убили, суки!

Он всхлипнул, если можно назвать таким словом тот сдавленный хрип, который вырвался из его груди, и положил кудрявую голову с начинающей редеть макушкой на сложенные на столе руки.

Людмила хлопотливо потянулась к мужу и обняла его голову, прижав к груди. Наступила тишина, если не

считать тихого полусшепота – это я, воспользовавшись паузой, тихонько переводила Джонатану.

– Только Константин, к сожалению, ничего об этом не знает... – шептала я, – нам остается только гадать...

– Возможно, есть какие-то косвенные признаки, – так же тихо ответил мне Джонатан. – Весьма вероятно, что за это дело его мать получила вознаграждение.

Костя поднял голову.

– Наливай! – махнул он жене. – Чего он говорит, Джонатан?

– Он думает, что ваша мама могла получить подарок в обмен на молчание...

Ни с кем не чокнувшись, Костя опрокинул рюмку залпом и звонко хлопнул ею о стол, ставя.

– Подарки мать постоянно получала. У нас всегда, пока она работала, дом был завален духами и коробками конфет... Она ведь главной акушеркой была!

– Подумайте, Костя! Одну из нас, Шерил, отдали американцам. Не исключено, что вознаграждение было особенным, необычным... Или сумма большая, или вещь какая-то дорогая, заметная, может, импортная... Не припомните?

– В каком году, говоришь?

– В семьдесят четвертом.

– Мне семнадцать лет было, стало быть... Смотри-ка, интересная вещь получается: как раз тогда батя машину купил. Точно, тогда!

– Может, накопил?

– Поди узнай теперь. Он давно мечтал, да вроде денег все не хватало. У него дважды очередь проходила из-за этого. А тут взял и купил. То ли накопил, то ли и вправду мать вознаграждение получила и ему на машину дала... Она могла, для семьи никогда ничего не жалела. Нам с Людой дала недавно денег на мебель...

– Дала денег на мебель... – повторила я эхом. – Нынче мебель дорого стоит...

Костя уставился на меня. Он слегка захмелел, и глаза его помутнели. Но соображал он хорошо.

– Думаешь, снова заплатили?

– Ох, Костя, не знаю, что и думать...

– А за что? Если ты тут все правильно намудрила, то получается, что на этот раз мамино молчание никто не собирался покупать – ее просто убрали как опасного свидетеля... Ты ж сама мне это и объяснила.

– Предположила.

– Без разницы. Так разве бывает: сначала платят, а потом убивают?

– Мало ли... Может, сначала заплатили, а потом решили, что убить надежнее будет?

– Ты умная вроде баба, Оля. А говоришь чушь. Сама посуди: у тебя с твоим мужем, допустим, родился ребенок, так? Теперь, по каким-то причинам, ты от него избавляешься. И все шито-крыто. И вдруг, через двадцать лет, ты решаешь, что твой секрет для тебя опасен, а? Следуешь ходу моей мысли?

Я кивнула.

– Далее, ты хочешь, чтобы никто и никогда не смог вытащить этот секрет на свет божий, правильно? А есть, как назло, люди, которые его знают. Ну и что, ты побежишь снова платить этим людям?

«Здравствуйте, помните, двадцать лет назад я вам заплатила за молчание, так вот я снова примчалась платить, чтобы вы и дальше молчали»? Да тот человек уже забыл сто раз за двадцать лет эту историю, и предложить ему деньги – только о ней напомнить и разбередить любопытство!

Мне оставалось признать, что Костя прав. Но в словах Кости проскочила одна фраза, зацепившая мое внимание: «Представь, что у тебя с твоим мужем родился ребенок...» Если бы у меня с моим мужем родился ребенок, с какой бы стати я скрывала бы это? Стало быть, мы с Шерил – внебрачные дети. Зазорина, наверное, была молода и не замужем, и именно поэтому решила избавиться от нас...

Глаза Людмилы беспокойно перебегали с одного лица на другое и особенно внимательно вглядывались в лицо мужа, с готовностью утешить и поддержать.

– Переведи мужу-то.

Косте хотелось увидеть признание своей неопровержимой логики еще и от Джонатана.

Слушая мой перевод, Джонатан кивал одобрительно Косте, полностью в соответствии с ожиданиями последнего.

Дослушав до конца, Джонатан сказал коротко:

– Шантаж.

– Кто кого? – не врубилась я.

– Мать Кости пыталась продать свое молчание. И ее убрали.

На сей раз я перевела Косте.

– То бишь мать у кого-то попросила денег за молчание, и ей сначала дали, не пожалели... Но шантажисты обычно являются снова за платой, правильно? И чтоб в другой раз она не возникала, ее...

Заплакал ребенок, и Людмила, горестно покачивая головой, вышла из комнаты. Костя откинулся на спинку стула и сплел руки на груди. Некоторое время он смотрел на нас молча и наконец произнес:

– И кто же это?

– Не знаю, – не стала я делиться нашими открытиями и подозрениями. – Я только уверена, что это кто-то из тех, чья деятельность на виду и чья репутация могла пострадать, если бы тайна вышла наружу.

– Правильно говоришь.

– Не знаете, Елена Петровна ни с кем из таких людей не встречалась? Не созванивалась? Писем не получала?

– Нет.

– Ну как же, Костя, – заговорила, входя в комнату, Людмила. – Она же к Зазориной ходила! Она хотела попросить, чтобы нам помогли с первого этажа переехать, здесь зимой так холодно и сыро, и комары – представляете, зимой! – летают из подвала... Ты забыл, что ли? Мама еще сказала, что Зазорина обещала помочь...

Людмила уставилась на мужа, не договорив. Костя медленно поднимался со стула, глядя на меня в упор.

– Вот ты кого мне напоминаешь... Вот оно что...

У меня возникло ощущение, что он меня сейчас ударит. Видимо, факт моей схожести с Зазориной перебрал его боль и агрессивное желание мести на меня.

Но он быстро спохватился. Постояв растерянно, будто удивляясь промелькнувшему желанию меня

ударить, он сел обратно.

– Ну и дела, – проговорил Костя и снова налил себе водки. Люда прикрыла рюмку ладонью, но он, не глянув на жену, аккуратно и решительно убрал ее ладонь и опрокинул водку в горло. Хлопнув в очередной раз стопкой о стол, он посмотрел на меня, прищурив глаз:

– А ты ведь не удивилась нисколько. Знаешь, да?

– Сегодня видела на остановке ее портрет.

Я вытащила из сумки желтый хрупкий листок, сорванный со стекла, и показала Косте с Людой.

– Гляди-ка, до чего похожи! – изумилась Людмила.

– Чего ж сразу не сказала? – сухо вато спросил Костя.

– Сходство – не доказательство. Люди бывают похожи и без всякого родства.

– Ага. Не доказательство. А то, что мать к ней ходила, а спустя несколько дней ее машина сбила, – тоже не доказательство?

– Строго говоря – нет. Елена Петровна могла пойти к ней на прием действительно с просьбой помочь с квартирой. А сбить ее на машине могли совсем другие люди... К тому же еще никто не доказал, что этот наезд – преднамеренное убийство. Мы пока только гадаем, Костя, только предполагаем, только строим возможные версии.

– Ну тогда моя версия такая будет: мать участвовала в ее родах и помогла ей скрыть этот факт и пристроить близняшек. А теперь, когда она на пенсии и у нее больше нет ни подарков, ни даже приличной зарплаты, ей невмоготу жить на нашем содержании, не привыкла она к такой жизни, она, наоборот, привыкла нам помогать...

У него и у его жены одновременно увлажнились глаза.

– И мама решила подзаработать, – болезненно сглотнул Костя стоявший в горле ком. – Да, шантаж это называется, но мать мою не осуждайте! Вы ж понимаете, что Зазорина не обеднела, заплатив маме несколько миллионов. Они там, демократы-депутаты наши ср...ные, давно гребут лопатами! Не зря так во время перестройки горланили, во время путча выступали: знали, что готовят себе кормушку! Да какую! В масштабах государства! Они уже тогда делили места вокруг нее! Но только Зазорина, заплатив матери, призадумалась: ведь если дело так и дальше пойдет, она не просто несколько миллионов потеряет – они ей что, тьфу! – она самой кормушки лишится, насиженного, уютного местечка возле демократического корыта, корыта бездонного! Взять оттуда несколько миллионов – не проблема, в корыте снова появится – денежки-то государственные, все время притекают; а вот доступа к корыту лишиться – это уже беда! И порешила депутатка покончить с Еленой Петровной Куркиной – благодетельницей, когда она рожала, и опасной свидетельницей нынче... Напечатай кто в газете: Зазорина, кандидат в депутаты, председатель всех возможных женских движений – продала детишек иностранцу! – как все ее должности и посты тью-тью! Прощай, карьера!

Костя вскочил, сделал несколько шагов, развернулся обратно и встал позади своего стула, уперев в спинку руки. Он оглядел нас всех по очереди, и его взгляд остановился на моем лице.

– Вот тебе моя версия. Все тут ясно как белый день.

– Тем не менее это остается только версией, – сказала я мягко.

В глубине души я была уверена, что Костя прав, но, памятуя выражение его лица, с которым он вставал, чтобы меня ударить, я побоялась признать вслух его правоту: последствия были бы непредсказуемы. Он мог рвануть к Зазориной лично, избить ее, убить, все, что угодно. И, что не менее

важно, он мог бы понести эту «версию» повсюду. А нам было совершенно необходимо узнать все до конца, найти доказательства и, самое главное, остаться, до поры до времени, инкогнито.

Короче, Константин мог все испортить.

Поэтому я добавила:

– Эта ваша версия, как бы она ни была логично выстроена, не подкреплена доказательствами. Мы еще не знаем, рожала ли Зазорина именно в роддоме, где работала ваша мать. Я-то родилась в другом! С этим еще тоже надо разобраться... Я смогу согласиться с вашей версией не раньше, чем мы сумеем найти неопровержимые улики.

– Мне не надо никаких улик!.. Я пойду к этой суке и придушу ее собственными руками!!!

Ну вот, именно то, чего я боялась.

Но тут вмешалась его жена:

– А если это все же совпадение, Костя? Не пойдешь же ты «придушивать» невинного человека?

Тот же довод, но из уст его жены, подействовал на Костю более успешно.

– Тогда я займусь поисками «улик», как вы выражаетесь.

– Послушайте, Костя, – вмешался Джонатан, поняв, в чем дело, – мы с вами начали этот разговор с вашего клятвенного обещания сохранить его в тайне. Вы не имеете права предпринимать что-либо, потому что иначе вы раскроете нашу тайну. Оля находится в смертельной опасности, и залог ее жизни – понимаете, жизни! – в том, что никто, ни одна душа, даже ее собственная мама не знает, что она в Москве. Если вы проявите хоть малейшую инициативу, вы подставите Олю под руку убийцы. Прошу вас, будьте мужчиной и обуздайте ваши чувства!

Костя молчал, глядя щепотью усы. Задумавшись, он выдвинул подбородок вперед, в силу чего нижние зубы хищно оскалились, и лицо его было полно ненависти и глухой ярости.

– К тому же, если вы пойдете напролом, вы рискуете отправиться вслед за вашей матерью, – жестко добавил Джонатан.

– Хорошо, – наконец произнес Костя. – Вы меня держите в курсе. И если моя помощь понадобится – то я в любое время, днем и ночью, только свистните.

– О'кей.

Джонатан повернулся ко мне:

– Пошли?

– Нет. У меня еще есть мысль.

Костя живо откликнулся:

– Какая?

– Я, как я вам уже сказала, родилась в роддоме имени Индиры Ганди. Не было ли у вашей мамы там подруг?

Костя почесал в затылке и глянул за помощью на жену.

– Я тоже не знаю... – расстроилась Людмила.

– У нее были подруги, еще со времен института, – сказал Костя, – кажется, тоже работали акушерками, но где?

– Запиши все данные, – предложил Джонатан. – Попробуем разобраться сами.

Уходили мы от Кости с Людмилой с четырьмя телефонами, двумя адресами и обещаниями Кости ничего не предпринимать без нашего ведома.

Никогда в жизни я не испытывала подобной усталости. Я была опустошена, мое тело отказывалось чувствовать, мой разум отказывался работать... Наверное, именно в таком состоянии люди совершают самоубийства: ничто больше не дорого, ничего больше не интересует, и никакой радости, пусть даже пустячной, крошечной радости – вкусно поесть, когда голодна, плюхнуться в кровать, когда утомилась, ополоснуться душем и почувствовать, как новые, освежающие силы вливаются в тело, – я уже не была способна испытывать. Называется ли это апатия или, может, депрессия – я не знаю; но день «хождения по трупам» переполнил чашу, и без того уже наполненную смертью до краев...

Мне казалось, что я не доживу до утра, что я умру.

Ничего не хотелось делать. Едва плеснув воды в лицо, не приняв даже свой обычный душ, я сбросила одежду и упала на кровать.

И забылась мертвым сном, тяжелым, неосвежающим сном без сновидений.

Кажется, электронный циферблат высвечивал три часа, когда я открыла глаза. Мне показалось, что в моем номере кто-то есть. Я слышала дыхание, тяжелое, хрипловатое. Я повернула голову.

Через мою комнату двигалась процессия. Серые размытые фигуры шли медленно и мерно. Я узнала Кати, она была первая; за ней шла отравленная медсестра; акушерка Куркина медленно двигалась ей вслед, главврач Демченко замыкала шествие. Они пересекали мой номер по направлению к шкафу, дверца которого служила входом в какое-то другое измерение...

Но в комнате были еще другие люди: из угла на меня смотрел Игорь. Смотрел так, будто я была мертвая и лежала бездыханно на моей кровати, а он пришел попрощаться со мной. Я хотела ему сказать: Игорек, ты обознался, тебе показалось, я на самом деле жива, я просто сплю! Но губы мои меня не слушались, и я не сумела выдать из себя ни звука.

Вдруг от письменного стола отделилась Шерил и подошла ко мне. Присев на край кровати, она сказала:

– Ты думала, это так просто – умирать? Нет, это больно. Это чудовищно. Это отвратительно.

«Когда-нибудь все равно придется, – хотела я ответить ей. – Это не от нас зависит», – но я была безмолвна, парализована, будто я уже и впрямь умерла.

Мне вдруг сделалось страшно, – страшно до паники, до ужаса, до холодного пота и шерсти дыбом.

– Зависит, – донесся до меня ответ Шерил на мои невысказанные слова. – Нельзя терять волю к жизни...

Я рывком села на кровати. Голова кружилась, в ушах еще звучал голос Шерил, и глаза мои не улавливали реальные очертания предметов: серый мрак клубился вокруг меня, и в этом мраке мне все еще чудились безмолвные фигуры приснившихся мне людей.

Я принялась тереть глаза и хлопать себя по щекам, и спустя несколько мгновений мой номер прорисовался передо мной в своих нехитрых очертаниях: стол, стул, кресло, тумбочка с телевизором... И кровать, на которой сижу я. И, самое главное, он был пуст! Все это было не более чем сон.

Какое счастье!

Я спустила ноги на пол. Было действительно три часа. В номере стояла невыносимая жара. Я поплелась в ванную, приняла душ. Обмотавшись полотенцем, я уселась на стул и закурила сигарету. Вряд ли я сумею заснуть после подобных сновидений...

Мне снилась Шерил. Она сказала, что нужно иметь волю к жизни...

И вдруг я поняла: Шерил пришла в сознание!

Я надела халат – длинный шелковый халат чудесного брусничного цвета с золотисто-бежевыми отворотами – и, заперев свою комнату, направилась по коридору к номеру Джонатана.

Спит он? Отчего бы ему не спать в три часа ночи? Неудобно будить... Но – пусть я эгоистка, – но я знаю, что я больше не смогу уснуть. Мне необходимо с ним поговорить, рассказать ему свой сон, сказать про Шерил, услышать слова поддержки и увидеть его глаза... Глаза, в которых столько раз я чувствовала странную, глубокую нежность... Именно нежность, а не любовь и не страсть. Хотя нежность есть следствие любви, не так ли? Но если это и было проявлением любви, то и любовь его была странной, необычной. В ней не было *жажды обладания*. В ней не было ничего собственнического, ничего потребительского – всего того, что любви свойственно. В самом деле, если мы любим – мы же хотим получить ответные чувства? Мы же хотим обладать предметом нашей любви? Обладать им во всей смысловой гамме этого слова!

Именно этого желания у Джонатана не было. Или – я его не чувствовала. Как будто его любовь была самодостаточна, как будто он уже был вполне счастлив, любя меня...

Я припомнила свои философствования на предмет корыстности любви и вдруг поняла одну важную вещь. Да, без сомнения, все мы, любя, эгоистичны и корыстны, все мы в любви потребители, нам непременно нужно получить взамен от предмета наших чувств, и получить многое... Но это – *нормально!* А если что и ненормально – то любить так, как любит меня Джонатан – ничего не желая и не требуя взамен. И что мне, спрашивается, делать с такой любовью?..

Я была уже перед его дверью.

Впрочем, у меня есть его поддержка. Это уже немало. Это именно то, в чем я нуждаюсь больше всего теперь.

Я постучала.

Джонатан открыл сразу, будто и не спал. Может, действительно не спал, во всяком случае, на его лице не было следов заспанности. На нем тоже был халат из синего шелка с какими-то мелкими бледно-голубыми ромбиками.

Он даже не удивился.

– Заходи, – пропустил он меня. В его номере горела настольная лампа, и я подивилась, как такое нехитрое приспособление, дающее неяркий круг света на столе, способно создать ощущение уюта и разогнать все страхи. – Не спится?

– Кошмары снятся.

– Ложись у меня, если хочешь.

Я кивнула. Помедлила: у меня под халатом ничего не было. Глянула на него – у него, кажется, тоже. Лечь в халате – мне это показалось каким-то лицемерием. Пойти в свой номер за ночной рубашкой – тоже как-то неудобно, вроде как сама пришла, а теперь... Снять, однако, халат и остаться нагишом – это практически предложение с моей стороны, а я сейчас была меньше всего настроена на секс. Если я и была способна испытывать какие-то чувства, то только платонические.

Джонатан стоял у письменного стола, на котором лежали русские газеты, купленные утром, и внимательно их разглядывал. Он что, по ночам русский язык изучает?!

Нет, это чтобы не смотреть на меня, не смущать меня.

Решившись, я скинула халат и юркнула в постель. Будь что будет.

Джонатан повернулся ко мне:

– Тебе удобно? Ну, расскажи, что за кошмары тебе приснились.

Я описала. Джонатан сидел возле меня, вглядываясь в полумраке в выражение моего лица.

– Я уверена, что Шерил пришла в сознание. Скорей бы все это закончить и поехать к ней...

– Тогда, чтобы все закончить поскорее, нам нужно быть в форме. А именно: выспаться. Чем мы и попробуем заняться, да?

Я кивнула, прикрыв глаза. Джонатан погасил свет, и в темноте я увидела, как халат соскользнул с его плеч. Моя догадка была верна – он был в чем мать родила. Я затаила дыхание. Довольно интересная перспектива выспаться, когда двое влюбленных находятся в одной постели и при этом их не разделяет ни одеяло, ни одежда...

«Игорь, – подумала вдруг я. – Мне снился Игорь, и он смотрел на меня так, будто я умерла. Где же он, что с ним, жив ли?..»

* * *

Если бы не часы на руке, исправно показывающие дату, Игорь бы давно сбился со времени.

Если бы не вишневоглазая Катя, он давно бы сошел с ума.

Прошел почти месяц со времени его заточения. До сих пор он не видел никого, кроме Кати. Против всех его ожиданий, никто не пришел к нему ни с вопросами, ни с упреками, ни с угрозами.

До сих пор он толком не знал, у кого это в гостях он так сильно подзадержался. Он подозревал, что дача – Васина, но знать с точностью не мог и спросить было не у кого. У Кати или у парня, охранявшего металлическую дверь, спрашивать можно было еще лет пять с тем же успехом: ответным молчанием.

Даже тот факт, что Катя спала у него на руке, прижавшись большой мягкой грудью к его боку, ничего не изменил в правилах игры: Катя спала с ним, но не разговаривала.

Странное дело, он испытывал нежность к этой девушке. Это чувство его удивляло, но анализировать его он боялся: там комплекс вины перед Олей мог обнаружиться, там бесполезные страдания и никчемное раскаяние притаились...

Лучше было так, не задаваясь лишними вопросами, жить. Просто жить... Теперь Игорь был уверен, что жизнь свою он выиграл. Что-то перетянуло на неведомых ему весах в его пользу. Что дальше будет, какой еще торг предстоит, он пока не знал, – ну так и нечего было об этом и думать. Пока он жив, здоров и даже в неплохих условиях: кормят нормально, комфорт есть и даже Катя – есть...

И хоть и подозревал он, что Катя с ведома хозяина находится тут, что получила она разрешение – если не задание – лечь к нему в постель, а вот, поди ж ты, испытывал к ней странную нежность...

Вышло это так. По истечении первых нескольких дней его заточения он стал ловить себя на том, что округлые Катинины формы его волнуют. Он ждал ее прихода и получал удовольствие, сопровождая

взглядом колыхания и переливания ее тела под дурацкой пятнистой формой. Катя заметила; стала медлить, накрывая на стол, отвечать понемногу взглядом, задерживаться. Вместо того, чтобы уйти, принеся еду, и вернуться потом за грязной посудой, она стала присаживаться возле стола и ждать, пока он поест. Игоря она не смущала: он заговаривал с ней, и если тема не касалась его местонахождения и его будущего, то она охотно поддерживала разговор. Она была из Краснодара, и Игорь уже все знал про ее родителей, про ее сестру с братом и даже про кошку.

На исходе третьей недели Катя, убирая после ужина, сказала просто: «Хочешь, ночевать к тебе придешь?»

Игорь чуть было не спросил: а тебе разрешат? И тут же сам себе ответил: скорее всего, уже разрешили.

Игорь удивлялся себе: он принял Катю как данность, как часть сценария, по которому его заточили на даче и «маринуют» в неизвестности, по которому он до сих пор жив и по которому еще что-то предстоит и откроется ему, когда придет назначенный срок. Не Игорем назначенный срок, как и Катя – не им назначенная любовница...

Была ли Катя для него ловушкой или, наоборот, поощрением за хорошее поведение – он гадать не хотел. Он не любил бессмысленных вопросов, на которые нет ответа. Он не любил ненужных вопросов, ответ на которые знать не хотел. Поэтому он старался жить сегодняшним днем. Не вникая в прошлое – та жизнь, жизнь с Олей, уже закончилась и больше не вернется никогда; не ломая голову над будущим. Будет день – будет и пицца...

И потому он никогда не задавал себе вопрос: что с Олей? Он только иногда просил: хоть бы ее не нашли!..

* * *

Я затихла. Джонатан был где-то рядом, но я его не чувствовала – он отодвинулся достаточно далеко. Ну Тристан с Изольдой, и только! Не хватало меча между нами...

Стояла тишина. Я не выдержала первая:

– Спокойной ночи, Джонатан, – просто чтобы нарушить тишину.

– Спокойной ночи, беби.

Он мог хотя бы обнять меня, как в прошлый раз! Мне тогда так хорошо спалось под его рукой...

Слушай, Оля, сказала я себе, тебе не угодишь. Только сейчас тебе было не до секса, а тут вдруг не нравится, что тебя не трогают! Ты, кажется, пришла сюда, чтобы сбежать от кошмаров и спать спокойно? Вот и спи!

Я перевернулась на живот и закрыла глаза.

Рука Джонатана легла на мою спину. Я напряглась. Его рука стала осторожно и легко скользить по моей спине. Я ждала: куда?

Оказалось – никуда. Оказалось – он меня гладит. Так меня мама гладила в детстве по спинке, чтобы успокоить и усыпить.

Я вспомнила, что я утром пришла к выводу, что Джонатан импотент. Ну, тем лучше для меня.

Через две минуты я была готова мурлыкать, как кошка.

Через пять минут я спала.

Джонатан разбудил меня, как было условлено, в восемь утра, и мы спустились в гостиничный ресторан на завтрак.

– Я звонил в больницу, чтобы узнать, как Шерил.

– И тебе сказали, что она без изменений.

– Да.

– Ты забыл, что по телефону так отвечают всем – распоряжение полиции. Чтобы узнать, как она на самом деле, надо звонить комиссару...

– По крайней мере, теперь мы хотя бы знаем, что она жива.

– Я это и так знаю, Джонатан. Если бы Шерил умерла – я бы почувствовала. У нас с ней что-то вроде телепатической связи... И я знаю, что она вышла из комы. Уезжая, я ей сказала, чтобы она не торопилась и пришла в сознание тогда, когда мы найдем убийц. Должно быть, мы уже близки к разгадке. Только нам надо торопиться...

Торопиться! Я торопилась. Я торопилась внутренне так, что во мне аж все содрогалось от нетерпения. Но торопиться – куда? Я никак не могла решить, какими должны быть наши последующие шаги. Джонатан мне здесь был не советчик: он не в своей стране, и он не в состоянии представить, каким образом действовать, с кем и как говорить, кому и как врать, а кому рассказывать правду.

На очереди были подруги Куркиной, среди которых следовало найти ниточку, ведущую в роддом имени Индиры Ганди, в котором родилась я. Если одна из них работала в этом роддоме, то у нас появлялся шанс пролить свет, хотя бы частично, на загадку моего появления на свет в данном заведении вообще и у моей мамы в частности. Но звонить и снова рассказывать историю про крестную?..

Я задумалась. Эти женщины дружили между собой и могли знать друг о друге достаточно, чтобы понять, что я лгу. Следовало придумать что-то другое...

– Нужно позвонить Людмиле, – сказала я. – Кажется, у меня есть мысль.

Ничего не объясняя по телефону, я только попросила разрешения приехать к ней. Людмила радушно откликнулась, добавив, что вот только Кости, к сожалению, нету дома. Но Костя мне и не нужен был.

Через сорок минут мы снова оказались в квартире, пахнущей молоком и пеленками. Нас ждал горячий чай, к которому очень кстати пришелся купленный нами по дороге торт.

– Скажите, Люда, а эти подруги, телефоны которых вы нам дали, – они были на похоронах вашей свекрови?

– Были, конечно. У нас дома потом поминки справляли, все пришли. Народу вообще было много, ее люди любили... А что?

– То есть не так давно вы с ними общались... И вам будет удобно им позвонить, правда? Нам нужна ваша помощь. Нужно обзвонить этих подруг и сказать, что вы делаете альбом с фотографиями вашей свекрови и хотели бы подписать фотографии. У вас наверняка найдутся фотографии Елены Петровны с подругами, не так ли?

– Верно, есть. И, представьте себе, мы с Костей действительно собираемся сделать альбом с мамиными фотографиями!

– Тем лучше! Так вот, спросите их, кто в каком роддоме работал и в какой должности, якобы для подписей. Меня из них всех интересует та женщина, которая работала в роддоме имени Индиры Ганди. Сделаете?

– Да ради Бога!

Людмила встала, взяла у меня листок и набрала первый номер. Она прождала долго, но к телефону никто не подошел. Зато второй номер откликнулся сразу.

– Мария Николаевна? Добрый день, Людмила Куркина говорит... Да-да, невестка. Я к вам с просьбой. Мы тут с Костей альбом делаем с мамиными фотографиями... Что? Именно! Довольно много, штук пятнадцать... Я как раз поэтому вам и звоню! Я подписать их хочу, а не знаю, кто из вас, в какой должности и где работал... Что? Пишу, пишу... Вот видите, а я чуть было не написала – «Роддом имени Индиры Ганди», я думала, что вы работали там... – Людмила блеснула мне хитрыми глазами и подмигнула. – Ну да, я поняла. А, так это Колесникова Наталья Семеновна? Вот спасибо, а то я уж и ей собралась было звонить... Да что вы говорите? И давно?

Я похолодела, услышав эти слова. Людмила положила трубку с растерянным видом.

– Не повезло вам, – сказала она, садясь обратно к столу. – В вашем роддоме работала Колесникова Наталья Семеновна, но только она...

– Умерла? – не выдержала я.

– Нет, слава Богу. Уехала в Америку. К детям. Вроде бы давно собиралась, а в конце октября уехала.

Ах, какая досада! Что же теперь делать? Она нам позарез нужна, эта Колесникова!

– Не знаете, что за дети там у нее в Штатах?

– У нее дочка замужем за профессором математики, его пригласили туда работать. Это нам сама Наталья Семеновна рассказывала на поминках... Но я даже не помню, как его звать, профессора этого...

Людмила нам сочувствовала. Сочувствовала изо всех сил, и в ее миловидном лице, в ее влажных, круглых карих глазах отражались одновременно готовность нам помочь и огорчение, что не удастся.

– Знаете что... Нельзя ей перезвонить еще раз и спросить адрес? Колесникова должна была оставить его своей подруге!

– Да, но только что я скажу? Я же не могу сделать вид, что собираюсь написать письмо едва знакомому мне человеку?

Следовало что-то придумать. Помог Джонатан:

– Во время поминок никто не делал снимки?

– Как же, Костя снимал всех! Он так рад был, что пришло столько людей... Он еще сказал тогда: «Так редко бывает при жизни, чтобы все друзья собрались разом, а вот на похороны пришли все...»

«Как просто сказано и как верно, – подумала я. – И как грустно...»

– Это удачно для нас... – сказала я вслух. – Тогда можно попросить адрес под тем предлогом, что вы хотите разослать фотографии. Придется действительно размножить эти фотографии и предложить их всем подругам вашей свекрови. Дубли можно сделать за один день, мы вам оплатим... Позвоните этой Марии Николаевне, Люда! Скажите, что вы забыли спросить у нее ее адрес, чтобы ей выслать фотографии, и между прочим спросите адрес Колесниковой в Америке.

Но моя гениальная идея не сработала. Мария Николаевна объяснила, что Колесникова адреса не оставила, сославшись на то, что не знает пока, где будет жить.

– Спросите адрес детей, – шепнула я.

Но и их адреса у Марии Николаевны не было.

– А вот у меня тут есть фотография, где мама в гостях у Колесниковой, – проявила инициативу Людмила. – Там и ее дочка с мужем. Он профессором был, да? Не помните фамилию, а то я подпись хочу сделать: профессор такой-то...

Повесив трубку, она развела руками.

– Все, чем я могу вам помочь, – это фамилию профессора вам дать: Печатников. Может, его легче найти, он человек известный... Во всяком случае, тут, когда они в Москве жили, он был важной шишкой... А вы в Америку хотите поехать?

Хороший вопрос. Я посмотрела на Джонатана.

– Мы не хотим. Нам *нужно* поехать в Америку и повидать эту даму.

Едва мы вышли от Людмилы, как Джонатан потащил меня в агентство «Дельта Эрлайнз» за билетами.

Надо сказать, я обалдела от такой скорости принятия решения. Живя в моей стране, я привыкла считать выезд за границу чем-то сложным, требующим длительной подготовки и обдумывания, заполнения кучи анкет, ожидания виз и немалого бюджета, который далеко не у всех водился.

Но Мэри Сандерс, англичанке, не требовалась виза, и бюджет Джонатана, кажется, был ничем не ограничен – во всяком случае, деньги на меня или на мои дела он тратил с легкостью, хотя я ни разу не видела, чтобы он что-то покупал себе. Он не был озабочен шмотками – вещи его были хороши и качественные, но их было не много, его мужская парфюмерия ограничивалась необходимым, хоть и дорогим минимумом, в еде он не был ни капризен, ни избирателен – короче, деньги ему не жгли карман и он их тратил по необходимости, но не жалея.

– Почему Нью-Йорк? – поинтересовалась я по дороге.

– Надо же с чего-то начать, – был ответ. – Там, по крайней мере, есть Брайтон. Хотя, если информация верна и ее зятя, профессора, действительно пригласили на работу, то вряд ли он живет на Брайтоне. Это местечко не самое подходящее для людей, имеющих приличную зарплату.

– Уверяю тебя, там живет немало русских, имеющих достаточно большие доходы! Я читала про них в газетах.

– Это, как мне представляется, несколько специфическая категория... Как и доходы, впрочем.

– Хорошо, а как ты собираешься действовать?

– Оля, ну у нас же есть целых две фамилии! Что же, по-твоему, в Америке справочных служб нету? К тому же они эмигранты, и существуют эмигрантские службы... Впрочем, будет быстрее, если я побеспокою дядю.

Но билетов не было. Вернее, они были, но на послезавтра. А Джонатан хотел непременно улететь не позднее чем завтра.

– Поставьте нас в список ожидания, начиная с ближайшего рейса, – обратился он к девушке с белозубой улыбкой.

– Ближайший рейс через два с половиной часа. Посмотреть, есть ли там места?

Джонатан глянул на часы, посоображал мгновение и ответил утвердительно. Девушка склонилась к экрану компьютера.

– Есть. Будете оформлять?

Я запаниковала. Как это, прямо сейчас взять и улететь? А собраться? А сложить чемодан? А...

– Оформляйте.

И, повернувшись ко мне, Джонатан произнес внятно:

– Ты сказала, что надо торопиться.

Побросав кое-как вещи в чемодан, схватив все свои документы, я выскочила из номера бегом. Джонатан, который за это время успел позвонить дяде и договориться с администратором о том, что номера остаются за нами, ждал меня внизу. Ждало и такси, и уже через час мы проходили пограничный контроль.

ЧАСТЬ IV

НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

Глава 1

С ПРИБАВЛЕНИЕМ В СЕМЕЙСТВЕ: «КРЕСТНАЯ»

Едва живая после бесконечного перелета, в котором к тому же не разрешалось курить, огорошенная сменой часового пояса, я вяло разглядывала из окна желтого такси какие-то одноэтажные домишки-бараки, тянувшиеся вдоль дороги.

– Мы разве не в Нью-Йорк едем?

– Вы имеете в виду город Нью-Йорк или штат, мэм? – обернулся шофер-негр.

– Город!

– Так мы в нем и находимся.

– Это Нью-Йорк? – не верила я своим глазам. Это, наверное, пригород!

В Париже пригород часто называют Парижем или Большим Парижем.

– Нет, мэм, это город Нью-Йорк.

– А где же небоскребы?

– Это на Манхэттене, мэм. А мы проезжаем Квинс.

Потом мы проезжали Бронкс, похожий на наши типовые застройки, только грязный до невозможности и до невозможности убогий. Манхэттен только мелькнул вдалеке небоскребами.

– Хочешь посмотреть Манхэттен? – спросил Джонатан. – Если у нас останется время, съездим.

– А сейчас мы едем куда?

– В Нью-Рошель. Я там знаю хорошую гостиницу. И там не так дорого, как на Манхэттене.

В гостинице Джонатан поинтересовался, не возражаю ли я разделить один номер с ним. Я не знала, почему он решил взять один на двоих. Возможно, просто потому, что все номера здесь двухместные и один ты или вас двое – ты платишь ту же цену. Но я не возражала. С нашими платоническими взаимоотношениями я ничем не рисковала, разве что еще одним массажем.

Впрочем, если бы я и рисковала, то все равно согласилась бы.

Номер для курящих находился едва ли не в подвале гостиницы. Из окошка был виден газон – на уровне моего носа. Позже, в ресторане, столики для курильщиков обнаружили прямо у дверей туалета. Интересно, в этой стране, похоже, курильщики наказываются.

Я удивилась: разве это не мое личное дело? Я согласна, курить вредно, но это же мне решать, не так ли? Я не курю там, где люди не переносят табачный дым, я выхожу в «места для курения», я не заставляю «пассивных курильщиков» глотать никотин от моих сигарет – короче, я уважаю права и здоровье других людей. Отчего же и по какому праву меня здесь унижают?

Джонатан объяснил: идеология. Люди этой страны следуют идеологии, которую предлагает им государство.

А-а, идеология партии и правительства! Это я уже слышала, это я уже видела, это я знаю не понаслышке... Вот только не думала встретить здесь, в Америке. Лучше бы они боролись с насилием и жестокостью в их кино!

Впрочем, добавил Джонатан, не все так однозначно. Хозяину гостиницы или ресторана, скорее всего, глубоко безразлично, куришь ты или нет, и на здоровье своих клиентов им наплевать. К тому же, если ты куришь у себя в номере – кому ты можешь помешать? Но они воспользовались идеологической политикой: курить плохо, значит... Значит, можно добавить несколько столиков в зал, использовав пространство возле туалета, и несколько номеров в подвале гостиницы – раньше кто бы это селился туда, кто бы садился за эти столики? Никто, разумеется. А теперь открылась возможность дополнительно заработать на курильщиках: ах, вам для курящих? – пожалуйста, у нас для вас есть местечко... А у клиента нет выбора. Все просто. Капитализм называется.

Что-то он производит на меня удручающее впечатление пока что, капитализм этот...

Если не считать подвального местонахождения, то номер был вполне приличный. Он был небольшим, и основное пространство в нем занимала кровать. Вернее, их было две, и каждая была сама по себе широченная, к тому же они стояли вместе и напоминали по размерам площадку для тенниса.

«Ну что ж, – подумала я, принимая душ, – если Джонатан снова погладит меня по спинке, то у меня есть шанс уснуть быстро, крепко и без кошмаров...»

Но меня лишили даже этого удовольствия. Когда я вышла из душа, Джонатан спал. Или притворялся. Но не будить же мне его: погладь по спинке?

Мне ничего не оставалось делать, как лечь на соседнем теннисном корте и уснуть.

Я не знаю, как ему удается просыпаться без будильника, но с тех пор, как мы живем практически вместе, Джонатан всегда встает раньше меня. Причем делает он это бесшумно, не нарушая моего сладкого, крепкого утреннего сна. И только когда, по его разумению, наступает время для того, чтобы я открыла свои не слишком ясные со сна очи, он тихонько будит меня – умытый, одетый, красивый, свежий...

– Пора, Оля, проснись.

Проснулась. Похлопала своими красивыми (черными!) ресницами. Глаза закрываются сами по себе. Я бы еще поспала...

– А ты точно знаешь, что пора? – пробормотала я.

– Чем раньше мы выйдем, тем больше мы успеем, правда ведь?

Правда, правда. Встаю. Уже встала.

Из ванной я тоже вышла свежей и красивой: короткие темные волосы уложены, макияж умелый и неброский, жемчужно-серое платье из тонкой шерсти легко схватывает фигуру, нитка жемчуга мягко светится в V-образном вырезе воротника.

Я ожидала, что Джонатан восхитится. Но он, окинув меня внимательным взглядом, сказал:

– Не годится. Извини, надо было тебя сразу предупредить: мы едем на Брайтон-Бич. У меня есть адрес.

– Вот, а ты говорил, что прилично зарабатывающие люди там не живут!

– Профессор, то есть зять Колесниковой, живет с семьей в Кливленде. Это вообще другой штат. А сама

Колесникова приехала по программе эмиграции и пользуется социальной помощью. Таких, как она, и селят на Брайтоне... И там тебе не придется играть английскую леди. Так что оденься попроще, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания...

Как вы представляете себе улицу? Любую улицу, улицу вообще? По сторонам дома, внизу дорога, сверху небо? Я тоже.

Поэтому я сильно удивилась, когда увидела улицу без неба. Улицу с крышей.

Над Брайтон-Бич проходил метрополитен. Помимо того, что он почти полностью закрывал небо, он еще и грохотал колесами, скрежетал вагонами, визжал тормозами. Помимо шума, он еще и пылил во все стороны. Помимо пыли, он еще был чудовищной железной конструкцией, монстром, захватившим в плен улицу.

На этой улице жили русские люди. Глотали пыль, слушали грохот, смотрели из верхних этажей на тормозящие вровень с окнами поезда.

Но, кажется, они всего этого не замечали. Привыкли, должно быть. Они ходили по улице, сидели в кафе, звонили из телефонов-автоматов, навевались в магазины – везде слышна была русская речь, везде висели вывески на русском языке. В закутке продавали квас и пирожки. В магазине лежала селедка, соленые огурцы, квашеная капуста, черный хлеб... Висело объявление: «Здесь принимаются талоны на питание». В кафе висело переходящее красное знамя какому-то коллективу с портретом Ленина. В обрывках разговоров, долетавших со всех сторон до меня, повторялась одна и та же фраза: «Нашел работу?» Лица моих бывших соотечественников на этом континенте были такими же озабоченными, как и лица тех соотечественников, которых они покинули в России...

Найдя белый трехэтажный, кривоватый домишко, мы поднялись на второй этаж. Нам повезло: Колесникова оказалась дома. Это была крупная, румяная, полная женщина, из тех, которых называют «гренадерша». Просторная кофта и широкие брюки скрывали очертания тела, но оттого, что кофта вздымалась на необъятной груди и потом спадала во все стороны, сохраняя стартовый объем, Колесникова мне показалась размером со средний шкаф. И этот шкаф стоял в проеме двери и вопросительно глядел на нас.

– Здравствуйте... Вы Колесникова Наталья Семеновна? – уточнила я на всякий случай.

– Я. А вы кто такие будете? – Голос у нее был такой же объемный, как и тело.

– Меня зовут Ольга Самарина.

Я удостоилась пристального взгляда.

– А это Джонатан Сандерс.

Шкаф не колыхнулся. Настороженный взгляд изучал нас, причем меня – с особой тщательностью. Мне подумалось, что мое имя ей о чем-то говорит. Но пришлось смирить свое нетерпение – сначала надо было расположить Наталью Семеновну к разговорам.

– А документы у вас есть?

Я протянула ей наши паспорта – вылетая из Москвы по английскому паспорту, я предусмотрительно захватила свой русский и теперь вложила его в руки недоверчивой и осторожной Колесниковой. Она заглянула в каждый паспорт, снова задержавшись с особенным вниманием на моем, и вернула мне.

– И что вам надо от меня? – спросила она не слишком приветливо.

– Мы к вам по очень важному делу.

– Какому?

– Наталья Семеновна, я не могу так сразу объяснить, это долго, это целая история... Может, вы позволите нам пройти?

– Мне надо уходить.

Она уперла большие, полные руки в дверную раму, словно давая понять, что пропускать нас в дом она не собирается. Не знаю, чего могут люди опасаться, живя на Брайтоне, но она была крайне настороженна и готова к отпору.

Глядя на ее руки, я не к месту подумала, что они всю жизнь принимали младенцев, рождавшихся на свет... Должно быть, им было уютно и надежно в этих сильных, больших руках.

– Поверьте, это очень важно!

– Откуда вы знаете мое имя?

– Мне Людмила Куркина, невестка Елены Петровны, о вас говорила.

– Куркина?.. Вы откуда, из Москвы?

– Вчера вечером только прилетели.

– А этот, – кивнула она на Джонатана, – Сандерс или как его, – тоже из Москвы?

– Вообще-то он англичанин, но мы были вместе в Москве...

– Он тебе кто? – Она снова мотнула головой в сторону Джонатана, который, кажется, забавлялся, слушая этот допрос – слова ему были непонятны, но то, что это допрос, – понятно вполне.

– Он мне – друг.

– Друг? В каком смысле?

– В самом прямом: друг.

– А адрес мой как нашли? У ней нет моего адреса, у Людмилы!

– В справочной эмигрантской службы, – быстро сказал Джонатан, среагировав на слово «адрес». – Вы по-английски понимаете?

– Понимаю, когда нужно, – отрезала Колесникова.

То есть примерно одно слово из десяти, рассудила я. Поэтому я объяснила на всякий случай:

– В справочной эмигрантской...

– Я же сказала, что понимаю! – осекла меня Колесникова. – Это значит, мой адрес так легко найти?

А черт его знает, легко или нет! Но не могу же я рассказывать ей про дядю Уильяма, который работает в английской разведке! К тому же она, кажется, не слишком обрадовалась факту, что кто-то ее нашел.

Я в ответ просто пожала плечами, ничего не сказав.

– Куркина, говоришь... И зачем это я вам понадобилась?

– Наталья Семеновна, мы к вам пришли с самыми мирными намерениями, я вас уверяю... Если вы не хотите пустить нас в дом, то пойдете куда-нибудь, где можно поговорить спокойно! Поедете к нам в гостиницу или пойдете в кафе, но только, прошу вас, не отказывайтесь выслушать нас!

Колесникова взглянула на часы. Я тоже. Было уже полпервого – пока мы протискивались в бесконечных пробках из одного конца Нью-Йорка в другой, пока я крутилась во все стороны на Брайтон-

Бич, глаза на диковинную улицу и суя нос во все лавки, кафешки и лотки, балдея от всех этих названий по-русски, вроде «Золотого ключика» или «Чародейки», – прошло немало времени и приблизился обеденный час.

– Мы можем пригласить ее пообедать в хороший ресторан? – шепнула я Джонатану.

В ответ он кивнул утвердительно.

И, словно угадав мои мысли – или просто поняв мои слова, – Колесникова сообщила:

– Я обедать иду.

– Мы вас приглашаем! – заторопилась я. – В хороший ресторан!

Она ломаться не стала. «Ждите здесь», – бросила она нам и прикрыла дверь своей квартиры за собой. В мелькнувший просвет я увидела кусочек убогого интерьера и подумала, что не столько опасения, сколько неловкость за вид своего жилища вызвала отказ Колесниковой пустить нас к себе.

Пятнадцать минут спустя Колесникова появилась неожиданно нарядная, причем одетая не без вкуса. Из-под расстегнутой дубленки были видны темные, хорошо отглаженные брюки, шерстяной кардиган, шейный шелковый платок. От нее пахло «Клима» – любимыми духами советских женщин. Должно быть, привезла с собой, из старых запасов, когда ей, как и матери Кости, дарили духи и коробки конфет... Тут ей французские духи вряд ли по карману.

Вид у Натальи Семеновны был несколько торжественный. Выход в хороший ресторан – это было для нее событием. Если она и любила хорошие рестораны, то это тоже осталось в прошлом – здесь она, наверное, жила по тем самым загадочным талонам, объявления о которых я видела в магазинах.

Что ж, если наше приглашение оказалось ей по вкусу – тем лучше.

Джонатан любезно открыл ей дверцу сверкающего новизной «Неона», взятого напрокат. Колесникова степенно села, и мы покатали в сторону небоскребов. «Заодно и Манхэттен увидишь», – сказал мне Джонатан.

Поставив машину в самой южной точке Манхэттена, там, откуда видна статуя Свободы, мы пошли пешком вверх по Бродвею. Первым приличным рестораном оказался итальянский. Метрдотель, похожий на Витторио де Сика своей царственной посадкой головы и седеющей шевелюрой, проводил нас к столикам.

Колесникова с любопытством оглядывалась, как и я, впрочем. Ресторан был хорош, красиво отделан керамическими тарелками по стенам и явно дорог. Он был почти полон – служивые люди стеклись сюда на обед, но служивые люди не всякие, а хорошо зарабатывающие, что любой любопытствующий мог прочесть прямо на их самодовольных скучных лицах, без необходимости прикидывать уровень их доходов по костюмам и манере себя держать.

Мне показалось, что Колесникова была разочарована. Она так старалась, одевалась, так предвкушала этот «выход» – но здесь, в этом ресторане, не было того, что во Франции называют «амбьянс», – атмосферы уюта и непринужденности. Деловые люди ели деловито, переговаривались деловито, не глядя по сторонам, и деловито покидали свои столики, стремясь поскорее вернуться к своим делам. Ресторан быстро пустел. «Тем лучше для нас», – подумала я, изучая меню.

Наконец заказ был сделан, вино – Джонатан выбрал одну из лучших марок бордо – принесено и разлито по бокалам. Наталья Семеновна взяла свой:

– Ну, будемте здоровы.

Чокнулись. Выпили. Поставили бокалы.

– Слушаю вас, – сказала она чинно, словно мы к ней на прием пришли. Но в ее голосе больше не было настороженности.

– Я, Наталья Семеновна, – заговорила я, – родилась двадцать один год назад. В роддоме, в котором вы работали. И в истории моего рождения есть какая-то тайна... Мы приехали к вам сюда, в Америку, в другое полушарие, в надежде, что вы поможете мне эту тайну прояснить. Мое желание, надеюсь, вам понятно, но станет еще понятнее, если я добавлю, что из-за этой тайны меня хотят убить. И из-за нее уже погибли несколько человек...

Я говорила. Я, разумеется, рассказывала «сжатый вариант» – без подробностей, без лишних деталей, без имен и фамилий. Зазорина не была названа, и даже Шерил я не упомянула из предосторожности, рассказав историю со взрывом так, что получалось, будто я была одна в машине. В конце концов, роддом имени Индиры Ганди, где работала Колесникова, имел отношение лишь ко мне одной.

Колесникова слушала, глядя на меня как-то исподлобья, забыв про свою пиццу «Кальцоне». Я тоже почти не притронулась к еде, и только Джонатан спокойно уминал «Лазанью по-милански». Он обладал удивительным даром не мешать и не смущать своим присутствием. Он позволял забыть о том, что он сидит рядом и ничего не понимает. Он как бы предоставил мне право решать самой, когда надо ему перевести, а когда и не стоит прерывать основную беседу переводом, и я могла не думать о вежливости и приличиях, не мучиться от неловкости, исключив его невольно из разговора.

Впрочем, нашу историю он знал и так наизусть.

В тот момент, когда я дошла до нашего приезда в Москву, Колесникова остановила меня жестом:

– погоди. Дай поесть спокойно.

Я «погодила». Честно говоря, я ожидала увидеть в ее глазах изумление, смешанное с недоверием, услышать восклицания и придыхания – короче, эмоции. Но их не последовало. Колесникова молча сосредоточилась на пицце. Я тоже принялась за свой телячий эскалоп. Мы заказали еще вина. На мою просьбу принести пепельницу «Витторио де Сика» сообщил, что в его ресторане не курят.

– Тогда без десерта и без кофе. Мы будем его пить в другом ресторане, где разрешают курить.

Маэстро окинул взглядом свое опустевшее заведение. В дальнем углу было занято еще только два столика.

– Ладно, – сказал он, – не могу отказать такой прелестной девушке. Клиенты уже ушли, – он глянул на часы, – и уже до вечера здесь никто не появится. Вот вам ваша пепельница, курите.

И со сладчайшей из улыбок маэстро вручил каждому из нас меню, чтобы мы выбрали десерт, после чего удалился, подсчитывая, должно быть, сколько он еще получит за кофе и десерт с таких транжир, которые заказывают к обеду дорогое французское вино.

Выпив, Колесникова распорядилась:

– Давай дальше.

Я принялась рассказывать про мой визит к Константину, но Колесникова меня снова перебила:

– погоди!

Подумав, она добавила:

– Я что-то не улавливаю в твоей истории! С какой такой радости ты отправилась на поиски Елены? С чего же это ты взяла, Оля Самарина, что все эти покушения на тебя связаны с тайной твоего рождения? С чего же это ты решила, что тут есть вообще какая-то тайна? И что Лена Куркина к ней имеет отношение?

Я заставила себя посмотреть прямо в ее настороженные глаза. Конечно, я слишком много звеньев опустила в своем рассказе и недоставало логики. Но мне почему-то казалось, что в интересах самой Колесниковой знать как можно меньше о Шерил и людях, которые стоят за заказным убийством.

Поэтому я сказала серьезно:

– Мне подбросили записку – анонимную! – с указанием, что у меня есть шанс остаться в живых, если мне удастся поговорить с акушеркой Куркиной, которая знает тайну моего рождения...

Она все еще смотрела недоверчиво.

– И ведь это так, не правда ли? Вам мое имя о чем-то говорит, признайтесь, Наталья Семеновна!

Не ответив на мой вопрос, она задумалась.

– Значит, – если ты мне тут правду говоришь, – кто-то еще в курсе? – Она покачала головой. – Ох, не нравится мне это... Ну, давай дальше.

Но «дальше» было уже не много чего, и я закончила свое повествование минут через пять.

Продемонстрировав снова полное отсутствие эмоций, Колесникова спокойно и сосредоточенно устремила глаза в меню со сладким и долго вчитывалась в названия, выбирая.

– Мне фисташковое мороженое со взбитыми сливками, – сказала она наконец. – И кофе.

Джонатан сделал знак, и импозантный итальянец приблизился.

– У вас кофе настоящий, итальянский? Или американский?

То, что в этой стране называют словом «кофе», пить невозможно.

– Обижаете!

– Тогда три кофе и... – Джонатан посмотрел на меня.

Чтобы не разочаровывать маэстро, я тоже взяла мороженое. Джонатан ограничился кофе. И только когда мы остались одни, Колесникова, покусывая зубочистку, произнесла озабоченно:

– Ты, значит, тоже считаешь, что Лену Куркину убили... Я сразу почувствовала, что дело здесь не чисто. А уж как узнала, что и Демченко на даче сгорела, так я тут же и решила, что надо делать ноги... Не нравится мне только, что вы меня нашли так быстро. Ведь если вы нашли, так и другие найдут, правильно?

– Я не знаю. Ведь вы мне еще ничего не рассказали! Но если у вас есть основания бояться, то самое лучшее, что вы можете сделать, – это рассказать нам все, что вы знаете. Чем быстрее мы доберемся до истины, тем больше шансов у вас уцелеть. И у меня – тоже.

Колесникова кивнула в знак согласия и вдруг, откинувшись на спинку стула, посмотрела на меня как-то особенно внимательно.

– Вот уж не думала я, держа тебя, нескольких часов от роду, в руках, что когда-нибудь придется еще свидеться... Да еще и в таких, мягко говоря, странных обстоятельствах.

Меня пробрал холодок. Не зря, ой не зря пересекли мы океан! Сейчас она мне расскажет то недостающее в этой истории звено, которое позволит замкнуть цепочку наших догадок и расследований!

– Ты вот спрашиваешь небось про себя, а чего это я боюсь? И каким это боком тут Наталья Семеновна замешана? И при чем тут Лена Куркина? И главврач Демченко? И вообще другой роддом, если ты родилась в Ганди?

– Спрашиваю, Наталья Семеновна, еще как спрашиваю!..

– Ну, слушай сюда. Я все помню, будто совсем недавно было... Как-то вечером Лена пришла ко мне. Не позвонила, а пришла – такие разговоры по телефону не ведутся. «Дело есть, Наталья, – говорит с порога. – Ты одна?»

Мои были дома, муж смотрел телевизор, дочка уроки делала. Но мы с ней прошли на кухню и дверь закрыли.

«У нас там одна крала родить должна. Так вот, ее ребенка надо пристроить так, чтобы комар носа не подточил. Никаких бумаг, никаких усыновлений, никаких следов, понимаешь?»

«Кто такая?» – спрашиваю.

«Зачем тебе? – Лена усмехнулась. – Меньше будешь знать – дольше проживешь!»

Колесникова замолчала, словно зацепившись на этой фразе. И, покачав головой, произнесла:

– Не знала она, как была права! Не знала и не думала, что поговорочка эта ей аукнется через двадцать один год...

Она помолчала, пожевав зубочистку, и снова заговорила:

– Ну и вот, сказала она мне, значит, такую фразу, а я настаивать не стала. У нас всякое случалось в роддоме, и секреты случались: роды тайные, усыновления «по знакомству» – всякое бывало... И это между нами вроде правила было: раз тебе сами не говорят – так и не лезь. Я и не стала лезть. Спросила только: «Когда роды-то должны прийти?»

На днях, говорит. Срок у нас на 11 мая, плюс-минус, сама знаешь.

«Ну, – спрашиваю я, – и чего тебе от меня надо, говори!»

«Мертворожденного», – отвечает она и так мне в глаза смотрит, вроде спрашивает, поняла ли я.

Я поняла.

«Подмену сделать, значит», – говорю.

«Именно. Мы тоже ждем, но два роддома – надежнее. Где первый мертвячок родится, там и будем подменивать».

«А если девица ваша еще не разродится к тому времени?»

«Ну ты как скажешь! Стимуляцию сделаем, не понятно, что ли? А ты потянешь со своей роженицей, голову поморочишь – мол, асфиксия вышла, придушился пуповиной ребеночек ваш, пока в реанимации находится... Да и ей самой анестезию вкати, пусть поспит, чтобы тебя вопросами лишними не беспокоила!»

«Только, Лена, надо все четко устроить. Ты же понимаешь, что она, как только глаза откроет, пол начнет спрашивать! Если ваша еще не разродится – что я говорить-то буду?»

Наш десерт уже прибыл, и Колесникова, не прерывая свое повествование, аккуратно прихватывала длинной ложечкой мороженое из стеклянного кубка.

– Тогда, Оля, не было этой всякой техники – ультразвук, радиография и прочее. Тогда на глазок угадывали. Вот Лена мне и говорит: «Демченко считает, что девочка будет».

Ага, думаю, делишки, значит, главврач проворачивает. Ну, врач-то она опытный, глаз-алмаз, если сказала – девочка, значит, на девяносто девять процентов можно верить.

«Да ты не волнуйся, – уговаривает меня Лена, – пока твоя мамаша прочухается, так мы уже тебе ребеночка привезем! Главное, чтобы ты так устроила, чтобы одной быть на родах. Посторонние нам не

нужны».

«Не бойся, это я организую. Лучше вот что скажи, что я с этого иметь буду в благодарность? «Спасибо» от Демченко?»

«Пять тысяч».

Рублей, конечно. Это, к вашему сведению, по тем временам сумма большая была. Даже очень большая. Машину можно было купить.

Я согласилась. Деньги хорошие, да и дело-то неплохое. Какая-нибудь школьница-дура, наверняка дочка какой-то шишки, залетела по глупости, и ей ребенок ни к чему, ясное дело. И теперь, видишь, надо концы в воду, чтобы уже никто и никогда не вытащил из кармана: а вот, мол, сама была ребенком и ребенка внебрачного родила! Двадцать лет назад на это не так смотрели, как сейчас... А у меня знаешь сколько женщин было, которые убивались, глядя на мертвое дитя? Смотреть на них тошно, сама готова с ними выть. А тут кому-то такой подарочек выйдет! Так что дурного я в этом ничего не видела. Плюс деньги. Во всех отношениях хорошо, правильно?

Я сделала неопределенный жест, похожий на согласие. Попросив Колесникову подождать, я перевела Джонатану.

– Вот почему мама моя уверена, что я ее родная дочь, – добавила я. – Я знала, что она меня не обманывала! Ее саму обманули... Но, самое интересное, Джонатан, что...

Джонатан положил свою руку на мою: «Давай дослушаем до конца, ладно? Обсудим потом».

– Перевела? Ну, слушай дальше...

Колесниковой явно не терпелось рассказать нам эту историю до конца – то ли тайна ее тяготила, то ли наше внимание льстило, интерес к ее персоне, то ли ей поговорить не с кем было на Брайтоне...

– ...Дело сорганизовалось без проблем. Я уже знала, что у Самаринной ребенок был мертвый, но ей ничего не сказала. Предупредила Лену Куркину, что двенадцатого с утрачка начнем стимулировать у Самаринной роды – мертвый-то сам не рождается! И ждать нельзя было – интоксикация могла начаться у роженицы. Лена мне и говорит – у нашей крали первые схватки начинаются, так что все тип-топ, успеем... В результате их «шишкина дочка» родила на полсуток раньше, чем твоя, Оля, мать.

Колесникова вдруг замолчала. Избегая моего взгляда, она вытащила изо рта зубочистку, внимательно посмотрела на нее – зубочистка ее вся размочалилась, и Колесникова потянулась за новой. И только заправив острую деревянную палочку в рот, она перевела на меня взгляд, в котором обнаружилось некоторое смущение:

– «Мать»... Это я так говорю, но ты же поняла, что тебе эта женщина не мать, да?

– Не беспокойтесь, Наталья Семеновна, я это уже давно поняла.

– И как... Ты ничего, не очень расстроилась?

– Не очень, – я ей улыбнулась ободряюще. – Я ее считаю своей мамой, что бы там ни было. И я ее очень люблю. А та, которая от меня отказалась, – меня не интересует.

– И правильно! Так, значит, эта Самарина – хорошей женщиной оказалась? Тебе хорошей матерью?

Муки совести? Глядя на мощное телосложение Колесниковой, на ее уверенный вид, на лицо, не отражающее никаких эмоций – если они вообще были, – я с трудом могла предположить, что эта разбитая и деловая баба способна испытывать муки совести. Но, похоже, именно так оно и было, потому что она добавила, получив в ответ мой подтверждающий кивок:

– Вот и хорошо. Видишь, у меня чутье. Я тогда так сразу подумала: дело это хорошее...

– И вы не ошиблись, Наталья Семеновна. Мама у меня замечательная.

В ее лице промелькнуло растроганное выражение, которое ей не шло, не вязалось с ее гренадерской внешностью. Впрочем, оно тут же исчезло.

– Я про что говорила? – вернулась к теме Колесникова.

– Что я уже родилась, когда...

– Ага, вот. Ну значит, мать твоя услышала, что ее ребеночек не кричит, забеспокоилась. Я ей наплела про небольшую асфиксию, ребенка унесли, ей сказали, что девочка родилась – в тот момент я уже наверняка знала, ты уже была в дороге из роддома в роддом. А вскоре и мертвячок отправился в обратном направлении – для порядка в отчетности. А то у меня по роддому проходил один лишний... Понимаешь теперь, как вышло-то все?

– Понимаю. А отчего ребенок моей мамы умер?

– Не справился ее организм. У нее-то у самой мальчонка был – слабенький, маленький, как недоношенный, хотя она все девять месяцев проносила... Уж как она счастлива была, когда я ей тебя показала! Щечки у тебя были как яблоки, глазки синие, пух на головке белый, и на плечиках – тоже пух, как персик! Ты, я смотрю, потемнела, а?

– Потемнела, – согласилась я, потрогав для верности свои крашенные волосы. – А чего же вы опасаетесь, Наталья Семеновна? Вы же толком ничего не знаете? Ни кто, ни что, какая «шишка», какая дочка – ровным счетом ничего!

– Потому, может, и жива до сих пор... А Лены Куркиной – нету больше. Машина ее, понимаешь, сбила... Сбить-то сбила, да вот какая машина? Чья машина? И отчего сбила Лену Куркину? Вот что интересно!

Она посмотрела на меня, словно желая убедиться, что мне тоже интересно. Мне было интересно, даже очень интересно, что я и немедленно изобразила на своем лице и даже переспросила:

– Отчего же?

– А оттого, что жадность ее сгубила.

– ?

– Да-да, за длинным рублем Лена погналась. Я понимаю, каково ей жить на пенсии, без доходов, без связей... Раньше не так было: мы были уважаемыми людьми, если что достать надо – все к нашим услугам, все могли! А сейчас как? Доставать уже ничего не надо – все есть, иди и купи, были бы только деньги. Вот тут-то и загвоздка: денег-то всего – пенсия! Не разживешься. И вот вбила она себе в голову заработать на старом секрете...

Явилась она ко мне в конце сентября. Помнишь, говорит, ту историю с ребеночком? Помню, отвечаю, а чего это ты вспоминать взялась? Да так... – хитрит Лена. А фамилию, говорит, той женщины, которой девочку отдали, тоже помнишь?

Я ей в ответ: ты чо, мать, через столько-то лет помнить? Да я ее сразу и забыла!

А я тогда и вправду не помнила.

«Колись, – говорю, – Елена, чего темнишь?»

«Да я вот думаю, можно было бы подзаработать теперь... Не можешь узнать фамилию-то?»

«Это в архивах надо смотреть, а кто же меня туда так просто пустит, я там уж семь лет как не работаю, и персонал весь сменился!»

«Ну не весь же! Кто-нибудь да остался из старых коллег, вот ты и попроси...»

«Ты смешная, о чем я просить стану? Если бы я сама перебрала карты рожениц, так я бы наткнулась и вспомнила фамилию, а так – чего я говорить буду? Найди мне всех, кто рожал в таком-то году в таком-то месяце? Я уж и не помню, какой год и месяц был...»

«Май, – говорит Лена, – семьдесят четвертого года».

«Ну слушай, не знаю я. Подумаю... А кто же это тебе заплатит? Ну, найду я тебе фамилию, а ты явишься к женщине: здрасте, а ребеночек-то не ваш! И думаешь, побежала она тебе платить за такую радостную новость? Только беду в семью принесешь! Разве вот только если ты к другой собираешься, к той, которая родила...»

«К примеру».

«Ленка, ты спятила. Шантажом собираешься заниматься?»

«Ладно, ты не хочешь помочь? А то и сама бы заработала».

«Нет, – говорю я ей, – ты спятила, и все тут!»

«Да ладно, успокойся, я пошутила. Никуда я не пойду».

«Слава Богу, – говорю...»

Она меня больше не просила, но разговор мне этот запал. Я действительно попросила знакомых, оставшихся работать в Ганди, показать мне архивы. Толком даже не знаю зачем. Нашла-таки: Самарина Вера...

А Ленке я ничего не сказала. Мне эти дела не нравятся. К тому же я уже оформляла отъезд в Америку, к детям, и зачем мне лишние хлопоты? Мне бы деньги, конечно, пригодились для отъезда, разве же я возражаю, чтобы заработать! Но шантаж – это ж дело дурное! И опасное! Вон, как фильм какой смотришь – так всегда шантажистов убивают. То, конечно, кино... Да только через несколько дней Лена под машину попала. Мне отчего-то не по себе сделалось, мысль мелькнула, что уж не отправилась ли она и впрямь шантажировать мамашу той девочки, то есть твою... А уж когда спустя еще пару недель я через общих знакомых услышала, что и главврач Демченко погибла, и снова несчастный случай, мне и вовсе нехорошо стало. Ну, думаю, пора мне к детям ехать. И уехала.

Наш стол давно был убран, и «Витторио де Сика» поглядывал на нас с любопытным нетерпением. Ресторан был пуст, и ему, видимо, хотелось спокойно отдохнуть несколько оставшихся часов до вечернего налета посетителей. Джонатан сделал знак, чтобы расплатиться.

Колесникова, закончив свою историю, как-то потухла, лицо ее озаботилось, закрылось. Пожив полтора часа воспоминаниями о прошлой жизни, в которой она была значительной фигурой, вершащей судьбы, причем в самом прямом смысле этого слова: в ее руках были жизни и смерти, в ее руках было будущее младенцев и их счастливых – или несчастных – матерей, она вернулась мыслями к настоящему, в котором был Брайтон-Бич, невеселая и одинокая жизнь «по талонам»... Эмигрантская жизнь, о которой я знала мало и понаслышке, мне показалась удручающей. Во всяком случае, та, которую я увидела здесь.

В машине мы молчали, и только уже около ее дома, прощаясь, я сказала:

– У вас, Наталья Семеновна, нет причин бояться. Вы не знаете, кто моя настоящая мать – а именно ей мешают люди, знающие тайну моего рождения. Ей мешаю я. Ей мешают – мешали – те, кто принимал у нее роды. А вы – вы тут ни при чем. О вас даже никто ничего и не знает, скорее всего. Так что спите спокойно.

– Твоими бы устами... Ну, спасибо за обед.

Она было дернулась, чтобы идти, но осталась на месте и, помявшись, спросила:

– Ты... Ты правда счастлива со своей матерью?

– Правда!

– На меня зла не держи... Что делать-то будешь теперь? Чем-нибудь я тебе помогла своим рассказом?

– Наверняка. Хотя пока не знаю как.

– Смотри, берегись. Дружок-то у тебя хороший. Спокойный такой, внимательный. Даром что не понимает, а все сечет. Глаза такие – ух! Он у тебя прямо как этот, бодигард. Все видит, все примечает, все оценивает.

– Да? – удивилась я. – Я не обращала внимания...

– Куда тебе! Ты разговоры ведешь, занята. А он свое дело знает. Хороший парень. Смотри, не упусти! А то «друг», понимаешь... Будешь в «другах» держать, так он себе другую найдет, – за ним небось прихлестывают девки. Нынче девицы разбитные такие, на мужиков прямо кидаются! Раньше мужчины за дамами ухаживали, теперь – девушки обхаживают, а парни ломаются да глазки строят... Так что гляди, Оля Самарина, не упусти своего «друга»! Это я тебе говорю как...

Она запнулась на мгновенье.

– Ты мне как крестница, можно сказать... Даже больше. Ведь это я твою судьбу определила.

Она дотронулась до меня как-то легко, почти робко и с неуклюжей нежностью потрепала по плечу. Мне показалось, что ей хотелось меня обнять, но она постеснялась. Я протянула ей руки навстречу.

Колесникова обхватила меня – и я пропала в ее мощных, крепких руках. Она постояла так, легонько похлопывая меня по спине, словно я была плачущим младенцем и меня надо было успокоить, затем взяла меня за плечи и отодвинула от себя на расстояние вытянутых рук, вглядываясь в мое лицо. В глазах ее блестели слезы умиления.

– У тебя адрес мой есть... Черкни открыточку-то... Жива, мол, здорова... Я через год к детям должна переехать, ну я тебе тогда адресок пришлю тоже... А? Черкнешь?

– Обязательно, – сказала я искренне.

Вот уж не думала я, что моя ложь сделается почти правдой и я найду-таки свою «крестную»! Что ж, с прибавлением в семействе, – поздравила я себя. Семья растет не по дням, а по часам: только новенькая мамаша обнаружилась, как и крестная подросла... Но я испытывала нежность к этой здоровой, крепкой бабище, не умеющей выражать свои эмоции. Неприступная и властная начальница в былые времена, гроза робких рожениц и их нервных родственников, деловая по-советски дама, умевшая поддерживать нужные связи, проворачивать аферы и зарабатывать деньги, она при этом сумела сохранить в неприкосновенности свою душу, чувство справедливости, основные, базовые понятия добра и зла...

Без которых люди превращаются в равнодушные ничтожества, в убийц.

В таких, как Дима.

В таких, как моя родная мать.

Расставшись с Колесниковой, мы вернулись на Манхэттен – нужно было зайти в агентство «Дельты» и проставить даты в обратные билеты на Москву.

Места были. Были на сегодняшний рейс, были на завтрашний. Глядя на мое измученное лицо,

Джонатан предложил провести вечер на Манхэттене, отдохнуть и лететь завтра. Я колебалась. Я хотела бы отдохнуть; я чувствовала, что силы мои на пределе, что нервы мои измочалены, что тело мое парализовано безнадежной, свинцовой усталостью... Но я не могла отдыхать, не доведя это дело до конца. Я уже ничего не хотела видеть, меня не интересовали достопримечательности Нью-Йорка, мне уже не нужен был Манхэттен с его небоскребами, которые я, впрочем, и так видела – мы шли мимо них, мы заходили в них, и снизу они ничем не отличались от обыкновенных домов, напоминавших помпезностью сталинскую Москву. Чтобы понять, что это и есть знаменитые небоскребы Нью-Йорка, нужно было задрать голову, а еще лучше – полетать над ними на вертолете – оттуда хорошо видно, как они украшены, как они сверкают огнями... Недаром Нью-Йорк обычно показывают с высоты птичьего полета – снизу там смотреть особенно не на что. Ну разве что на крыс, разбегающихся от мусорных баков. Ну разве что на пересекающие Пятую авеню боковые улочки, которые поражают трещобным видом – не где-то там, в Гарлеме, а тут, рядом, сразу же за углом шикарной Пятой авеню...

– В Москву, – сказала я, – поедem в Москву...

Глава 2

ВИЗИТ К ДЕТОУБИЙЦЕ

В самолете я спала, скатившись головой на грудь Джонатана. Он запустил свою пятерню в мои волосы и задумчиво ворошил их. Я отказалась есть, я отказалась пить – я спала.

Только один раз, помню, я проснулась. Мне было холодно. Джонатан снял сверху мою дубленку (купленную, в дополнение к пальто, еще в Англии на случай больших морозов) и сел снова, прижав меня к себе и прикрыв сверху дубленкой.

– Так хорошо? – прошептал он, склонив свою голову к моим волосам.

Я в ответ поцеловала его руку, проходившую под моим подбородком. А он меня – в макушку...

И в этом было столько невысказанной нежности и столько любви, что я тихо заплакала в дубленочной норке. От счастья.

За иллюминатором брезжило утро. Разносили завтрак. Многие пассажиры еще спали, так что на завтраке компания «Дельта» явно экономит. Но не на мне лично. Я выспалась и была голодна.

Я осторожно выпрямилась, выпроставшись из рук Джонатана. Он спал. Я натянула на него соскользнувшую дубленку.

Джонатан приоткрыл глаза и посмотрел на меня из-под черных ресниц.

– Спи, спи, – зашептала я.

– Доброе утро, беби, – тихо проговорил он сонным голосом. – Выспалась?

– Выспалась. А ты спи.

Джонатан послушно закрыл глаза.

Я откинула свой столик и махнула рукой стюардессе, высматривающей желающих позавтракать.

Тихо, чтобы не разбудить Джонатана, я орудовала над своим подносиком с едой и размышляла...

Размышлять было о чем. Теперь у меня в руках была практически вся информация – по крайней мере, вся, которую я могла добыть. Но достаточная для того, чтобы четко представить себе картину.

Итак, Зазорина родила нас с Шерил тайно. Она уже не была школьницей, и я не знала, был ли ее отец «шишкой», но по каким-то причинам она свои роды желала скрыть. Причины должны были быть вескими... Была ли она в то время замужем и забеременела от другого? Или была не замужем и не захотела стать матерью-одиночкой, да еще и с двумя детьми на руках? Собиралась делать карьеру и испугалась обузы и того душка, который всегда был вокруг слов «мать-одиночка»?

Ее биография на сорванном мною листочке была слишком туманной и короткой – теперь не в моде бывшие комсомольские и партийные должности, а какие же иные «вехи» можно найти в биографиях сегодняшних кандидатов? И все же по каким-то обтекаемым фразам я догадалась, что Зазорина была комсомольской активисткой. Тогда же, должно быть, она и почувствовала вкус к власти и политическим интригам...

Как бы то ни было, Светлана Ивановна уже в молодости продемонстрировала политический подход к действительности: она поняла, что раз она отказывается от детей, то надо это сделать так, чтобы никто и никогда не сумел этот порочащий факт вытащить на свет Божий.

...Интересно, а знал ли наш отец – ведь был же у нас какой-то отец, правильно? – о том, что она беременна? Или будущий политик сумела обмануть и его?..

Казалось бы, обо всем подумала юная комсомолка, обо всем позаботилась, все устроила и организовала.

И вдруг, двадцать один год спустя, выходит осечка. Зазорина уже небось и думать забыла о своих двойняшках, как является к ней Елена Петровна Куркина. Наверное, каждый раз, видя по телевизору лицо депутатки и председательши-президентши всевозможных женский организаций и движений, Елена Петровна чувствовала зуд: она единственная знала подноготную этой образцово-показательной женщины!

Нет, не единственная: еще главврач. Пойдя столь неосмотрительно шантажировать Зазорину, Куркина невольно подставила еще и главврача Демченко. Как только Зазорина отдала себе отчет в том, что есть два человека, знающих ее тайну, она поняла, что ей нужно от них немедленно избавиться.

Но прежде, чем избавиться, она не могла не поинтересоваться, куда и к кому попали ее дети. О Шерил она могла знать и даже получить долю вознаграждения за нее... Уж кто нашел контакт с бездетной американкой – главврач или сама комсомолка Света Зазорина – теперь можно только гадать.

Или у нее самой, что ли, спросить...

«А что? – подумала я. – Вот так взять и пойти. И спросить. Здравствуйте, Светлана Ивановна, у меня вопросик: хорошо ли вам заплатили за дочку? И посмотреть в глаза...»

Я аж зажмурилась, представив себе эту сцену. Ух, я бы ей сказала! Я бы ей все сказала! Прямо в холеное лицо! Прямо в лживые глаза!..

Ладно, отвлеклась я от своих рассуждений. Сосредоточимся. Значит, она должна была спросить, куда отправились детишки – хотя бы для того, чтобы понять, существуют ли еще люди, посвященные в эту тайну. Что ей ответила Куркина? Что она не знает. Американкой занималась не она и вряд ли о ней что-то знала. Там орудовала главврач Демченко – с самой Зазориной или без нее, но во всех случаях – без Куркиной. В чьи руки попала вторая девочка, то есть я, она тоже не знала. Мною занималась Колесникова.

Ну, и что же наша депутатка? Она должна была понять, что есть еще где-то кто-то, причастный к ее секрету. И тогда она рассудила: пока мы с Шерил существуем, будет всегда угроза, что возникнет очередной энтузиаст заработать денежки на ее секрете. И для пущей верности энтузиаст ведь может взяться за розыски! А там, не приведи Господь, не просто с угрозой раскрыть тайну явится, а прямо с нами за ручку: вот они, грехи молодости.

И Зазорина принялась за нас.

Каким-то образом попал в этот круг Игорь. В принципе, понятно: он человек в политических кругах знаменитый – о нем ходит молва, что нет такой задачи, которую бы он не мог разрешить.

На него вышли через знакомых и позвали. Предложили задачу: найти двойняшек.

Вряд ли ему объяснили, для чего.

А он не догадался.

Только как Игорь, столь проницательный и предусмотрительный, просчитывающий свои и чужие действия и мысли на несколько ходов вперед, мог не догадаться?

Это оставалось для меня загадкой.

Ниточку Игорь начал тянуть со стороны Шерил – значит, он получил в руки какую-то зацепку. От Зазориной? Или успел побеседовать с Демченко до пожара?

Как бы то ни было, Игорь принялся за поиски Шерил. Родители ее погибли в авиакатастрофе много лет назад, и понадобилось время, чтобы понять, куда делась девочка.

Рано или поздно Игорь вышел на Кати... По адресу отправился Сережа. И Кати ему сказала, что Шерил в Европе.

Сережа должен был заехать в Париж, чтобы привезти мне посылку от Игоря. Наверняка по ходу возникла идея пошарить по справочным Парижа для начала, раз уж Сережа там... Да, именно поэтому он собирался задержаться!

И тут я Игорю по телефону сообщаю, что похожую на меня девушку зовут Шерил Диксон! Та Диксон, которую он ищет!

Он понял, что вторая девочка – это я. И тут он испугался. Тут он стал думать, а зачем это девочек ищут...

И понял зачем.

Он потребовал, чтобы я срочно переехала, замела следы и рассталась с Шерил. Шерил он отдал на заклятие, но меня попытался спасти. Он попытался повернуть это дело вспять – но поздно. Сережа все понял, заложил его, обошел и стал служить напрямую заказчице...

И где он теперь, Игорь?

...Ну а дальше мы все знаем. Дальше мы принимали самое непосредственное участие во взрывах и покушениях...

Да, теперь мне все ясно.

Не ясно только одно: что делать-то?

Идти в милицию? Оля Самарина против депутата Зазориной? Смешно, ей-богу.

А куда же идти?

Не знаю.

И вдруг у меня мелькнула мысль: к журналистам. В прессу. Найти несколько имен из самых независимых репутаций, приготовить конверты и...

И пойти к Зазориной.

И сказать ей: я вас презираю. Я вас не боюсь. Я не могу тягаться с вами в этой стране, которую вы разворовываете и потом коррумпируете, подкупаете все и всех на ворованные деньги – милицию, суд – всех тех, у кого я должна была бы искать защиты против вас, но не могу... Но вы немедленно остановите охоту на меня и на Шерил, иначе ваша старая тайна побледнеет на фоне новых деяний: смерть акушерки и главврача, убийца Дима, посланный в Париж на охоту за нами с Шерил, – представляете, как порезвятся газеты и журналы, имея в руках такой материал? И вы, даже если ни милиция, ни суд не найдут на вас управы, уже никогда не восстановите потерянную безвозвратно репутацию! Из всех ваших званий у вас останется только одно – матери-убийцы!!!

Да, у меня в руках было только одно средство: шантаж. Наша с Шерил жизнь в обмен на молчание. И никто никогда не будет судить убийцу. Потому что если она, под угрозой разоблачения, остановит охоту на нас, то и я должна буду сдержать свое слово.

А если обмануть? Если ей пообещать молчание, а потом все-таки передать эту информацию журналистам?

Тогда меня убьют раньше, чем я успею подержать свежий номер в руках. Кто-нибудь да донесет о

том, что в прессе готовится бомба.

Так что придется мне молчать...

Как это гнусно.

А есть ли у меня другой выход?

Нет.

– Что ты хочешь теперь делать, Оля?

Джонатан, оказывается, уже не спит.

Что я хочу?

Я хочу поехать к Шерил. Я хочу встретить ее осмысленный взгляд, прижать ее к себе, рассказать ей про все, что случилось со мной и что я пережила за эти дни.

Я хочу прийти к маме, и кинуться ей на шею, и сказать: вот она я! Жива и здорова, не волнуйся, мамочка...

Но я не могу делать то, что я хочу.

– Я пойду к Зазориной.

Впрочем, я действительно хочу пойти к ней. Я уже предвкушаю, как я все выскажу ей! Как безжалостная, хлесткая правда – хлеще, чем пощечины! – зазвучит в ее кабинете! Как она будет пугливо коситься на дверь, боясь, что нас услышат! Как она побледнеет, посереет, постареет!

О, как я буду торжествовать, увидев все это!!!

Джонатан молчит. Отчего это он молчит?

– Тебе не нравится эта идея?

– Не очень. У тебя нет никакого другого решения? Иного хода?

– Боюсь, что нет. Обращаться к властям – она меня переиграет, она задушит расследование в самом начале. И меня заодно.

– То есть про такую демократическую роскошь, как следствие и суд, – нам забыть?

– Боюсь, что да...

– Но идти к ней – опасно.

– Ну не прямо же в ее кабинете меня достанет пуля наемного убийцы! Сам поход к Зазориной ничем не опасен. Я рискую *потом*. Но для этого я подготовлю большой и подробный отчет, размножу его в нескольких экземплярах, разложу в конверты с адресами газет и журналов и оставлю тебе на сохранение. Чуть что – конверты отправятся по адресам. Кроме того, у нас есть видеокассета с Димой, когда он следил за Шерил, наша с Шерил фотография – две копии Зазориной, протоколы французской полиции и сам Дима в руках у комиссара Гренье!

– А пресса?..

– Частично подкуплена, частично контролируется, но не вся. К тому же издания, которые контролируют политические враги Зазориной, – хотя бы тот же Василий Константинович – с удовольствием вываляют ее в грязи. И я ей не премину на это намекнуть. Не волнуйся, после этого она станет смирной. С ней не справятся органы правосудия? Так с ней расправятся ее противники и конкуренты!

Джонатан задумался.

Самолет начал приземляться.

Весь день до позднего вечера мы провели в квартире Игоря. Я печатала на компьютере, Джонатан нервничал и не отходил от окон. Ему не нравилась идея работать в этой квартире, а мне не нравилась идея печатать на взятой напрокат машинке. Тот, кто работал на компьютере, уже не может тюкать на машинке – это все равно как после трактора взяться за мотыгу.

Закончив работу, мы тщательно уничтожили следы моего текста в компьютере, как и следы нашего пребывания.

Поздним вечером мы уходили с объемистой стопкой отпечатанных на принтере копий моего двадцатидвухстраничного отчета. Для верности у меня в кармане лежала еще и дискета.

Еще полночи в гостинице я надписывала большие коричневые конверты и раскладывала по ним мои копии. Когда я свалилась спать, было уже четыре утра.

По закону подлости я не могла уснуть. Я думала о предстоящей встрече. Я нервничала. Я перебирала в уме слова. Сердце мое глухо билось.

Заснула я на рассвете...

...– Добрый день! – Зазорина улыбалась мне вежливо и доброжелательно. Каждому, кто входит в этот кабинет, сразу становится ясно: перед ним воплощение слуги народа, Депутат с большой буквы, который, несомненно, осуществит все чаяния своего избирателя.

– Присаживайтесь. – Голос у нее был мелодичный, чистый. – Чем могу быть полезна? – Приятная улыбка не покидает ее красивого, холеного лица. Такой и должна быть депутатка: «дама, приятная во всех отношениях»...

Я в ответ не улыбнулась.

Я демонстративно осталась стоять.

Она посмотрела на меня удивленно.

– Вы не хотите сесть? Нам так было бы удобнее разговаривать, не правда ли? – мягко сказала она.

– Вы не находите, что мы с вами похожи? – спросила я, глядя на нее в упор.

– Да, есть некоторое сходство. Я сразу обратила внимание...

Она мне дружески улыбнулась.

– Вы еще не знаете, какое сходство! Я ведь тоже блондинка, это я просто покрасилась!

– Правда? – с фальшивой любезностью произнесла она.

Она ничего не поняла.

Она подумала, что я привираю насчет блондинки.

Она наверняка решила, что мне просто льстит сходство с известным человеком, то есть – с ней. Как будто я принадлежу к числу тех истеричных идиоток, которые собирают автографы у звезд и подражают своим кумирам!

– Присаживайтесь же! – настойчиво произнесла Зазорина. Ее насторожило мое поведение, но она старалась не подавать вида. – Какое у вас ко мне дело?

Я не села.

И не ответила.

В лице у Зазориной мелькнуло раздраженное удивление, но тут же исчезло. Эта женщина владела собой. Правильно, в политике другие не выживают.

– Вы предпочитаете стоять? – снова улыбнулась мне депутатка, однако улыбка была натянутой. Она почувствовала что-то, но еще не поняла, что именно...

Ну ничего, сейчас поймет.

Я приблизилась к ее столу и оперлась на него руками. Лицо ее было прямо передо мной.

– Мне двадцать один год, – отчеканила я. – Когда я родилась, в мае семьдесят четвертого года, вам тоже был двадцать один год.

Зазорина вскинула брови. Точно таким же образом, как это делали мы с Шерил: одна выше другой.

– Сейчас вам сорок два. У вас семья. Два сына, кажется.

– Я не понимаю, какое это имеет значение?

Она говорила все так же вежливо, но голос ее утратил доброжелательность, стал холоден. Видя, что я не собираюсь отвечать, она добавила, на этот раз уже откровенно ледяным тоном:

– Вы пришли ко мне по делу или чтобы мою семью обсуждать? В таком случае я попрошу вас покинуть мой кабинет!

Зазорина поднялась со своего места, давая мне понять, что аудиенция окончена. Рука ее потянулась к селектору.

– Да, – сказала я веско, – я пришла к вам, чтобы обсудить вашу семью. Только не эту, в которой у вас два сына. А другую. В которой у вас были две дочки.

Рука застыла на весу. Медленно опустилась. Кажется, она начала понимать.

Краска медленно покидала ее лицо.

– Откуда вы...

Она не договорила. Белая, как бумага, она смотрела на меня во все глаза.

Я не отвела взгляд. Я сказала непринужденно, с улыбочкой:

– Теперь вы понимаете, почему мы с вами похожи.

Зазорина оперлась на стол. Мне показалось, что она сейчас грохнется в обморок.

Склонившись к селектору, она произнесла с трудом: «Зоя, ко мне никого не пускать и звонки не переводить. Меня нет».

Подняв на меня взгляд, в котором было столько боли, что я даже удивилась, она тут же отвела глаза.

Тяжело села, как-то боком. Все еще не глядя на меня, кивнула:

– Сядь, наконец.

Я села.

Она заставила себя посмотреть мне в глаза, и было видно, что это усилие далось ей нелегко.

– Как... – Голос ее не слушался, и она зашлась в кашле, покраснев. Достала платок, промокнула губы и нос.

– Как ты меня нашла? – выговорила она наконец.

– А вы думали – не сумею?

Молчание.

Я тоже молчала, мне-то что. Я не тороплюсь.

– Как тебя зовут? – спросила она тихо.

– А вы не знаете?

– Нет.

– Вам что, не доложили? Или вы не захотели узнать наши имена? Вам так было проще?

– Нет... Я... – Она снова отвела глаза и уставилась на свои холеные руки с тщательно сделанным маникюром, сложенные на столе. – Я просто... Сейчас предвыборная кампания, времени мало... У меня руки не доходят до всего, по двадцать человек в день приходится принимать... Мне так и не удалось...

– Не удалось? Нет, вы не *хотели*! Нашими поисками занимались для вас ваши подручные – что вам стоило поинтересоваться у них? Но нет, куда там! Зачем?! А вдруг что-нибудь вроде совести проснется – некомфортно как!

Зазорина молчала, глядя на меня какими-то потухшими глазами. Я ждала.

– Я совсем не так представляла нашу встречу... – тихо произнесла она.

– А как? Вы предпочитали две урночки с пеплом?

Зазорина удивленно раскрыла свои голубые глаза. Красиво, ничего не скажешь. И вид такой невинный придает... Я тоже так умею.

– Ты о чем говоришь?!

– А вы не знаете, да? – Я с удобством расположилась в кресле, непринужденно закинув ногу на ногу.

Некоторое время она крутила остро отточенный карандаш между пальцев, не отвечая, глядя в стол.

Я болтала ногой.

Наконец, собравшись с духом, она подняла глаза, придала им внушительное выражение и сказала строго – как положено депутатке, президентше и что там еще:

– Мы говорим намеками. И я боюсь, что я неправильно тебя... Мне представляется, что я неправильно вас поняла с самого начала. Давайте внесем ясность!

– Ага, вперед ногами.

– Что?

– Ничего. Это мне просто представилось, как ясность вносят вперед ногами в ваш кабинет. В гробу и в белых тапочках.

– Вы... Послушайте, я вас прошу воздерживаться от подобного юмора! Это уже... Ваше поведение выходит за все рамки! – Голос уверенно взлетел вверх, она выпрямилась за столом. – Прежде всего, кто вы такая?!

Светлана Ивановна, кажется, решила, что ей все примерещилось, как дурной сон. И показалось ей, что вот сейчас, при помощи начальственного голоса и важной осанки, она сумеет разогнать наваждение в моем виде.

– Меня зовут, – я вскочила с кресла, заложила руки за спину и, выпятив по-детски живот, запищала дурашливым ребячьим голоском, – меня зовут Оля Самарина, я живу в городе Москве, столице нашей Родины, я очень люблю дедушку Ленина и Дедушку Мороза и стараюсь быть хорошей девочкой, потому

что дедушка Ленин так бесплатно завещал, а Дедушка Мороз за это подарки дарит, а вот мама моя мне подарков не дарит, она меня ни капельки не любит, она от меня избавилась при рождении, но я нечаянно обратно нашлась, и она в наказание послала киллера, чтобы он убил меня за плохое поведение...

Зазорина схватилась за голову.

– Перестаньте! – закричала она. – Немедленно перестаньте паясничать!

– Почему? – сделала я невинные глаза, точно такие же, как она пятью минутами раньше. – Вам не нравится? – похлопала я ресницами... – А мне, представьте, не нравится, когда меня хотят убить. Только вы мое мнение не спрашивали...

Зазорина все не разжимала рук, пряча за ними лицо.

Я добавила, чеканя каждое слово:

– И не думайте, что вам удастся от меня избавиться! На этот раз – нет. Я приняла меры! Вся журналистская братия города Москвы только и ждет развязки этой трагикомедии! – Я вскочила с кресла и последние слова уже просто выкрикивала ей в лицо, все еще прикрытое руками. – И если хоть волосок упадет с моей головы или с головы Шерил – вы услышите такой хор, что жизнь малиной не покажется! Вы будете бежать и не находить места, чтобы спрятаться! Хотя никто не будет за вами гнаться, чтобы вас убить! Самое смертельное оружие, которое вам грозит, – это журналистский микрофон! Но это оружие для вас страшнее пистолета! Страшнее бомбы и отравленных конфет! – орала я. – От вас даже мокрого места не останется! Вы даже собственным сыновьям в глаза смотреть не сможете!!!

Я выдохлась.

Наступила звенящая тишина.

Еще несколько мгновений этого тихого звона – и я сойду с ума.

Зазорина отвела руки. Вид у нее был жалкий, измученный. Тщательно уложенные волосы растрепались под руками и теперь висели беспорядочными прядями перед потемневшими глазами.

– Сядь, – сказала она хриплым, сорванным голосом, будто это ее связки изнемогли от отчаянного крика, а не мои. – И не кричи так, тебя за дверью слышно.

– А нехай слышно. Мне-то бояться нечего.

– Помолчи, пожалуйста!!! Ты можешь вести себя по-человечески?!

– А вы? Вы себя по-человечески?..

– Закрой рот, – вдруг прикрикнула она. – И слушай.

Я затихла.

Раздался осторожный стук в дверь.

– Светлана Ивановна, все в порядке? – произнес голос за дверью.

– Да, да, Зоя, я же сказала, меня не беспокоить!

Зазорина посмотрела мне в глаза:

– Ответь мне вразумительно: ты – моя дочь? Или скажем так: ты считаешь, что ты – моя дочь?

– А что, до сих пор не понятно?

– Да или нет?

– Да.

– Какие у тебя есть для этого основания?

– А какие основания у вас есть? Уж наверное, имеются, раз вы решили...

– У меня – пока никаких. Сходство – не доказательство.

– Ага, поэтому без всяких оснований вы решили нас с Шерил убрать? Или мы грехи не вашей молодости? Или не вам мешает сам факт нашего существования?

– Я никого не собиралась «убирать». Я не понимаю, о чем ты!.. Пожалуйста, перестань ерничать! Объясни, почему ты говоришь, что я хотела убрать вас с Шерил? И кто это – Шерил?

– Вы прикидываетесь?

– Нет, Боже мой, вовсе нет! Я ничего не понимаю!

– Шерил – это моя сестра. Близняшка. И ваша дочь, как и я.

– Откуда ты знаешь?

– От верблюда.

– Умоляю тебя, отвечай нормально! – В голосе ее слышались слезы. – Ты что-то путаешь! Я вас начала искать, но не нашла... Пока не нашла.

– Ага. Вы не нашли, верно. Для вас это сделали ваши подручные! Сколько вы за нас заплатили Игорю? А Сереже – вы платили отдельно или из гонорара Игоря? Они уж для вас постарались, они все нашли: и где мы, и как нас зовут! Вам только оставалось приготовить денежки для Димы! Во сколько он вам обошелся?! Во сколько вы оценили нашу жизнь?!!!

– Перестань!!! – закричала Зазорина. – Перестань сыпать именами! Бред какой-то! У меня от тебя голова идет кругом! Что это за люди такие, кто эти все Димы и Игори? Ну кто тебе сказал, ну откуда ты знаешь, как зовут моих помощников, чем они занимаются и до какой степени успешно?! Да, я поручила одному человеку разобраться в этом деле! Но у меня не было ни имен, ни фамилий, я не знала, с чего начать, за что зацепиться!..

– Вы хотите сказать, что не знали, кому вы отдаете ваших дочерей? Что вы не получали деньги за одну из них от американки? Или эту операцию для вас тоже провернули ваши подручные? Вы хорошо заплатили Демченко? Или вы с ней поделились долларами от Вирджини?

– Что ты несешь?! Опять ты сыплешь именами! Что за Вирджини? Я никому ничего не поручала! – у Зазориной окончательно сдавали нервы. – И никаких долларов от американок я не получала! – Она выкрикивала слова, глотая слезы. – Я не отдавала никому детей! У меня не было детей! Мне сказали, что у меня мертвый ребенок родился! Мне даже его показали!!!

С последней фразой, с последней истеричной нотой, с последним всхлипом наступила тишина.

Я была растеряна. Я была повержена. Я была обезоружена.

Неужели все мои построения оказались ложными? Неужели все, что мы нагородили с Джонатаном, с дядей Уильямом, все это – не более чем досужие вымыслы? Неужели истина, которая, казалось, наконец прояснится в этом кабинете, снова ускользнула от меня?

Вся моя злость, вся моя ненависть вдруг пропали. Не хотелось верить собственным ушам, не хотелось смириться с тем, что все усилия, весь проделанный долгий путь привели в тупик.

– Как это – мертвый ребенок? – с трудом выговорила я, все еще цепляясь за улетающую надежду. – А мы... А двойняшки не у вас разве родились?

Кажется, вид мой был жалок. Зазорина, посмотрев на мое расстроенное лицо, встала из-за стола и пересела напротив меня в кресло для посетителей. Достала сигареты, предложила мне жестом.

– У меня свои, – подавленно ответила я и тоже закурила.

Зазорина придвинула мне пепельницу.

И проговорила:

– У меня.

– У вас?! Но как же... Но тогда почему вы говорите... Вы...

Она посмотрела мне прямо в глаза, словно призывая меня верить ее словам, и тихо ответила:

– Я *не знала*, что у меня родились двойняшки. Я двадцать один год об этом ничего не знала! До тех пор, пока три месяца назад ко мне не пришла одна акушерка... И сказала, что у нее есть секрет, который она хочет мне продать.

– Боже мой, – прошептала я, – вот оно что...

– Ты что-то сказала? – спросила Зазорина.

– Я сказала: и звали ее Елена Петровна Куркина!..

– Ты ее знаешь?!

– Нет...

Я решила не вдаваться сейчас в подробности – всему свой черед.

Зазорина посмотрела на меня внимательно, но спрашивать ничего не стала. Загасив окурок, она встала, сделала несколько шатких шагов по кабинету и остановилась спиной ко мне, опершись руками о стол. Потянулась к графину, налила в стакан воды.

– Тебе дать? – спросила, не оборачиваясь.

– Нет.

Мне показалось, что она достала какую-то таблетку. Выпила воду залпом. И заговорила, все еще стоя спиной ко мне:

– Куркина записалась на прием, как и ты... И, едва переступив порог этого кабинета, сказала, что у нее есть сведения, которые для меня очень ценны. Но только она их мне расскажет в обмен на хорошенькую сумму в три тысячи долларов и на мою помощь в смене квартиры...

Оторвавшись наконец от стола, Зазорина повернулась ко мне, словно желая увидеть, что на моем лице написано.

На моем лице было написано предельное внимание. Еще не остывшее изумление. Проблески понимания.

Ее, кажется, удовлетворил мой вид. Ее лицо стало постепенно смягчаться, остывая от жесткого, истерично-высокомерного выражения.

– Я сначала хотела ее выгнать... – продолжала Светлана Ивановна. – Я думала, она принесла сплетни о ком-то из политических соратников или о противниках. Но она обронила фразу, что эти сведения касаются меня лично и что в моей жизни есть нечто, чего я сама не знаю...

Она меня заинтриговала. Мне захотелось узнать этот секрет. Но три тысячи долларов – сумма очень большая, у меня не было таких денег... Я деньги зарабатываю, а не ворую... О чем я и сказала ей.

«Как хотите, – ответила посетительница. – А было бы жаль оставить вас без правды. У вас ребеночек-то был живой...»

Конечно, я ахнула, конечно, что-то воскликнула: как живой, что значит живой?! Стала спрашивать подробности...

Три тысячи, настаивала Куркина. Секретик того стоит, поверьте.

Что было делать? Я ей пообещала требуемую сумму. Она потребовала перевести ей на счет половину завтра же, а на другую половину мы сторговались через неделю. Конечно, я ей и помощь с квартирой пообещала... И я вправду занимаюсь ее квартирным делом, хотя нынче это стало так непросто: купить – пожалуйста, а обменять через государственные каналы – уже почти невозможно...

– И что же она вам рассказала? – нетерпеливо отвлекла я Зазорину от депутатских забот.

– Оказывается, меня «вели» с самого начала. Главврач роддома, к которой я пришла на консультацию как к одному из наиопытнейших гинекологов, меня напугала, что беременность у меня сложная, угроза выкидыша и того, что ребенок родится дефективный... Она предложила лечь на сохранение. Всю мою беременность я обращалась только к ней, и большую часть времени я пролежала у нее в роддоме на сохранении. Она мне ни разу не сказала, что у меня двойня. И когда наступили роды, мне было сказано, что ребенок может задохнуться и надо делать кесарево сечение... Спустя несколько часов, когда я проснулась после наркоза, мне сообщили, что младенец родился мертвым. И даже показали его маленький трупик... Это был мальчик.

Зазорина плакала.

Я, кажется, тоже.

Я до сих пор не знаю, какие чувства я испытывала. Чувств было много, они были разные и все какие-то заторможенные, как будто я их не столько *чувствовала*, сколько констатировала: там было сострадание к моей ровеснице Свете Зазориной, которой показали мертвого мальчика, родившегося на самом деле у Веры Андреевны, моей мамы; там было колоссальное, хотя еще до конца не осознанное облегчение оттого, что Зазорина не хочет меня убить; там рождалось что-то неопределенно-доброе к этой женщине, которая оказалась – была – моей настоящей матерью; и в то же время там уже гнезвился новый страх, новый ужас – ничего еще не кончилось! Все надо начинать сначала!..

Светлана Ивановна утерла слезы.

Я тоже.

– Куркина не могла мне сказать, куда пристроили моих девочек. Она принимала у меня роды и знала, что мне подменили детей, но их судьбой, по ее словам, занимался другой человек... Однако она взялась узнать. Разумеется, я обещала ей еще заплатить. Мне показалось, что она знает человека или людей, которые все это дело провернули, но не хочет мне их называть, чтобы я не добралась до них сама – она хотела подзаработать еще и на этой информации... И, хотя я понимала, что в этом принимала участие как минимум главврач, я решила, что Куркиной будет проще все разузнать и все уточнить...

– Я знаю, кто эти люди! И я могу вам рассказать, как дело было... Теперь я знаю все, Светлана Ивановна...

Я смутилась. Имя-отчество резануло слух – и мой, и Зазориной. Но не называть же мне эту женщину, которую я вижу впервые в жизни, «мама»?

– Или почти все... – добавила я.

Я говорила долго. Ей я рассказала все: и про Шерил, и про Кати, и про Игоря, и про Джонатана; про

Серезу и киллера Диму, про комиссара Гренье и про наши поиски по следам акушерок; и про мертвого мальчика...

Зазорина слушала, бледная, осунувшаяся. Черные тени легли под глазами.

Я сама была, наверное, не лучше.

Пепельница быстро наполнялась окурками.

Я говорила и думала: вот передо мной сидит моя мать. У меня уже есть мать; вот еще одна, которую я вижу впервые в жизни. Настоящая... А разве другая – не настоящая? Пусть меня разлучили с настоящей не по ее вине, но от этого ничто не умалится в моих отношениях с моей мамой, которая ненастоящая, и ничего само по себе не родится с этой, с настоящей...

В моей душе был тотальный сумбур.

– И ты решила, что это я подслала убийц, чтобы избавиться от грехов молодости?

– Решила... А что мне еще оставалось думать? Все сходилось, все совпадало... Вы занимаетесь политикой, вы возглавляете женское движение; узнай кто, что вы отказались от собственных детей, – это означало бы конец вашей карьере... Но только... Если это не вы, тогда кто же? Кому же это мы помешали? Кому понадобилось вас обмануть? Кто послал убийцу? Я теперь уже ничего не понимаю.

– Зато я теперь понимаю все.

Я смотрела на нее в ожидании продолжения. Но и она молчала, думая о чем-то. Лицо ее приняло жесткое, суровое выражение.

Не выдержав затянувшейся паузы, я нарушила тишину:

– Вы хотите сказать, что вы знаете, кто?..

– Знаю.

– И кто же это?

Отвернувшись к окну, за которым белели заснеженные крыши, она тихо произнесла:

– Ваш отец.

От неожиданности я встала. И замерла перед нею.

Я слышала, как Зазорина переговаривалась о чем-то по селектору со своей секретаршей.

А я все стояла, тупо глядя в противоположную стену. Зазорина потрясла меня за плечо.

– Очнись, Оля. Здесь невозможно разговаривать, нужно уйти отсюда. Но у меня есть одно дело, которое я не могу отменить, подождешь? Я постараюсь побыстрее.

Я кивнула и вышла из ее кабинета.

Джонатан ждал меня внизу. Он встревожился, увидев мое опрокинутое лицо.

– Это не она, – только и смогла выговорить я.

– Она – не твоя мать? – не понял он.

– Мать. Моя. Наша с Шерил. Но не она хотела убить нас. Это наш отец...

Полчаса спустя Зазорина появилась из подъезда.

– Вот ты где... Я тебя высматривала в приемной.

Она уже пришла в себя, и лицо ее восстановило свои краски, как природные, так и косметические.

Синие глаза были полны решимости.

– Джонатан, – представила я.

– Что ж ты сразу не сказала, что ты пришла с ним? Держишь человека на морозе! Садитесь-ка в машину.

Черный лимузин стоял у подъезда. Шофер открыл дверь.

– Мы на своей, – сказала я.

Сегодня с утра Джонатан взял в прокате «Ниссан», на котором он и привез меня на Фрунзенскую набережную, к высокому дому, в котором расположился комитет партии Зазориной.

– Тогда следуйте за нами!

Зазорина села в свой лимузин, и мы покатали в направлении Чистых Прудов.

Большой кирпичный дом, вахтерша в стеклянной будочке, огромная, превосходно обставленная квартира. Депутату живется неплохо в нашей стране, подумала я. И, поймав себя на этой злой ироничной ноте, спохватилась: впрочем, во всех странах депутаты живут хорошо. И это нормально!

– Располагайтесь, – Зазорина гостеприимно кивнула на свою гостиную. – Есть хотите?

– У вас дома... никого нет?

– Сейчас зимние каникулы. Мальчики с их отцом уехали в горы. – Тем лучше. Мне совсем были бы некстати сейчас новые эмоции при виде моих братишек. – Так есть будете?

– Вы не беспокойтесь, ничего не надо готовить. Так, может, пару бутербродов...

– А я и не беспокоюсь. У меня все готово. Ко мне домработница ходит, она готовит.

Через несколько минут на кухонном столе стояла тарелка с овощами, холодные котлеты, закипал чай.

– Давайте, налетайте. Нам надо торопиться. Дел куча. Вот так всегда, все сразу... Сейчас бы посидеть с вами, никуда не бежать, ни о чем не думать... Но нельзя. Надо эту компанию брать. Ешьте, я пока позвоню.

Я как-то не так себе представляла наш визит к ней. Все было слишком просто, слишком обыденно. Я все еще была под влиянием шока, тогда как Зазорина уже давно пришла в себя, уже владела собой и ситуацией, уже восстановила свои хватки деловой женщины...

«Найди мне, кто был на связи с французской полицией по делу Самариной, – доносился ее голос из гостиной. – Да, Париж. У них там киллер наш, русский сидит. Уж ФСБ – наверняка, как же без них! Но у вас на Петровке тоже кто-то должен быть на подключке. Что значит «когда»? Сию секунду, немедленно! Жду».

Она появилась в кухне.

– Поели? Чай пойдем пить в гостиную.

Мы уселись вокруг низкого столика.

– Если вы говорите по-английски или по-французски, – сказала я, – было бы лучше, потому что Джонатан уже ничего не понимает, а я уже не в состоянии переводить...

Оказалось, что она свободно владеет английским, и дальнейший разговор шел втроем.

– Светлана Ивановна, вы должны мне сказать, кто этот человек, – произнесла я вопрос, который сверлил мой мозг с тех пор, как я покинула ее кабинет.

– Прежде всего, Оля, давай мы сразу договоримся: ты будешь обращаться ко мне на «ты».

Я усмехнулась: мы говорили по-английски, а в этом языке нет разницы между «вы» и «ты».

– Зря усмехаешься. Ты называешь меня по имени-отчеству. Я понимаю, что вряд ли ты можешь называть меня мамой... К тому же это имя уже отдано другой женщине... Но если мы сразу не перейдем на «ты», то потом это будет намного труднее. Ты можешь хотя бы называть меня просто...

Она замолчала растерянно. В самом деле, как? Ее взгляд беспомощно устремился на Джонатана.

– Конечно, – сказал Джонатан. – Конечно, ты можешь называть ее Светланой! Тогда заодно мы будем с тобой в одинаковом положении: мне ведь ни за что не выговорить ваши отчества. Так что будем называть ее просто, как на Западе: Светлана. И ты, и я.

– Хорошо, я постараюсь... Так кто этот человек... Светлана?

– Ты его прекрасно знаешь.

– Я?!

– Твой Игорь работает на него. Это Тетерин...

– Василий Константинович?! Наш отец?!

Она кивнула в ответ, не глядя на меня. Мне почудилось, что ей отчего-то стыдно признаваться в своей связи с ним. Но, так ли это было или нет, уже через несколько секунд она овладела собой и принялась рассказывать:

– Он был полковником КГБ, начальником одного из отделов, курировавшего работу с молодежью. Я была большой комсомольской активисткой в те годы, работала в горкоме. Сейчас кажется странным, что можно было тогда во что-то верить... Но я верила если не во все, то во многое. Недостатки системы казались исправимыми, стоило только за них взяться...

Василий Константинович был красавцем. К тому же на нем лежал отпечаток того западного лоска, который был на людях, много ездивших за границу – в отличие от всех остальных советских граждан, не бывавших нигде дальше «Клуба кинопутешественников». Сейчас я уже не могу и понять, как и отчего я могла влюбиться в этого подонка... Впрочем, до последнего времени я не знала, до *какой* степени это подонки и негодяи... Но я уже много лет как поняла, что, несмотря на весь его лоск, он всего-навсего солдафон, ограниченный и тупой, – но хитрый и продажный...

Я от него забеременела. И во что бы то ни стало хотела рожать. Вася поначалу испугался – он был женат, причем не просто женат, а на дочке одного из членов ЦК. Он настаивал на аборте, но я – ни в какую!..

И вдруг, к моей большой радости, он сменил гнев на милость и, как по мановению волшебной палочки, превратился из раздраженно-недовольного любовника в нежнейшего и заботливейшего будущего папашу... Мне было плохо первые месяцы – тошнило, случались обмороки, – и он привел меня к «лучшему специалисту в этом деле» – к главврачу роддома имени Ленина Нине Александровне Демченко.

А уж она меня больше из своих рук не выпустила... Вы знаете, мертвый мальчик... – голос ее неожиданно снова дрогнул.

– Если вы хотите, Светлана, я вам налью еще чаю, – заботливо предложил Джонатан.

Она улыбнулась ему.

– Не бойся, я плакать не стану... А чаю подлей.

Следя за тем, как Джонатан наливает чай, она продолжала:

– Узнав от Куркиной правду о моих родах, я в ярости помчалась к Васе. Я на него накинулась, как тигрица, я ему надавала пощечин, я ему все лицо исцарапала!

Она улыбнулась довольно, вспоминая сцену.

– Ему пришлось своих телохранителей звать... Только поздно он спохватился! Лицо его уже было в полосочку! И даже не в полосочку, а в клеточку: я и вдоль ногтями прошлась, и поперек!

Светлана для пущей убедительности показала нам свои ногти – длинные, ухоженные, с бледно-розовым лаком.

– ...Вася отпирался. Он называл все «бреднями выжившей из ума пенсионерки», которая решила надуть меня и заработать на моей доверчивости. И тогда я ему поклялась доказать. Я ему поклялась вас разыскать...

Она задумалась.

– И пока вы пытались нас найти, – сказала я, – он убрал сначала Куркину, потом Демченко, а потом принялся за нас с Шерил. И Игорь ему помогал...

– Это-то и удивительно! Я ведь с ним неплохо знакома, с твоим Игорем.

– Уже не с *моим*.

Она кивнула.

– Он человек умный, тонкий, талантливый. Я бы такого с удовольствием взяла к себе... Даже намекала ему.

– А он?

– Сказал, что подумает. И что пока у него есть обязательства перед Васей... Но как же он мог за такое дело взяться, вот чего я не пойму?..

* * *

...Наступил день, когда за железной дверью раздались голоса. Брякнул замок, и дверь проскрежетала, впуская Василия Константиновича.

Игорь сидел на кровати. Он не удивился, не шелохнулся, не привстал. Он уже давно догадывался, у кого он загостился. А с тех пор, как полногрудая Катя объяснила свои «политические убеждения», приведшие ее в Москву: «Самим не хватает, чего еще тут всяких черно...ых разводить? Нехай едут к себе домой и там каши просят. А у нас – нечего ошиваться. Россия – русским!» – с тех пор он был просто убежден, что Катя состоит на службе у Василия Константиновича.

Поэтому он только произнес:

– Долго же ты, Вася, ждал встречи со мной.

Василий Константинович с лукавой улыбочкой прошел к столу, развернул стул лицом к Игорю, сел.

– Это не я, Игоречек, это ты долго ждал встречи со мной!

«Играет барина, – подумал Игорь. – Ну пусть, в конце концов, он прав: не он у меня, а я у него в плену».

– И чему же это я обязан такой милости?

– Да так, решил проведать...

– Как я поживаю у тебя в тюрьме? Ничего, спасибо. Ты как, Вася, ее изначально в проект дачи заложил или потом додумался?

– А ты мне не хами. Когда бы я ни додумался, сидишь тут – ты.

– Угу. И под охраной твоей личной дачной армии. У тебя в твоём опричном войске сколько человек состоит? Если посчитать, сколько у тебя на даче места: три этажа плюс комфортабельный подвал – то ты тут мог немало опричников припрятать...

– На тебя хватит, не беспокойся. Особенно если хамить не прекратишь.

– Давай, позови. А то мне еще пока в морду никто не заехал!

– И позову! – взорвался Василий Константинович. – Ты что распоясался тут! Скажи спасибо, что...

– Это я тебе должен сказать спасибо?! За что? За Олю? За всю мерзость, в которую ты меня втянул?

– Ишь, просну-у-лся! Спихвати-и-лся! Чего ж ты не возражал, когда речь шла о каких-то девчонках, которых ты в глаза не видел? Тебе их не было жалко! Ты, как охотничья собака, взял след и уже ничего не слышал, не видел вокруг – такой азарт разыгрался! А как выяснилось, что это Оля, – сразу зажалел свое добро? Но мы с тобой не в детские игры играем, мой милый! Ты служишь интересам партии! А в ее, партии, интересах избавиться от опасных свидетелей, которые могут подорвать ее, партии, авторитет!..

– Брось, Вася, не свисти, ты не на трибуне! – Игорь вскочил с кровати и заходил нервно по комнате. – Своим избирателям, этому стаду безмозглых тупиц, ты можешь сколько угодно морочить голову! Речами, которые я же тебе и писал. Но не мне, ладно? Это твои личные, Вася, интересы, твои шкурные, твои кровные. Это тебе лично, а не партии помешали Оля и ее сестра.

– Я – это и есть партия!

– Ты совсем свихнулся, Вася, – покачал Игорь головой. – Ты не очень умный и очень ограниченный человек, который, в свою бытность генералом КГБ, настолько привык к власти, что теперь тебе то ли в петлю лезть, то ли партию создавать, лишь бы снова вкус власти ощутить... Но партия твоя – это я, и ты сам, ее лидер, – это тоже я. Без меня ты никто и ничто!

– Ладно, разошелся! Не кипятись. Твои заслуги в создании партии я признаю. Но теперь, когда партия существует, ты – работаешь на нее...

– Я, мой дорогой, работаю за деньги, за хорошие, большие деньги! И плевать я хотел на твою партию! И на любую другую партию тоже. Это все для стада, у которого своих мозгов нет. Я создал тебе партию по твоему заказу и могу еще сорок других создать, с диаметрально противоположными программами, как костюмы по меркам! И, если я захочу, они тебя победят. Все зависит от того, с кем я!

– У тебя мания величия, Игоречек. Помимо твоей головы, не отрицаю, умной головы – есть еще рычаг управления политикой покруче – деньги. И никакие твои таланты не стоят и копейки, если за ними не стоят деньги!

– Ты тупой, Вася. Я тебе уже это говорил, впрочем. Деньги дают люди. Лю-ди, понимаешь? А раз это люди, значит, их можно убедить. Ты убедил их сам – честь и хвала тебе, только не забывай, что ходил ты к этим людям с моими аргументами, с моими выкладками. А уж если бы мне понадобилось самому идти, то я бы и не такие суммы принес...

– Чего ж ты не вызвался?

– А зачем? Партия тебе нужна, не мне. Мне нужны мои деньги, а у меня они были. Тебе нужны твои – вот ты за ними и ходил. А я выполнил свою работу, за которую ты мне платишь, – вооружил

тебя нужными мыслями и словами.

– Ты меня за дерьмо держишь, да?

– Я никого ни за что не держу. У меня есть свои взгляды на вещи, но эти взгляды мои и для меня, я их никому не навязываю, они – мое личное дело. У тебя свои взгляды – твое личное дело. Наши взгляды не совпадают – так что ж? Я перевоспитывать никого не собираюсь, пропаганду вести не хочу, моральный кодекс строителя коммунизма или чего угодно, хоть сортиров, – вдалбливать ни в чью пустую башку не имею желания. Я поэтому, Вася, ненавижу и презираю любые партии: они, как секты, всучивают населению удобное им мировоззрение. Это и есть идеология: навязанное в интересах других – будь то гуру или генсек – мировоззрение. Население само виновато – и черт с ним, не надо быть пустоголовыми болванами! Когда свои мысли в голове есть, чужие туда не всунешь – место занято. А коли нет – то натурально, свято место пусто не бывает, тут же набегут охотники его занять... Так что ты – это ты, живешь и мыслишь как можешь, как считаешь нужным, и не мне тебя судить.

– А уж себя-то ты самым умным считаешь?

– Считаю.

– А вот сидишь ты, самый умный, взаперти и даже не знаешь где...

– Отчего же это не знаю? В подвале твоей дачи.

– Догадливый. Тогда ты догадался и про то, что отсюда ты не выберешься. По крайней мере, пока я не решу, что с тобой делать.

– Проснись, Вася! Что ты можешь сделать со мной? Ну что, скажи ты мне? Ты же без меня как без рук, Васенька! Вся твоя партия полезет по швам, если меня не будет! Взгляни на вещи реально, мой дорогой. Тебе без меня никуда.

Вася посмотрел на Игоря по-детски растерянным, почти испуганным взглядом. Игорь знал этот взгляд. Он относился к разряду обаятельных Васиных черт, от которых таяли избиратели, и особенно – женщины. На самом деле этот синий, беспомощный, почти наивный взгляд объяснялся просто: Вася был недостаточно умен, чтобы быстро найтись, и недостаточно тонок, чтобы свою растерянность скрыть. Такой взгляд часто сохраняют до старости мужчины, выросшие под гнетом чересчур властных отцов...

Игорь решил воспользоваться его замешательством и произнес веско:

– Я тебе предлагаю сделку, Вася. Ты оставляешь Олю в покое – я ее прячу. Далеко, никто не найдет. А я обещаю тебе, что буду работать на тебя до конца, – сказал он торжественно.

Что такое было «до конца», до конца чего, Игорь не стал уточнять. Васе еще понадобится время, чтобы заметить неясный подвох и начать припирать его к стенке.

Однако, против его ожиданий, Василий Константинович улыбнулся саркастически. В васильковых глазах заиграли хитрые огоньки.

– Найдут, Игоречек, найдут. Ты вот пытался ее спрятать от меня, а я нашел. Причем, заметь, гуманными средствами: тебя не били, не пытали, чтобы ее адресок разузнать... – Он все еще улыбался, но в голосе его зазвучали иезуитские, угрожающие нотки. – И мать ее никто не потревожил... – многозначительно добавил он, словно предлагая Игорю представить, что могло бы быть, если бы «потревожили». Игорь представил, и у него побежали мурашки по спине. – А разыскали, Игоречек! Следовательно, и другие найдут.

Сердце Игоря гулко забилося. Пришел его черед растеряться. Уверенный тон мгновенно слетел с него.

– Что значит... – проговорил он враз пересохшим ртом. – Как разыскали?! Олю?! Оля... Она жива?

Василий Константинович встал с непроницаемым видом, давая понять, что разговор окончен. Он почувствовал, что выиграл этот разговор, что психологически сломал Игоря. Посмотрев на него многозначительно в упор, он безмолвно развернулся и направился к дверям.

У выхода обернулся. В лице его расцвела самодовольная важность. И это выражение лица было Игорю знакомо: Вася нашел ответ.

– Ты вот говоришь: деньги дают люди... Правильно, Игоречек, дают. И спасибо тебе – помог их убедить, чтобы дали. Но ты, умник, интеллигентшишка хренов, не понял одного: когда деньги уже есть, то дальше – дальше это они, деньги, начинают давать деньги. Они начинают размножаться... – Вася сладострастно зажмурился, словно ему представилась эротическая сцена темпераментного размножения денег. Помечтав, он раскрыл глаза и с усмешкой глянул на Игоря. – И дальше, Игоречек, эти люди не так уж и нужны. И многие другие не нужны. Ты, например... – Он посмотрел Игорю прямо в глаза холодным, жестким взглядом. – Деньги, Игоречек, теперь делают твою работу: деньги приносят голоса. Теперь мне другие люди нужны – те, которые заставляют денежки плодоносить. Андрюша нужен. Николай Георгиевич. А ты – нет.

Он взялся за ручку двери, приоткрыл ее и шагнул наружу. Но тут же голова его появилась снова, и он добавил небрежно:

– Ты там чего-то насчет Оли спрашивал? Интересовался, жива ли? Так я тебе скажу: о себе побеспокоился бы. Я еще не решил, жив ли ты.

И вышел, громко хлопнув дверью.

Чугунный звон еще долго разносился по подвалу.

Игорь сжал руками голову. Ему казалось, что этот звон разнесет ее.

И только когда крепкие, прохладные Катины руки обхватили его, звон прекратился. Уткнувшись в полную, мягкую грудь, Игорь заплакал.

* * *

– ... Да... А я все ждала, что Куркина позвонит, – проговорила Светлана. – Я думала, что она не появляется, потому что еще не нашла ваши следы. Эта информация ведь была товаром, за который она должна была получить деньги, – вот она и не возникала: пока нет товара, нет и денег. Сама я тоже не звонила ей – ничего толком не успела сделать насчет ее квартиры. Да и, честно говоря, я была очень закручена.

– Выборы, – подсказала я не без иронии.

– Выборы, – кивнула Светлана серьезно. – Ты пойми, Оля, я жила двадцать один год без вас, не зная даже о том, что вы были, что вы существуете. Жизнь текла и накладывала, и навязывала свои обязательства... Их нужно было выполнять, и по большей части – срочно. Я не торопила человека, занимавшегося вашими розысками. Я даже где-то подсознательно – если уж покопаться – и не хотела найти вас до выборов: боялась, что такие эмоции меня свалят, что я не выдержу, не справлюсь со всем этим, не дойду до конца...

– Мне кажется, что это очень понятно, Оля, – повернулся ко мне Джонатан. – И оцени, Светлана очень

откровенна с тобой. Она не лицемерит и не впадает в ложную сентиментальность. Это редкая черта у политиков.

– Спасибо, Джонатан. – Светлана улыбнулась.

Зазвонил телефон. Зазорина схватила трубку.

«Да? Как ты сказал? Нет, я его не знаю. погоди, а он что за человек? Вот как? Прекрасно. Конечно, я тебе доверяю. Спасибо, Алеша. Передавай».

Пауза. Зазорина весело смотрит на нас с Джонатаном.

«Алло? Юрий Николаевич? Зазорина... Да, да, да. Именно! У меня очень важные факты по этому делу. Вы не могли бы приехать ко мне прямо сейчас?.. К вам на Петровку?.. Ну и что, берите его с собой! Подумаешь, ФСБ... Как его зовут? Бог мой, да мы же с ним сто лет как знакомы! Ну конечно! Дайте его мне».

Снова пауза.

«Слава, так ты этим делом занимаешься? Слушай, ну зачем нам в официальной обстановке... Потом, если надо будет, сделаем все официально, зафиксируем, подпишем – как скажешь. А сейчас у меня тут чай стынет... Да я не хитрю, Бог с тобой! Э-э, ты даже не можешь представить, что у меня в руках! И даже не в руках, а у меня дома. Не гадай, мой друг, все равно ни за что не догадаешься. Давайте ко мне, да побыстрее!»

Глава 3

МЫ ЕДЕМ ИХ БРАТЬ!

Спустя полчаса за нашим столом прибавилось два гостя. Оба были в штатском. Один, мешковатый, невысокий и коренастый, буркнул не слишком приветливо: «Сигаев Юрий Николаевич, следователь». Второй, высокий, с проседью на висках и зелеными игривыми глазами, галантно поцеловал руки Зазориной, пожал нам с Джонатаном, прошел в гостиную, распространяя запах отличной туалетной воды, сел, небрежно откинув полы хорошо сшитого пиджака, закинул ногу на ногу, обнажив дорогие носки, и улыбнулся обаятельно: «Вячеслав Сергеевич».

Он положил перед собой магнитофон, оба мужчины приготовили блокноты, и Вячеслав Сергеевич снова обаятельно улыбнулся: «Рассказывайте. Кто начнет?».

Спустя еще два часа все голоса окончательно сели от беспрестанного говорения. Магнитофон наконец выключили, ручки скрылись в карманах пиджаков, и оба гостя, извинившись, вышли в другую комнату.

До нас доносились голоса: недовольный Юрия Николаевича, спокойный и примирительный Вячеслава Сергеевича.

Вернувшись в гостиную, Юрий Николаевич, глядя на часы, проворчал: «Вот пришли бы к нам, как положено, на телефоне бы сэкономили. А теперь уж, не обессудьте, от вас звонить будем».

Звонок отправился в Париж, к комиссару Гренье.

– Дайте мне его, – пританцовывала я вокруг телефона, по которому, на очень хорошем французском, говорил Вячеслав Сергеевич, – пожалуйста, дайте!

– Чего пляшешь? Писать хочешь? – насмешливо проговорил эфэсбэшник. – Света! Подгузников не запасла для дочурки? А то я могу прислать тебе ящик памперсов в подарок!

– Дайте мне поговорить с комиссаром! – сердито воскликнула я.

Получив нагретую трубку в руки, я закричала:

– Это Оля! Самарина! Конечно, жива! И совершенно здорова! И их нашла! Я всех нашла, господин комиссар! Мы едем их брать! Как там Шерил?

– Шерил пришла в сознание!

– Я так и знала! Я была уверена, мне во сне приснилось! Слышишь, Джонатан, Шерил пришла в сознание!

– И Джонатан там? – удивился комиссар.

– Конечно! Как вы советовали, он меня охраняет! Господин комиссар, миленький, скажите Шерил, что я нашла нашу маму! И что мы скоро к ней приедем! Все вместе!

Про то, что я и отца нашего невзначай нашла, я предпочла умолчать...

– Я вас целую, мой дорогой комиссар!

Кажется, он от меня совершенно обалдел и даже не нашелся что ответить.

Я вернула телефон Вячеславу Сергеевичу.

– Вуаля, – сказал он в трубку. – Она немножко сумасшедшая, ваша клиентка... Да, верно, теперь уж

наша... Я, значит, подробности вам завтра отфаксую, а вы нам все подготовьте. И Качашвили будем забирать... Ну, посмотрим, поторгуюсь... Да, спасибо.

Повесив трубку, Вячеслав Сергеевич обернулся ко мне и сказал строго:

– Что это значит – «мы едем их брать»? Кто это «мы»?

– Ну, мы...

– Вы *лично*, девушка, никуда не едете. Вы сидите дома и вышиваете гладью, как положено молодой девице из приличной семьи. Света, – повернулся он к Зазориной, – пристегни дочурку-то к юбке... А то ишь, приткая какая!

– Это кто такой – Качашвили? – поинтересовалась я.

– Что, он тебе не представился? Киллер твой, Дима...

Волна отвращения накрыла меня с головой. Я зажмурилась.

– Ты чего? Тебе плохо? – удивился Вячеслав Сергеевич.

– Да что вы, мне хорошо! Отлично просто! Приятно вспомнить, как он меня убивать ходил...

– Понравился? – усмехнулся мой собеседник как-то двусмысленно. Я не поняла отчего. Я ни словом не обмолвилась в своем рассказе о его отвратительной попытке меня изнасиловать... Возможно, он что-то знал о Диме по его прежним делам? Или Дима на допросе рассказал? – Красивый малый... – продолжал Вячеслав Сергеевич. – Негодяй тот еще. За ним четырнадцать убийств уже. Скажи спасибо Джонатану, – мотнул он головой в его сторону, – что пятнадцатое не состоялось.

– И уже не состоится, – угрюмо добавил Юрий Николаевич. – Уж мы ему вышака организуем.

– Мальчонка того достоин, – склонил голову, соглашаясь, Вячеслав Сергеевич. – Только придется с французами торговаться. Они, видишь ли, не выдают преступников странам, в которых существует смертная казнь... Ну, посмотрим.

Снова оба гостя что-то обсуждали и куда-то звонили. Уточнялись адреса. Вызывались, как я поняла, отряды спецназа, которые должны были отправиться одновременно в двух направлениях: к Сереже домой и на дачу к Василию Константиновичу.

Мы с Джонатаном набросали план дачи. Вернее, я провела кривые линии, а Джонатан твердой рукой перечертил это все на чистом листе.

– Я не все видела, там три этажа, – сказала я, отдавая план.

– И на том спасибо, – буркнул Юрий Николаевич, разглядывая чертеж. – Это что, второй выход?

– Да, в сад. При въезде на дачу сторожка. В ней живет сторож Саша с овчаркой Джеком, который слушается только его.

– Кто там еще живет, кроме самого Василия Константиновича?

– Домработница, беженка из Таджикистана. Скромная женщина лет под сорок, бывшая воспитательница детского сада, у которой погибла семья в какой-то перестрелке – сын и муж. Ее зовут Юлия, и у нее, кажется, своя комната на втором этаже.

– Это все?

– Больше я никого не видела.

– У него два телохранителя, – вставила Зазорина. – Я их у него возле кабинета видела. Но они могут быть и на даче.

– Ограда какая? – поинтересовался Юрий Николаевич.

– Металлические прутья.

– А ворота?

– Тоже. Закрываются на ключ. Когда мы приезжали, Саша нам открывал.

– Что ж, спасибо за ценную помощь. Все, мы пошли. Дела ждут.

Он направился к дверям.

Вячеслав Сергеевич снова склонился к ручкам Светланы. Затем посмотрел на меня:

– Впрочем, вместо вышивания вы можете начать сочинять роман. У вас сюжетик в руках – чистое золото!

– Я не знаю, где живет Сережа, – вместо ответа сказала я ему. – Но я знаю, где живет Василий Константинович.

– Я тоже, – усмехнулся он, – уже знаю.

– Но я, в отличие от вас, еще знаю, как туда проехать. Мы там бывали с Игорем много раз, и я вас уверяю, что найти эту дачу непросто!

Вячеслав Сергеевич посмотрел мне в глаза. Он колебался. Он глянул на часы – было около восьми – и на темное окно, где стыл морозный зимний вечер.

– Нарисовать сможете?

– Нет. Но могу узнать из окна машины.

Он снова поглядел на окно. Потом на угрюмого Юрия Николаевича.

– Нет, спасибо, – сказал он, поборов искушение получить в моем лице проводника. – У нас есть карты. Пишите романчик, девушка. Я вас порекомендую в издательствах, у меня есть связи. Так что успехов в творческом труде. А вы нам тоже пожелайте успеха.

– Ни пуха ни пера! – произнесла Светлана.

– К черту! – донеслось из-за закрывающейся двери.

– Позвоните, как только будут результаты! – крикнула Светлана вдогонку.

Едва щелкнул за ними замок, как я развернулась к Джонатану:

– Едем!

– Может, ты сначала объяснишь мне куда?

Я объяснила.

– И зачем? – спросил Джонатан.

– Я хочу это увидеть. У меня слишком много чувств к этому человеку. И все, по случайному совпадению, отрицательные.

Светлана все это время стояла рядом, что-то обдумывая.

– Я с вами, – произнесла она. – У меня тоже много, и тоже все отрицательные. Едем!

– Это опасно, в конце концов! – воскликнул Джонатан. – Вы что, не понимаете? Когда берут преступников, может случиться самое непредвиденное! Я не могу вам этого позволить. Светлана, будьте же благоразумны! Ну зачем, скажите, вам туда ехать?

– Может, удастся еще раз рожу исцарапать этой сволочи... – Светлана мечтательно прикрыла глаза. – У тебя ногти длинные? – спросила она меня и, увидев, кивнула удовлетворенно. – А если еще и вдвоем!..

– Вы обе сумасшедшие. Что мать, что дочь!

– Ты нас отвезешь, Джонатан? Или нам машину вызывать? – звонко-распорядительно произнесла Светлана, и я вдруг отчетливо представила ее задорной комсомольской активисткой. Кажется, из нас двоих Шерил унаследовала ее общественный темперамент...

– Нет, – твердо ответил Джонатан. – Я вас никуда не повезу. И вы никуда не поедете. А будете хулиганить – к батарее пристегну.

И он для пущей убедительности вытащил из кармана наручники и покачал ими на весу.

Мы переглянулись. Джонатан, кажется, не шутил.

– Пошли чай пить, – распорядился он. – Наливайте, Светлана.

Удивленные и разочарованные, мы поплелись на кухню.

Я попросила разрешения позвонить маме. Светлана деликатно вышла из комнаты. Я набрала номер и тут же повесила трубку.

Маме нельзя звонить. Вернее, можно и нужно, но только тогда, когда вслед за звонком я выйду, чтобы ехать к ней. Иначе она не будет спать, будет нервничать, волноваться, плакать.

А я не могу выйти к ней. Не раньше, чем их возьмут. Не раньше, чем я буду уверена, что за мной больше не идет по следу новый убийца. Не приводить же его к маме!..

– Правильно! – одобрили ход моей мысли Светлана и Джонатан. – Позвонишь завтра с утра. Если, Бог даст, все уладится...

Никому, однако, не сиделось. Я бродила по комнате, Джонатан стоял у окна, Светлана ушла на кухню и гремела там посудой.

Неожиданно грохот прекратился, и она возникла на пороге гостиной с сияющим лицом.

– У меня идея! Давайте позвоним Шерил!

– Да, но куда мы ей позвоним? – опешила я.

– В больницу! Там разве нет телефонов?

– Есть, конечно... Но...

Привыкнув, что Шерил в коме, я даже не подумала, что теперь она, как все «нормальные» пациенты, должна находиться в нормальной палате с телефоном.

– Но у меня нет ее телефона...

– Позвоним в справочную больницы!

– А телефон больницы где мы возьмем?

Светлана посмотрела вопросительно на Джонатана. Своим женским и политическим чутьем она быстро уловила в нем человека, способного найти выход из затруднительного положения.

Джонатан ответил на ее взгляд:

– Оля, я помню твой больничный номер. Позвони по нему и спроси человека, который занимает теперь твою палату, телефон приемной. Сейчас, – он посмотрел на часы, – еще не поздно, приемная должна быть открыта.

Я все еще колебалась. Мы ведь не знали, в каком состоянии Шерил. Говорит ли она? Ходит ли? Двигает ли руками, чтобы взять трубку?

– Если Шерил не может пользоваться телефоном, то тебе об этом скажут в приемной, – уловил Джонатан мои сомнения.

Решено. Под диктовку Джонатана я набрала французский номер. Мужской голос был любезен – и через минуту, пожелав ему здоровья, я уже звонила в приемную.

– Кто ее спрашивает? – поинтересовалась девушка. И, услышав, что это сестра Шерил, сообщила: – Вам повезло, всего лишь час назад полиция сняла запрет на информацию об этой пациентке. Записывайте...

Я записала и приготовилась уже было набрать следующий номер, но остановилась и посмотрела на Светлану.

– Ты хочешь с ней поговорить?

Она молча кивнула. Приблизившись к аппарату, нажала на кнопку громкой связи. Я набрала номер, и по всей большой квартире Светланы гулко разнеслись гудки. Неожиданно для всех мужской голос произнес: «Аллё?»

«Бонжур...» – сказала я растерянно. Я уж было решила, что не туда попала, и начала бормотать извинения, как вдруг мужской голос спросил: «Оля?»

– Ги! – заорала я. – Ги, это ты?

– Я, я. Чего ж так кричать-то? Это уж мне, скорее, надо было бы! Куда же это ты пропала? Ни весточки, ни звоночка! Шерил волнуется! Комиссар ее утешает, как может, но она все равно волнуется! Тем более что после комы ее нервы не очень в порядке... А ты, как свинья, пропала...

– Я не как свинья, Ги, я как конспиратор!

– Да знаю, знаю! Это я так, небольшой воспитательный демарш... Комиссар звонил сюда, рассказал про твои подвиги. Поздравляю! Ты молодец! Джонатан с тобой, как я понял?

– Со мной!

– Привет ему!

– И тебе от него. Ги... А Шерил, она как?

– Вполне прилично. По тебе скучает. Вот смотрит на меня и надеется, что я наконец передам ей трубку. Аж подпрыгивает на кровати от нетерпения.

– Погоди... Она двигается?

– Потихоньку. Ей приходится заново учиться. Но все идет успешно.

– Она может говорить?

– Еще как! Уже заговорила комиссара: где Оля да что с Олей! Ну, я даю ее тебе. Только ты не тараторь, ей нужно время...

«Оля!» – горячий выдох в трубку и молчание. Я тоже молчу: рыдания перехватывают горло.

Шерил справилась первой.

– В-всё к-кончено?

Она заикается. Ну ничего, это пройдет. Господи, спасибо уже за то, что она говорит, ходит, живет!

– Шерил, моя дорогая Шерил... Пока еще не кончено, но скоро, очень скоро закончится, я тебя уверяю!..

– Я т-тобой г-горжусь... К-комиссар Г-гренье сказал, что ты в М-москве? И Джонатан с т-тобой?

– Да! Шерил, наша мама... Она рядом со мной... Ее зовут Светлана. Мы на нее очень похожи...

– Д-дай мне ее! – сказала Шерил.

Светлана схватила трубку вспотевшей, трясущейся рукой.

– Алё, – ее голос предательски осекся.

В трубке наступило молчание.

– Алло? – повторила Светлана. – Шерил?

И вдруг по громкой связи разнеслось на чистом русском языке:

«З-здравствуй, мама...»

Светлана заревела в трубку. Шерил захлопала на том конце провода. Джонатан стоял с умиленным выражением лица и повлажневшими глазами. И только я, шмыгая вместе со всеми носом, в то же время грустно позавидовала этому – «мама»... У Шерил никого нет, и ей так легко отдать это слово Светлане!.. А я не смогла. И уже не смогу...

– Я учу рус-ский язык, – продолжала по-русски Шерил.

– Девочка моя, – кричала Светлана в телефон, – я приеду к тебе немедленно! Как только освобожусь! Но очень скоро!

– Но я еще м-мало уч-чила рус-ский язык, – сказала Шерил и перешла на английский, – и я ничего не поняла! Ты говоришь по-английски?

Светлана тоже перешла на английский, и мы с Джонатаном отошли от нее, чтобы не мешать. Минуты через две трубку взял Ги и сообщил, что Шерил устала и ей нужен отдых.

Пообещав звонить каждый день, Светлана положила трубку и мечтательно погладила ее пластмассовую прохладную спинку. А может быть, она просто стерла с нее свои слезы...

– Как только я закончу самые неотложные дела по выборам, мы поедem к ней все вместе! – Светясь от счастья, как новогодняя елка, она уселась в кресло.

– Вместе с моей мамой, – сухо сказала я. – Она имеет на Шерил не меньше прав, чем ты!

– Конечно! – торопливо кивнула Светлана. – Мы с ней познакомимся завтра же, да?

– Быть может... Посмотрим.

Ох, не просто это будет, ох, не просто!.. Ни для Светланы, ни для мамы... Ни для меня. Одна только Шерил может полностью и без малейших угрызений воспользоваться всеми мамами, всехней любовью...

И я снова позавидовала.

Светлана меж тем высчитывала, когда она сможет поехать в Париж.

– Зря вы все усложняете, Светлана, – заметил Джонатан. – Если все сегодняшним вечером пройдет благополучно, то с завтрашнего дня вы можете уезжать куда угодно, хоть на Канарские острова отдыхать. Эта история поработает на вас и вместо вас – вам уже не понадобятся ни встречи с избирателями, ни слова убеждения. Вам понадобится только парочка резвых журналистов, которые распишут эту историю в средствах массовой информации, выдавив максимум слез из читателей-зрителей. И ваши места в Думе вам

обеспечены!

Светлана посмотрела серьезно на Джонатана.

– У тебя голова варит... Чем ты занимаешься, скажи, пожалуйста?

– Уф! Какой вопрос... Я еще не решил.

– А все-таки?

– У меня много планов...

– Назови хотя бы один!

– Пойти еще где-нибудь поучиться. У меня уже два диплома, почему бы не сделать три?..

– Какие?.

– Политические науки и школа управления.

– Так-так... И что же еще в планах, кроме учебы?

– Ну... – Джонатан усмехнулся ее напору, а я с интересом слушала и открывала для себя то, чего не знала. – Например, открыть частное бюро расследований.

– Сыскное, что ли?

– Примерно.

«Уж не при дядиной ли конторе? – подумала я. – Заниматься официальной шпионской деятельностью, как он мне сказал, ему претит, а вот поучаствовать в расследованиях – это было вполне в духе Джонатана...»

– Ну, а еще что? – напирала Светлана.

– Ладно, выкладывайте ваши предложения, – сказал Джонатан.

Она опешила.

– Как ты догадался?

– Надо быть младенцем, чтобы не понять...

– Мне нужны такие люди, как ты. И я хорошо плачу.

– Я не люблю политику.

– Я тебе найду без политики. У нас в России и у меня, в частности, столько еще свободных сфер для применения талантов! Выбирай на вкус: бизнес, организаторская деятельность в некоммерческих и неполитических ассоциациях, то же бюро расследований... А?

– Я буду иметь в виду ваши предложения, – любезно ответил Джонатан. – Но, не скрою, у меня много других, не менее заманчивых...

Его слова были похожи на отказ, но Светлана не огорчилась или не подала виду. Со светским видом она предложила еще чаю.

– Я бы предпочла алкоголь, – сказала я. – У тебя есть что-нибудь крепкое?

– А как же! Выбирайте: водка, джин, виски, коньяк...

– Водка, – сказала я.

– Виски, – сказал Джонатан.

Себе Светлана налила коньяку. Лихо отхлебнув из рюмки, она лукаво посмотрела на Джонатана.

– А ведь ты согласишься, – сказала она. – Ты – искатель приключений, авантюрист и философ. А где же ты найдешь лучшее применение всем этим талантам, как не в России? Никакое другое место на этой планете не способно выдержать сравнения с этой страной! Не так ли, друг мой?

Джонатан лишь загадочно улыбнулся...

Возбуждение прошло. Разговор не клеился. Светлана расспрашивала меня про маму, про мою детскую жизнь с ней. Я ей отвечала не то чтобы неохотно, но мысли мои были заняты другим...

Мысли мои были там, в дачном поселке, где бравые парни из спецназа окружали дачу, вжимаясь в белый снег, где овчарка вострила уши и тихо рычала, а сторож Саша беспокойно оглядывал забор, за которым хорошо просматривались все подъезды и подходы к даче, ничем не заслоняемые, кроме двух жалких кустов по бокам ворот.

Конечно, этим ребятам ни Саша, ни его овчарка – не препятствие. Забор – они перелезут, двери и замки – взломают, и Василию Константиновичу отходить будет некуда. Второй выход ведет в сад – ну и что ему даст этот сад? Там он напрямик в объятия спецназа попадет!

Стоп!!!

Стоп, стоп, стоп!

Я забыла!

Я забыла важную, важнейшую вещь!!!

– Джонатан! – заорала я. – Света! Там есть еще один выход! Из подвала! Ах, как же я могла забыть, как же я не предупредила!

– Перестань причитать! – прикрикнул на меня Джонатан. – Объясни толком!

– Василий Константинович прокопал у себя на даче *подземный ход*!

...Василий Константинович похвастался нам с Игорем прошлым летом. Метрах в ста от его забора протекала река. Он хотел было построить на ней частную пристань – но не тут-то было: дачный совет воспротивился. Дачники-соседи были люди с положением, с деньгами и связями, и не считаться с ними Василий Константинович не мог. И он, не сумев получить официальное разрешение, решил обойти всех хитростью. В берегу, поросшем бурьяном, был прорыт подземный канал, и теперь Василий Константинович мог через дверь в подвале спуститься на несколько ступенек к крошечной пристани, сесть в свою моторку и выплыть прямо в реку! Тут уж никакой дачный совет ему был не помеха: закона о правах на подземные недра не было, и никто не мог ему запретить иметь свой ход, пролегающий под коллективной землей...

Джонатан со Светланой смотрели на меня, открыв рты. Первым закрыл Джонатан.

– ...Тогда... едем?

– Едем! – откликнулась Светлана.

– Едем! – вскочила я.

– Но при одном условии: мы встанем поодаль, и вы из машины не выходите. Подзовешь кого-нибудь, объяснишь про канал, и мы уезжаем обратно. Пообещайте мне.

– Обещаем! – дружно закричали мы.

– Возьмите фонарик! – распорядился Джонатан.

– Зачем? – спросила я, но поздно... Он уже выскочил, чтобы разогреть машину...

Глава 4

НЕ РЫБНАЯ ЛОВЛЯ В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Когда мы с Игорем ехали к Василию Константиновичу на дачу в первый раз, я выполняла роль лоцмана: смотрела на план, который он для нас составил, и говорила Игорю, куда повернуть. Именно этот опыт и выручил меня сейчас: даже в ночной черно-белой графике заснеженных полей и непроглядного массива лесов я узнавала местность и указывала нужные повороты.

Дачный поселок, раскинувшийся на высоком берегу Клязьмы, был на первый взгляд спокоен и безмолвен. Горело несколько фонарей, светилось несколько окон – одиннадцать вечера не такое уж и позднее время. Мы остановились в центре поселка, заглушив мотор, и, погасив фары «Ниссана», прислушались.

Стояла тишина. Даже собаки спали в этом поселке. В конце улицы, домах в пяти от нас по левой стороне, виднелся особняк Василия Константиновича. В верхних этажах света не было, нижние окна не были видны из-за соседних домов.

Где же милицейские машины? Где же отряд спецназа? Где мигалки-сигналки? Они еще не приехали или уже уехали? Кому и как тогда я буду сообщать о подземном выходе к реке?

Посоветовавшись с моими братьями по оружию – то есть со Светланой и Джонатаном, – я выскользнула тихо из «Ниссана» и осторожно двинулась по улице. Вот уже и решетка сада стала видна, вот и нижние окна открылись...

В каминной горел неяркий свет, слабо падавший на заснеженные клумбы – летом у Василия Константиновича на участке трудились научные работники Ботанического сада, умело и искусно выращивавшие диковинные сорта цветов.

Значит, он дома. Милиция, видать, еще не подросла. Что ж, есть смысл мне вернуться в машину и ждать их приезда.

Я развернулась, чтобы идти обратно.

И тут же вернулась назад: что-то попало в поле моего зрения, что-то такое, что выпадало из белого и черного цвета. Припав к решетке ограды, я разглядела троих людей в белых плащах, которые были чуть серее, чем снег. Они лежали на снегу, метрах в десяти от окон.

Они уже здесь! Операция уже началась! Но как же мне их позвать? Или не их, а кого-то другого, кто руководит захватом дачи? Я же должна предупредить, что там есть еще один выход! Но где он, этот другой-ответственный? Где его найти? Перед воротами? Нет! Иначе бы Джек уже подал голос... Так что же делать, Бог мой, что же предпринять?

Я топталась на углу ограды, махала руками, подпрыгивала, пытаюсь привлечь к себе внимание размытых силуэтов, слившихся со снегом. Я боялась произнести хоть слово, чтобы не разбудить овчарку Джека. Я уже было собралась лезть через решетку...

Как вдруг раздался легкий хлопок. Фигуры отсоединились от снега – я увидела еще несколько других, сбоку, – и бросились к окнам и двери, выходящим в сад. Что делалось со стороны главного входа, мне не было видно, но там, наверное, происходило примерно то же самое.

Я решила бежать к воротам, туда, откуда донесся легкий командный хлопок.

И в этот момент морозный воздух взорвался остервенелым собачьим лаем, на который немедленно отозвались другие собаки, и несколько секунд спустя поселок захлебывался в собачьем гавканье, тьяканье, вое и лае.

Меня охватила паника. Я уже не знала, куда бежать, что делать, где собака, где люди. Мне сделалось страшно, я раздиралась между желанием сбежать обратно, в теплую и безопасную машину, и чувством долга, который требовал, чтобы я сообщила стратегически важную информацию. Взяв себя в руки, я снова направилась бегом в сторону ворот, думая совсем не к месту, что, сними меня кто в кино в этот момент, я выглядела бы более чем комично, со всеми этими подпрыгиваниями, приседаниями, кручением на месте и бестолковым бегом в разные стороны.

И вдруг собачий лай и вой перекрыл грохот выстрела. Загремели взламываемые двери, захлопали соседские двери и ставни. Больше у меня времени не было. Развернувшись прыжком, я помчалась к машине.

Ворвалась, запыхавшись, плюхнулась на сиденье и произнесла, едва переводя дух:

– Мы опоздали. Поехали к реке. Сами перекроем выход.

Джонатан врубил мотор, сделал задний ход, выехал с улицы и стал объезжать дома, чтобы приблизиться к реке.

Я говорила скороговоркой:

– Река замерзла, так что выйти они могут только пешком. Проехать там нельзя, берег крутой. Все, что мы можем сделать, это выбраться по берегу на уровень его дачи и спуститься пешком на лед, к выходу из его подземного канала.

– Ты останешься в машине, – сообщил Джонатан через плечо. – Выйду я один.

– Нет, Джонатан, – сказала Светлана, – ты ведь даже не сможешь его узнать! А вдруг оттуда кто-то другой появится?

– Тогда возьму другого, – спокойно ответил он. – Какая разница? В такой ситуации берут всех.

Как вам нравится это «берут всех»? Произнесенное небрежным тоном профессионала? И кто же это будет «всех» брать? Джонатан? В одиночку?

То ли он себя переоценивает, то ли я еще далеко не все о нем знаю... «Бюро частных расследований»... Наверное, чтобы открыть такое бюро, надо как раз уметь «брать»? Он забыл упомянуть, отвечая на вопросы Светланы, что он еще прошел и школу карате, школу бокса, школу восточных философий и еще, может, много чего, о чем я не знаю и не догадываюсь? Он полон загадок, этот красавчик-англичанин...

И вдруг я подумала, что никогда нам не быть с ним вместе. Слишком он непостижим для меня, слишком неожидан, слишком сложен.

Мне не по зубам.

Как только мы заглушили мотор, мы услышали, что в доме идет самая настоящая перестрелка.

– Что там происходит, хотела бы я знать, – процедила Светлана.

– Я не понимаю... Впечатление такое, что там идет бой... Кого с кем?

– У Васьки должна быть охрана, – снова сквозь зубы выговорила Зазорина.

– Охрана – да, но не армия же!

– От этого подонка всего можно ожидать...

Джонатан тем временем уже был снаружи и рассматривал спуск на замерзшую реку. Спohватившись, мы тоже выскочили. Берег был невысок, но покрыт глубоким снегом. Придерживаясь рукой в перчатке за выступавшие кустики, Джонатан стал спускаться, по пояс увязая в снегу. Я было двинулась за ним, но он зашипел: «Ты мне обещала!»

Мы со Светланой остались стоять наверху. Уже на льду Джонатан прошелся вдоль берега, всматриваясь, и наконец махнул нам: «Нашел!» Он постоял, склонив голову набок, и вдруг пропал из виду.

– Он туда пошел, – обернулась я к Светлане, которая опасливо держалась подальше от края. – Я не могу сидеть в машине. Я спускаюсь.

Она схватила меня за рукав.

– Оля, тут не кино снимается, девочка! Тут настоящий бой идет, ты не слышишь?

Я только махнула: «Оставайся здесь», – и заскользила по снегу вниз.

Черная непроглядная впадина подземного Васиного канала мне показалась пастью дракона. Джонатана не было видно. Я в отчаянии вглядывалась во тьму. Кажется, стояла тишина, если можно было об этом судить, учитывая грохот, раздававшийся наверху.

– Джонатан! – зашептала я. – Джонатан!

Я вздрогнула от неожиданности, когда в черном проеме прямо передо мной возникла его высокая фигура.

– Я так и знал, что ты заявишься... Так ты держишь свои обещания?

– Там что, Джонатан?

– Ничего. Пока тихо. Но если раздастся малейший шорох, ты отсюда молниеносно испаряешься. Поняла?

В его голосе звучали необычные нотки. Обычно сверхвежливый, сверхвнимательный, чуткий, готовый всегда помочь, позаботиться, оказать поддержку и потом деликатно уйти в тень, сейчас Джонатан вдруг сделался властным и даже слегка грубоватым.

– Поняла, – сказала я смиренно, опустив для пущей убедительности голову.

Я постояла, изучая снег и черные ботинки Джонатана.

Моего лица коснулась рука в холодной перчатке. Он взял меня за скулу, приподняв мое лицо, рука его скользнула мне за ухо, под волосы, крепко обхватила мой затылок. Он властно притянул меня к себе, наклонился и нашел мои холодные губы.

Его были горячи. Его были обжигающи. Он целовал меня так, что у меня голова шла кругом. У меня подкашивались ноги. Мне стало жарко. Сам снег, казалось, начал плавиться вокруг меня. Возбуждение, разогретое еще и чувством опасности, было настолько сильным, что я была готова упасть прямо на белый снег у черного тревожного провала подземного канала и опрокинуть на себя Джонатана...

Я стонала. Я теряла сознание. Я мчалась, как космическое тело, сквозь другое измерение, где не было снега – и ночь была непроглядно черна, где не было перестрелки – и ночь была непроницаемо безмолвна, и только разноцветные искры взметались фейерверком, колдуя и чаруя, пьяня и сводя с ума...

Колдовскую пляску искр нарушил какой-то посторонний звук. Пришлось вернуться из космических высот... Губы Джонатана все еще бродили в моих, язык еще жадно исследовал топографию моего рта, но мое зрение уже восстановилось: снег и туннель; но слух напрягся: в туннеле раздался голоса.

Я оторвалась от Джонатана. Прислушалась. Слова были непонятны, переговаривались негромко и отрывисто, но один из голосов удивил меня: он был женский.

Домработница Юлия?

Джонатан оттолкнул меня от прохода.

– Уноси отсюда ноги, немедленно! – зашипел он.

Я послушно побрела в сторону.

Джонатан прижался к стенке туннеля и мгновенно растворился внутри его черной утробы.

Как только он исчез, я остановилась. Постояла, прислушиваясь, несколько секунд и тихонько вернулась обратно к туннелю. Я не могла стоять на месте, я не могла идти к машине – я бы умерла в бездейственном ожидании! Я страшно трусила, но ноги сами вели меня вслед за Джонатаном. В конце концов, в такой темноте меня надо еще заметить, и если что начнется серьезное – я успею сбежать!

Я медленно пробиралась вперед наугад, проверяя ногой поверхность, на которую надо было ступить. Джонатана не было видно, не было видно ничего, ровным счетом ничего, кроме светлевшего квадрата входа, оставшегося позади. Шаг за шагом я погружалась в непроглядную тьму, и страх начал остужать жар поцелуя... Я вся сжималась, думая, что сейчас эту тьму и тишину взорвут выстрелы. Я даже втянула голову в плечи, представив это себе...

...И тишина взорвалась.

Тишина взорвалась воплем.

Отчаянным мужским воплем и всплеском воды.

Ему ответил истошный женский голос: «Держись!»

Вспыхнул луч фонарика, и я увидела Джонатана, бегущего по направлению к голосам. Кричавших людей не было видно, их скрывала тьма, которую слабый лучик фонарика не в силах был разогнать, но черная проплешина воды отразила свет.

Вода в канале, хорошо укрытая и защищенная от мороза толстым слоем «коллективной земли», не промерзла до конца!

Я прибавила шагу. Находясь в ледяной воде, человек, даже и вооруженный, вряд ли представляет собой опасность, и я расхрабрилась. А то, может, если повезет, мы выловим из воды самого Василия Константиновича и преподнесем его, замороженного, органам нашей славной милиции и госбезопасности – то-то будет потеха!

Спина Джонатана уже маячила в нескольких шагах впереди меня. За ней мне ничего не было видно, но зато я услышала снова, причем на этот раз совершенно отчетливо, как женский голос прокричал:

– Держись, Игорь!

Что-о-о? Игорь?! Я не ослышалась?

Я остановилась как вкопанная. Джонатан впереди меня осторожно лег на снег, положил рядом фонарик, направив его луч на воду, и стал ползти. Поверх него мне открылась картина: в воде барахтался мужчина в дубленке, совершенно промокшей и тяжело пропитавшейся водой.

И этим мужчиной был Игорь.

На противоположной от нас стороне, на ступеньках спуска, металась молодая женщина в пятнистых штанах, обхватив себя как-то странно руками поверх такой же пятнистой куртки. «Ей, должно быть,

холодно», – подумала я. Женщина приседала на последней ступеньке, пытаясь протянуть руку Игорю.

И это была не Юлия.

Проплешина воды была длиной метров в двадцать, и Игорь оказался довольно далеко от женщины и ступенек. Впрочем, от Джонатана тоже. Он, видимо, не ожидал, что здесь вода, – у них, в отличие от нас, фонарика не было – и, свалившись в полной тьме в ее обжигающий холод, запаниковал.

Джонатан полуобернул голову ко мне (откуда он знал, что я пошла за ним?):

– Скажи ему, чтобы сбросил дубленку! Она тащит его вниз. И чтобы плыл сюда.

Я крикнула:

– Сбрось дубленку, Игорь! И плыви сюда!

Игорь, вместо того чтобы сделать вышеуказанное, стал вытягивать голову, пытаясь рассмотреть меня. Он не мог меня видеть: я стояла позади луча света; но голос мой он узнал и, должно быть, не поверил ушам своим.

Что ж, понятно, меньше всего он ожидал встретить в подобной обстановке – меня. Я, впрочем, тоже меньше всего ожидала здесь увидеть – его.

Женщина закричала нам:

– Вы кто? Вы из милиции?

– Нет, – ответила я, ступив вперед, в светлое пятно. – Мы из... знакомых. Плыви сюда, Игорь!

Игорь вытянул шею, посмотрел на меня – и ушел под воду с головой.

Джонатан соскользнул со снега столь незаметно, что я поняла, что его нет, лишь увидев одинокую куртку и черные ботинки на бережке этой проталины.

– У-уфф! – услышала я его возглас из ледяной воды.

Через несколько секунд фыркания, уханья и ныряния его голова возникла на поверхности. Джонатан греб к бережку, где стояла я, таща за собой ворот дубленки, в котором безвольно моталась голова Игоря.

– Что с ним? – донеслось до меня со ступенек.

– Кажется, без сознания!.. – посмотрела я на безжизненное тело в мокрой дубленке, распростертое на снегу. – Не волнуйтесь, откачаем!

Я поборола искушение спросить, кто она такая.

Джонатан был мокрый насквозь и в данный момент надевал свои ботинки – единственная, кроме куртки, сухая вещь, которая у него осталась. Мороз был небольшой, градусов шесть – но этого было вполне достаточно, чтобы как минимум заболеть. Кроме того, надо было приводить Игоря в чувство.

– Давай скорей, – поторопила я Джонатана, – скорей в машину!

Я склонилась над Игорем и стала хлопать его по щекам.

– Может, ему надо искусственное дыхание сделать?

– Сейчас посмотрим. Кого это я выловил? Это Вася?

– Нет.

– А кто? Ты его знаешь?

– Это Игорь...

Если бы здесь было посветлее, я бы посмотрела Джонатану в глаза, чтобы увидеть, какие чувства в них отразятся. Но здесь было слишком темно. И я, не поднимая взгляда, продолжала хлопать Игоря по щекам.

– Отойди.

Джонатан был уже обут. Я подвинулась. Он зажал Игорю нос и выдохнул в его рот. На третий раз Игорь помотал головой, на пятый – приоткрыл глаза.

– Все в порядке, – крикнула я девушке на другом берегу. – Вы можете возвращаться! Я думаю, там уже все успокоилось! Не бойтесь, там милиция!

Я рассудила, что раз они здесь одни, без Василия Константиновича, то вряд ли они с ним заодно...

Мы повернулись, чтобы идти. Игорь смотрел непонимающими глазами.

– Ты можешь встать? – наклонилась к нему я.

– Оля... – выдохнул он. – Ты здесь... Ты жива...

– Жива, жива. Тебя это не радует?

– Ты что! Я, наоборот, так боялся...

– Теперь это не имеет значения. Ты можешь идти?

Он кивнул. Попытался встать и тут же рухнул обратно. Только сейчас я заметила, что ноги его босы. Мокрые джинсы тут же заморозились и стояли колом, а ноги были босы, даже носков не было. Обувь его была, видимо, не зашнурована и соскочила с ног в воде...

Джонатан меня отстранил, взял Игоря за шиворот и потащил по снегу, словно детские санки. Игорь закрыл глаза. Мне показалось, он потерял сознание. Но все, что мы могли сейчас сделать для него и для себя, – это поскорее добраться до тепла и сухости.

Я нагнулась, чтобы подобрать фонарик, как вдруг услышала громкий бултых в воду.

– Подождите, я с вами! – кричала девушка, барахтаясь в воде.

Джонатан обернулся, увидел ее и, вздохнув, бросил ворот дубленки Игоря, сел на снег и принялся снова расшнуровывать ботинки.

Но не успел он их снять, как девушка уже выбралась на нашу сторону. Ее промокшая, потемневшая от воды пятнистая куртка распахнулась, и я увидела, что под ней ничего не было – ни свитера, ни майки, ни даже лифчика. Большие голые груди белели в полумраке. Она спохватилась, запахнула мокрую куртку и снова обняла себя вокруг талии. То ли на куртке пуговиц не было, то ли петли были слишком тугими, но так или иначе шум в доме явно поднял ее с постели, и она не успела ни одеться, ни застегнуться толком...

– Я с вами, – повторила она, громко стуча зубами и задыхаясь от обжигающего холода. – Подождите!

Странное шествие вышло из подземного канала. Открывала его я, вполне одетая и вполне сухая, а за мной следовали трое мокрых насквозь людей, с которых все еще лила, замерзая и превращаясь в сосульки, вода, один из которых при этом волочился за Джонатаном по снегу, словно мешок, оставляя за собой широкий след...

Увидев нас, Светлана остолбенела. Она слезла по сугробам навстречу нам, запричитала и осеклась внезапно:

– Да это же Игорь!

Я кивнула молча.

– А вы кто? – спросила Светлана девушку.

– К-К-Катя, – выговорила та, отбивая дробь зубами.

Для расспросов был явно не лучший момент. Посему Светлана просто протянула ей руку и помогла залезть наверх, к машине, а я ухватилась вместе с Джонатаном за ворот Игоря, и мы втащили его на высокий берег.

Я сняла пальто и протянула Кате:

– Снимайте вашу куртку. И штаны хорошо бы тоже. В машине тепло.

Она покачала головой. Но пальто взяла и, не стесняясь нас, вывернулась из своей оледеневшей пятнистой шкуры, натянула на себя мое пальто и молча забралась на заднее сиденье.

Джонатан стащил с себя мокрый свитер и рубашку и надел свою куртку, оставшуюся сухой, на голое тело.

– Его тоже надо переодеть, – кивнул Джонатан на Игоря и, подумав, снял свою куртку. – Наденешь это на него.

Я запротестовала. Светлана стала расстегивать свою норковую шубу:

– Это лучше куртки, его укроет целиком.

Джонатан снова влез в свою куртку, а мы со Светланой принялись расстегивать задубевшие пуговицы Игоревой дубленки.

Под ней, как и у девушки Кати, ничего не было. Ни майки, ни рубашки – голая грудь с русой мокрой шерстью...

Я начала расстегивать джинсы Игоря. Катя выпрыгнула из машины:

– Давайте я!

Это почему еще, собственно, она? Но я не успела додумать, потому что из-под «молнии» джинсов появилась русая и курчавая, как на груди, мокрая шерсть. Тут до меня дошло, отчего Катя не хотела стащить с себя брюки – там, под ними, по всей видимости, было ровно столько же, сколько под джинсами Игоря.

Я разогнулась, оставив Кате эту работу. В конце концов, раз ей так хочется... А мне, под взглядом Джонатана, раздевать Игоря... Пусть она.

И только когда Катя, снова забравшись на заднее сиденье, устроила голову Игоря у себя на груди, до меня окончательно дошло, что эти двое, разбуженные шумом и перестрелкой в доме и решившие воспользоваться неразберихой и сбежать, – спали *вместе*.

Выезжая из поселка, мы увидели позади сигнальные огни милицейских машин. Я дернулась было:

– Остановись, Джонатан! Надо все же сказать, что там канал!..

Джонатан стал притормаживать.

– Успокойся, – строго сказала мне Светлана. – Васька наверняка знает, что там вода. И вряд ли у него есть привычка принимать ванны со льдом.

– Но у него где-то есть лодка!

– Сомневаюсь, что у него было время стаскивать ее на воду, – сказал Джонатан. – К тому же – не слышишь? – перестрелки больше нет. Должно быть, все уже закончено.

– Поехали, поехали, – поторопила Светлана, – этих надо в больницу везти, обморозились небось. Тебе

бы тоже не помешало врачам показаться, Джонатан!

– Вот еще, – буркнул он. – Мне не нужны врачи.

– Тогда давайте ко мне, водочки дернем!

Светлана была возбуждена приключением и спать явно не собиралась. Чего нельзя было сказать обо мне. Я чувствовала, как мое тело начало наливаться тяжелой, свинцовой усталостью и апатией. На меня отчего-то стала наваливаться депрессия. Впрочем, это вовсе не «отчего-то». Случилось слишком много всего за этот день...

Нашлась наша мать: выяснилось, что она не хотела нас убить.

Нашелся наш отец: выяснилось, что он как раз хотел...

Нашелся Игорь: выяснилось, что у него другая женщина...

Нет, я не ревновала, увидев Игоря в объятиях Кати! Я его уже не любила. И у меня уже был другой мужчина. Ну, пусть не совсем, не в полном смысле этого слова «был»...

Но вот что непостижимо: Игорь явно думал, что меня убили, причем по его вине, пусть и частичной, – и спал с другой женщиной! Он *утешился* с другой женщиной?

Так что мне было от чего впасть в депрессию.

К тому же...

Как это у меня сложилось в голове? «Он мне не по зубам», – вот как. Джонатан постоянно ускользал от меня, ускользал во всех смыслах. Он ускользал от отношений со мной, поставив им жесткий предел по своему разумению и воле; он ускользал от моего понимания; он ускользал даже от определения, которое можно было бы ему дать. И я до сих пор не знала, с каким человеком имею дело и почему этот загадочный человек имеет дело со мной... Очевидно, что его влечет ко мне, но что влечет? Любознательность, с которой он изучал с равным энтузиазмом восточные философские учения и весьма практическое шпионское дело, экономику и политику? Рыцарство, склонность к благотворительности?

Или – любовь?..

Мы отвезли «этих» в больницу. В дороге Игорь пришел в себя, но был каким-то вялым, глаза его беспрестанно закрывались, и, казалось, он меня не узнавал или не реагировал. Катя тоже сидела понурая, хотя зубами стучать перестала. О чем она думала? Что и кого оставила она позади себя, в трехэтажной даче, покинутой ее хозяином не то чтобы добровольно?.. Какой период ее жизни завершился в этом подземном ходе и какой теперь начнется? Я не знала, но гадать не хотела. Какое, собственно, мое дело? Это ее проблемы. И, может быть, Игоря. Но не мои.

Оставив их на попечение врачей, мы вернулись в гостиницу, отказавшись от предложения Светланы «дернуть водочки» и ночевать у нее. Нужно было сменить вещи, нужно было принять горячие ванны... И выспаться.

Я повесила сушиться мое пальто, отданное мне Катей в больнице, оно было совершенно мокрым в нижней части – ведь Катя не захотела снимать свои пятнистые штаны, под которыми не было трусов...

Ванна шумно наполнялась горячей пенистой водой.

Я не шевелилась, вяло думая, что вода сейчас перельется через край. Теперь уже не усталость и не апатия пригвоздили меня к стулу. То, что подобралось ко мне незаметно и накинuloсь из-за спины, как наемный убийца, называлось отчаянием.

«Зачем я все это сделала? – думала я. – Зачем пустилась в поиски и розыски, в поездки и

расследования? Чтобы потерять все то, что у меня было? Чтобы ничего не найти взамен? Потеряв Игоря, я не обрела Джонатана. Найдя Шерил, я ее едва не потеряла. И отца я нашла себе не в радость – только отвращение и тоска: стоило ли находить? И мать мою – Светлану – зачем разыскала? Чтобы осложнить себе жизнь, раздираясь между двумя матерями? Чтобы моя мама страдала, узнав, что я не ее дочь? И, что хуже всего, узнав, что уже появилась в моей жизни другая, новая и к тому же родная мать?..

Стоило ли доискиваться до правды, если правда эта мне не нужна ни с какой стороны? Жила бы себе тихо, как раньше, и радовалась бы...»

Я плакала. Я знала, что я с собой лукавлю. Я знала, что не могла поступить иначе. Я знала, что я не могла бы жить «тихо, как раньше». До бомбы в машине – могла, а после нее – уже нет. Но я все равно плакала от обиды и жалости к себе, и мне было невероятно одиноко, неуютно и плохо.

Ванна булькала утробно: должно быть, она уже достигла верхнего сливного отверстия. Я долго сражалась с собой, победила наконец в неравном бою, встала со стула и пошла закрутить воду.

Едва я скинула халат и ступила одной ногой в горячую воду, как раздался тихий стук в дверь. Вытащила ногу в пене, снова надела халат, пошла открывать.

Джонатан на пороге.

Улыбается:

– Нам необходимо выпить алкоголь. Чтобы не заболеть.

В руках у него бутылка с французским коньяком и двумя рюмками, карман его джинсов распирает румяное яблоко. Откуда он все это приволок – не знаю. Возможно, в гостинице был ночной бар. Он должен был заплатить уйму денег за этот коньяк...

Джонатан меж тем уже расположился у меня в комнате.

– Я хотела бы принять ванну сначала...

– Ты еще не приняла? – удивился он.

– Когда? Мы пятнадцать минут как приехали!

– Ну, положим, не пятнадцать, а, – он посмотрел на часы, – двадцать четыре...

– А ты?..

– Угу. Душ.

Он открутил пробку и плеснул по четверти бокала, разрезал яблоко на дольки и разложил их на салфетке:

– Давай. А ванну потом примешь. Я тебе спинку потру.

Снова в нем было что-то новое для меня, что-то странное. Чересчур уверенное, даже нахальное, я бы сказала... Какая-то его другая, неведомая мне сторона? Или все его прежнее сверхлюбезное поведение было лишь маской, лишь чем-то внешним, поверхностным, а теперь я вижу его настоящее лицо? Не то чтобы оно мне не нравилось... Но как-то это было слишком сложно. Слишком неожиданно. Только привыкнешь к одному – нате вам, другое. И не знаешь, как себя вести. Ведь менялась не просто его манера себя вести – менялась я, мой собственный имидж в моих собственных глазах. Только что я была принцессой, которой он, верный рыцарь, служил беззаветно, ничего не требуя и даже, кажется, не желая взамен. Но там, на снегу у черного туннеля, он меня поцеловал так, будто ему это причиталось, там, на снегу, был завоеватель, который брал поцелуй, принадлежащий ему по праву, не спрашивая, что думает об этом его полонянка...

Теперь же у меня в комнате развалился нахальный котяра. Черная шелковая рубашка, которая ему необыкновенно шла, была небрежно расстегнута на три пуговицы. Темные мокрые волосы блестели. Удобно устроившись в кресле, положив ногу на колено, он протягивал мне мой бокал с коньяком, всем своим видом показывая, что он не собирается отсюда уходить.

Да, я была права тогда, у туннеля, – этот парень мне не по зубам. Вечная загадка, вечная игра, вечная смена образов... Но я не «Клуб знатоков», чтобы ломать себе голову! Я стала от него уставать. Мне хочется покоя. Ровной спокойной жизни. Как это было с Игорем...

«Ах, Оля, Оля, – вздохнула я с осуждением. – Не утомилась ли ты себе врать? И дело даже не в том, что ты об Игоре *теперь* всё узнала и поняла. Но и куда раньше, до всех этих кошмарных событий и разоблачений-разочарований – не ты ли сокрушалась, что жизнь с Игорем тебе начала надоедать, начала себя истощивать? Не ты ли задавалась вопросами, чего тебе еще надо от жизни? Не угодишь тебе, моя дорогая...

Да, но не этого же сумасшедшего! Я понимаю, он человек интересный, сложный, думающий, ищущий себя, – это очень достойно, я это глубоко уважаю, но нельзя ли без меня? Нельзя ли мне принять ванну, поспать, прийти в себя, очухаться от стольких потрясений? Я имею право отдохнуть, в конце концов? И пожить без загадок?!»

Я вспомнила, как поначалу я приняла от Джонатана его ненавязчивое поклонение, показавшееся мне слишком робким, несмелым. Потом я приняла его щедрую помощь и поддержку, которую он мне давал бескорыстно и деликатно. Я только никак не могла понять, отчего меня так влекло к нему, отчего этот парень, который не проявлял ко мне ни малейшей сексуальной заинтересованности, так волновал меня? Оттого, что не проявлял? И я тогда гадала: «голубой», импотент или просто дразнит?..

Но два его поцелуя... Первый, когда я запустила в него еженедельником, был безгранично нежным. Второй, на снегу, был безгранично страстным.

Ну, правильно. А сначала он демонстрировал бесконечное терпение. Бездонную заботу. Неисчерпаемую деликатность. Бескрайнее понимание.

У него все преувеличено, у этого Джонатана.

Мне бы что-нибудь попроще.

Я покрутила коньяк в руках.

– Давай, – сказал Джонатан. – Чин-чин! Мы победили!

Мы выпили.

– Я устала, Джонатан. Я хочу принять ванну и лечь спать. Извини.

– Хорошо. Ноу проблем. Тебе спинку потереть?

– Нет.

Он встал и пошел к дверям. Я тоже пошла – в ванную. И не забыла запереть за собой дверь.

Когда я вышла, он сидел по-прежнему в моей комнате, точно так же положив ногу на колено. Только теперь на нем был черный шелковый халат, который я раньше не видела, и нога его была голой.

– Ты еще здесь?!

Я придерживала банное полотенце, закрученное чалмой на моей голове. Полы моего шелкового, брусничного цвета халата расползались в стороны.

– Я тебе налил еще коньяку.

– Я не хочу.

– Тебе просто необходимо.

– Джонатан, уже почти четыре часа ночи! Я хочу спать!

– Сейчас пойдем. Только сначала выпей.

«Пойдем»? Или я ослышалась? Или он оговорился? Или он имел в виду «пойдем по комнатам»? Я так растерялась, что даже не переспросила.

– Иди сюда, – Джонатан указал на стул рядом с собой. – Держи, – вложил он мне в пальцы тонкую ножку рюмки. – Давай. За...

– За победу мы уже пили.

– За нас с тобой.

Я помолчала. Я набиралась духу. И сказала:

– Послушай... Я не... Иди к себе, Джонатан. Я сейчас, честное слово, не расположена...

– Ты *будешь* спать со мной.

По-моему, у меня отвисла челюсть. Такой наглости я не ожидала!

– Ты давно меня хочешь, – сообщил он. – И сегодня ты меня получишь.

Нет, я не верю своим ушам! Я его, видите ли, хочу! Не он меня добивается, а я его! Как вам это нравится, эта несказанная наглость!

– Ты как смеешь! Ты что говоришь! – залепетала я, не находя других слов.

– Я знаю, что говорю. Разве не так? Ну, посмотри мне в глаза и скажи: это ложь, Джонатан.

Он взял меня за подбородок и развернул мое лицо к себе. Его светлые глаза вонзились в мои, и теперь я в них увидела неприкрытое желание. Оно, казалось, исходило лучами из глубины его глаз и вонзалось в мои. И это *вхождение* было почти физическим... Не отрывая от меня глаз, он медленно приблизил ко мне свое лицо. Мои губы поглотил его обжигающий рот, свежее, прямое дыхание начало сводить меня с ума...

Я оттолкнула его.

– Убирайся отсюда!

– Нет. Ты эту ночь проведешь со мной. С сегодняшнего дня у меня есть право на нее. И на тебя.

Не поняла. Это почему это? Это что означает? Это с какой стати?

Поймав мой взгляд, он объяснил серьезно:

– С сегодняшнего дня ты по-настоящему свободна. До сих пор ты принадлежала Игорю. А я не имею привычки брать то, что принадлежит другому.

«Брать»? Вы видели! «Брать»? Я что, вещь? У меня что, своего права голоса нет? И он собирается меня «брать» тогда, когда он счел, что у него есть это право?

– Ты забыл спросить меня! Ты забыл спросить, хочу ли я!

– Зачем? Я и так знаю. Хочешь. Только никак не можешь отважиться признать это открыто.

– Нет!

– Хочешь, – припечатал он и встал.

Он протянул ко мне руки и взял меня за талию.

– Иди сюда...

– Нет!

– Оля...

– Убирайся!

– Оля, ну зачем ты это... Не надо портить эту ночь... Это глупо! Ты же мечтала об этом, ну признай же наконец эту очевидность! Зачем ты меня пытаешься обмануть? Или – себя?..

А я и сама не знала зачем. Да, меньше всего я сейчас думала о сексе. Да, я действительно начала всерьез думать, что мы с Джонатаном – не пара. Но я знала, что дотронься он до меня – и я забуду все, о чем я думала или не думала. Я знала, что его ласки сводят меня с ума. Что он имеет надо мной власть, которую никто и никогда не имел. Что умираю только при одной мысли о близости с ним. Что я действительно мечтала об этом...

Но этот момент пришел слишком неожиданно. Я не была к нему готова. И его самоуверенное поведение меня бесило. Оно меня просто возмущало до глубины души! Так у него ничего не выйдет! Со мной такие штучки не проходят!

Я уперла руки в бока. Полотенце-тюрбан свалилось с моей головы, и растрепанные мокрые волосы рассыпались. Джонатан поймал полотенце, соскользнувшее вниз, и прижал его к лицу, вдыхая.

– Ты знаешь, что твой запах сводит меня с ума? Ты знаешь, чего мне стоило спать рядом с тобой, словно бесполому существу?

– Это твои проблемы. Чего бы тебе это ни стоило, тебе придется продолжать в том же духе! Убирайся из моей комнаты!

И я подумала, что я, похоже, неосознанно мщу ему за все эти «бесполые» отношения...

Джонатан ответил мне долгим, потемневшим взглядом.

– Ты хорошо подумала? – спросил он меня очень серьезно.

– Да!

– Очень хорошо?

– Отлично просто!

– Ладно.

Он сделал несколько шагов к двери, но, дойдя до нее, развернулся, прошел обратно и снова сел, нога на ногу.

– Я тебе не верю. Впрочем, я ожидал чего-то в этом роде... Ни одна женщина не простит такого обращения с ней, какое я позволил себе с тобой. Но это было вынужденно, Оля. Я не мог поступить иначе. Я не мог принять от тебя твой дар. Не имел права. Нельзя брать то, что принадлежит другому. Новый дом не возводят на развалинах – место должно быть сначала очищено. Иначе это разрушает новый дом, новые отношения... Прости меня, ладно? Перестань сердиться. Мы *должны* провести эту ночь вместе.

– Почему это мы должны?

– Ты же знаешь, что я люблю тебя, и...

Ох! Это я – знаю? Я ничего не знаю! Этим слов я не слышала с тех самых пор, как он произнес их в больнице... И с тех самых пор я не перестаю гадать, что они означали, эти слова!

...До сих пор удивляюсь, как я, неимоверно им обрадовавшись, все же продолжала качать свои демократические права:

– Это твои проблемы! Я тебе ничего не должна!

– Послушай же! Дело не только в этом. Это... Как тебе объяснить... это примерно по тем же причинам, по которым Светлана просила тебя сразу перейти на «ты». Потому что если не сразу, то уже никогда. А эта ночь должна многое определить в нашей жизни...

– Кажется, мы завтра еще не умираем! – ответила я ехидно.

– Нет, конечно, нет. Но ты уже закончила свои дела здесь. И я тоже закончил твои дела. И мне надо уезжать...

Как уезжать?! Почему уезжать?! Куда, зачем?

Я не думала, что это так скоро... Я вообще не думала, что мы будем расставаться... Мне не до того было, я совершенно не представляла себе, что наступит день, когда Джонатана не будет рядом! Но у него ведь действительно есть своя жизнь, свои дела, о которых я, кстати, не знаю толком ничего, тогда как он о моих – все... И которые, должно быть, ждут его...

А тогда, вообще, зачем все это? Переспать с ним и попрощаться назавтра?

Приняв мое молчание за согласие, он потянул поясок моего халата.

– Уходи, – тихо сказала я. – Уходи.

– Нет.

– Я не буду с тобой спать.

– Будешь.

– Я сказала – нет! – повысила я голос.

– Послушай, я бы никогда не стал настаивать, если бы не был уверен, что ты этого хочешь! Признайся, ты просто ломаешься, ты ведешь себя как кокетка...

– А ты ведешь себя – как наглец! Убирайся вон!

– Ни за что. Я хочу тебя.

– Тогда тебе придется меня изнасиловать.

– Тогда придется.

Он поднялся со стула, обхватил меня, и через мгновение мои руки были в наручниках. В тех самых, из секс-магазина...

Я не успела изумиться, как оказалась на кровати. Мои сведенные руки Джонатан завел под подушку, и моя голова, лежавшая на ней, придавливала их своим весом, блокируя. Развернув полы моего халата, Джонатан склонился ко мне...

Я не находила слов. Я хотела возмутиться, но не успела. Его поцелуи горели на мне, как ожоги. Везде, где прикасались его губы, расцветали на мне диковинными цветами источника страсти. Он знал, мерзавец, что я замолчу, как только он сумеет до меня дотронуться...

И он сумел.

И я замолчала.

Я только кусала губы, чтобы не стонать от наслаждения, чтобы не выдать себя, чтобы не признать себя

побежденной... Я не очень понимала, зачем я себя веду, как красная партизанка на допросе, тем более что хотела я того или нет, но я не представляла для Джонатана никакой тайны – он все обо мне знал, все мои мысли, чувства, желания...

И все же я кусала губы, и все же я удерживала дыхание. Из принципа или из упрямства, но я не хотела сдаваться, не хотела расписаться в том, что я рада принадлежать – ему.

Что ему уже – принадлежу...

Прошло, наверное, около получаса, а Джонатан все еще ласкал меня, а я все еще стискивала зубы и отворачивала голову. Мне было уже более чем хорошо, – мне было уже плохо. Плохо от утяжелившегося, налившегося низа, от набухшей, жаждущей соития плоти. Я могла своими глазами, всей своей сверхчуткой кожей убедиться, что Джонатан не импотент, но он словно ждал чего-то и никуда не торопился.

Я поняла, что своим упрямством я ничего не добьюсь и не выиграю. Я изнемогала от этой изнурительной игры, от изматывающего все силы и нервы желания. Надо было сдаваться.

Я задумалась, решая, сказать ли ему об этом словами или просто ответить на его ласки, дав ему понять, что признаю себя побежденной?..

Как вдруг Джонатан сел на кровати. Посмотрел на меня долгим изучающим взглядом. И сказал:

– Ладно, я пошел.

Он встал и надел халат. Расстегнул мои наручники и положил их к себе в карман. Нагнулся ко мне и поцеловал меня в щечку.

– Спокойной ночи, Оля. Извини, если что не так.

И он направился к двери.

Я аж подскочила. Я не верила ушам своим! Я не выдержала:

– Как это – «пошел»?

Он помедлил на пороге.

– Хочешь, чтобы я остался?

Тоже мне! Его, как девушку, надо уговаривать, что ли? Черт побери, что он мне все время загадки загадывает!

Но что мне оставалось делать? То, что происходило со мной, меня потрясло. Это было больше чем желание, это было больше чем то знакомое удовольствие, которое я привыкла и любила получать от секса. Это была *нужда* в близости с ним, это была страшная, сильная, почти смертельная потребность. Мне казалось, если он уйдет, у меня остановится дыхание.

– Останься, – сказала я тихо.

– Э-э, нет! Так дело не пойдет. Произнеси же наконец вслух, да погромче: я хочу тебя, Джонатан.

Он повернулся ко мне, и я увидела, что у него в глазах пляшут бесы. Он надо мной издевается! Да, просто издевается, и все!

– Ну, говори же! Повторяй за мной: я хочу тебя, Джонатан...

От этих слов сердце мое забило гулко и сильно, и фейерверк разноцветных искр снова полетел в глазах, кружа голову хмелем.

– Я... хочу тебя, Джонатан.

– Теперь скажи: иди сюда, Джонатан...

– Иди сюда, Джонатан... – повторила я, как загипнотизированная.

Внутри моего живота раскручивался смерч – непроглядный, черный, разрушительный.

Он подошел вплотную ко мне.

– Сними халат, Джонатан...

– Сними халат, Джонатан... – эхом откликнулась я.

Черный шелк скользнул на пол и лег у его ног. Я сидела на кровати, и он стоял передо мной – красивый, великолепно сложенный. Его пах был прямо перед моими глазами. У него и член был красивый, и темные волосы лобка удивительно картинно, классически правильно обрамляли его. Я едва сдержалась, чтобы не припасть...

Еле переводя дух – грудь моя вздымалась, и не было больше никакой возможности, да и надобности скрывать это, – я подняла взгляд. Он возвышался надо мной – уверенный в себе, немного ироничный, нежный.

– А теперь скажи: возьми меня, Джонатан.

Я думала – не выдержу. Я думала – умру на месте. Отчего эта словесная не более чем игра так сильно возбуждала меня, когда я уже была и так возбуждена до крайнего предела и, казалось, к этому уже ничего не может прибавиться? Не знаю. Но я уже содрогалась в экстазе.

С трудом разжав челюсти, я выговорила:

– Я люблю тебя, Джонатан...

Он не ожидал этих слов. Прикрыв на секунду глаза, он покачнулся, как от удара, и медленно опустился к моим коленям.

Он их обнял. Он терся о них щекой, задыхаясь. Он покрывал их быстрыми, горячечными поцелуями...

Я тоже не ожидала этих слов от самой себя. Они находились за пределами этой игры, которую каждый из нас вел на свой лад, и, ворвавшись в нее, поломали все правила, размели на клочки все двусмысленности, все недоговоренности, все намеки. Игра распалась, осела, как мыльная пена, и обнажила правду, разительную в своей простоте. И этой правдой была любовь.

Я обхватила его голову руками и замерла. У меня на глазах стояли слезы.

Не знаю, сколько времени мы сидели так: он на полу, у моих ног, я на кровати, склонившись к нему. В моей комнате стояла тишина, и тишина эта была насыщена счастьем. Я не знала, как сложится наша дальнейшая жизнь, но я знала одно – мы никогда уже не расстанемся. Мы не можем расстаться. Мы будем всегда вместе.

И только когда я шелохнулась, он поднял ко мне свое лицо. Его глаза затопили меня синим сиянием. Я протянула ему руки, я нашла его губы, я прижалась к его жаркому телу, которое скользило по мне, опрокидывая.

– Ты увидишь, это будет прекрасно, – прошептал Джонатан, падая в мои разверстые колени...

И это было прекрасно.

Примечания

1

Название вымышленное.

2

Привет! Как дела? Что с тобой? У тебя странное выражение лица... Ох, извините, я обозался (фр.).

3

Во Франции молодежь обычно обращается друг к другу на «ты».

4

Как и английское shit, употребляется не только в прямом смысле, но и в тех случаях, когда русские произносят «черт».

5

Президент французского «Национального Фронта», крайне правой националистической партии.

6

Принцесса Диана.

7

Во Франции считается неприличным звонить после 22 часов.

8

Список тех, чьи номера не распространяются, не фигурируют в справочниках, как-то: актеры, политики и прочие известные личности.

9

Героиня американского телесериала, весьма популярного во Франции, Джессика Флетчер, будучи автором детективных романов, вечно вмешивается в следствие полиции и в конечном итоге распутывает таинственные преступления.

10

Название вымышленное.